

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Азия и Африка в период
глобальной турбулентности*

*Asia and Africa
Facing Global Turbulence*

ТОМ 17 • НОМЕР 3 • 2024

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 17 • NUMBER 3 • 2024

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.00

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Канаев Е.А., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Миграян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
© ИНИОН РАН, 2024

Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.00

Содержание

Политические процессы в меняющемся мире

ВОЛОДИН А.Г. Индия в год парламентских выборов: расстановка социально-политических сил и особенности избирательной системы. Интересы России 6–27

ПОПОВ А.В. Результаты и перипетии президентских выборов 2024 г. в Индонезии 28–45

С точки зрения экономики

РАМЕЕВ О.Б. Место атомной энергетики в контексте энергоперехода в Японии 46–67

УМАРОВ Х.С., СОКОЛОВА Е.С. Цифровые валюты центральных банков: перспективы и вызовы в новой экономике (практический опыт КНР) 68–88

Азия: вызовы и перспективы

ПЕТУШКОВА В.В. Урбанизация КНР: от мегаполисов к сверхгородам 89–109

АБУЛ ХАСАН М. Исследование сложного будущего Бангладеш в контексте региональной геополитической динамики 110–127

Постсоветское пространство

МАЗЫРИН В.М. Соглашение о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом: ожидания и реальность 128–148

АРЖАЕВ Ф.И., БОРИСКИН В.Э. Экономико-географический генезис бедности в Таджикистане: потенциал экономического роста при сохранении социальных диспропорций 149–168

Панорама Африки и Ближнего Востока

ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ В.Д. «Шиитский вопрос» в политическом развитии Саудовской Аравии 169–185

УСОВ В.А. Новые аспекты в африканской политике Индии 186–200

ВОЛОДИНА М.А. Развитие железнодорожных магистралей на Африканском континенте: фактор международного сотрудничества или соперничества? 201–224

Вокруг книг

МИХЕЛЬ Д.В. Африка в условиях глобальных трансформаций. 225–238

DOI: 10.31249/kg/2024.03.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Evgeny A. Kanaev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.00

Contents

Political Processes in the Changing World

VOLODIN A.G. India in the Year of Parliamentary Elections: The Alignment of Socio-political Forces and the Peculiarities of the Electoral System. The Interests of Russia 6–27

POPOV A.V. Results and Peripeteia of the 2024 Presidential Elections in Indonesia 28–45

From the Point of Economics

RAMEEV O.B. The Role of Nuclear Power in Japan’s Energy Transition 46–67

UMAROV H.S., SOKOLOVA E.S. Digital Currencies of Central Banks: Prospects and Challenges in the New Economy (Practical Experience of China) 68–88

Asia: Challenges and Perspectives

PETUSHKOVA V.V. Urbanization of the PRC: From Megacities to Supercities 89–109

ABUL HASAN M. Exploring the Intricate Future of Bangladesh in the Context of Regional Geopolitical Dynamics 110–127

Post-Soviet Space

MAZYRIN V.M. The EAEU – Vietnam Free Trade Agreement: Expectations and Reality 128–148

ARZHAEV F.I., BORISKIN V.E. Economic and Geographical Genesis of Poverty in Tajikistan: Potential for Economic Growth While Maintaining Social Disparities 149–168

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

OSTANIN-GOLOVNYA V.D. The “Shi’a Question” in the Political Development of Saudi Arabia 169–185

USOV V.A. New Aspects in Indian African Politics 186–200

VOLODINA M.A. The Development of Railways on the African Continent: A Factor of International Cooperation or Competition? 201–224

Spotlight on New Academic Arrivals

MIKHEL D.V. Africa in the Face of Global Transformation 225–238

Политические процессы в меняющемся мире

УДК 324(540)

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.01

Индия в год парламентских выборов: расстановка социально-политических сил и особенности избирательной системы. Интересы России

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. Индия в год парламентских выборов: расстановка социально-политических сил и особенности избирательной системы. Интересы России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 6–27.

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.01

Статья поступила в редакцию 04.08.2024.

Исправленный текст представлен 07.09.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы расстановки социально-политических сил в Индии накануне парламентских выборов, состоявшихся в апреле-мае 2024 г. В первой части работы сопоставляются позиции и положение основных избирательных блоков, Национального демократического альянса во главе с «Бхаратия джаната парти» (БДП) и партийной коалиции I.N.D.I.A. под управлением Индийского национального конгресса, обращено внимание на сильные и слабые стороны каждого из вышеперечисленных объединений. Вторая часть работы акцентирует внимание на оценках и прогнозах результатов парламентских выборов.

Результаты выборов анализируются со стороны функционирующей в Индии мажоритарной избирательной системы относительного большинства. В заключительной части работы предпринята попытка оценить влияние результатов состоявшихся парламентских выборов на перспективы развития российско-индийских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Индия, парламентские выборы – 2024, Бхаратия джаната парти, Индийский национальный конгресс, Нарендра Моди, избирательная система относительного большинства, индийско-российские отношения, коалиционная стратегия индийских партий.

Всеобщие парламентские выборы по традиции являются главным политическим событием Индии за пятилетний период. Срок полномочий предыдущей Народной палаты (нижней палаты индийского парламента) истек 16 июня 2024 г. На всеобщих выборах, в которых обладали правом принять участие (трудно себе представить!) более 969 млн человек, развернулась бескомпромиссная борьба за 543 места в Народной палате. В выборах-2024 участвовали 673 политические партии, было задействовано 15 млн (!) работников избирательных комиссий, 5 млн машин для голосования. Стоимость избирательной кампании достигла 15 млрд долл. [George, 2024, p. 1]. Всеобщие выборы 2024 г., ввиду колоссального количества избирателей, проходили в несколько раундов/фаз (на предыдущих выборах 2019 г. таковых было семь; от сложившейся традиции не отступили и в 2024 г.) в течение апреля-мая с.г. Официально всеобщие парламентские выборы начались 19 апреля и закончились 1 июня (продолжались 44 дня), тогда как их окончательные итоги Индия и мир узнали 4 июня 2024 г.¹

Избирательная кампания на фоне экономического роста и обострения проблем развития: дихотомия «Север – Юг» в электоральном процессе

Основными противостоящими друг другу социально-политическими силами стали Национальный демократический альянс (*National Democratic Alliance*) во главе с правящей БДП и коалиция *I.N.D.I.A.* (*Indian National Developmental Inclusive Alliance*) под ру-

ководством старейшей партии страны – Индийского национального конгресса (ИНК). Накануне парламентских выборов Национальный демократический альянс располагал 353 местами (из них у БДП было 303 мандата) из 543 местами в Народной палате, тогда как ИНК располагал 52 депутатскими мандатами (в 2014 г. старейшая партия страны имела всего 44 места). В Национальный демократический альянс вошли 36 политических партий и образований партийного типа; противостоявшая Национальному демократическому альянсу коалиция *I.N.D.I.A.* насчитывала 26 «союзнических» партий, групп и группировок. Впрочем, политические аналитики в Индии и за рубежом в преддверии выборов отмечали: Индийскому национальному конгрессу еще предстоит консолидировать «свою» коалицию на основе общей социально-экономической и политической платформы.

Значительная роль в определении результатов всеобщих выборов в Индии традиционно принадлежит так называемому *субъективному фактору*, то есть восприятию массовым сознанием эффективности партийно-политического руководства соперничающих блоков в управлении страной. Прошедшие выборы не стали исключением. Даже оппоненты премьер-министра признавали, что политический авторитет Н. Моди в индийском обществе удерживается на высоком уровне, что подтвердили, как отмечали политические наблюдатели, состоявшиеся в декабре 2023 г. выборы в значимых для общеиндийской расстановки социально-политических сил штатах Раджастан, Мадхья-Прадеш и Чаттисгарх. Действия руководства БДП во главе с Н. Моди в ходе избиратель-

1 Lok Sabha polls: EC declares results of all 543 seats, BJP leads with 240, Congress 99 // The Hindu Businessline. – 2024. – June 5. – URL: <https://www.thehindubusinessline.com/news/elections/lok-sabha-2024-polls-ec-declares-results-of-all-543-lok-sabha-seats-bjp-leads-with-240-congress-99/article68254020.ece> (дата обращения: 04.08.2024).

ных кампаний в данных трех штатах, утверждали политологи, указывали на важные черты общего подхода правящей партии к всеобщим парламентским выборам. Так, в области социально-экономической политики БДП полагалась (и полагается) на «патерналистские» схемы поддержки населения, включающие, в частности, распределение бесплатной пищи среди наиболее бедных групп социальной структуры и денежные выплаты слоям и группам, оказавшимся особо чувствительно затронутыми кризисными процессами в индийском обществе в период пандемии коронавируса (фактически представителям низких и низших каст, переживающих процесс политического «пробуждения»).

Одна из особенностей политического курса правящей партии состоит в том, что социально-экономическая деятельность БДП сопровождается активной апелляцией к «ценностям индийской цивилизации» и к Индии как к *государству-цивилизации* (порой приобретающей коммуналистский, религиозный пафос, невольно направленный против конфессий меньшинств, прежде всего мусульман). К подобного рода идеологическим приемам общения БДП с электоратом, как показывает практика прошлых выборов, оказывается восприимчивой значительная часть избирателей, прежде всего в наиболее населенных северных и центральных штатах страны («пояс хинди»), обладающих недостаточно развитыми политической культурой и политическим сознанием. С другой стороны, обстановка «всепроникающей власти» индуизма угнетающе воздействовала на часть индийского среднего класса, которая, несмотря на очевидный экономический прогресс в развитии страны, воздержалась от участия в голосовании, что определенным образом сказалось на общих итогах выборов.

В ходе избирательной кампании 2024 г. отчетливо проявилось, как и прежде, предпочтительное внимание индийских избирателей к проблемам внутренней политики. Политологи отмечали, что превращение Индии в мировую державу под руководством Н. Моды не снимает важные внутриполитические проблемы для правящей партии; основные вопросы к премьер-министру и правительству страны формулировались следующим образом: удастся ли сохранить подавляющее парламентское большинство 2019 г.? как проголосуют такие ключевые штаты, как Бихар и Махараштра? как БДП ответит на обострение проблем занятости и инфляции? наконец, как преодолеть индусско-мусульманский «разлом», становящийся всё более «кричащим», особенно в штатах «пояса хинди»? (В настоящее время численность мусульманской общины в Индии превышает 200 млн человек). Впрочем, у английских средств массовой информации была заметна «скрытая повестка», то есть желание «наказать» правительство Н. Моды, проводившее «строптивую» политику в отношении бывшей метрополии, которая выразилась, в частности, в отказе Индии от зоны «свободной торговли» с островным государством. В связи с этим британский журнал *The Economist* прозрачно намекал, что достижения и проблемы «довыборного» правительства Н. Моды должным образом можно оценить лишь по сумме нескольких базовых показателей общей эффективности работы индийского кабинета министров. Так, эксперты английского издания выделили 10 основных направлений деятельности правительства «крупнейшей демократии мира» [Ten charts..., 2024].

1. *Состояние экономики.* Индия остается одной из наиболее быстро растущих экономических систем в мире: средневзвешенные темпы экономиче-

ского роста при правительстве Н. Модии составили 4,3% в годовом исчислении (при предыдущей администрации М. Сингха они колебались вокруг отметки 6,2%; этот разрыв частично объясняется негативным эффектом пандемии коронавируса).

2. *Уровень занятости.* В конце правления администрации М. Сингха (март 2014 г.) уровень безработицы в стране составлял 8,2%, тогда как в конце 2022 г. этот показатель снизился до 7,3%. В то же время «молодежная» безработица при администрации М. Сингха увеличилась с 14 до 22% и не имеет тенденции к снижению при нынешнем правительстве.

3. *Динамика реальных зарплат.* Более 40% индийских тружеников заняты в аграрном секторе экономики. За 2014–2024 гг. дневная зарплата выросла с 3 до 4,8 долл. США. Тормозящее влияние на рост доходов индийцев оказывали (и оказывают) два фактора: усилившаяся во время пандемии коронавируса инфляция и слабо выраженный экономический рост в сельскохозяйственном секторе.

4. *Уровень бедности.* В 2005 г. за чертой бедности находилось 55% населения Индии. В 2015 г. этот показатель снизился до 28%, тогда как в настоящее время уровень бедности опустился до 16%. Борьбе с бедностью, вынуждены признать английские эксперты, благоприятствует прежде всего энергичный экономический рост в Индии.

5. *Социальная поддержка малоимущих групп населения.* Значительная часть социальной поддержки ущемленных групп населения осуществлялась в виде целевых субсидий, объем которых существенно увеличился во время пандемии коронавируса. Активная дотационная политика оказалась возможной вследствие энергичного роста индийской экономики в предыдущие годы.

6. *Капиталовложения.* Качественно увеличились инвестиции государства в инфраструктурные проекты. В 2014–2023 гг. доля расходов государства на развитие транспортной инфраструктуры увеличилась в ВВП страны в 3 раза, что позволило модернизировать «потрескавшиеся» автомобильные трассы и «скрипучие» железные дороги. Значительными в рассматриваемый период стали инвестиции в развитие цифровой инфраструктуры, целью которых были модернизация и демократизация (доступность для социально приниженных групп населения) финансовой системы страны. В настоящее время, например, четыре из пяти жителей Индии располагают собственным счетом в банке, что значительно повысило эффективность программ социальной поддержки населения.

7. *Генерация энергии.* До 2014 г. (то есть до прихода к власти БДП) лишь 13% генерации электроэнергии осуществлялось с помощью возобновляемых источников. В настоящее время эта доля выросла до 23%. Н. Модии и его коллеги в правительстве придерживаются мнения, что «чистая энергия» по доступным ценам поможет перемещению производственных цепочек из Китая в Индию. В то же время уголь по-прежнему остается важным источником генерации энергии, особенно в «депрессивных» штатах, бюджеты которых к тому же сильно зависят от доходов от добычи этого минерального сырья.

8. *Загрязнение воздуха.* Усилия по решению проблемы загрязнения воздуха наталкиваются, с одной стороны, на отсутствие непротиворечивой политики по данной проблематике у центрального правительства, а с другой стороны, на постоянное противостояние между федеральным центром и штатами относительно извечной индийской проблемы: кто несет ответственность за данную сферу деятельности?

9. *Развитие системы образования.* Согласно оценкам специалистов, уровень грамотности населения Индии оставался в «стационарном» состоянии при правительстве М. Сингха и несколько упал при администрации Н. Модии. Эксперты выделяют две основные причины неблагоприятных изменений в данной области: 1) локдауны во время ковида и 2) стагнация педагогики как науки и практики вследствие отсутствия долгосрочной политики государства в сфере образования.

10. *Эволюция демократии.* На эволюцию индийской демократии, по мнению британских специалистов, отрицательно влияют два основных фактора: 1) проект «индусского национализма», который является важной частью политической стратегии БДП, и 2) персоналистский стиль политического руководства, практикуемый премьер-министром Н. Модии. Оба этих фактора, по мнению экспертов английского журнала, «поощряют радикалов» и «сужают пространство выражения альтернативных идей и точек зрения» в политической жизни страны. Мусульманская община, по утверждению английских экспертов, якобы постоянно находится под политическим «прессингом», тогда как индийская пресса вынуждена излагать свои взгляды с оглядкой на мнение политических «верхов».

Британские журналисты подводят итог своим рассуждениям: таким образом, Индия при руководстве Н. Модии, возможно, становится «более зажиточной», но одновременно и «более авторитарной» [Ten charts..., 2024].

Политические аналитики в Индии сходятся в том, что правительству во главе с Н. Модии удалось восстановить и в настоящее время удается поддерживать энергичный экономический рост, который стал инструментом снижения социально-имущественных диспропорций в обществе. Вместе с

тем экономический рост, добавим мы от себя, имеет в Индии «поляризованный» характер: в нем активно участвуют группы населения, уже приобщившиеся к модернизации, тогда как «традиционным» слоям общества (то есть низким и низшим кастам) еще предстоит познать прелести *современного стиля жизни*. (Напомним: «поляризованный» экономический рост в монархическом Иране имел следствием исламскую революцию 1978–1979 гг.) Тем не менее политическим оппонентам БДП трудно оспаривать успехи премьер-министра и его коллег в модернизации транспортной инфраструктуры и других сегментов экономики. Однако, как отмечали во время избирательной кампании индийские аналитики, с необходимой «революцией» в системе образования придется подождать, как и с действенной политикой по созданию дополнительных рабочих мест. Помимо этого, эксперты различных идейных пристрастий накануне парламентских выборов отмечали, что значительной политической проблемой становится сложное положение на «фронте» борьбы с загрязнением воздуха. Наконец, потенциально взрывоопасной проблемой уже за «горизонтом» нынешних выборов может стать растущее напряжение в межрелигиозных отношениях, прежде всего между основными конфессиями – индусами и мусульманами. Число последних в Индии, к слову, превысило 200 млн человек. Соотношение представителей двух наиболее многочисленных религий в Индии в настоящее время выглядит следующим образом: индусы составляют 80% населения страны, тогда как мусульмане – 14%.

Однако это значительное меньшинство постепенно маргинализируется как значимая величина избирательного процесса. Так, в 1952–2024 гг. в Народной палате заседали менее 6%

депутатов-мусульман [Vaishnav, 2024, р. 42]. В былые времена голоса избирателей-мусульман использовались для формирования эффективных правительственных коалиций. Сегодня ситуация сильно изменилась. Так, в 2019 г. лишь 8% избирателей-мусульман голосовали за БДП. По предварительным оценкам, в 2024 г. поддержка мусульманами правящей партии не увеличилась [Vaishnav, 2024, р. 42]. Наконец, из 240 депутатов, избранных по спискам БДП в Народную палату в 2024 г., нет ни одного представителя мусульманской конфессии. В геополитическом измерении положение мусульман выглядит крайне противоречиво, ибо по численности своих членов мусульманская община в Индии уступает лишь только Индонезии и Пакистану.

При анализе расстановки социально-политических сил перед парламентскими выборами эксперты-политологи обращали внимание на наличие в «крупнейшей демократии мира» мажоритарной избирательной системы *относительного* большинства (голосование в один тур). Подобная система, как неоднократно отмечалось, дает преимущества крупным партиям и нередко скрывает от обывателей реальную сложную расстановку социально-политических сил в индийском обществе. Ранее эта система «благоволила» Индийскому национальному конгрессу. Теперь наступил черед Бхаратия джаната парти. Так, напоминали аналитики-политологи, БДП никогда не получала 40% голосов избирателей, тогда как ее представительство в нижней палате индийского парламента составляет почти 56% мест. (Пик популярности наблюдался в 2019 г., когда БДП получила более 37% голосов избирателей.) Однако значительным и действенным «активом» правящей партии выступает личная популярность премьер-министра Н. Моди, не имеющего,

по уверениям политологов, реальных соперников на политическом поле Индии. «Стереоскопическую» картину реального влияния БДП можно получить лишь при укрупненном политическом анализе положения правящей партии в основных регионах и штатах страны. (Об особенностях мажоритарной избирательной системы *относительного* большинства, в очередной раз повлиявшей на расстановку сил в Народной палате, см. в заключительной части работы.)

Основной тезис руководства БДП, его своеобразный «рекламный ролик», предназначенный для потребления избирателей, звучал во время избирательной кампании следующим образом: правящая партия строит процветающую и уверенную в своих силах Индию, в которой индуизм станет краеугольным идеологическим основанием общественной и политической жизни страны. Решение этой задачи обеспечит крупнейшая в мире партия с числом членов 180 млн человек (из них 100 млн – активные функционеры), в то время как численный состав Коммунистической партии Китая, например, не превышает 98 млн человек. Однако, подчеркнем еще раз, эта общая благостная картина должна быть дополнена существенными уточнениями, способными оказать серьезное влияние на общий ход социально-политического развития Индии в ближайшее время.

Общеизвестно: позиции партии Н. Моди в южных штатах Индии (Андхра-Прадеш, Теленгана, Карнатака, Керала, Тамилнаду) остаются слабыми (исключением из правила был штат Карнатака, где функционировало правительство во главе с БДП; однако в результате выборов в законодательное собрание штата в декабре 2023 г. партия премьер-министра страны утратила здесь лидирующие позиции). Политические наблюдатели отмечали: раскол

(экономический и культурный) между регионами и штатами по линии *Север – Юг* мог не только стать ведущей темой парламентских выборов 2024 г., но и определить развитие Индии на обозримую историческую перспективу.

В контексте оценки итогов всеобщих выборов 2024 г. стоит отметить, что в Индии рассматриваются (на среднесрочной и долгосрочную перспективу) два основных сценария развития противоречий между северными и южными штатами. *Первый* сценарий исходит из неизбежности конституционного кризиса и распада единого общеиндийского рынка. *Второй* сценарий предполагает отказ правящей БДП от «бескомпромиссной политики идентичности» (то есть настойчивого внедрения в южных штатах идеологии *хиндутвы*, а также от политического давления на представителей религиозных меньшинств, прежде всего мусульман и христиан). Хорошо известно, что южные штаты изначально были более экономически дееспособными и урбанизированными. За последние три года на южные штаты (составляющие примерно 20% индийского народонаселения) пришлось 30% внутренних и 35% прямых иностранных инвестиций. Индийские специалисты сходятся во мнении, что в южных штатах лучше, чем в северных, функционирует система государственного управления, существует более качественная система образования, четче определены права собственности, что в целом создает климат, благоприятствующий предпринимательству и развитию. Примечательно, что социально-экономический разрыв между Севером и Югом продолжает увеличиваться. Если в 1993 г. на южные штаты приходилось 24% общеиндийского ВВП, то в настоящее время – уже 31%.

Впечатляют и другие показатели уровня экономического развития южных штатов. Ныне 46% экспорта

электроники из Индии падает на южные штаты; они обеспечивают 66% экспорта информационных технологий. В сфере политических отношений для правящей партии наблюдается обратная картина. Так, по результатам последних парламентских выборов 2019 г. на южные штаты пришлось только 11% поданных за БДП голосов и около 10% мест в Народной палате. Иными словами, перед Н. Модии и его коллегами стояла и стоит довольно сложная задача, суть которой можно сформулировать следующим образом.

Простая истина: процветающий единый национальный рынок – действенный инструмент экономического роста и эффективного распределения ресурсов государства по различным секторам народного хозяйства – от энергетики до рынков труда и занятости. Так, доля торговли между штатами в ВВП Индии выросла с 23% в 2017 г. до 35% в 2021 г., что определенно усилило действие факторов устойчивости экономического роста. Далее. Правительство Н. Модии сделало многое для создания инфраструктуры социально-экономического развития в Индии, включая единую и унифицированную налоговую систему, современные основы развития транспорта, схемы цифровых платежей и т.д. Все эти достижения, подчеркивают эксперты, могут быть аннулированы попытками некоторых «ортодоксальных» руководителей БДП вновь ввести язык хинди в качестве обязательного общегосударственного средства общения (первая попытка, предпринятая руководством Индийского национального конгресса в 1965 г., закончилась массовыми протестами в южных штатах и вскоре была дезавуирована). Справедливости ради стоит отметить, что в самом руководстве БДП существуют силы, предлагающие партии отказаться от потенциально опасных «нововве-

дений» культурно-лингвистического свойства и сосредоточиться на проблемах социально-экономического развития. Насколько влиятельны эти силы внутри БДП, покажет ближайшее будущее.

Подчеркнем особо: элиты южных штатов не требуют от правительства Н. Модии невозможного. Южные элиты лишь добиваются от федерального правительства «политической практичности»; иными словами, правящая БДП поставлена перед необходимостью обеспечить устойчивый экономический рост, чего может добиться «команда признанных технократов», тогда как премьер-министр должен всячески отдалять от власти идеологов БДП, способных, как пишут индийские журналисты, разве что выступать с «зажигательными» речами на массовых митингах. Помимо этого, требует постоянного внимания федерального правительства проблема регулирования и фильтрации внутренних миграционных потоков в направлении с севера на юг. Острота данной проблемы возрастает от того, что сегодня 85% индийцев не обладают необходимыми навыками для последующей интеграции в мировую экономику, тогда как аналогичные показатели в Поднебесной выглядят почти радужно: только 14% наличной рабочей силы не подготовлены интеллектуально и профессионально к процессам глобализации. Наконец, Индия как *трудоизбыточная* экономика испытывает дополнительную нагрузку вследствие продолжающегося оттока квалифицированной рабочей силы за рубеж, прежде всего в Северную Америку, Западную Европу и Австралию из-за неспособности государства интегрировать молодежные демографические когорты в процессы урбанизации в самой Индии [To see India's..., 2024]. Примечательно, что тенденция оттока квалифицированной ра-

бочей силы за границу характерна как для северных, так и для южных штатов.

Политические элиты Юга отдают себе отчет в том, что «генератором» экономического роста в стране выступают Бангалор, Хайдарабад и другие «умные города» полуостровной части Индии. Различия в интеллектуальной и профессиональной подготовке населения Севера и Юга неизбежно проецируются на плоскость политических отношений. Так, некоторые традиционалистски мыслящие руководители БДП настаивают на том, что ценности «индусского национализма» (то есть социально-политической идентичности, опирающейся на идейные установки основной религии страны) веками подавлялись – первоначально мусульманскими завоевателями, а затем британскими колонизаторами. Однако представления «индусского национализма» и религиозной исключительности находят слабый отклик на Юге, где ислам появился раньше мусульманских вторжений, а его распространение имело ненасильственный, мирный характер. Не менее важно для понимания политической ситуации в полуостровной части Индии и то обстоятельство, что на территории нынешних южных штатов движения реформации индуизма и модернизации кастовой системы зародились задолго до 1947 г. и их деятельность имела следствием формирование особой, «южной» культурной и политической идентичности, чуждой крайностям религиозно-общинного свойства.

Неслучайно поэтому, что южане восприимчивы исключительно к практическим ценностям, которые проповедует премьер-министр Н. Модии; эти ценности передаются незамысловатой риторической фигурой «рост, рост и еще раз рост». Наконец, жители южных штатов особо ценят общение на своих национальных языках. Поэтому в ходе изби-

рательной кампании 2024 г. прилива дополнительных симпатий у избирателей Тамилнаду и других штатов Юга не вызвали выступления премьер-министра Н. Моды, которые звучали на языке хинди. Некоторые журналисты рассматривали подобное общение с избирателями-южанам как проявление «северного диктата». Слышались также и голоса о далеко идущих политических последствиях попыток проникновения партии БДП на Юг, и такие мысли не выглядят случайными.

Социокультурное несходство Севера и Юга имеет давнюю традицию. Как правило, противоречия обнажаются и проявляются в открытой форме во время общенациональных избирательных кампаний. Вот и на сей раз произошло нечто подобное. Наблюдатели политической жизни на Юге во время избирательной кампании высказывали опасения, что «раскол» между штатами Севера и полуостровной части страны может еще более углубиться вследствие инициированных руководством БДП политико-институциональных преобразований, намеченных на 2026 г. Речь идет о пересмотре прежних границ между избирательными округами; процесс, получивший название «делимитация» (*delimitation*), может иметь следствием расширение состава Народной палаты (нижней палаты федерального парламента Индии) с 543 до 753 мест. Большинство вновь создаваемых мест предсказуемо перейдет к штатам Севера, где демографические процессы имеют более энергичный характер, чем на Юге. Особо критическую позицию в отношении предполагаемого «нововведения» заняли власти штата Тамилнаду. Так, выступая в законодательном собрании штата 14 февраля 2024 г., главный министр Тамилнаду М.К. Сталин (*M.K. Stalin*) без обиняков заявил: «Делимитация – это меч, занесенный над головой Тамилнаду».

Политические аналитики на Юге обращали внимание и на то, что общая избирательная стратегия БДП может иметь два основных направления, а также на их неизбежные последствия. *Первое:* желание руководства БДП распространить свое влияние на штаты Юга может подвигнуть Н. Моды и его коллег на «приглушение» идеологических начал парадигмы «индусского национализма» по всей Индии (то есть на отказ от пропаганды ортодоксальной версии индуизма). Практичный подход к партийной идеологии, как полагают сторонники данной точки зрения, не оттолкнет от правящей партии избирателей-традиционалистов, уверенных в том, что Н. Моды ведет партию и страну «правильным курсом». *Второе:* часть руководства БДП продолжает полагаться на «делимитацию», финансовое давление (то есть изъятие под различными предлогами из бюджетов южных штатов необходимых инвестиционных средств ради продолжения политики развития на Севере), ограничение целевых внутренних инвестиций и т.п. Такая политика может обернуться встречными негативными для страны процессами и явлениями, в частности оживлением сепаратистских настроений, что уже было на Юге в далеком 1965 г. [*Шапошникова, 1971*]. Индийские политологи предостерегают: сепаратизм и сецессионизм могут поставить под сомнение всю социально-экономическую стратегию нынешнего правительства, ближайшей целью которой является ведение объема ВВП Индии к 2027 г. до 7 трлн долл.

А как в предвыборный период складывалась политическая ситуация для индийской оппозиции? В сложном и противоречивом состоянии накануне парламентских выборов 2024 г. продолжал оставаться Индийский национальный конгресс (ИНК) – старейшая партия Индии, уже 10 лет не способная

вернуться к власти в «крупнейшей демократии мира». Как известно, парламентские выборы в Индии в конечном счете являются «инструментом» избрания премьер-министра страны. Поэтому индийские политические аналитики придавали большое значение сопоставлению личностей лидеров, возглавляющих противостоящие друг другу партийные блоки. Если в массовом сознании Нарендра Моди предстал популярным лидером националистической ориентации, который добился ускорения экономического роста и повышения мирового геополитического статуса Индии, то лидер Конгресса Рахул Ганди рассматривался значительной частью индийского общества как глава «окостеневшей изнутри» партии, обремененной руководителями почтенного возраста и не имеющей внятной программы движения вперед («стационарная» динамика обновления партии, ее программы и идеологии, выдвижение новых политиков на руководящие позиции характерна и для партийных организаций ИНК более низкого уровня).

Если БДП, как отмечалось в прессе, без колебаний избавляется от ветеранов партии, потерявших связь с действительностью, то ИНК продолжает полагаться на пожилых приверженцев прежней линии, всячески противящихся притоку «свежей крови» и «новых тактических приемов деятельности». Подобный психологический и интеллектуальный «застой» побуждает молодых и способных политиков перемещаться из Конгресса в БДП, где их возможности карьерного роста существенно выше, чем в партии ИНК. Вместе с тем Конгресс остается реальным соперником БДП в штатах «пояса хинди»: на прошедших в декабре 2023 г. выборах в законодательные собрания штатов Мадхья-Прадеш, Раджастан и Чаттисгарх Конгресс в среднем заручился поддержкой 41 %

избирателей, лишь незначительно уступив БДП (46 %).

Против ИНК в настоящее время также работает недовольство избирателей политикой «семейственности», сохраняющейся в Конгрессе (особая роль Сони Ганди и ее родственников), а равно и коррупционными скандалами, время от времени сотрясающими эту партию. Напротив, в пользу БДП действует и грядущая «делimitация» избирательных округов (расширение карьерных возможностей для энергичных и амбициозных политиков, включая бывших конгрессистов), и понимание многими оппозиционными политиками неизбежного возвращения (с определенными коррекциями), после неудачных «коалиционных экспериментов» 1989–2014 гг., «крупнейшей демократии мира» к политике «однопартийного преобладания», которую в прошлом олицетворял сам Конгресс, а ныне персонифицирует БДП, партия Н. Моди. Подобная точка зрения, несомненно, подвергнется коррекции после выборов-2024. Не только потому, что БДП не получила абсолютного большинства мест в Народной палате, но и потому, что спектр социально-политических сил, усиливающих влияние на развитие индийского общества, поступательно расширяется, что требует использования механизмов компромисса с неперменным участием низких и низших слоев общества (каст). Такого рода механизм обязательно предполагает образование социально-политических коалиций, состав которых значительно шире, чем массовая база поддержки БДП и ИНК. Поэтому результаты выборов-2024 следует рассматривать как недовольство избирателями «эксцессами» правления БДП, но никак не консолидацию оппозиции на платформе ИНК.

Накануне выборов некоторые политические аналитики подчеркивали: ны-

нешний премьер-министр может оказаться победителем на выборах-2024 потому, что многие индийцы «считают его более эффективным менеджером», чем Р. Ганди и другие лидеры оппозиции. В пользу Н. Моды (и против Р. Ганди) работает статистика: с 2015 г. по нынешнее время «уровень бедности» (группы населения с доходом менее 2,15 долл. в день) в стране упал с 19 до 12%. Помимо этого, оппозиции трудно использовать социально-экономическую проблематику против правящей партии БДП и ее лидера. Правительство во главе с Н. Модой приступило к исполнению своих обязанностей в период замедления темпов развития мировой экономики после мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. Также чувствительным ударом по индийской экономике была пандемия коронавируса и ее последствия. Однако Индия сохранила высокие темпы экономического роста, и упрекнуть правительство в беспомощности и бездействии оппозиция не в состоянии.

Оппозиции было нелегко критиковать правительство и в части исполнения основных целей экономической политики. Н. Моди и его коллеги смогли добиться заявленной цели «формализации» экономики, то есть приведения инфраструктуры народного хозяйства в соответствие с задачами, которые перед Индией ставит конкурентная среда мировой экономики. Правительство в целом решило и задачу улучшения условий для ведения бизнеса в стране. Оппоненты Н. Моды вынуждены признать, что финансовые преобразования, осуществленные нынешним правительством, значительно приблизили страну к созданию единого общеиндийского рынка и «породили в обществе осторожный оптимизм относительно перспектив экономического развития «крупнейшей демократии

мира» [How strong..., 2024]. Впрочем, в полной мере не удалось решить задачу наращивания объемов производства в стране; однако немалые трудности на этом пути создавала вялая динамика мировой экономики, особенно в период пандемии коронавируса.

Общий тонус индийского общества в год парламентских выборов отразился и в результатах опросов общественного мнения, ценность которых, как отмечал еще в начале 1980-х годов видный индийский социолог О.П. Гойял [Goyal, 1981], имеет относительный характер. Если раньше точность предсказаний корректировалась определенными законами «традиционного» общества (в частности, желанием респондента «угодить» интервьюеру), то в настоящее время представители молодежных демографических когорт считают саму идею опросов общественного мнения вмешательством в личную жизнь граждан и нередко отказываются отвечать на задаваемые «бестактные» вопросы. Тем не менее опросы общественного мнения могли служить определенным ориентиром для индийских избирателей в апреле-мае 2024 г.

Так, согласно комплексному опросу общественного мнения, проведенному среди 35 801 респондента по всей стране с 15 декабря 2023 г. по 28 января 2024 г., БДП и ее союзники получили бы 335 из 543 мест в Народной палате. Авторы опроса напоминают: на парламентских выборах 2019 г. Национально-демократический альянс во главе с БДП получил более 350 мест в нижней палате парламента. Опрос также показал, что политическое объединение *I.N.D.I.A.* во главе с партией Индийский национальный конгресс может существенно улучшить свои позиции, получив 166 мест в Народной палате. На Юге, как предполагается, останутся сильными позиции региональных партий, тогда как БДП вряд ли

сможет укрепить свое влияние в Теленгане, Андхра-Прадеш, Карнатаке, Керале и Тамилнаду.

В опросе отмечалась значительная роль премьер-министра Н. Моды в сохранении позиций БДП в индийском обществе. Авторы опроса обращали внимание на два фактора популярности премьер-министра Индии, особенно в штатах «пояса хинди». Во-первых, лидер БДП выполнил обещание развивать транспортную инфраструктуру, от неразвитости которой давно страдает Индия. Во-вторых, «агрессивный индусский национализм» оказался эмоционально привлекательным для значительной части приверженцев религии большинства в северных штатах Индии. Исследование, в частности, показало, что 42% опрошенных импонирует решение Н. Моды принять участие в инаугурации храма Рамы в Айодхье, чем премьер-министр, как полагали опрошенные, восстановил историческую справедливость. Наконец, 19% респондентов положительно оценили личный вклад Н. Моды в повышение геополитического статуса Индии в мире, в то время как 12% опрошенных поддерживали решение лидера БДП «упразднить» особый статус бывшего штата Джамму и Кашмир [Jain, 2024].

В целом данные опроса совпадали с оценками возможных итогов парламентских выборов 2024 г. у индийских и западных политологов и журналистов. Так, английская журналистка Х. Эллис-Петерсен полагала, что победа Н. Моды и БДП является «наиболее вероятным исходом» парламентских выборов 2024 г. По мнению этого автора, Н. Моды – «сильная личность», сосредоточил власть в своих руках, «надел намордник на критически мыслящих журналистов», подрывает независимость судебной власти и преследует своих политических оппонентов. Эф-

фективность подобной политической линии облегчает слабость оппозиции, которая обладает «островками влияния» на Юге, а на общенациональном уровне предстает как «фрагментированная и немощная». Так, Национальный конгресс находится у власти всего в трех штатах. К тому же ИНК фактически парализован внутрипартийной борьбой и отсутствием гибкой институциональной организации [Ellis-Petersen, 2023]. С оценкой английской журналистки солидарен и индийский политолог Н. Сиркар (Neelanjan Sircar) из *Centre for Policy Research*: «Общее представление в обществе складывается в пользу почти неизбежной победы БДП» [Sircar, Venkat, 2024].

Итоги выборов и метаморфозы индийской избирательной системы

Результаты парламентских выборов не подтвердили прогнозы аналитиков. Партии БДП не удалось получить абсолютное большинство в Народной палате (то есть больше 272 депутатских мест). В результате возникла сложная конфигурация социально-политических сил, которая была описана следующим образом: «Всеобщие выборы 2024 г. в Индии ознаменовали собой поворотный момент в трансформации политического ландшафта страны, продемонстрировав значительный прогресс в развитии демократии и меняющуюся динамику предпочтений избирателей. С одной стороны, успешное утверждение кандидатуры премьер-министра Нарендры Моды на третий срок правления подчеркнуло достижения БДП в предшествующий период деятельности; с другой стороны, оппозиционная коалиция, включая Индийский национальный конгресс Рахула Ганди, утвердила себя в качестве влиятельной политической силы,

что отражает собой сложную динамику развития демократии в Индии» [Sharma, 2024].

Премьер-министр Нарендра Моди, баллотировавшийся на третий срок подряд после получения абсолютного большинства в 303 места в 2019 г. и в 282 депутатских мандата на всеобщих выборах 2014 г., подчеркивал идейно-политические достижения своей партии (Бхаратия джаната парти), такие как отмена статьи 370 в бывшем штате Джамму и Кашмир (упразднение «особого» статуса этого штата в составе индийской федерации) и строительство храма Рама в Айодхье, наряду с несомненными успехами в реализации стратегии развития страны, укреплении национальной безопасности и повышением (до мирового) геополитического статуса Индии. Напротив, Индийский национальный конгресс Рахула Ганди, используя слабости партии БДП и ее союзников, стремился оправиться от прошлых неудач на выборах за счет создания общенациональной оппозиционной коалиции – Индийского национального альянса за инклюзивное развитие, сформированного в 2023 г. из многочисленных региональных партий.

Кампания партии Н. Моди была сосредоточена на таких важных проблемах, как продолжение экономических реформ, модернизация инфраструктуры народного хозяйства Индии, социальная справедливость в поляризованном обществе, экологическая устойчивость социума, а также на таких очевидных достижениях БДП, как электрификация сельских районов и повышение уровня санитарной безопасности. Выборы прошли в условиях активного использования цифровых технологий в избирательной кампании, что свидетельствует о значительной вовлеченности индийцев в политический процесс и о разнообразии инте-

ресов и приоритетов регионального развития. В отличие от двух предыдущих legislatures, когда его партия, БДП, получала абсолютное большинство депутатских мандатов, нынешний результат рассматривается некоторыми политологами как серьезная неудача для Н. Моди. Тем более что предвыборные опросы указывали на то, что БДП сможет получить как минимум столько же мест в Народной палате, сколько было у правящей партии в 2019 г. Возглавляемый БДП Национальный демократический альянс (NDA) получил, однако, большинство в 293 места из 543 в нижней палате парламента. Результаты Альянса в целом подтвердили безусловное лидерство Н. Моди среди деятелей национального уровня на фоне постоянно усложняющейся динамики политических процессов в индийских штатах. Что означают вышеприведенные цифры? (Сразу отметим: данные политической статистики не поддаются однозначной интерпретации.)

Так, еще до начала избирательной кампании ее основными темами считались безработица и рост цен. Согласно опросу общественного мнения (апрель 2024 г.), проведенному авторитетным Центром изучения развивающихся обществ (*Centre for the Study of Developing Societies*), 27% респондентов главной проблемой Индии полагали повышение занятости населения, тогда как рост цен беспокоил 23% опрошенных. Вопрос для аналитиков ставился примерно так: что станет решающим фактором вердикта избирателей – социально-экономические проблемы развития или личность Н. Моди, способного реализовать мечту индусского большинства о сильной и «идеологически чистой» Индии [Ito, 2024]?

Переизбрание Н. Моди на третий срок на пост премьер-министра в 2024 г. повторяет достижение первого премьер-министра Индии Джавахар-

лала Неру, который также занимал этот пост три срока подряд. (И, отметим, это обстоятельство откровенно нервнрует политических противников нынешнего премьера.) Третья легислатура однозначно укрепляет политические позиции и авторитет Н. Моды в индийском обществе. Подтвержденный «мандат» Н. Моды объективно расчищает правящей партии путь для дальнейшего проведения экономических реформ, развития инфраструктуры (которая развивалась откровенно слабо по сравнению с китайской системой дорог), улучшения социального обеспечения малоимущих групп населения и реализации мер по укреплению национальной безопасности страны. Переизбрание премьер-министра на третий срок подчеркивает несомненное умение Н. Моды ориентироваться в разнообразной региональной динамике и заручаться поддержкой массовых групп избирателей. Данные обстоятельства делают Н. Моду государственным деятелем, способным возглавить необходимые обществу преобразования социально-политической системы Индии. Вместе с тем третья премьер-министерская легислатура станет для Н. Моды первым опытом руководства по-настоящему коалиционным правительством с участием таких важных союзников, как Джаната Дал (Объединенная) из Бихара, возглавляемая Нитишем Кумаром, и партия Телугу Десам из штата Андхра-Прадеш, возглавляемая Чандрабабу Найду. (Оба деятеля зарекомендовали себя как опытные политические бойцы.)

Новый срок Н. Моды в ипостаси премьер-министра, как предполагают индийские политологи, будет сопровождаться значительными трудностями в согласовании интересов различных сил в регионах, а равно и сильной оппозицией в центре, особенно при достижении консенсуса по дискуссионным

политическим проблемам. Понятно, что такие «узловые» темы, как экономические реформы, сельскохозяйственная политика, экологические нормы и программы социального обеспечения незащищенных слоев населения, нередко разделяют общественное мнение и политические партии. Достижение консенсуса между различными политическими группировками и группами интересов будет иметь решающее значение для эффективного управления и реализации политического курса правительства Н. Моды. Можно сказать, что руководство сложной по своему составу коалицией проверит способность Н. Моды поддерживать последовательность и целостность политического курса в наиболее населенной стране мира.

Индийские политологи полагают, что всеобщие выборы 2024 г. были «очевидным успехом» для общества и принесли положительные результаты в различных областях жизни. Иными словами, индийская демократия выдержала проверку на зрелость. Так, оппозиционные партии добились значительных успехов в штатах, что подтвердило плюралистический характер системы политического представительства в Индии. Подтвердила свою дееспособность и система сдержек и противовесов в управлении страной. Всеобщие выборы объективно укрепили «демократическую репутацию» Индии в мире; это стало возможным благодаря активному участию народа в избирательном процессе и ответственному, гражданскому поведению населения, что продемонстрировало прозрачность и подотчетность отношений между гражданским обществом и государством в «крупнейшей демократии мира». Важно отметить, что избирательный процесс стимулировал диалог общества и государства по широкому кругу вопросов, вклю-

чая содействие вовлечению в процесс управления новых групп населения и повышение информированности общественности о происходящих в стране экономических и политических процессах. Стоит отметить, что «возрождение» оппозиции напрямую связано с вновь проявившимся желанием пренебречь индивидуальными политическими амбициями и с готовностью выстраивать коалиционную стратегию, несмотря на сохраняющиеся противоречия внутри оппозиционного блока, нередко личного происхождения [Ito, 2024]. Таким образом, выборы 2024 г. продемонстрировали социальную зрелость населения Индии на фоне «живучести» таких фундаментальных проблем, как сохранение экономического неравенства и несбалансированность экономического роста. В фокусе внимания избирательного процесса оказались частные, но чрезвычайно важные проблемы, такие как социальная справедливость, усиление современных процессов внутри кастовой системы, свобода вероисповедания, Индия как «государство-цивилизация», доступность здравоохранения и повышение уровня занятости.

Выборы также ознаменовали собой переломный момент в развитии практики избирательных кампаний. Активизировалась «цифровая агитация», в ходе которой для привлечения избирателей использовались социальные сети, что ознаменовало смену парадигмы в национальной стратегии политической коммуникации. Усилия по расширению гендерного представительства принесли ожидаемые результаты: число кандидатов-женщин увеличилось, а их победы на выборах способствовали дальнейшему расширению социального пространства индийской политики. Также возросла политическая активность молодежных демографических когорт (в возрасте 18–35 лет), что сви-

детельствует о тенденции к увеличению числа «ювенильных» лидеров, непосредственно влияющих на динамику политического процесса в Индии. Живой отклик у избирателей, особенно в городах, получила экологическая проблематика. Политика, направленная на решение проблем изменения климата и устойчивого развития, заинтересовала индийских избирателей, она нашла отражение и в политических манифестах основных партий страны. Технологические новшества в сфере регистрации избирателей и использование электронных машин для голосования повысили прозрачность выборов, модернизировали избирательную систему Индии. Использованные достижения подчеркивают динамичное развитие демократии в Индии, которая, в свою очередь, адаптируется к динамике современного избирательного процесса и интеграции в единое целое различных групп населения на период выборов. Частью данного интеграционного процесса выступают: растущее участие молодежи и ее усиливающееся влияние на результаты выборов, гендерное представительство (расширяющее участие женщин в органах власти), политические дебаты, а также признание федеральной властью важности региональных (штатовских) проблем и их влияния на национальную политику.

Всеобщие выборы в Индии 2024 г. привлекли значительное внимание международных средств массовой информации, подчеркнув тем самым статус Индии как крупнейшей демократии в мире и ее растущее глобальное влияние. Иностранные СМИ тщательно, порой пристрастно изучали различные аспекты проведения выборов, включая обвинения властей в нарушении правил голосования, изменении программ электронных машин для голосования (EVM), запугивании избирателей и кандидатов, а также опасения по по-

воду предвзятого освещения событий в СМИ и манипуляций в социальных сетях. Эти критические замечания имели целью доказать потенциальную непрозрачность выборов, ставили под сомнение демократическую целостность избирательного процесса в Индии и в конечном счете косвенно обвиняли Н. Моди и его коллег в управлении политическим процессом в своих интересах. В ответ сторонники правящей партии БДП и индийские власти указывали на предвзятость такого рода критики, что подтвердили «неожиданные» результаты выборов-2024. Было заметно стремление западных СМИ повлиять на общие итоги выборов и поставить Н. Моди и его коллег под контроль западных элит. Впоследствии выяснилось, что всеобщие выборы прошли в соответствии с устоявшимися в Индии процессуальными нормами, тогда как сам избирательный процесс оказался прозрачным, свободным и справедливым. Вопреки критике, всеобщие выборы 2024 г. продемонстрировали широкое участие избирателей, отсутствие достоверных свидетельств нарушений их прав и социальных протестов. Выборы 2024 г., таким образом, стали свидетельством политической зрелости индийского общества и его способности поддерживать целостность избирательного процесса в условиях очевидного внешнего давления.

Всеобщие выборы в Индии 2024 г. стали своеобразным «водоразделом» в политическом развитии Индии. Возвращение к коалиционной политике сопровождается укреплением позиций премьер-министра Н. Моди как очевидного лидера политического класса Индии. Об этом, в частности, свидетельствует поддержка политического курса премьер-министра в таких областях, как развитие, безопасность, утверждение нового, глобального геополитического статуса «крупнейшей

демократии мира». Немаловажное значение для поступательной эволюции политической системы страны имеет восстановление партий как влиятельной силы индийского общества. Сама политическая жизнь обретает качества устойчивости и предсказуемости. Однако эти качества реализуются в условиях, когда представительство БДП в Народной палате насчитывает 240 депутатов, что превышает число депутатов от оппозиционного альянса (234). Новая расстановка сил в нижней палате парламента требует от правительства Н. Моди эффективного государственного управления в условиях возрастающего внутреннего (а также внешнего) давления. (Свидетельством прямого давления на Индию стала «цветная революция» в Бангладеш, произошедшая в начале августа 2024 г.). Обстановка после выборов также предполагает учет разнообразных социально-экономических требований населения, которые обнаружили в ходе избирательной кампании. Фактически общество требует установления равновесия между экономическим ростом и социальным прогрессом (прежде всего для беднейших слоев населения), преодоления региональных диспропорций и творческого подхода к принципиально новой глобальной ситуации, сущностью которой является активное становление сложной многополярности. Самостоятельной проблемой становится реакция правительства Н. Моди на ожидания в обществе экономического роста и повышения уровня жизни бедных и беднейших слоев населения, что предполагает умелое руководство коалиционным правительством и умение находить компромисс между разноречивыми интересами участвующих в нем сил. Третья легислатура Н. Моди, как полагают индийские политологи, должна стать диалектическим единством уже достигнутых успехов и ре-

шения социально-экономических проблем, с которыми сталкивается и столкнется Индия в ближайшие годы.

По признанию некоторых индийских политологов, парламентские выборы 2024 г. сопровождались рядом «странностей» (противоречий), которые отличают их от предшествовавших аналогов. Так, аналитики влиятельного портала *Firstpost* отметили, что БДП получила на выборах на 6,9 млн голосов больше, чем в «триумфальном» 2019 г., однако потеряла 63 депутатских мандата в 2024 г. Такого рода «парадокс» стал возможен из-за действующей в Индии избирательной системы *относительного большинства* (голосование в один тур) [Mundhra, 2024]. Аналитики отмечают, что система относительного большинства имеет как достоинства, так и недостатки. Среди последних выделяют противоречие между процентом полученных голосов и количеством приобретенных депутатских мандатов. Иными словами, победителю нет необходимости заручаться поддержкой абсолютного большинства избирателей (50% + один голос). Такая избирательная система фактически нивелировала значительное преимущество партии БДП в многочисленных избирательных округах и «сработала» в пользу оппозиции на выборах-2024. Концентрация усилий оппозиции на работе в конкретных избирательных округах позволила, в частности, Индийскому национальному конгрессу, увеличившему долю своих сторонников всего на 1,7% (с 19,5 до 21,2%), увеличить свое представительство в Народной палате на 9% [Sharma, 2024].

Противоречия («странности») затронули и правящую партию БДП. Так, получив 36,6% голосов (потеря 0,7% по сравнению с 2019 г.), БДП располагает 44,1% мест в Народной палате нынешнего созыва. В то же время ИНК (21,2% поданных голосов) имеет

лишь 18,2% мест в индийском парламенте. В связи с этим возникает вопрос: почему же Индия по-прежнему привержена избирательной системе относительного большинства? Во-первых, избиратель голосует за известного кандидата, личность которого ему знакома, а программа понятна. Во-вторых, правом сформировать правительство обладает наиболее сильная и «укорененная» в индийском обществе партия, что облегчает задачу управления сложносоставным индийским обществом, особенно в период социально-политической «турбулентности». Пропорциональная система представительства, как считают индийские специалисты, лишь способна усугубить фрагментированный характер индийского общества, одним из выразительных проявлений которого остается варно-кастовая система индийского социума. В-третьих, в сохранении избирательной системы относительного большинства немаловажную роль играет и фактор *исторической инерции*, то есть нежелание существующих партий менять избирательную систему, которая в принципе не противоречит их политическим интересам [Sharma, 2024].

Россия – Индия: к новой парадигме двусторонних отношений?

Таким образом, развитие системы политического представительства в Индии продолжается. Возможно, в этой стране формируется партийно-политическая система, отражающая расстановку социально-политических сил в обществе, переживающем период энергичного экономического роста и, одновременно, не преодолевшего дисбалансы и диспаритеты развития, доставшиеся Индии в наследство от предшествовавших исторических эпох. Становление «зрелой» системы

политического представительства сопровождается и формированием соответствующей парадигмы внешней политики и дипломатии «крупнейшей демократии мира», включая развитие российско-индийских отношений. Визит премьер-министра Н. Моди в Москву 8–9 июля 2024 г. (к слову, первая зарубежная поездка после всеобщих выборов) свидетельствует, среди прочего, о становлении модели «всеобъемлющего стратегического партнерства» в отношениях между Дели и Москвой. Какие новые нюансы могут появиться в двусторонних отношениях и как в новых условиях должна действовать российская дипломатия? Прежде чем рассуждать о будущем, стоит напомнить о прошлом двусторонних отношений, которое постоянно влияет на динамику российско-индийских связей.

Парламентские выборы фиксируют текущую расстановку социально-политических сил в стране, вносят необходимые коррективы в курс внутренней и внешней политики. Исходя из результатов парламентских выборов, возникает вопрос о конкретном проявлении национальных интересов России на «индийском фронте» нашей дипломатической деятельности. В данном случае исторические аналогии представляются уместными. Как известно, Индира Ганди подвергла ревизии философские основы внешнеполитического курса своего отца, Джавахарлала Неру, посчитав данную линию поведения Индии недостаточной самостоятельной («суверенной»). Выбор был сделан в пользу подхода *Realpolitik*, который ныне именуется «стратегической автономией» Индии в мировом пространстве. После подписания советско-индийского Договора о мире, дружбе и сотрудничестве (1971 г.) двусторонние отношения довольно быстро приобрели характер *стратегического союзничества*, что повысило геополитический

статус Индии в биполярном мире того периода. Перегруппировка политических сил в результате всеобщих выборов 1977 г. (в частности, рассуждения некоторых экспертов о предпочтительности политики «подлинного неприсоединения» для Индии) не изменила «союзнического» содержания советско-индийских отношений.

Только после распада СССР по инициативе «новой» России уровень отношений между нашими странами был понижен. Однако после визита президента России в Индию в 2000 г. двусторонние отношения начали постепенно восстанавливаться. Таким образом, российско-индийские отношения, пережившие спад в 1990-е годы, в настоящее время вышли на уровень реального «стратегического партнерства». «Стратегическая глубина» отношений Индии и России позволяет «крупнейшей демократии мира» не только поддерживать курс «стратегической автономии» в мировых делах и балансировать влияние фактора «великого северного соседа», но и нейтрализовывать (при поддержке Глобального Юга) усилия «романтически» мыслящих кругов в США по превращению мировой политики во «второе издание» *биполярности*, на сей раз американо-китайской.

Помимо этого, неприятие Индией концепции «Один пояс – один путь» имело следствием активизацию усилий правящих кругов в Дели по форсированному развитию международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг» с участием Ирана (несмотря на препятствия, чинимые Вашингтоном), который облегчит Индии доступ в Россию, Центральную Азию и в Западную Европу и тем самым повысит значение Индии как «новой» мировой державы. Данный статус, на наш взгляд, «крупнейшая демократия мира» обрела после событий 24 февраля 2022 г. Наконец, действенным средством укрепления

российско-индийских отношений, как представляется, может стать стратегический «треугольник» Москва – Дели – Пекин, который, как полагают в официальном Дели, должен иметь неизменно *равнобедренный* характер.

Каковы дополнительные факторы активизации российско-индийских отношений на исходе первой четверти нынешнего века? Четыре момента и творческая реакция на их появление представляются принципиально важными.

Первое. Длительное время для советской дипломатии безальтернативной социально-политической силой в Индии выступал Индийский национальный конгресс, бывший ядром «системы однопартийного преобладания» (*one-party dominance system*). С начала нынешнего века вторым «фокусом внимания» для российских дипломатов стала Бхаратия джаната парти. Однако должного интереса по отношению к левым силам и региональным партиям (прежде всего в штатах Юга) по-прежнему не наблюдалось. В настоящее время работа с региональными партиями становится насущной необходимостью в свете диверсификации наших внешнеэкономических связей с Индией, центр тяжести которых неизбежно переносится в штаты. Иными словами, происходит усиление *горизонтальных* начал в динамике двусторонних отношений. Устойчивые отношения российских дипломатов и бизнесменов с региональными элитами (в первую очередь в южных штатах) помогут резко активизировать «субъективный фактор» (то есть доверительные личные отношения), издавна играющий важную роль в дипломатии и внешнеэкономических связях.

Второе. Качественно изменившаяся мировая ситуация требует содержательного расширения контактов между российскими и индийскими

органами законодательной власти как на общенациональном/федеральном уровне, так и на региональном. Подобные контакты, помимо прочего, помогут оперативно решать время от времени возникающие проблемы в сфере внешнеэкономических связей и финансовых взаимоотношений между Россией и Индией, что особенно важно в условиях перехода взаимных расчетов на национальные денежные единицы.

Третье. Уплотнение связей с «крупнейшей демократией мира» (пусть и ценой временных финансовых издержек) поможет правящим кругам Индии спокойнее воспринимать политику «великого северного соседа» и, возможно, ослабит заинтересованность официального Дели в участии в деятельности антикитайской платформы QUAD. В свою очередь Пекин сможет рассматривать «крупнейшую демократию мира» как «подлинно самостоятельного» участника международных отношений, и, таким образом, роль России в стратегическом «треугольнике» Москва – Пекин – Дели объективно возрастет.

Четвертое. Уровень зрелости наших с Индией отношений всегда напрямую зависел от деятельности отечественных ученых-индологов. Такие индоведы, как В.И. Павлов, Г.Г. Котовский, Г.К. Широков, Л.И. Рейснер, О.В. Маляров, Е.П. Чельшев, и многие другие ученые пользовались доверием и уважением правящих кругов «крупнейшей демократии мира». Нынешнее качество индологии в России трудно сопоставить с советским уровнем. Видимо, пришло время провести строгую инвентаризацию «сил и средств» в российской науке об Индии и принять соответствующие решения директивного характера относительно роли научного сообщества на дипломатическом «фронте» наших отношений с Индией.

Список литературы

Шапошникова Л.В. Годы и дни Мадраса. – Москва : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1971. – 383 с.

Ellis-Petersen H. BJP win in India's 2024 general election 'almost an inevitability' // The Guardian. – 2023. – December 31. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/dec/31/bjp-modi-india-general-election-2024> (дата обращения: 04.08.2024).

George A.S. Navigating the World's Largest Democratic Exercise: India's 2024 General Election // Partners Universal International Innovation Journal. – 2024. – Vol. 2, N 2. – P. 1–17. – DOI: 10.5281/zenodo.10870054.

Goyal O.P. Caste and Voting Behaviour. – New Delhi : Ritu Publishers, 1981. – 120 p.

How strong is India's economy under Narendra Modi? // The Economist. – 2024. – January 15. – URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/01/15/how-strong-is-indias-economy-under-narendra-modi> (дата обращения: 04.08.2024).

Ito T. India Returns to Coalition Politics: What Will Change under the National Democratic Alliance? // International Information Network Analysis. – 2024. – September 7. – URL: https://www.spf.org/iina/en/articles/toru_ito_07.html (дата обращения: 06.09.2024).

Jain R. Modi's BJP to win India's 2024 polls, seat share may fall: survey // Reuters. – 2024. – February 8. – URL: <https://www.reuters.com/world/india/modis-bjp-win-indias-2024-polls-seat-share-may-fall-survey-2024-02-08/> (дата обращения: 04.08.2024).

Mundhra Sh. In Lok Sabha Election 2024, BJP got 69 lakh more votes from 2019, but 63 fewer seats. Here is how // Firstpost. – 2024. – June 5. – URL: <https://www.firstpost.com/explainers/2024-lok-sabha-election-results-bjp-vote-share-seats-voter-turnout-13779061.html> (дата обращения: 01.08.2024).

Sharma A. India Modi-fied for a Historic Third Term But with a Check: An Insight into the Indian General Election 2024 // Australian Institute of International Affairs. – 2024. – July 2. – URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/india-modi-fied-for-a-historic-third-term-but-with-a-check-an-insight-into-the-indian-general-election-2024/> (дата обращения: 28.07.2024).

Sirkar N., Venkat R. CASI Election Conversations 2024: Neelanjan Sircar on the Roots of Political and Economic Centralization in India // India in Transition. – 2024. – May 20. – URL: <https://casi.sas.upenn.edu/iit/election-conversations-2024-rohan-venkat-neelanjan-sircar> (дата обращения: 28.07.2024).

Ten charts reveal Narendra Modi's actual record of office // The Economist. – 2024. – January 26. – URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2024/01/26/ten-charts-reveal-narendra-modis-actual-record-in-office> (дата обращения: 03.08.2024).

To see India's future, go south // The Economist. – 2024. – February 29. – URL: <https://www.economist.com/leaders/2024/02/29/india-could-be-ruined-by-its-political-and-economic-divisions> (дата обращения: 03.08.2024).

Vaishnav M. The Rise of India's Second Republic // Journal of Democracy. – 2024. – Vol. 35, N 3. – P. 38–56. – DOI: 10.1353/jod.2024.a930426.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.01

India in the Year of Parliamentary Elections: The Alignment of Socio-political Forces and the Peculiarities of the Electoral System. The Interests of Russia

Andrey G. VOLODIN

Dr. Sc. (History), Chief Researcher at the Center for Interdisciplinary Research
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2024). India in the Year of Parliamentary Elections: The Alignment of Socio-political Forces and the Peculiarities of the Electoral System. The Interests of Russia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 3, pp. 6–27 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.01

Received: 04.08.2024.

Revised: 07.09.2024.

ABSTRACT. *The article investigates the alignment of socio-political forces in India on the eve of the parliamentary elections held in April-May 2024. In the first part of the paper, the positions and ideological preferences of the main electoral blocs, the National Democratic Alliance led by the Bharatiya Janata Party (BJP) and the I.N.D.I.A. party coalition under the Indian National Congress are compared, attention is drawn to the strengths and weaknesses of each of the above-mentioned associations. The second part of the article focuses on estimates and forecasts of the results of parliamentary election. The results of the general election are analyzed from the perspective of the electoral system of 'relative majority' functioning in India. In the final part of the paper, an attempt is made to assess the impact of the results of the parliamentary elec-*

tion on the prospects for the development of Russian-Indian relations.

KEYWORDS: *India, parliamentary election-2024, Bharatiya Janata Party, Indian National Congress, Narendra Modi, relative majority electoral system, Indo-Russian relations, coalition strategy of Indian parties.*

References

Ellis-Petersen (2023). H. BJP win in India's 2024 general election 'almost an inevitability'. *The Guardian*. December 31. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2023/dec/31/bjp-modi-india-general-election-2024>, accessed 04.08.2024.

George A.S. (2024). Navigating the World's Largest Democratic Exercise: In-

dia's 2024 General Election. *Partners Universal International Innovation Journal*. Vol. 2, no. 2, pp. 1–17. DOI: 10.5281/zenodo.10870054.

Goyal O.P. (1981). *Caste and Voting Behaviour*. New Delhi: Ritu Publishers, 120 pp.

How strong... (2024). How strong is India's economy under Narendra Modi? *The Economist*. January 15. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/01/15/how-strong-is-indias-economy-under-narendra-modi>, accessed 04.08.2024.

Ito T. (2024). India Returns to Coalition Politics: What Will Change under the National Democratic Alliance? *International Information Network Analysis*. September 7. Available at: https://www.spf.org/iina/en/articles/toru_ito_07.html, accessed 06.09.2024.

Jain R. (2024). Modi's BJP to win India's 2024 polls, seat share may fall: survey. *Reuters*. February 8. Available at: <https://www.reuters.com/world/india/modis-bjp-win-indias-2024-polls-seat-share-may-fall-survey-2024-02-08/>, accessed 04.08.2024.

Mundhra Sh. (2024). In Lok Sabha Election 2024, BJP got 69 lakh more votes from 2019, but 63 fewer seats. Here is how. *Firstpost*. June 5. Available at: <https://www.firstpost.com/explainers/2024-lok-sabha-election-results-bjp-vote-share-seats-voter-turnout-13779061.html>, accessed: 01.08.2024.

Shaposhnikova L.V. (1971). *The Years and Days of Madras*. Moscow: Main Ed-

itorial Office of Oriental Literature, Nauka Publishing House, 383 pp. (in Russian).

Sharma A. (2024). India Modi-fied for a Historic Third Term But with a Check: An Insight into the Indian General Election 2024. *Australian Institute of International Affairs*. July 2. Available at: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/india-modi-fied-for-a-historic-third-term-but-with-a-check-an-insight-into-the-indian-general-election-2024/>, accessed 28.07.2024.

Sirkar N., Venkat R. (2024). CASI Election Conversations 2024: Neelanjan Sircar on the Roots of Political and Economic Centralization in India. *India in Transition*. May 20. Available at: <https://casi.sas.upenn.edu/iit/election-conversations-2024-rohan-venkat-neelanjan-sircar>, accessed 28.07.2024.

Ten charts... (2024). Ten charts reveal Narendra Modi's actual record of office. *The Economist*. January 26. Available at: <https://www.economist.com/graphic-detail/2024/01/26/ten-charts-reveal-narendra-modis-actual-record-in-office>, accessed: 03.08.2024.

To see India's... (2024). To see India's future, go south. *The Economist*. February 29. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2024/02/29/india-could-be-ruined-by-its-political-and-economic-divisions>, accessed 03.08.2024.

Vaishnav M. (2024). The Rise of India's Second Republic. *Journal of Democracy*. Vol. 35, no. 3, pp. 38–56. DOI: 10.1353/jod.2024.a930426.

УДК 324(594)

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.02

Результаты и перипетии президентских выборов 2024 г. в Индонезии

Александр Вячеславович ПОПОВ

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании
Институт востоковедения РАН

ул. Рождественка, д. 12, г. Москва, Российская Федерация, 107031;

старший научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН

Институт Китая и современной Азии РАН

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: 3638272@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9094-0818

ЦИТИРОВАНИЕ: Попов А.В. Результаты и перипетии президентских выборов 2024 г. в Индонезии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 28–45.
DOI: 10.31249/kgt/2024.03.02

Статья поступила в редакцию 26.04.2024.

Исправленный текст представлен 10.06.2024.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена результатам состоявшихся 14 февраля 2024 г. президентских выборов в Индонезии, перипетиям политической борьбы, предшествующей этим выборам, раскладу политических сил в высших эшелонах власти Индонезии накануне всеобщих выборов и после подведения их итогов. Для лучшего понимания соотношения основных политических сил и участников президентской гонки 2024 г. дан краткий анализ взаимоотношений Джоко Видодо и Прабово Субьянто, главных политических фигур современной Индонезии, в 2014–2024 гг.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Индонезия, президент, выборы, Прабово Субьянто, Гибран, партия, парламент, кандидат, Конституционный Суд.*

Современной Индонезии в российской научной литературе уделяется мало внимания, несмотря на масштабы страны (а она занимает в мире 4-е место по численности населения и 8-е место по размеру ВВП при расчете по паритетам покупательной способности валют). Например, лишь немногочисленные исследователи, включая автора, рассматривают регулярно проходящие в стране выборы [Другов, 2010; Другов, 2011; Другов, 2014; Попов, 2014; Другов, 2019а; Другов, 2019б]. Очевидно, что для понимания специфики последних всеобщих выборов нельзя ограничиваться лишь одной небольшой статьей [Куклин, 2024]. В преддверии выборов в цикле из четырех статей нами дана характеристика победившего в итоге в президентской гонке Прабово Суб-

янтю [Попов, 2024а; Попов, 2024b; Попов, 2024с; Попов, 2024d]. В этой статье дается более панорамная картина с учетом предыстории.

Предпосылки победы на президентских выборах Прабово Субьянто

Состоявшиеся 14 февраля 2024 г. президентские выборы в Индонезии принесли ожидаемую победу лидеру партии Гериндра Прабово Субьянто, который в паре с претендентом на пост вице-президента Гибраном Ракабумингом Рака набрал в общенациональном масштабе 58,6% голосов, что позволило этой паре выиграть у своих соперников, Аниса Басведана – Мухаймина Исканда и Ганджара Праново – Махфуда МД, уже в первом туре, что и было подтверждено Решением ЦИК Индонезии № 360 от 20 марта 2024 г. Хотя противники Прабово – Гибрана своего поражения не признали и подали многочисленные иски в Конституционный Суд (КС), указывая и на многочисленные нарушения в ходе голосования, и на незаконность участия Гибрана в выборах, вопрос о президентстве в Индонезии фактически решен, поскольку 22 апреля 2024 г. КС Индонезии все эти иски отверг¹.

Проиграв нынешнему президенту Джоко Видодо, который в Индонезии известен также как Джокови, выборы 2014 и 2019 гг., Прабово сделал для себя правильный вывод и вместо конфронтации с президентом пошел на сотрудничество с ним, войдя в октябре 2019 г. в правительство Джокови в качестве министра обороны. В тот период Индо-

незия фактически была на грани гражданской войны, поскольку сторонники Прабово не признали поражения, и в Джакарте начались столкновения, сопровождавшиеся человеческими жертвами. Для предотвращения эскалации конфликта оба лидера, по нашим данным, договорились, что Прабово входит в правительство, а на следующих президентских выборах Джоко Видодо, который сам уже баллотироваться не мог, поддержит его кандидатуру. Со стороны президента это было весьма смелым обещанием, поскольку как член Демократической партии борьбы Индонезии (*Partai Demokrasi Indonesia Perjuangan* – PDIP/ПДИП) и выдвиженец ее лидера Мегавати Сукарнопутри, Джоко Видодо, по идее, должен был в данном вопросе подчиняться партийной дисциплине, однако к этому времени становилось всё более очевидным, что политически окрепший в период первого президентского срока Джокови всё чаще играет собственную игру без оглядки на Мегавати и партию.

Однако того, что сотворил Джоко Видодо в преддверии президентских выборов, вряд ли кто-то из лагеря Мегавати ожидал, даже учитывая растущую независимость президента. Не имея по закону возможности идти на третий президентский срок и не сумев законодательно «организовать» продление своего второго срока, Джоко Видодо в нужный момент «продвинул» в напарники к Прабово в качестве претендента на пост вице-президента своего старшего сына Гибрана. Сделано это было вопреки действующему законодательству: в соответствии со статьей 169 Закона №7 «О всеобщих выборах»

1 Конституционный Суд отклонил иски претендентов 01 и 03, Национальный предвыборный штаб: Прабово – Гибран официально стали президентом и вице-президентом. MK Tolak Gugatan 01 dan 03, TKN: Prabowo-Gibran Sah Jadi Presiden dan Wapres // Kompas.com. – 2024. – 22 April. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2024/04/22/16583251/mk-tolak-gugatan-01-dan-03-tnk-prabowo-gibran-sah-jadi-presiden-dan-wapres> (дата обращения: 22.04.2024).

2017 г. на пост президента и вице-президента могут претендовать граждане Индонезии, достигшие 40-летнего возраста², Гибрану же на момент выдвижения было всего 36 лет, однако дальновидный Джоко Видодо заблаговременно устроил на пост председателя КС своего шурина Анвара Усмана, который 16 октября 2023 г. «продавил» решение суда № 90/PUU-XXI/2023, в соответствии с которым допускалось выдвижение на высшие посты в государстве лиц моложе 40 лет, если эти лица через механизм выборов занимали пост главы административной единицы³, то есть были официально избраны и имели опыт административного управления. Под это определение идеально подходил сын президента, Гибран Ракабуминг Рака, который к этому моменту, будучи избранным от той же ПДИП, уже два года был мэром города Соло (Суракарта), родного города президента.

Символично, что данное решение было принято буквально накануне дня рождения Прабово, которому 17 октября 2023 г. исполнилось 72 года, и для Прабово это стало настоящим подарком, поскольку теперь он мог быть уверенным в полной поддержке Джоко Видодо на выборах президента. Прабово не зря долго выжидал и не делал выбора в отношении своего напарника, «забраковав» нескольких кандидатов, среди которых наиболее вероятной фигурой был министр по делам госпредприятий Эрик Тохир. Фактически отказал Прабово и лидеру крупнейшей мусульманской партии – Партии возрождения нации (*Partai Kebangkitan Bangsa* – PKB/ПКБ) – Мухайми-

ну Искандару, который изначально был первым союзником Прабово, но, не дождавшись своего выдвижения на пост кандидата в вице-президенты, переметнулся к другому кандидату в президенты, исламскому интеллектуалу и бывшему губернатору Джакарты Анису Басведану.

Лишившись ПКБ в качестве союзника своей партии Гериндра по предвыборной коалиции, Прабово в конечном итоге собрал в нее не менее сильных партнеров – партию «Голкар», традиционно тесно связанную с госаппаратом, армией и крупным бизнесом, и умеренную мусульманскую партию – Партию национального мандата (*Partai Amanat Nasional* – PAN/ПАН), которая поддерживала Прабово на выборах 2014 и 2019 гг. В последний момент к коалиции Прабово присоединилась и Партия демократов (*Partai Demokrat* – PD/ПД), контролируемая семьей бывшего президента Индонезии Сусило Бамбанга Юдойоно, сын которого, Агус Харимурти Юдойоно (*Agus Harimurti Yudhoyono* – AHY/АХИ), является председателем партии. Изначально демократы планировали поддержать Аниса Басведана, рассчитывая, что тот выберет АХИ своим напарником – претендентом на пост вице-президента, однако внезапно в стан Басведана, которого в тот момент поддерживала также партия медиамагната Сурья Пало – Национально-демократическая партия (*Partai NasDem* – Nasdem/Насдем) – и наиболее консервативная мусульманская партия – Партия справедливости и процветания (*Partai Keadilan dan Sejahtera* – PKS/ПКС), перешел Мухаймин Искандар с прицелом именно

2 Закон Республики Индонезия № 7 от 2017 г. «О всеобщих выборах». – Статья 169. – Джакарта, 15.08.2017. С. 119. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 7 Tahun 2017. Tentang Pemilihan Umum. – Pasal 169. – Jakarta, 15.08.2017. – Н. 119. – Индонез. яз.

3 Путь Гибрана Ракабуминга по утверждению в качестве кандидата вице-президента Прабово на выборах 2024. Perjalanan Gibran Rakabuming Ditetapkan Jadi Cawapres Prabowo 2024 // Detiknews. – 2024. – 22 Oktober. – Индонез. яз. – URL: <https://news.detik.com/pemilu/d-6996392/perjalanan-gibran-rakabuming-ditetapkan-jadi-cawapres-prabowo-2024> (дата обращения: 22.10.2023).

на позицию кандидата в вице-президенты. Оскорбившись, что прием ПКБ в коалицию Басведана был осуществлен без согласования с ними, демократы перешли к Прабово.

В результате у Прабово сформировалась коалиция из четырех парламентских партий, имеющих серьезные позиции в нижней палате парламента – Совете народных представителей (*Dewan Perwakilan Rakyat – DPR/ДПР*): по результатам выборов 2019 г. у Голкара было 85 мест, у партии Гериндра – 78 мест, у демократов – 54 и 44 места – у ПАН, то есть всего 261 место из 575, или более 45%⁴. Для выдвижения же кандидатов на посты президента и вице-президента политической партии и коалиции партий необходимо иметь не менее 20% мест в ДПР, что позволило коалиции Прабово, Коалиции прогрессивной Индонезии (*Koalisi Indonesia Maju – KИМ/КИМ*) выдвинуть своих кандидатов на выборах президента и вице-президента. Но для начала партия Голкар на своей национальной конференции, которую оперативно собрали уже 21 октября (в субботу), рекомендовала выдвинуть Гибрана кандидатом на пост вице-президента, хотя подчеркивалось, что окончательный выбор остается за Прабово. Получив данную рекомендацию, Гибран заручился также поддержкой лидера демократов АХИ и председателя ПАН Зулкифли Хасана, и в тот же вечер Прабово Субьянто объявил его своим напарником на президентских выборах⁵.

Формально Гибран, как мэр г. Соло, должен был получить официальное

разрешение президента на выдвижение в качестве кандидата в вице-президенты Индонезии, но это был уже чисто технический вопрос, тогда как сам факт участия сына президента в этих выборах, которое потребовало изменения действующего законодательства, вызвало в Индонезии далеко неоднозначную реакцию. Многие усмотрели в этом нарушение демократии, проявление кумовства в политике и фактически возврат к временам Сухарто, и президента обвинили в создании «политической династии».

Последнее было справедливым лишь отчасти, поскольку стремлением продвинуть своих детей на самый верх вертикали власти в Индонезии грешили и другие президенты. Так, лидер ПДИП Мегавати Сукарнопутри, бывшая президентом страны в 2001–2004 гг., используя свое положение главы партии, имеющей наибольшее число мандатов в ДПР, на пост председателя этого важнейшего законодательного округа продвинула свою дочь Пуан Махарани. Хотела бы Мегавати выдвинуть дочку и на пост президента страны, но у той просто не хватило для этого политического веса. Другой бывший президент, Сусило Бамбанг Юдойоно, занимавший этот пост дважды, в 2004–2009 и 2009–2014 гг., упорно продвигает наверх своего старшего сына АХИ, который смог лишь удержаться на высшем посту в партии, созданной специально под его отца, и лишь вхождение демократов в коалицию Прабово, почти открыто поддерживаемую действующим президентом, принесло АХИ мини-

4 Партии – победители всеобщих выборов 2019 г., полные данные о процентном соотношении полученных голосов и количестве мест у партий в парламенте. Partai Pemenang Pemilu 2019, Lengkap Persentase Suara dan Jumlah Kursi Parpolnya // Liputan6. – 2024. – 8 Januari. – Индонез. яз. – URL: <https://www.liputan6.com/hot/read/5500031/partai-pemenang-pemilu-2019-lengkap-persentase-suara-dan-jumlah-kursi-parpolnya?page=2> (дата обращения: 08.01.2024).

5 Путь Гибрана Ракабуминга по утверждению в качестве кандидата вице-президента Прабово на выборах 2024. Perjalanan Gibran Rakabuming Ditetapkan Jadi Cawapres Prabowo 2024 // Detiknews. – 2023. – 22 Oktober. – Индонез. яз. – URL: <https://news.detik.com/pemilu/d-6996392/perjalanan-gibran-rakabuming-ditetapkan-jadi-cawapres-prabowo-2024> (дата обращения: 22.10.2023).

стерское кресло: 21 февраля 2024 г. президент назначил его министром по вопросам аграрного землеустройства⁶.

Другое дело, что на посту президента ни Мегавати, ни Юдойоно ничего подобного себе не позволяли, и даже всемогущий президент Сухарто, который, казалось, мог принять любое кадровое назначение, ввел в правительство свою дочь Сити Хардианти Рукмана лишь на 33-м году своего правления.

Предыстория вопроса

Наибольший ущерб от действий президента потерпела, конечно, Мегавати, членами партии которой были и сам Джоко Видодо, и его сын Гибран, не говоря уже о том, что и президентом стать Джоко Видодо смог лишь благодаря непосредственной поддержке Мегавати. А началось всё с того, что в апреле 2012 г. Мегавати поддержала кандидатуру Джоко Видодо, который в тот момент был всего лишь мэром города Соло, на выборах губернатора Особого столичного округа (*Daerah Khusus Ibukota – DKI/ДКИ*) Джакарта, причем инициатором этой поддержки, по иронии судьбы, был всё тот же Прабово⁷, фактически способствовавший формированию своего главного политического соперника. Мегавати и Прабово в тот момент связывало совместное участие в президентских выборах 2009 г., на которых Прабово шел вторым номером. Выборы они, правда, проиграли, но сотрудничество

сохранялось и по партийной линии, и в 2012 г. именно ПДИП и Гериндра помогли Джоко Видодо стать губернатором Джакарты.

Справедливости ради необходимо отметить, что сам Джоко Видодо вступил в ПДИП еще в 2004 г. и, заручившись поддержкой местного отделения партии, выиграл в 2005 г. выборы мэра Соло, получив, правда, со своим напарником Хади Рудьятмо всего 32,6% голосов. Их деятельность по развитию г. Соло, очевидно, была столь эффективной, что уже на выборах 2010 г. они получили свыше 90% голосов⁸. Кроме того, Джоко Видодо как мэр прославился и простотой общения с представителями самых различных слоев общества, а самое главное – отсутствием коррупционного следа в его деятельности, и в партии его заметили, назначив на одну из руководящих позиций отделения по провинции Центральная Ява. Поэтому, выдвигая Джоко Видодо на пост губернатора Джакарты, Мегавати, конечно, получала информацию и снизу, со стороны своей партии. К слову, поддержал кандидатуру Джокови и один из наиболее авторитетных индонезийских политиков, бывший вице-президент Юсуф Калла.

Вступив в должность губернатора ДКИ Джакарта в октябре 2012 г., Джоко Видодо, благодаря своей эффективной деятельности и грамотной популистской политике, достаточно быстро превратился в политика национального масштаба и спустя всего год стал серь-

6 Заявление о причинах, по которым АХИ принял предложение Джокови стать министром: мы никого не смещали. Ungkap Alasan AHY Terima Tawaran Jadi Menteri Jokowi, Demokrat: Kami Tak Menggusur Siapa Pun // Kompas.com. – 2024. – 24 Februari. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2024/02/24/06541531/ungkap-alasan-ahy-terima-tawaran-jadi-menteri-jokowi-demokrat-kami-tak> (дата обращения: 25.02.2024).

7 Рассказ Хашима, как Прабово уговорил Мегавати выдвинуть Джокови на выборах губернатора Джакарты. Cerita Hashim Saat Prabowo Lobi Megawati Calonkan Jokowi di Pilkada DKI // Kompas.com. – 2023. – 12 Maret. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2023/03/12/16015131/cerita-hashim-saat-prabowo-lobi-megawati-calonkan-jokowi-di-pilkada-dki> (дата обращения: 20.03.2024).

8 Таким был политический путь Джокови, кандидата в президенты, у «которого кожа да кости». Begini Perjalanan Politik Jokowi, Si 'Capres Kerempeng' // Detiknews. – 2014. – 20 Oktober. – Индонез. яз. – URL: <https://news.detik.com/berita/d-2723501/begini-perjalanan-politik-jokowi-si-capres-kerempeng> (дата обращения: 20.03.2024).

езно рассматриваться Мегавати уже в качестве будущего кандидата на пост президента на выборах 2014 г. 9 апреля 2014 г. состоялись парламентские выборы, на которых партия Мегавати получила 4-й порядковый номер, и, поскольку жизнь индонезийцев в целом (и политики здесь не исключение) полна символизма, Мегавати приняла решение о выдвижении Джоко Видодо на пост президента 14 марта 2014 г. в 14.44⁹ (интересно, что и нынешние всеобщие выборы состоялись 14 февраля 2024 г.). И хотя для китайцев цифра «4» из-за сходства звучания со словом «смерть» не приветствуется, для яванцев, самого крупного этноса Индонезии, на которые приходится не менее 40% ее населения, эта цифра наоборот символизирует «мудрость», «творчество» и «победу»¹⁰, поэтому выбор Мегавати тоже был не случаен.

По результатам парламентских выборов 2014 г. ПДИП Мегавати получила в Совете народных представителей 109 мест из 560, то есть около 19,5%, или менее 20%, необходимых для выдвижения кандидатов на пост президента и вице-президента, что потребовало создания парламентской коалиции, в которую, помимо ПДИП, вошли Насдем (35 мест в ДПР), ПКБ (47 мест) и Партия народной совести (*Hati Nurani Rakyat* – *Hanura*/Ханура, 16 мест), возглавляемая бывшим главкомом во-

оруженных сил Индонезии, генералом в отставке Виранто – злейшим на тот момент врагом Прабово, способствовавшим увольнению последнего из армии в 1998 г. и фактически его изгнанию из страны. У коалиции набралось 207 парламентских мест¹¹, что позволило ей 27 мая провозгласить Джоко Видодо кандидатом в президенты на выборах, назначенных на 9 июля 2014 г., а его напарником – Юсуфа Калла¹², которому предстояло помогать будущему президенту исполнять свои обязанности, особенно на международной арене.

На выборах 2014 г. Джоко Видодо противостоял его благодетель Прабово Субьянто в паре с министром-координатором по вопросам экономики в правительстве Сусило Бамбанга Юдойоно, Хатта Раджаса, который последнему приходился еще и сватом: его дочь замужем за Эди Баскоро, младшим сыном Сусило Бамбанга Юдойоно.

Выборы Джоко Видодо и Юсуф Калла выиграли с результатом 71 млн голосов (53,15%) против 62,6 млн голосов (46,85%) у Прабово и Хатта Раджаса¹³, что, помимо политического влияния Мегавати и ее коалиции, возможно, было связано с личностью самого Прабово, который у многих в Индонезии еще ассоциировался с диктаторским режимом Сухарто, а также массовым нарушением прав человека в самой Ин-

9 Почему Джокови был выдвинут 14 марта 2014 г. *Mengapa Deklarasi Jokowi pada 14 Maret 2014?* // Kompas.com. – 2014. – 15 Maret. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2014/03/15/1919139/Mengapa.Deklarasi.Jokowi.pada.14.Maret.2014> (дата обращения: 20.03.2024).

10 Жизненная философия яванцев в цифрах. *Filosofi hidup dalam angka Jawa* // Atmago.com. – 2019. – 26 Juli. – Индонез. яз. – URL: https://www.atmago.com/berita-warga/filosofi-hidup-dalam-angka-jawa_13d7f958-35c6-42dd-8913-b79baedb34dd (дата обращения: 20.03.2024).

11 Сколько мест в парламенте Республики Индонезия завоевали политические партии на всеобщих выборах 2014 г.? *Berapa Kursi DPR RI Yang Diraih Partai Politik pada Pemilu 2014?* // Katadata Media Network. – 2018. – 7 Juli. – URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2018/07/17/berapa-kursi-dpr-ri-yang-diraih-partai-politik-pada-pemilu-2014> (дата обращения: 25.03.2024).

12 Пять председателей партий радостно поддержали кандидатов Джокови – Юсуфа Калла. *Lima Ketua Umum Partai Penuh Canda Dukung Jokowi-JK* // Kompas.com. – 2014. – 27 Mei. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2014/05/27/1539161/Lima.Ketua.Umum.Partai.Penuh.Canda.Dukung.Jokowi-JK> (дата обращения: 25.03.2024).

13 Официальные результаты подсчета голосов на выборах президента 2014 г. *Ini Hasil Resmi Rekapitulasi Suara Pilpres 2014* // Kompas.com. – 2014. – 22 Juli. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2014/07/22/20574751/Ini.Hasil.Resmi.Rekapitulasi.Suara.Pilpres.2014?page=all> (дата обращения: 25.03.2024).

донеции и на Восточном Тиморе. Мегавати же была просто счастлива, что ее ставленник становится президентом, о чем она публично заявила 22 июля 2014 г., когда стало очевидно, что Джоко Видодо побеждает¹⁴, однако счастье это продлилось недолго.

Казалось, Мегавати сумела поставить своего человека на пост президента и сможет теперь активно влиять и на формирование правительства Джоко Видодо, и на проводимую им политику, поэтому было неудивительно, что команду избранного президента по обеспечению перехода властных функций от правительства Сусило Бамбанга Юдойоно к правительству Джоко Видодо возглавило доверенное лицо лидера ПДИП, Рини Сумарно¹⁵, которая не только ранее занимала пост министра промышленности и торговли в правительстве самой Мегавати, но и была ее ближайшей подругой. Однако, очевидно, личные амбиции Рини Сумарно превзошли ее дружеские чувства к Мегавати, и она постаралась максимально изолировать избранного президента от влияния главы ПДИП и самостоятельно направлять действия Джоко Видодо по формированию кабинета. В результате в ближайшем окружении президента оказались лица, которых в политической тусовке Джакарты стали именовать «трио львов», назначение которых состоялось вопреки желанию Мегавати: это была сама Рини Сумарно, которая стала министром по делам госпредприятий, Анди Виджаянто, занявший пост секретаря

кабинета министров, и отставной генерал Лухут Панджаитан, ставший главой президентской администрации. Возникшая степень личной неприязни была столь высока, что первых двух деятелей, которые изначально были людьми ПДИП, председатель Центрального руководства этой партии Эффенди Симболон публично обозвал «предателями»¹⁶.

Несмотря на явное недовольство Мегавати, Джоко Видодо не только назначил Рини Сумарно на одну из ключевых позиций в своем правительстве, но и не сменил ее в ходе многочисленных перестановок в кабинете, дав доработать до конца своего первого президентского срока. Таким образом, фактически только став президентом, Джоко Видодо сразу продемонстрировал Мегавати первые элементы своей нелояльности, показав, что не собирается быть послушной куклой из традиционного яванского театра теней, ваянг, а трещина, возникшая в их отношениях в этот период, уже никогда не позволила этим отношениям вернуться на уровень периода, предшествующего выборам 2014 г. Впрочем, и при формировании своего первого кабинета министров Джоко Видодо был вынужден учитывать мнение Мегавати, по крайней мере, в части назначения министров от ПДИП. Так, сразу после инаугурации в октябре 2014 г., желая назначить на пост министра информации своего сторонника, члена ПДИП Маруара Сираита, Джоко Видодо не получил на это одобрения Мегавати.

14 Мегавати заявила, что Джокови избран президентом Республики Индонезия на период 2014–2019 гг. Megawati Nyatakan Jokowi Presiden RI Periode 2014–2019 // Kompas.com. – 2014. – 22 Juli. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2014/07/22/19254551/Megawati.Nyatakan.Jokowi.Presiden.RI.Periode.2014-2019> (дата обращения: 25.03.2024).

15 Причина, по которой Джокови выбрал Рини Сумарно в качестве руководителя группы переходного периода правительства. Ini Alasan Jokowi Pilih Rini Soemarno sebagai Ketua Tim Transisi // Kompas.com. – 2014. – 5 Agustus. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2014/08/05/09033221/Ini.Alasan.Jokowi.Pilih.Rini.Soemarno.sebagai.Ketua.Tim.Transisi> (дата обращения: 25.03.2024).

16 В чем вина «трио львов» перед Мегавати? Apa Dosa 'Trio Singa' ke Ibu Mega? // Detiknews. – 2015. – 5 Februari. – Индонез. яз. – URL: <https://news.detik.com/berita/d-2824459/apa-dosa-trio-singa-ke-ibu-mega> (дата обращения: 25.03.2024).

вати и перечить ей по этому назначению не решился¹⁷.

Стремясь в первые годы своего президентства продемонстрировать свою независимость от Мегавати, Джоко Видодо тем не менее был вынужден показывать и свою лояльность, будучи, по сути, еще малоопытным политиком и не имея собственной партии, на которую он мог бы опереться. Так, проводя перестановки в своем кабинете, он не трогал министров от ПДИП, среди которых была и Пуан Махарани, дочь Мегавати, занимавшая пост министра-координатора по вопросам развития человека и культуры. Министру юстиции и основных прав человека Ясона Лаоли президент фактически отдал на откуп право на смягчение приговоров по делам о коррупции, чем тот охотно и воспользовался, предоставив к 70-й годовщине независимости Индонезии 17 августа 2015 г. сокращение тюремных сроков почти 2 тыс. коррупционеров. Самым же большим подарком для Мегавати было назначение 9 сентября 2016 г. ее очень близкого друга Буди Гунавана, который был личным адъютантом Мегавати в ее бытность вице-президентом (1999–2001) и президентом Индонезии (2001–2004), на должность главы Государственного комитета разведки (*Badan Intelijen Negara – BIN/БИН*), хотя ранее Буди Гунаван, занимавший тогда пост заместителя начальника полиции Индонезии, не смог ее возглавить, поскольку в январе 2015 г. был объявлен Комиссией по борьбе с коррупцией (*Komisi Pemberantasan Korupsi – KPK/КПК*)¹⁸ подозреваемым.

Впрочем, всё это не меняло общей картины взаимоотношений президента и Мегавати: последняя полагала, что имеет все основания рассчитывать на лояльность Джоко Видодо, – он же постепенно наращивал политический вес в индонезийском истеблишменте и в силу благоприятного развития экономики и целого ряда разумных мер социального характера приобрел всё большую популярность в обществе. Однако у Джоко Видодо не было своей партии, и в этом вопросе он оставался зависим от Мегавати, которая в преддверии президентских выборов 2019 г. не спешила заявлять о поддержке на них действующего президента. Так, еще в августе 2017 г. заместитель Генерального секретаря ПДИП Ахмад Басара заявил, что в ближайшее время ПДИП пока не планирует выдвигать Джоко Видодо кандидатом на пост президента на выборах 2019 г., поскольку партия должна убедиться, насколько полно он выполнит намеченную программу работы за оставшиеся два года президентского срока. Намек был более чем прозрачным, однако и у Мегавати особого выбора в тот момент не было: самой ей было уже 70 лет, а до победы Джоко Видодо она успела дважды проиграть президентские выборы Сусило Бамбангу Юдойоно (в 2004 и 2009 гг.), собственные дети серьезного политического веса не имели, да и в партии других крупных политиков не наблюдалось. При этом, медля с выдвижением Джоко Видодо от ПДИП, Мегавати рисковала опоздать, поскольку к началу 2018 г. было уже семь политических партий, которые заявили о поддержке

17 Выяснилось, что вхождение Маруара Сираита в кабинет Джокови – Калла не было одобрено Мегавати, и Джокови пришлось провонжать его. Terungkap, Maruarar Sirait tidak direstui Mega masuk Kabinet Jokowi-Kalla, Sehingga Jokowi antar // JariUngu. – 2014. – 28 Oktober. – Индонез. яз. – URL: https://jariungu.com/berita_list.php?idBerita=72108 (дата обращения: 25.03.2024).

18 Два года приливов и отливов в отношениях Джокови и Мегавати. Dua Tahun Pasang Surut Jokowi – Megawati // Tirto. id. – 2016. – 20 Oktober. – Индонез. яз. – URL: <https://tirto.id/dua-tahun-pasang-surut-jokowi-megawati-bvZm> (дата обращения: 25.03.2024).

действующего президента на следующих выборах, и первой была партия Насдем, лидер которой Сурья Пало объявил об этом уже 19 марта 2017 г.¹⁹ Кроме того, о своей поддержке президента успели заявить Голкар, Ханура, Партия единства развития (*Partai Persatuan Pembangunan* – PPP/ППП), Индонезийская партия солидарности, а также партия медиамагната китайского происхождения Харри Танусудибё – Периндо и партия бывшего губернатора Джакарты, отставного генерала Сутийёсо – Индонезийская партия справедливости и единства, которая, правда, к парламентским выборам 2019 г. по процессуальным причинам не была допущена²⁰. В принципе, для выдвижения в президенты чисто математически Джоко Видодо вполне хватило бы и этих партий, но ему была крайне важна поддержка ПДИП, имевшей самую мощную поддержку в обществе.

В связи с этим Джоко Видодо не скрывал своего торжества, когда 23 февраля 2018 г. на Национальном совещании ПДИП на Бали Мегавати Сукарнопутри объявила о своем решении вновь поддержать его на президентских выборах 2019 г., о чём президент лично объявил журналистам, отметив право председателя партии на это, предоставленное ей съездом ПДИП²¹. Для Джоко Видодо эта поддержка была важна не только с точки зрения формально-

го выдвижения в качестве кандидата, но и с учетом той электоральной базы, сохранявшейся у ПДИП, которая по-прежнему набирала наибольшее количество голосов на парламентских выборах. С другой стороны, и для партии наличие в ее рядах успешного президента, при котором экономика устойчиво росла на уровне 5% в год и страна постепенно превращалась в мирового лидера в производстве никеля, также приносило существенные дивиденды на выборах всех уровней, не говоря уже о солидном представительстве членов ПДИП в правительстве.

Поддержка ПДИП, несомненно, была обусловлена и учетом президентом кадровых интересов партии, о чем впоследствии вполне открыто говорили на V съезде ПДИП 8 августа 2019 г. на Бали, где президент подтвердил, что от партии в правительстве будет максимальное количество министров²², однако, очевидно, что Мегавати потребовала убрать из кабинета и свою «заклятую» подругу Рини Сумарно, которая вполне успешно справлялась со своими обязанностями министра по делам госпредприятий. Именно Рини Сумарно довела до завершения сделку правительства с американской компанией *PT. Freeport-McMoRan*, которая на протяжении 50 лет контролировала богатейшее золотомедное месторождение Гразберг на Папуа. Поставив задачу вернуть месторождение под конт-

19 ПДИП стала 8-й партией, выдвинувшей Джокови на выборах президента 2019 г. PDIP Partai Ke-8 yang Usung Jokowi di Pilpres 2019 // CNN Indonesia. – 2018. – 23 Februari. – Индонез. яз. – URL: <https://www.cnnindonesia.com/nasional/20180223155446-32-278375/pdip-partai-ke-8-yang-usung-jokowi-di-pilpres-2019> (дата обращения: 31.03.2024).

20 Получив поддержку ПДИП и 7 политических партий, насколько будет силен Джокови на президентских выборах 2019 г. Didukung PDIP dan 7 Parpol, Seberapa Kuat Jokowi di Pilpres 2019 // Detiknews. – 2018. – 23 Februari. – Индонез. яз. – URL: <https://news.detik.com/berita/d-3882567/didukung-pdip-dan-7-parpol-seberapa-kuat-jokowi-di-pilpres-2019> (дата обращения: 31.03.2024).

21 Будучи вновь выдвинутым на пост президента на выборах 2019 г., президент Джокови: спасибо, ПДИП. Dicalonkan Kembali Jadi Presiden di Pilpres 2019, Presiden Jokowi: Terima Kasih PDIP // Sekretariat Kabinet RI. – 2018. – 24 Februari. – Индонез. яз. – URL: <https://setkab.go.id/dicalonkan-kembali-jadi-presiden-di-pilpres-2019-presiden-jokowi-terima-kasih-pdip/> (дата обращения: 31.03.2024).

22 Действительно ли Джокови «в заложниках» у Мегавати при формировании кабинета? Benarkah Jokowi 'Tersandera' Megawati Dalam Menyusun Kabinet? // CNBC Indonesia. – 2019. – 13 Oktober. – Индонез. яз. – URL: <https://www.cnbcindonesia.com/news/20191013224701-4-106650/benarkah-jokowi-tersandera-megawati-dalam-menyusun-kabinet> (дата обращения: 31.03.2024).

роль Индонезии, Джоко Видодо пошел на выкуп контрольного пакета акций эксплуатирующей месторождение компании *PT. Freeport Indonesia*, что и было реализовано в декабре 2018 г. за 3,85 млрд долл. [Попов, 2019, с. 163].

Выборы 2019 г. Второй кабинет Джоко Видодо

Поскольку в 2019 г. выборы президента и членов парламента впервые проводились одновременно, было принято решение, что выдвижение кандидатов на пост президента и вице-президента будет осуществляться на основе парламентских выборов 2014 г.²³

Созданная для выдвижения Джоко Видодо на второй президентский срок коалиция, к которой позднее присоединилась и Партия возрождения нации, обладала более чем солидным запасом парламентских мандатов, формально для этого необходимым. По результатам выборов в ДПР 2014 г. в нижнюю палату парламента, преодолев 3,5%-й минимальный порог голосов, собранных в национальном масштабе, из коалиции прошли следующие партии: ПДИП – 109 мест, Голкар – 91 место, ПКБ – 47 мест, ППП – 39 мест, Насдем – 35 мест, Ханура – 16 мест. Таким образом, коалиция имела 337 мест в ДПР из 560, то есть более 60% при формально требуемых 20%. У оппозиционной коалиции, которую вновь возглавил Прабово Субьянто, поддержка в парламенте была гораздо скромнее: Гериндра – 73 места, демократы – 61 место, ПАН –

49 мест и ПКС – 40 мест, то есть всего 223 места²⁴.

Обе коалиции придавали большое значение исламскому фактору, и в каждой коалиции было по две мусульманские партии, причем Прабово получил поддержку наиболее радикальной из них – ПКС, что в дальнейшем отразилось и на географии полученных им голосов. Президент же сделал ставку не только на поддержку исламских партий, но и предложил пост вице-президента одному из лидеров крупнейшей мусульманской организации Нахдлатул Улама и председателю Совета улемов Индонезии Мааруфу Амину, что лишний раз должно было продемонстрировать мусульманским избирателям его приверженность ценностям ислама. Прабово же выбрал своим напарником крупного бизнесмена Сандьяго Уно, связанного с финансовой группой *Saratoga*, который на момент выдвижения занимал пост вице-губернатора Джакарты, годом ранее избравшись от партии Гериндра.

Голосование на всеобщих выборах прошло 17 апреля, а 21 мая 2019 г. ЦИК Индонезии обнародовал его результаты: 84,7 млн голосов (55,3%) было подано за Джоко Видодо и Мааруфа Амина, 68,4 млн голосов (44,7%) – за Прабово Субьянто и Сандьяго Уно. При этом Прабово безоговорочно победил в провинциях, где доминируют наиболее консервативные мусульманские порядки: в провинции Аче он получил 2,4 млн голосов, а Джоко Видодо – 400 тыс.; на Западной Суматре соответственно – 2,5 млн и 400 тыс.; на Западной Яве – 16,0 млн и 10,7 млн,

23 Предложение по результатам парламентских выборов 2014 г. к президентским 2019 г., чтобы не создавалось много партий. Usulan Hasil Pileg 2014 untuk Pilpres 2019 agar Tak Banyak yang Bikin Partai // Kompas.com. – 2016. – 16 September. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2016/09/16/22135241/usulan.hasil.pileg.2014.untuk.pilpres.2019.agar.tak.banyak.yang.bikin.partai> (дата обращения: 31.03.2024).

24 Сколько мест в парламенте Республики Индонезия завоевали политические партии на всеобщих выборах 2014 г.? Berapa Kursi DPR RI Yang Diraih Partai Politik pada Pemilu 2014? // Katadata Media Network. – 2018. – 7 Juli. – URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2018/07/17/berapa-kursi-dpr-ri-yang-diraih-partai-politik-pada-pemilu-2014> (дата обращения: 25.03.2024).

в провинции Западная Нусатенгара – 2,0 млн и 950 тыс. соответственно²⁵.

Сразу после официального объявления результатов выборов, 21 мая, недовольные сторонники Прабово, подозревавшие подтасовки на выборах, в ходе проведения которых внезапно умерло 894 человека, участвовавших в подсчете голосов, вышли в Джакарте с протестами, которые переросли в стычки с полицией²⁶. Вызывали подозрения и цифры, обнародованные ЦИК Индонезии, что к выборам было зарегистрировано 199,9 млн избирателей, из которых своим избирательным правом воспользовалось только 158,0 млн человек, причем на выборах президента 3,75 млн голосов было признано недействительными, а на парламентских выборах таких набралось 17,5 млн²⁷.

По данным властей, беспорядки и погромы, вспыхнувшие к вечеру 21 мая, были спровоцированы проплаченными уголовниками, которые внешне резко отличались от участников мирной демонстрации, начавшейся днем, после объявления результатов выборов. В ходе столкновений 21–22 мая в Джакарте 10 гражданских погибло, в том числе 9 от огнестрельных ранений, и около тысячи, включая полицейских, было ранено²⁸. В организации беспорядков власти, естественно, подозревали сторонников Прабово, хотя

его имя открыто не называлось. Ситуация в стране, которая фактически была разделена на два лагеря, была накалена до предела, однако у двух лидеров хватило мудрости провести личную встречу и договориться о мире и взаимодействии. В середине июля президент и Прабово встретились в Джакарте на конечной станции метро Лебак Булус и договорились, что представители партии Гериндра входят в правительство Джокко Видодо. Сам Прабово Субьянто выбрал для себя пост министра обороны, его верный сторонник, Эди Прабово, бывший до этого два срока членом парламента Индонезии, стал министром по делам моря и рыболовства, а Сантьяго Уно – министром туризма и креативной экономики²⁹.

После этой встречи ситуация в стране быстро нормализовалась, очередная инаугурация Джокко Видодо прошла спокойно, а Прабово целиком погрузился в дела своего министерства, активно занявшись военной дипломатией и вопросами, связанными с модернизацией вооруженных сил Индонезии. Став министром обороны в октябре 2019 г., Прабово уже в январе 2020 г. посетил Москву и встретился со своим российским коллегой С.К. Шойгу. Этот визит и дальнейшие контакты породили надежду, что удастся реализовать контракт на поставку Индонезии 11 российских истре-

25 Центральная избирательная комиссия. Результаты подсчета голосов на всеобщих выборах президента и вице-президента Республики Индонезия 2019 г. Komisi Pemilihan Umum. Hasil hitung suara pemilu presiden & wakil presiden RI 2019 // Komisi Pemilihan Umum. – 2019. – URL: <https://pemilu2019.kpu.go.id/#/ppwp/hitung-suara/> (дата обращения: 02.04.2024).

26 Год назад 22 мая Джакарта полыхала во время всеобщих выборов. 22 Mei Setahun yang Lalu, Jakarta Membara di Masa Pemilu // CNN Indonesia. – 2020. – 22 Mei. – Индонез. яз. – URL: <https://www.cnnindonesia.com/nasional/20200522051704-20-505747/22-mei-setahun-yang-lalu-jakarta-membara-di-masa-pemilu> (дата обращения: 02.04.2024).

27 Всеобщие выборы 2019 г. и укрепление демократии. Pemilu 2019 dan penguatan sistem demokrasi // Antara. – 2019. – 28 Desember. – Индонез. яз. – URL: <https://www.antaraneews.com/berita/1226492/pemilu-2019-dan-penguatan-sistem-demokrasi> (дата обращения: 02.04.2024).

28 Нынешний день в истории: беспорядки в Джакарте после объявления результатов всеобщих выборов 2019 г. Hari Ini dalam Sejarah: Kerusuhan Jakarta Pasca-pengumuman Hasil Pemilu 2019 // Kompas.com. – 2021. – 22 Mei. – Индонез. яз. – <https://www.kompas.com/tren/read/2021/05/22/085000065/hari-ini-dalam-sejarah--kerusuhan-jakarta-pasca-pengumuman-hasil-pemilu?page=all> (дата обращения: 02.04.2024).

29 Всеобщие выборы 2019 г. и укрепление демократии. Pemilu 2019 dan penguatan sistem demokrasi // Antara. – 2019. – 28 Desember. – Индонез. яз. – URL: <https://www.antaraneews.com/berita/1226492/pemilu-2019-dan-penguatan-sistem-demokrasi> (дата обращения: 02.04.2024).

бителей Су-35, который был подписан в феврале 2018 г., но «подвис» из-за угрозы американских санкций в отношении Индонезии в соответствии с пресловутым законом CAATSA («О противодействии противникам Америки посредством санкций»), принятым в США в августе 2017 г. Однако вскоре разразилась пандемия, и Прабово стало не до оружия, поскольку в июле 2020 г. президент решил использовать его для обеспечения продовольственной безопасности Индонезии путем реализации Национальной стратегической программы создания интегрированных хозяйств по производству продовольствия (*Food Estate*) на свободных землях на Калимантане, Молукках и Папуа. Фактически эта программа была возвратом к плану президента Сухарто по созданию на Калимантане 1 млн га новых рисовых чеков³⁰.

Реализация данного проекта, по логике вещей, должна была осуществляться силами Министерства сельского хозяйства и Министерства общественных работ и народного домостроения, которое обычно отвечает за строительство объектов ирригации, однако президент решил подключить к нему и Министерство обороны, рассчитывая, возможно, на финансовые и людские ресурсы этого ведомства, а также памятуя тот факт, что в 2004–2009 гг. Прабово возглавлял общественную организацию фермеров «Объединение крестьянских общин Индонезии». Впрочем, не менее вероятным представляется предположение, что президент решил на всякий случай

взвалить непосильную ношу на своего заклятого политического соперника, «бросив» его на подъем сельского хозяйства в крайне сложных условиях Калимантана и других островов. При этом президент не просто подключил Прабово к этому проекту, но и назначил его главным по созданию новой житницы Индонезии за пределами Явы, тогда как Министерство сельского хозяйства и Министерство общественных работ и народного домостроения объявлялись вспомогательными структурами³¹.

Сам Прабово с готовностью взялся за реализацию проекта *Food Estate*, который должен был повысить продовольственную устойчивость Индонезии. Для создания таких хозяйств, в которых мыслилось одновременно выращивание продовольственных культур и развитие животноводства, были выделены большие территории в провинциях, где много свободных земель: Центральный Калимантан – 180 тыс. га, Восточный Калимантан – 10 тыс. га, Западный Калимантан – 120 тыс. га, архипелаг Ару в провинции Молукки – 190 тыс. га и 1,2 млн га в провинции Папуа. На Центральном Калимантане, в кабудатене (области) Гунунг Мас, сначала было принято решение на площади 30 тыс. га высаживать кассаву, и для развития этого проекта были выделены существенные средства. Выяснилось, однако, что местные песчаные почвы практически не подходят для ее выращивания, поэтому в этом хозяйстве пришлось перейти к производству кукурузы³².

30 Когда Джокови доверил Прабово заниматься продовольственной безопасностью. Saat Jokowi Percayakan Prabowo Urusi Ketahanan Pangan // Kompas.com. – 2020. – 10 Juli. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2020/07/10/17323321/saat-jokowi-percayakan-prabowo-urusi-ketahanan-pangan?page=all> (дата обращения: 05.04.2024).

31 Причина, по которой Джокови назначил Прабово руководить проектом создания новой житницы. Ini Alasan Jokowi Tunjuk Prabowo Pimpin Proyek Lumbung Pangan // Kompas.com. – 2020. – 14 Juli. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2020/07/14/07352951/ini-alasan-jokowi-tunjuk-prabowo-pimpin-proyek-lumbung-pangan> (дата обращения: 05.04.2024).

32 Что представляет собой *Food Estate* и какова он типа в кабудатене Гунунг Мас? Apa Itu Food Estate dan Seperti Apa Food Estate di Gunung Mas? // Kontan.co.id. – 2024. – 22 Januari. – Индонез. яз. – URL: <https://aktual.kontan.co.id/news/apa-itu-food-estate-dan-seperti-apa-food-estate-di-gunung-mas> (дата обращения: 05.04.2024).

Если изначально президент хотел подпортить политический имидж Прабово, назначая его ответственным за реализацию этой программы, то своей цели он в значительной мере добился, поскольку сложно было представить, что, не являясь специалистом по сельскому хозяйству, да еще и в условиях карантинных ограничений, министр обороны быстро добьется хорошего результата. Кроме того, финансирование проекта, очевидно, осуществлялось за счет частных средств и, защищая своего партийного начальника, председатель партии Гериндра по повседневной работе Суфми Даско Ахмад отмечал в сентябре 2023 г., что для реализации этого проекта привлекаются частные фирмы, а из госбюджета не было потрачено ни одной рупии³³. Кроме того, как выяснилось из материалов Минобороны Индонезии, изначально к работе, например в хозяйстве в кабупатене Гунунг Мас, привлекались военнослужащие инженерно-саперного батальона №8 Военного района 1016 Палангкарая и инженерно-саперного подразделения №6 военного подрайона в кекаматане (районе) Сепанг, где непосредственно располагается данное хозяйство по выращиванию кукурузы³⁴. Использование на сельхозработах военных, по сути, означает возврат к той практике, что применялась в период правления президента Сухарто, когда армия регулярно привлекалась к различным рабо-

там на селе в рамках программы *ABRI masuk desa* («Вооруженные силы Республики Индонезия идут в деревню»).

Отсутствие серьезных положительных результатов в развитии этого проекта вызвало в Индонезии волну критики, причем преимущественно в адрес Прабово, который лишь исполнял указание президента. Основной политический соперник Прабово, ПДИП, в лице ее генерального секретаря Хасто Кристьянто, вообще назвала данный проект преступлением против окружающей среды, отметив, что под новые угодья вырубаются леса, а доход от продажи древесины идет в партийную кассу³⁵, прозрачно намекая на партию Гериндра. При этом политик умолчал, что данный проект инициировал президент Джоко Видодо, который как раз был членом ПДИП. Необходимо, правда, отметить, что и Прабово восторженно поддержал этот проект, неоднократно заявляя, что сам он многие годы твердил о необходимости создания таких крупных хозяйств, идея которых восходит к 70-м годам прошлого века, когда ее выдвинул бывший глава государственной нефтегазовой компании *Pertamina* Ибну Сутово. По мнению Прабово, главная задача таких хозяйств – обеспечить продовольственную устойчивость Индонезии и добиться прекращения импорта дешевого риса из Вьетнама, который в любой момент может перекрыть кран этих поставок³⁶.

33 Элита Гериндры признает, что Прабово испытывает сложности с реализацией проекта *Food Estate*. Elite Gerindra Akui Prabowo Kesulitan Jalankan Proyek Food Estate // *Tribunnews*. – 2023. – 22 September. – Индонез. яз. – URL: <https://www.tribunnews.com/nasional/2023/09/22/elite-gerindra-akui-prabowo-kesulitan-jalankan-proyek-food-estate#> (дата обращения: 05.04.2024).

34 Министерство обороны Республики Индонезия собирает урожай кукурузы на площадях *Food Estate* на Центральном Калимантане. Kementerian Pertahanan RI Panen Raya Jagung di Lahan Food Estate, Kalimantan Tengah // Kementerian Pertahanan RI. – 2024. – 13 Maret. – Индонез. яз. – URL: <https://www.kemhan.go.id/2024/03/13/kementerian-pertahanan-ri-panen-raya-jagung-di-lahan-food-estate-kalimantan-tengah.html> (дата обращения: 05.04.2024).

35 Когда его спросили, является ли *Food Estate* преступлением против окружающей среды, Прабово лишь улыбнулся. Ditanya Food Estate Kejahatan Lingkungan, Prabowo Cuma Senyum // *CNBC Indonesia*. – 2023. – 16 Agustus. – Индонез. яз. – URL: <https://www.cnbcindonesia.com/news/20230816140527-4-463535/ditanya-food-estate-kejahatan-lingkungan-prabowo-cuma-senyum> (дата обращения: 05.04.2024).

36 Прабово действительно считает, что *Food Estate* должны иметь решающее значение для национальной продовольственной безопасности. Prabowo Keukeuh Food Estate Jadi Kunci Ketahanan Pangan Nasional // *Ekonomi*. – 2024. – 12 Januari. – Индонез. яз. – URL: <https://ekonomi.bisnis.com/read/20240112/99/1731700/prabowo-keukeuh-food-estate-jadi-kunci-ketahanan-pangan-nasional> (дата обращения: 05.04.2024).

Политические интриги в преддверии выборов 2024 г.

В период пандемии со стороны целого ряда политиков и организаций стали звучать заявления о необходимости продления срока работы действующего президента и о возможности предоставления ему возможности баллотироваться на третий срок, что предполагало и изменение действующего законодательства. Так, председатель ПКБ Мухаймин Искандар 23 февраля 2022 г. высказался за перенос выборов президента, которые уже были назначены на 14 февраля 2024 г., на 1–2 года с тем, чтобы было достаточно времени для восстановления национальной экономики после пандемии³⁷, хотя ранее, еще в условиях пандемии, пресс-атташе президента Фаджрул Рахман заявил, что Джоко Видодо однозначно против продления своих президентских полномочий и полностью подчиняется действующему законодательству³⁸.

Практически одновременно, в феврале 2022 г., появилась некая группа активистов Джоко Видодо – Прабово «Джокпро 24», выступившая также и за возможность третьего президентского срока действующего президента, на который последний пошел бы уже в паре со своим министром обороны³⁹.

Было ясно, что это пробные шары со стороны команды президента, однако они вызвали в стране лишь протестные акции, и большинство политиков высказалось против изменения действующего законодательства, в связи с чем уже 28 августа 2022 г. Джоко Видодо на 1-м «Народном вече» (*Musyawarah Rakyat – Musra / Мусра*) своих сторонников в Бандунге был вынужден вновь заявить о своей приверженности конституции и невозможности продления своего президентского срока⁴⁰. Однако совсем отказываться от власти в планы Джоко Видодо, видимо, не входило, и тогда родился план продвинуть на вице-президента Гибрана, который являлся членом ПДИП, и руководство партии также рассматривало вариант выдвижение Гибрана напарником Ганджара Праново, который от ПДИП шел на пост президента⁴¹.

Сам Гибран уже к началу октября 2023 г. сообщил в партии, что у него есть предложение стать напарником Прабово на выборах президента, и он ожидает ориентировки председателя партии Мегавати Сукарнопутри относительно поддержки того или иного кандидата в президенты. Было, конечно, очевидно, что последнее слово – за его отцом, которому предстояло сделать этот выбор. От руководства же ПДИП стало

37 Руководитель Движения исламских студентов Индонезии: продление президентского срока является странным. PB PMII: Perpanjangan Masa Jabatan Presiden Adalah Hal Aneh // CNN Indonesia. – 2022. – 24 Februari. – Индонез. яз. – URL: <https://www.cnnindonesia.com/nasional/202204200420-32-763771/pb-pmii-perpanjangan-masa-jabatan-presiden-adalah-hal-aneh> (дата обращения: 09.04.2024).

38 Вновь возникли слухи о продлении президентского срока Джоко до 2027 г. Isu Masa Jabatan Jokowi Diperpanjang Hingga 2027 Mencuat Lagi // Detiknews. – 2024. – 25 April. – Индонез. яз. – URL: <https://news.detik.com/berita/d-5693780/isu-masa-jabatan-jokowi-diperpanjang-hingga-2027-mencuat-lagi> (дата обращения: 09.04.2024).

39 Активисты Джоко – Прабово подталкивают Народный консультативный конгресс к продлению президентского срока. Relawan Jokowi-Prabowo Dorong MPR Perpanjang Masa Jabatan Presiden // CNN Indonesia. – 2022. – 10 Februari. – Индонез. яз. – URL: <https://www.cnnindonesia.com/nasional/20220210033009-32-757277/relawan-jokowi-prabowo-dorong-mpr-perpanjang-masa-jabatan-presiden> (дата обращения: 12.04.2024).

40 Не удивляйтесь, вот каков ответ Джоко относительно вопроса о третьем президентском сроке. Jangan Kaget, Ini Jawaban Jokowi Soal Presiden 3 Periode // CNBC Indonesia. – 2022. – 29 Agustus. – Индонез. яз. – URL: <https://www.cnbcindonesia.com/news/20220829083657-4-367250/jangan-kaget-ini-jawaban-jokowi-soal-presiden-3-periode> (дата обращения: 12.04.2024).

41 PPP по-прежнему выдвигает Сандьяго, хотя Пуан затронула тему возможности для Гибрана стать кандидатом на пост вице-президента в паре с Ганджаром. PPP Tetap Ajukan Sandiaga meski Puan Singgung Peluang Gibran Jadi Bakal Cawapres Ganjar // Kompas.com. – 2023. – 5 September. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2023/09/05/05134811/ppp-tetap-ajukan-sandiaga-meski-puan-singgung-peluang-gibran-jadi-bakal> (дата обращения: 14.04.2024).

известно, что с Гибраном на эту тему лично разговаривала Мегавати, которой он якобы заявил о своей полной лояльности и готовности подчиниться ее решению⁴². Но договариваться лидеру ПДИП надо было с президентом, который, очевидно, был заинтересован в освобождении от своей партийной зависимости. У Мегавати же возобладали личные обиды на президента, и договариваться с ним насчет сына она не стала, объявив кандидатом на пост вице-президента от ПДИП многоопытного политика, министра-координатора по вопросам политики, юстиции и безопасности в правительстве Джоковича профессора Махфуда МД, Гибрану же была предложена должность главы предвыборного штаба кандидата на пост президента Ганджара Праново⁴³.

Это решение Мегавати окончательно развязало руки президенту и Прабово, который, как отмечалось ранее, 21 октября 2024 г. официально объявил Гибрана своим напарником на выборах. Партнерство с Гибраном стало, на наш взгляд, одним из важнейших факторов победы Прабово уже в первом туре, хотя и дало возможность проигравшим сторонам оспаривать результаты выборов в Конституционном Суде Индонезии.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что Прабово не только выиграл президентские выборы, но и возглавляемая им коалиция на выборах в Совет народных представителей получила 279 мест из 580: Голкар – 102 места, Гериндра – 86 мест, ПАН – 49 мест и партия демократов – 42 места. При этом с КИМ будет тесно сотрудничать и партия Насдем (70 мест)⁴⁴, лидер которой Сурья Пало сначала лично поздравил Прабово, а затем заявил о присоединении к его коалиции⁴⁵. Следом о сотрудничестве с Прабово – Гибраном заявил и Мухаймин Искандар, лидер ПКБ⁴⁶, у которой в парламенте будет 68 мест.

В связи с этим можно ожидать, что, имея солидную поддержку в парламенте, большой кредит общественного доверия и личные амбиции в качестве вождя нации, а также в силу возраста (17 октября 2024 г., накануне инаугурации, Прабово Субьянто исполнит 73 года) не будучи зависимым от планирования второго президентского срока, Прабово сможет быть более независимым в принятии тех или иных решений во внутренней и внешней политике, что непосредственно может

42 Когда Мегавати спросила о слухах относительно кандидатства на пост вице-президента, Гибран заявил о своей лояльности и готовности подчиниться приказу председателя партии. Ditanya Megawati Soal Isu Cawapres, Gibran Nyatakan Loyal dan Tunduk Perintah Ketum // Kompas.com. – 2023. – 18 Oktober. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2023/10/18/17410501/ditanya-megawati-soal-isu-cawapres-gibran-nyatakan-loyal-dan-tunduk-perintah> (дата обращения: 15.04.2024).

43 Пуан встретится с Гибраном, чтобы предложить ему войти в предвыборный штаб Ганджара. Puan Bakal Temui Gibran untuk Ajak Masuk Tim Pemenangan Ganjar // Kompas.com. – 2023. – 18 Oktober. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2023/10/18/16182101/puan-bakal-temui-gibran-untuk-ajak-masuk-tim-pemenangan-ganjar> (дата обращения: 25.04.2024).

44 Список политических партий, увеличивших свое представительство в ДПР в результате выборов 2024 г. Daftar Parpol Tambah Kursi DPR Hasil Pemilu 2024 // CNN Indonesia. – 2024. – 25 Maret. – Индонез. яз. – URL: <https://www.cnnindonesia.com/nasional/20240325080441-617-1078485/daftar-parpol-tambah-kursi-dpr-hasil-pemilu-2024> (дата обращения: 15.04.2024).

45 Сурья Пало присоединился к коалиции Прабово: это мой выбор и выбор Насдем. Surya Paloh Gabung Koalisi Prabowo: Ini Pilihan Saya, Pilihan NasDem // CNN Indonesia. – 2024. – 25 April. – Индонез. яз. – URL: <https://www.cnnindonesia.com/nasional/20240425174002-32-1090520/surya-paloh-gabung-koalisi-prabowo-ini-pilihan-saya-pilihan-nasdem> (дата обращения: 25.04.2024).

46 Помимо Насдем, ПКБ также присоединилась к властной структуре Прабово-Гибрана. Selain Nasdem, PKB Juga Gabung Pemerintahan Prabowo-Gibran // Kompas.com. – 2024. – 25 April. – Индонез. яз. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2024/04/25/22033701/selain-nasdem-pkb-juga-gabung-pemerintahan-prabowo-gibran> (дата обращения: 30.04.2024).

сказаться и на отношениях с Россией, которые в отдельных сферах либо заморожены, либо практически не развиваются.

Список литературы

Другов А.Ю. Индонезия – избирательная кампания 2018–2019 гг. Участники и специфика // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2019а. – № 44. – С. 71–92.

Другов А.Ю. Индонезия – итоги президентских и парламентских выборов 2019 г. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2019b. – № 45. – С. 65–85.

Другов А.Ю. Индонезия в преддверии двух избирательных кампаний // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2014. – № 22. – С. 27–61.

Другов А.Ю. Индонезия в 2009 г.: две выборные компании и их эпилог // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2010. – № 14. – С. 79–105.

Другов А.Ю. Индонезия на грани столетий (1997–2006 гг.). – Москва : НОЧУВПО «Институт стран Востока», 2011. – 307 с.

Куклин Н. Вся президентская рать: итоги всеобщих выборов 2024 в Индонезии // Российский Совет по международным делам. 2024. – 15 февраля. – URL: [https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vsya-prezidentskaya-rat-itogi-vseobshchikh-](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vsya-prezidentskaya-rat-itogi-vseobshchikh-vyborov-2024-v-indonezii/)

[vyborov-2024-v-indonezii/](#) (дата обращения: 01.03.2024).

Попов А.В. Прабово Субьянто – претендент на пост президента Индонезии (Часть 1) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2023а. – Вып. 2, № 2 (59). – С. 90–104. – DOI: 10.31696/2072-8271-2023-2-2-59-090-104.

Попов А.В. Прабово Субьянто – претендент на пост президента Индонезии (Часть 2) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2023b. – Вып. 3, № 2 (59). – С. 96–111. – DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-096-111.

Попов А.В. Прабово Субьянто – претендент на пост президента Индонезии (Часть 3) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2023с. – Вып. 4, № 3 (60). – С. 78–90. – DOI: 10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-078-090.

Попов А.В. Прабово Субьянто – претендент на пост президента Индонезии (Часть 4) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2023d. – Вып. 5, № 4 (61). – С. 102–116. – DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-102-116.

Попов А.В. Президентские выборы в Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2014. – № 23. – С. 35–48.

Попов А.В. Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития. – Москва : Институт стран Востока, 2019. – 372 с.

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.02

Results and Peripeteia of the 2024 Presidential Elections in Indonesia

Alexander V. POPOV

PhD (Econ.), Senior Researcher of the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Rozdestvenka Street, 12, Moscow, Russian Federation, 107031;
Senior Researcher of the Centre for Vietnam and ASEAN Studies
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: 3638272@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9094-0818

CITATION: Popov A.V. (2024). Results and Peripeteia of the 2024 Presidential Elections in Indonesia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 3, pp. 28–45 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.03.02

Received: 26.04.2024.

Revised: 10.06.2024.

ABSTRACT. *The article is devoted to the results of the presidential elections in Indonesia held on February 14th, 2024, as well as the political struggle preceding these elections, and the alignment of political forces in the highest echelons of power in Indonesia on the eve of the general elections and after their results were summed up. For a better understanding of the balance of the main political forces and participants in the 2024 presidential race, a brief analysis of the relationship between the main political figures of modern Indonesia, Joko Widodo and Prabowo Subianto, in the period 2014–2024 is given.*

KEYWORDS: *Indonesia, president, elections, Prabowo Subianto, Gibran, party, parliament, candidate, Constitutional Court.*

References

Drugov A.Y. (2010). Indonesia in 2009: two electoral companies and their epilogue. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. No. 14, pp. 79–105 (in Russian).

Drugov A.Y. (2011). *Indonesia on the Brink of Centuries (1997–2006)*. Moscow: Institute of Oriental Countries, 307 pp. (in Russian).

Drugov A.Y. (2014). Indonesia on the eve of two election campaigns. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. No. 22, pp. 27–61 (in Russian).

Drugov A.Y. (2019a). Indonesia – election campaign 2018–2019. Participants and specifics. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. No. 44, pp. 71–92 (in Russian).

Drugov A.Y. (2019b). Indonesia – results of the presidential and parliamentary elections in 2019. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. No. 45, pp. 65–85 (in Russian).

Kuklin N. (2014). The entire presidential army: the results of the 2024 general elections in Indonesia. *Russian International Affairs Council*. February 15 (in Russian). Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vsya-prezidentskaya-rat-itogi-vseobshh>

chikh-vyborov-2024-v-indonezii/, accessed 01.03.2024.

Popov A.V. (2023a). Prabowo Subianto – candidate for the post of President of Indonesia (Part 1). *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. Issue 2, no. 2 (59), pp. 90–104 (in Russian). DOI: 10.31696/2072-8271-2023-2-2-59-090-104.

Popov A.V. (2023b). Prabowo Subianto – candidate for the post of President of Indonesia (Part 2). *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. Issue 3, no. 2 (59), pp. 96–111 (in Russian). DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-096-111.

Popov A.V. (2023c). Prabowo Subianto – candidate for the post of President of Indonesia (Part 3). *Southeast Asia: Ac-*

tual Problems of Development. Issue 4, no. 3 (60), pp. 78–90 (in Russian). DOI: 10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-078-090.

Popov A.V. (2023d). Prabowo Subianto – candidate for the post of President of Indonesia (Part 4). *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. Issue 6, no. 4 (61), pp. 102–116 (in Russian). DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-102-116.

Popov A.V. (2014). Presidential elections in Indonesia. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. No. 23, pp. 35–48 (in Russian).

Popov A.V. (2019). *Economy of Indonesia: Current State and Development Trends*. Moscow: Institute of Oriental Countries, 372 pp. (in Russian).

С точки зрения экономики

УДК 338.49(520)

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.03

Место атомной энергетики в контексте энергоперехода в Японии

Оскар Батуевич РАМЕЕВ

младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: mr.rameev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4623-6508

ЦИТИРОВАНИЕ: Рамеев О.Б. Место атомной энергетики в контексте энергоперехода в Японии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 46–67.
DOI: 10.31249/kgt/2024.03.03

Статья поступила в редакцию 09.02.2024.
Исправленный текст представлен 02.09.2024.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена энергопереходу и поиску места атомной энергетики в рамках данного процесса в Японии. Энергетическая политика Токио после 2011 г. направлена на реализацию инновационных технологий в сфере возобновляемых источников энергии, однако в планах правительства на период до 2050 г. атомной энергетике уделяется значительное внимание. В то же время тема реактивации АЭС и их места в будущем энергобалансе страны непопулярна у исследователей, о чем свидетельствует малое количество работ по данной тематике. В статье рассматриваются изменения в политике страны в отношении атомной отрасли на фоне произошедшей в 2011 г. катастрофы на АЭС «Фукусима-1». Продемонстрированы актуальная структура регулирования сектора атомной энергетики и взаимосвязь организаций, входящих в него. Проводится анализ главных изменений в официальных планах по раз-

витию энергетики, на основе которых делается вывод о сохранении роли атомной энергетики в энергобалансе Японии в ближайшие десятки лет. Была актуализирована и графически представлена информация о функционирующих реакторах АЭС на территории Японии, в частности, отмечается тенденция на возобновление работы части остановленных реакторов и их долгосрочную ориентированность. Показано, что на современном этапе наблюдается тенденция к смягчению неприятия атомной энергетики в рамках японского общества, что стало результатом работы государства по возвращению доверия к мирному атому, а также обусловлено глобальным энергетическим кризисом. В результате исследования делается вывод о возобновлении активного использования Японией мирного атома, а также отмечается значимая роль АЭС в процессе энергоперехода Японии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Япония, энергопереход, зеленая повестка, чистая энергия, атомная энергетика, «Фукусима-1», контроль безопасности, структура отрасли, общественное мнение.

Энергопереход в Японии

Процесс четвертого энергетического перехода в последние годы стал крайне актуальным для многих стран мира в силу нескольких факторов. Первый – катастрофическое ухудшение экологической обстановки вследствие активного наращивания производства в XX в. Данное обстоятельство подкрепляется усилением алармистских настроений, распространению которых дал импульс небезызвестный доклад «Пределы роста» Римскому клубу группы исследователей под руководством Д. Медоуза, изданный в 1972 г.¹ Именно в рамках данного доклада была упомянута дата, на которую ориентируются многие государства в качестве крайнего срока по «озеленению» отрасли выработки энергии – 2050 год. Согласно прогнозам группы Медоуза, пик человеческой популяции будет достигнут именно к середине XXI столетия, а после, в связи с нарастанием уровня потребления и ухудшением ресурсных и экологических проблем, человечество ждет резкое сокращение населения и связанный с этим глобальный кризис. «Пределы роста» были восприняты в качестве призыва предпринимать активные действия по сокращению загрязнения окружающей среды и установлению контроля над уровнем потребления невозобновляемых ресурсов.

Второй фактор – это прогнозы по скорому истощению исследованных, доступных и потенциальных запасов традиционных невозобновляемых источников топлива. По оценкам экспертов², известные на данный момент запасы нефти и газа могут быть израсходованы человечеством уже в ближайшие 50 лет. Уголь при этом может обеспечивать производство энергии еще около 100 лет. В связи с этим государства активно продвигают «зеленую повестку» и инвестируют в развитие различных чистых и более экономичных энергоресурсов, к числу которых, безусловно, можно отнести и атомную энергию.

Япония активно имплементирует «зеленую повестку» в рамках энергетической политики государства. В этом отношении важно упомянуть и стремления страны по декарбонизации, которые закреплены в Стратегическом энергетическом плане 2021 г.³ Планируется полная декарбонизация к 2050 г., а также значительное сокращение углеродных выбросов к 2030 г., что влечет за собой необходимость более активно развивать ВИЭ и использовать декарбонизированные источники энергии, к которым относятся АЭС. К тому же атомная энергия рассматривается министерством в качестве источника с высокой степенью выработки энергии по отношению к затрачиваемым ресурсам, а также обладающего стабильностью поставок и уже имеющимися запасами топлива на долгие годы, в том числе потенциальными запасами на территории самой Японии. Именно поэтому мирный атом в рамках данного документа упо-

1 Перевод на русский опубликован в 1991 г. [Пределы роста..., 1991].

2 When Will Fossil Fuels Run Out? // MET Group. – 2021. – January 18. – URL: <https://group.met.com/en/mind-the-fyouture/mindthefyouture/when-will-fossil-fuels-run-out> (дата обращения: 28.02.2024).

3 Шестой стратегический энергетический план Японии = 第6次エネルギー基本計画 // Агентство природных ресурсов и энергии METI = 経済産業省の資源エネルギー庁. – 2021. – 22 октября. – Япон. яз. – URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/pdf/20211022_01.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

минается сразу после ВИЭ, что подчеркивает важность и актуальность этого источника энергии для государства в свете энергетической стратегии в целом и политики по сокращению углеродного следа в частности.

Переход к возобновляемым и экономичным источникам энергии – это также возможность обеспечения безопасности страны. Проблема энергетической безопасности Японии обусловлена низким уровнем самообеспечения ресурсами. Согласно статистическим данным Агентства по природным ресурсам и энергетике Японии, самообеспеченность государства держится на уровне 15%, при этом не превышала 20% в целом с 1990 г.⁴ Уровень потребления Японией ресурсов активно рос с начала 1960-х годов, а внутренний спрос на топливные и энергетические ресурсы в определенные моменты был равен таковому в США⁵. По данным Агентства по природным ресурсам и энергии, по уровню самообеспеченности энергетическими ресурсами Япония находилась на 35-м месте среди других стран – участников Организации экономического сотрудничества и развития с показателем 12,1% в 2019 г.⁶

Необходимо отметить, что проблема поиска выходов из ресурсной недостаточности для Японии стала крайне актуальной в контексте энергетического кризиса 1973 г. Топливный кризис первой половины 1970-х годов и два «шока Никсона» [Нелидов, 2022, с. 91] стимулировали Токио к формированию более самостоятельного внешнеполитического курса. Это при-

вело к потребности активно проводить модернизацию энергетического вектора политики страны. В результате стремления к снижению зависимости от нефти и к диверсификации источников энергии увеличилась доля атомной энергетики в энергобалансе страны.

Атомная энергетика справедливо стала объектом внимания и возможным решением проблемы слабой обеспеченности Японии собственными ресурсами. Согласно приведенным данным (рисунок 1), до 2011 г. доля вырабатываемой на АЭС электроэнергии составляла 25–30% в рамках общего энергобаланса страны, что является существенным объемом и свидетельствует о важности атома для Японии. Однако в 2011 г. произошла катастрофа на АЭС «Фукусима-1», которая была вызвана Великим восточно-японским землетрясением и оказала значительное влияние на энергетическую сферу государства.

Авария на АЭС «Фукусима-1» произошла в результате вызванного подземными толчками цунами 11 марта 2011 г. Волнами была затоплена станция, что спровоцировало отключение источников энергоснабжения и системы аварийного охлаждения, в результате которого расплавилось ядерное топливо в реакторах энергоблоков № 1–3, накопился водород и произошли взрывы [Япония: события..., 2012; Пасмурцев, 2021, с. 38].

Техногенная катастрофа, связанная с атомной энергией, оказала значительное влияние на общество Японии и предопределила дальнейшее развитие атомной энергетики страны. В каче-

4 Хронологическая таблица по энергетике = エネルギー時系列表 // Агентство природных ресурсов и энергии METI = 経済産業省の資源エネルギー庁. – 2023. – 29 ноября. – URL: https://www.enecho.meti.go.jp/statistics/total_energy/results.html#headline7 (дата обращения: 25.12.2023).

5 Ranking chart: Total energy consumption // U.S. Energy Information Administration (EIA). – URL: <https://www.eia.gov/international/rankings/country/JPN?pa=44&u=2&f=A&v=none&y=01%2F01%2F2022> (дата обращения: 25.12.2023).

6 Белая книга по энергетике Японии = エネルギー白書 // Агентство природных ресурсов и энергии METI = 経済産業省の資源エネルギー庁. – 2021. – 4 июня. – P. 87. – Япон. яз. – URL: https://www.enecho.meti.go.jp/about/whitepaper/2021/pdf/2_1.pdf (дата обращения: 25.12.2023).

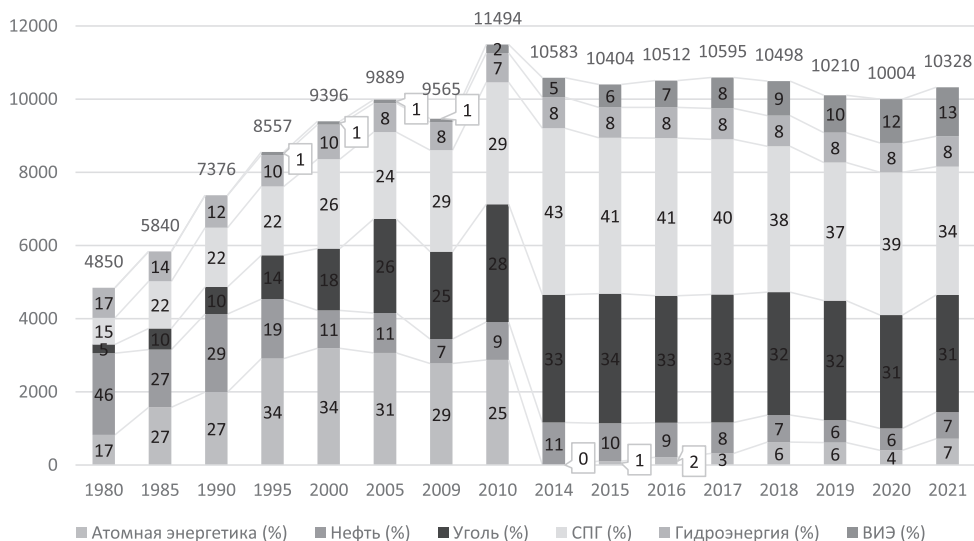

Рисунок 1. График изменений в объеме произведенной и потребленной энергии Японии

Figure 1. Graph of changes in the volume of energy produced and consumed in Japan

Источник: составлено на основе: Белая книга по энергетике Японии = エネルギー白書 // Агентство природных ресурсов и энергии МЭП = 経済産業省の資源エネルギー庁. – 2023. – June 6. – Япон. яз.

стве основного изменения необходимо отметить реструктуризацию японской энергетики, при которой многие атомные электростанции были закрыты или переведены на пониженную мощность. В результате доля атомной энергетики в общей структуре энергоснабжения Японии сократилась с 25–30% до околонулевых значений в первые годы после катастрофы, позже не поднимаясь выше 10% (см. рисунок 1).

Были предприняты действия по закрытию множества АЭС с целью проверки, ремонта, обновления оборудования и систем безопасности. Однако данное решение негативно сказалось на экономике Японии, поскольку значительно выросли затраты на восполнение дефицита в энергобалансе, а также требовалось финансирование на ликвидацию последствий аварии [Пасмурцев, 2021]. Возникшую нехватку источников энергии удалось ком-

пенсировать закупкой угля, который не входит в число чистых источников. В силу данных обстоятельств результаты Японии по внедрению чистой энергии были практически нивелированы.

Японии необходимо было переработать энергетическую составляющую политики, особенно учитывая амбициозные планы по ЦУР-2030 и достижению углеродной нейтральности к 2050 г. Однако было очевидно, что страна не обладает достаточными возможностями для единовременной замены АЭС на ВИЭ в энергобалансе. Восполнение нехватки энергоносителей за счет ископаемых источников представлялось временной мерой, приоритет отдавался скорейшему развитию ВИЭ и их непосредственному внедрению.

Продолжающаяся ситуация нехватки энергоносителей в конце 2010-х годов спровоцировала процесс возобновления использования АЭС, которые

начали открываться после проверок компетентными организациями и согласований с общественностью. Однако вместе с этим в дискурс японоведения вошли утверждения о нахождении атомной энергии «на грани полной ликвидации» [Корнеев, 2020].

Необходимо отметить, что тема ядерного сектора энергетики Японии относительно непопулярна в рядах современных отечественных японоведов. К этому вопросу зачастую обращаются в социальном контексте [Дронишинец, Ленков, 2017], а также при рассмотрении проблем безопасности [Давыдов, 2017]. Большая часть российских исследователей энергетики Японии в конце 2010-х годов и начале 2020-х фокусирует свое внимание на зеленой энергии и ВИЭ. Число работ, посвященных именно атомному сектору, после 2011 г. стало значительно сокращаться. Обращаясь к иностранным исследованиям, стоит отметить, что также прослеживается тенденция «исключения» атомной энергетики из актуальных тем в сравнении с тематикой чистой и зеленой энергии. Несмотря на это, в последние годы наблюдаются изменения в политике страны и отношении общества к ядерной энергии, которые позволяют говорить о трансформации вышеупомянутой тенденции.

Одной из ключевых идей исследования Д.В. Стрельцова [Стрельцов, 2012] является размышление о будущем атомной энергетики Японии. Дмитрий Викторович поставил вопрос не о существовании самой атомной энергии в политике Японии в будущем, а, скорее, о смене лидирующих позиций данной отрасли. Атомная отрасль действительно уступила свое место чистой энергии и ВИЭ.

В контексте этой статьи также актуальна работа Я.В. Мищенко [Мищенко, 2021], которая сравнивает кризисы 1973 и 2011 гг. в контексте их направленности. Яна Вадимовна утверждает

ет, что изменения вследствие кризиса 1970-х годов были «революционными», а современный кризис имеет, скорее, «эволюционный» характер. В контексте Японии это относится к характеру принятия решений об энергетической политике: в 1970-х годах обстоятельства вынудили власти активизировать действия по диверсификации источников энергии, тогда как в рамках актуальных событий, хоть и поводом является катастрофа на АЭС «Фукусима-1», переход к декарбонизации продиктован стремлениями общества сохранить планету. Вышеупомянутые работы лишь подкрепляют и развивают идею о сохранении актуальности атомной энергетики для Японии на данный момент. Поэтому важно приблизиться к пониманию места АЭС в процессе энергоперехода в стране, а также дать ответ на вопрос об актуальности атомной энергетики в контексте Японии.

Регулирование атомного сектора после 2011 г.

В первую очередь необходимо проанализировать те изменения в структуре управления атомным сектором, которые были предприняты после 2011 г. Характер данных преобразований позволит выявить направление, по которому будет развиваться энергетическая политика Японии. В отличие от Российской Федерации, где управляющая атомной энергетикой компания «Росатом» является квазигосударственной, энергетические компании Японии, занимающиеся в том числе атомной энергией, имеют больше независимости по части ведения деятельности. Поэтому существует определенная система взаимодействия государства и энергетических компаний атомного сектора. Существовавшая до 2011 г. структура показала свою неэффективность, поскольку, по оценкам экспертов [An-

drews-Speed, 2020], контроль безопасности был недостаточным. Это стимулировало изменение системы, появление новых акторов, в основном по части контроля безопасности и информационно-технологического сопровождения энергетических компаний.

После аварии на АЭС «Фукусима-1» были созданы две комиссии, целями которых были изучение произошедшей ситуации, выяснение причин аварии и выработка рекомендаций по дальнейшим реформам. В результате были опубликованы два отчета в 2012 г.: в июле – от комиссии при кабинете министров⁷ и в июне – от комиссии при парламенте страны⁸. В обоих документах было рекомендовано провести значительные структурные реформы в атомной отрасли. До 2012 г. в структуре управления атомной энергетикой Японии принято выделять две основные организации: *NSC (Nuclear Safety Commission*, Комиссия по ядерной безопасности) и *NISA (Nuclear and Industrial Safety Agency*, Агентство по ядерной и промышленной безопасности). Однако после проведения проверок власти страны усомнились в методах работы данных органов, также были выявлены структурные противоречия [*Andrews-Speed*, 2020].

Неэффективность работы *NSC* и *NISA* и другие обнаруженные проблемы привели к реорганизации системы контроля над ядерной энергетикой в Японии. Правительство в сентябре 2012 г. инициировало создание на законодательном уровне нового органа – *NRA (Nuclear Regulation Authority*,

Управление по ядерному регулированию), который стал ключевой фигурой в управлении ядерной безопасностью страны. *NRA* было создано как «внешнее бюро» Министерства окружающей среды. Это дало ему околominистерский статус и гораздо более высокую степень независимости, чем у любого другого правительственного агентства в Японии. Агентство обладает всеми полномочиями по регулированию безопасности, включая выдачу разрешений и согласований. Были предприняты шаги к снижению влияния сторонних акторов на *NRA* с целью обеспечения независимости в проверках АЭС.

Реформы также привели к появлению других новых организаций. В ноябре 2012 г. операторы АЭС учредили *JANSI (Japan Nuclear Safety Institute*, Институт ядерной безопасности Японии) по образцу американского Института эксплуатации атомных электростанций с целью аккумулировать экспертные оценки и инициативы по безопасности ядерных реакторов в Японии. В марте 2019 г. была разработана стратегия *JANSI* на 10 лет⁹, которая определяет основные направления деятельности организации: эффективное и результативное проведение экспертных обзоров электростанций и усиление вспомогательной деятельности, такой как взаимодействие с населением и формирование культуры безопасности, а также поддержание и улучшение технических возможностей операторов.

В октябре 2014 г. был создан *NRRC (Nuclear Risk Research Center*, Центр исследования ядерных рисков). Его глав-

7 Заключение и отчет расследования инцидента на АЭС Фукусима = 東京電力福島原子力発電所における事故調査・検証委員会の最終報告 // Комитет по расследованию инцидента на АЭС Фукусима-1 = 東京電力福島原子力発電所における事故調査・検証委員会. – 2012. – 23 июля. – Япон. яз. – URL: <https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/icanps/post-2.html> (дата обращения: 10.01.2024).

8 The official report of The Fukushima Nuclear Accident Independent Investigation Commission // The National Diet of Japan. – 2012. – URL: http://www.nirs.org/wp-content/uploads/fukushima/naaic_report.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

9 10-летняя стратегия *JANSI* (2019–2029) = *JANSI-10 年戦略* // Ассоциация продвижения ядерной безопасности = 原子力安全推進協会. – 2019. – Япон. яз. – URL: <https://www.genanshin.jp/association/data/10Strategy.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

ная задача – проводить разносторонние исследования, результаты которых позволили бы операторам АЭС постоянно развивать безопасность в отрасли. Кроме того, *NRRC* в сотрудничестве с операторами продвигает исследования по оценке рисков и различных событий в качестве основы для мер безопасности. Центром был разработан инструмент для расчета вероятности воздействия торнадо на конструкции станции.

Наконец, в 2018 г. была создана *ATENA* (*Atomic Energy Association*, Ассоциация по атомной энергии), и в нее вошли большинство японских организаций, участвующих в цепочке поставок атомной энергии. Ассоциация занимается решением общих технических вопросов, связанных с безопасностью станций, а также проводит обсуждения с *NRA* с целью улучшения существующих и разработки новых мер безопасности. Примечательно, что именно *ATENA* в сентябре 2020 г. выпустила ряд руководств, затрагивающих нормы безопасности (техническое обслуживание при длительных остановках станций, оценка старения конструкций, управление снятой с производства продукцией). При этом содержание Руководства по техническому обслуживанию во время длительных остановок станции впоследствии было отражено в планах технического обслуживания каждого оператора. Более того, каждый оператор начал работать в соответствии с Руководством по управлению прекращенной производственной продукцией. По состоянию на март 2023 г. было опубликовано¹⁰ в общей сложности 13 технических отчетов, руководств и т.д.

Таким образом, в Японии выстроилась сложная и многосторонняя струк-

тура атомного сектора энергетики, участие в котором принимают различные организации и государственные органы. На данный момент наиболее острым вопросом для политических кругов и общества Японии является безопасность. Именно поэтому в качестве главного элемента системы оправдано будет выделение *NRA* как регулятора и контролера безопасности во всей атомной сфере. Далее важно отметить организацию *ATENA*, которая так же играет значимую роль в постфукусимской структуре ядерной энергетики Японии. Таким образом, два из основных субъектов данной системы появились в результате преобразований после 2011 г.

Проведенные реформы в данной системе не означают ограничение атомной энергетики с целью отказа от нее. Наоборот, создание новых организаций и более строгий контроль безопасности свидетельствуют о стремлении использовать данный тип энергии в долгосрочном измерении. Это коррелирует с политическими заявлениями и официальными документами, принятыми после 2011 г.

На начальном этапе после катастрофы на «Фукусиме-1» были предприняты попытки полностью ограничить развитие атомной отрасли. К числу таковых можно отнести Инновационную энергетическую и экологическую стратегию, принятую в 2012 г. В ней говорится о запрете на постройку новых АЭС и постепенном отказе от атомной энергетики к 2040 г. Это вызвало бурную и широкую реакцию со стороны промышленности и специалистов¹¹. Очевидно, что как минимум 20–25% ядерной энергии было необходимо, чтобы избежать неблагоприятных эко-

¹⁰ Activities of ATENA // Atomic Energy Association (ATENA). – 2023. – February. – URL: https://www.atena-jjp/news/2023_Activities_of_ATENA_EN.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

¹¹ 'Innovative' strategy to end Japanese nuclear // World nuclear news. – 2012. – September 14. – URL: <https://world-nuclear-news.org/Articles/Innovative-strategy-to-end-Japanese-nuclear> (дата обращения: 18.01.2024).

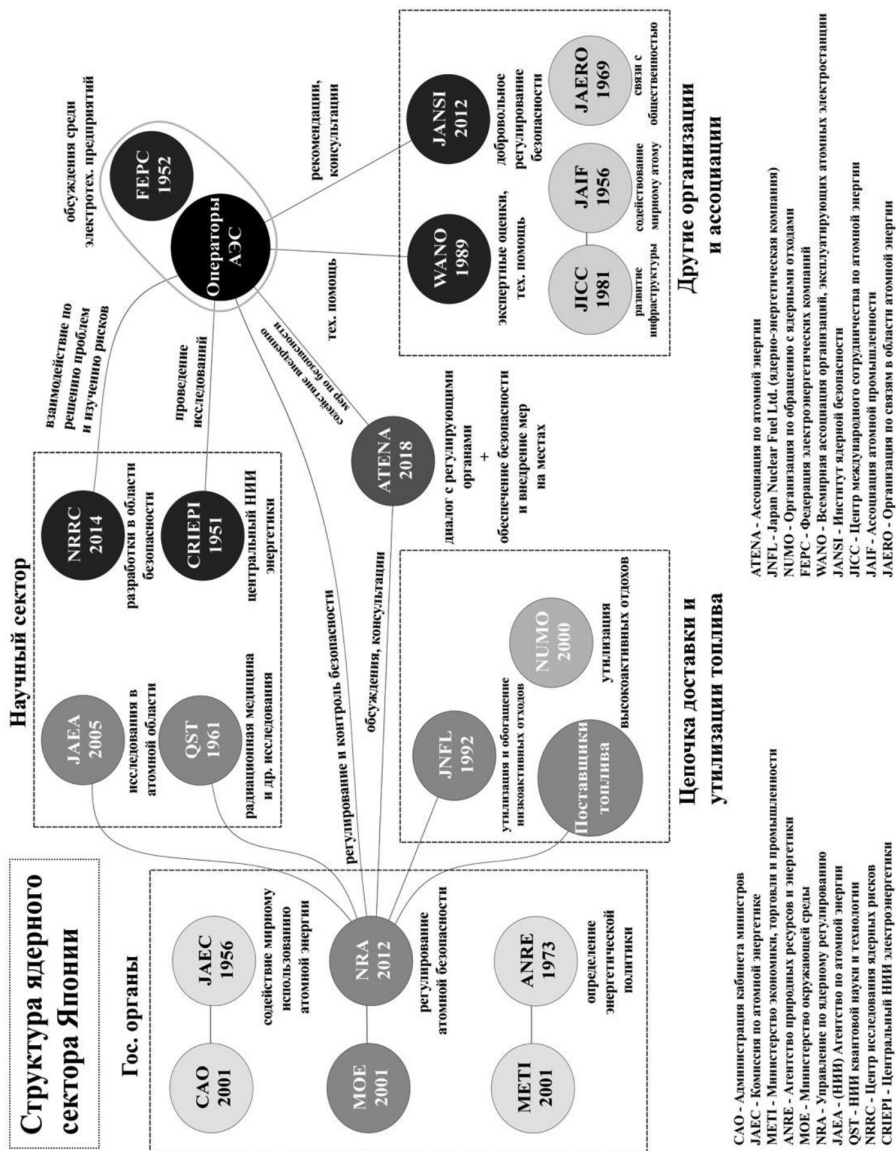

Рисунок 2. Структура организаций и органов в сфере атомной энергетики Японии

Figure 2. Structure of organizations and bodies in the nuclear energy sector in Japan

Источник: составлено автором на основе проведенного исследования.

номических последствий. Попытка разрешить эту проблему увеличением импорта ископаемого топлива стала одним из основных факторов рекордного торгового дефицита Японии в размере 2,5 трлн японских иен (31,78 млрд долл.) в первой половине 2012 г.¹²

Через несколько дней после того, как план был опубликован, кабинет ДПЯ отступил от него, назвав его «справочным документом», а премьер-министр объяснил, что при рассмотрении энергетической политики важна гибкость. Также было объявлено, что строительство двух новых станций, начавшееся до 2011 г., будет продолжено.

В декабре 2012 г. после убедительной победы на парламентских выборах ЛДП стала проводить более лояльную к возрождению атома политику, чем ее предшественница, ДПЯ, которая придерживалась жесткой антиядерной позиции. Вследствие этого уже в 2014 г. был представлен 4-й базовый энергетический план¹³ с 20-летней перспективой. В нем говорится, что атом является важным источником энергии и будет продолжена безопасная эксплуатация АЭС для достижения стабильного и доступного энергоснабжения, поскольку уровень самообеспеченности энергией Японии после 2011 г. резко и значительно снизился.

Далее, в 2015 г., был объявлен план правительства по энергобалан-

су 2030 г.¹⁴ Согласно этому плану доля атомной энергетики в энергобалансе Японии в 2030 г. должна будет составить 20–22%, а возобновляемых источников энергии – 22–24%. Дальнейшие планы, выпущенные в 2018¹⁵ и 2021¹⁶ гг., сохраняли заявленные цели по атомной энергетике – 20–22% к 2030 г., увеличив лишь долю ВИЭ в энергобалансе.

Ключевыми в данных документах являются утверждения о принятии усилий по сокращению зависимости от атомной энергии. Исходя из предоставленной информации, можно сделать вывод, что власти Японии будут стремиться к снижению доли АЭС в энергоснабжении, однако речь не идет о полном отказе от такого вида выработки энергии. Отмечается, что с целью защиты безопасности страны «будет обеспечено устойчивое использование ядерной энергетики в необходимых масштабах». Значительное внимание уделяется достижению углеродной нейтральности, в рамках которой атомная энергия крайне актуальна за счет отсутствия углеродных выбросов.

Следовательно, стоит ожидать не повышения доли выработки энергии на АЭС после 2030 г., но ее сохранения. С данным утверждением коррелируют и заявления властей. Например, в 2022 г. премьер-министр Японии Фумио Кисида заявил¹⁷, что страна

12 Nuclear Power in Japan (Country profile) // World nuclear association. – URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/japan-nuclear-power.aspx> (дата обращения: 18.01.2024).

13 Четвертый стратегический энергетический план Японии = 第4次エネルギー基本計画 // Агентство природных ресурсов и энергии METI = 経済産業省の資源エネルギー庁. – 2014. – 11 апреля. – Япон. яз. – URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/pdf/140411.pdf (дата обращения: 18.01.2024).

14 Что такое новый энергобаланс? = 新たな「エネルギーミックス」とは // Глобальный комитет по окружающей среде и энергетике общества «Канкейрен» = 関連地球環境・エネルギー委員会. – 2015. – 15 июня. – Япон. яз. – URL: https://www.kankeiren.or.jp/keizajin/15_8%20now.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

15 Пятый стратегический энергетический план Японии = 第5次エネルギー基本計画 // Агентство природных ресурсов и энергии METI = 経済産業省の資源エネルギー庁. – 2018. – 3 июля. – Япон. яз. – URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/pdf/180703.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

16 Шестой стратегический энергетический план Японии = 第6次エネルギー基本計画 // Агентство природных ресурсов и энергии METI = 経済産業省の資源エネルギー庁. – 2021. – 22 октября. – Япон. яз. – URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/pdf/20211022_01.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

17 Japan signals return to nuclear power to stabilize energy supply // Reuters. – 2022. – August 24. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/japan-pm-call-development-construction-new-generation-nuclear-power-plants-2022-08-24/> (дата обращения: 21.01.2024).

должна рассмотреть возможность строительства современных реакторов и продления лицензий на эксплуатацию на срок более 60 лет, а также отложить перезапуск рабочих ядерных реакторов. Этот призыв отражен и в Белой книге по энергетике Японии за 2023 год¹⁸, подтверждается необходимость проводить работы по разработке и строительству инновационных реакторов нового поколения. Такие планы потребуют значительных финансовых и временных вложений и были бы неактуальны и бессмысленны в случае отсутствия планов правительства Японии по использованию атомной энергии в долгосрочный период.

На данный момент власти Японии отмечают, в частности в Белой книге по энергетике за 2023 год¹⁹, кризис беспрецедентного уровня на фоне глобальных противоречий и осложнений в энергетической сфере, вызванных ситуацией на Украине. После начала специальной военной операции против Российской Федерации были введены масштабные экономические санкции, в основном со стороны ЕС, «Группы семи» и других западных стран. За этим последовал крупномасштабный отказ западных стран от прямых закупок российских энергоносителей, что способствовало серьезным изменениям в структуре спроса и предложения энергоносителей в мире. На Японию, которая во многом зависит от внешних поставок топлива, колебания рынка также оказали значительное влияние, хотя действующие энергетические кон-

тракты с Россией не были разорваны. Рост цен на закупку энергоносителей по всему миру привел к повышению цен на электроэнергию, газ и бензин в Японии. Например, среднемесячная цена на электроэнергию в декабре 2022 г. выросла по сравнению с предыдущим годом примерно на 30% для домохозяйств и на 60% для промышленности.

В Основном плане реализации политики «зеленой трансформации» Японии от 2023²⁰ г. настоящая ситуация сравнивается с кризисом 1973 г. В то же время АЭС рассматриваются как приемлемый источник энергии в силу высокой декарбонизированности. Именно поэтому на данный момент всё больше реакторов на территории страны возобновляют свою работу.

В работающем состоянии на начало 2024 г. пребывают 11 реакторов (рисунок 3) на разных АЭС. Также ожидается открытие не менее двух реакторов в течение 2024 г. Чтобы обеспечить заявленные 20–22% общего объема электроэнергии, произведенной в 2030 г. (около 1 трлн кВт·ч), за счет атомной энергии, Японии необходимо будет перезапустить еще 10–25 реакторов.

Таким образом, в настоящее время формируется будущее сектора атомной энергетики Японии, в рамках которого существует многосторонняя структура регулирования безопасности АЭС, в работе которой задействованы множество государственных и общественных органов. Данная система многоступенчатых проверок обеспечивает

18 Белая книга по энергетике Японии = エネルギー白書 // Агентство природных ресурсов и энергии METI = 経済産業省の資源エネルギー庁. – 2023. – 6 июня. – С. 61. – Япон. яз. – URL: <https://www.enecho.meti.go.jp/about/whitepaper/2023/html/1-3-2.html> (дата обращения: 15.03.2024).

19 Белая книга по энергетике Японии = エネルギー白書 // Агентство природных ресурсов и энергии METI = 経済産業省の資源エネルギー庁. – 2023. – 6 июня. – С. 25. – Япон. яз. – URL: <https://www.enecho.meti.go.jp/about/whitepaper/2023/html/1-2-2.html> (дата обращения: 31.05.2024).

20 Стратегия реализации зеленой трансформации Японии = GX実現に向けた基本方針 // METI = 経済産業省. – 2023. – 10 февраля. – Япон. яз. – URL: https://www.meti.go.jp/press/2022/02/20230210002/20230210002_1.pdf (дата обращения: 24.01.2024).

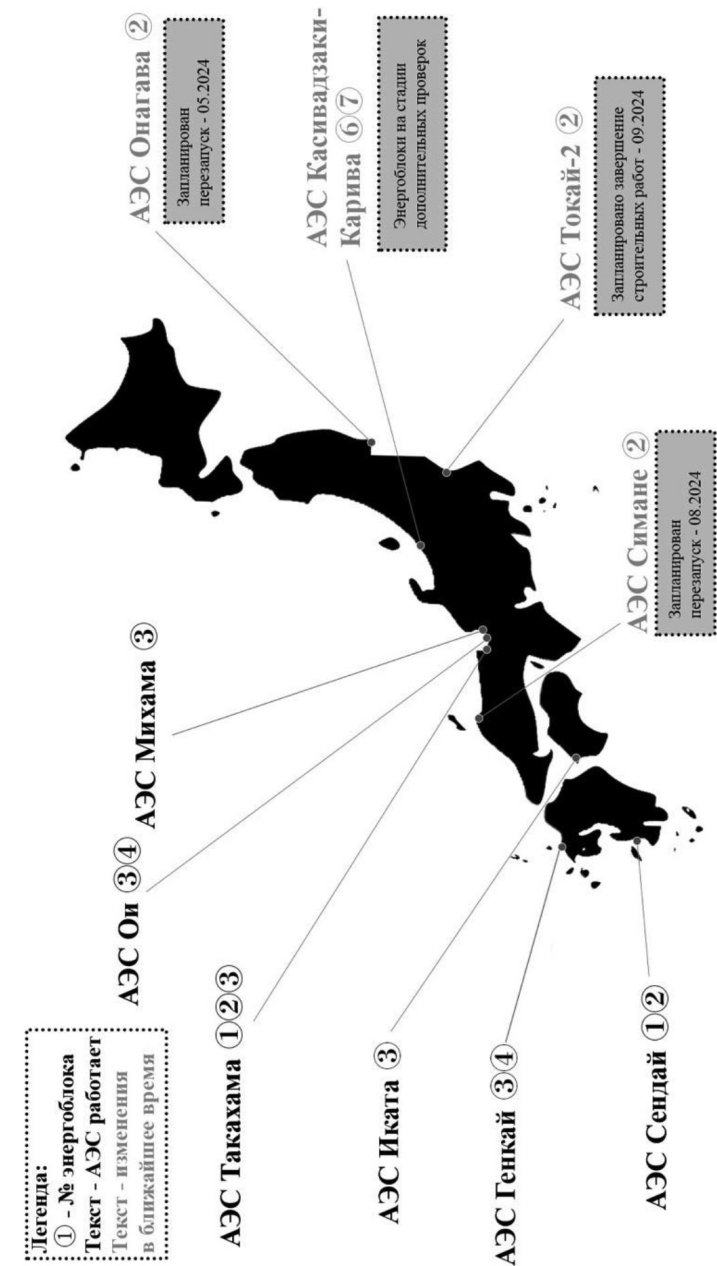

Рисунок 3. Карта актуальных (2024) АЭС на территории Японии

Figure 3. Map of current (2024) nuclear power plants in Japan

Источники: составлено автором на основе: Текущее состояние функционирования атомных электростанций = 原子力発電所の現在の運転状況 // Управление по ядерному регулированию (NRA) = 原子力規制委員会. – Япон. яз. – URL: https://www.nra.go.jp/jmusho/uten_jokyo.html (по состоянию на 03.03.2024).

строгий контроль функционирования энергетических компаний. Учитывая также и официальные заявления властей Японии, можно утверждать о сохранении актуальности атомной энергетики для Японии в последующие годы. В рамках процесса энергоперехода атомная энергетика ощутимо утратила лидирующие позиции [Duffield, 2016, p. 35], однако остается на втором плане в качестве вспомогательного источника, который позволит обеспечить энергетическую безопасность и декарбонизацию Японии. Новые и обновленные АЭС будут запускаться с целью их функционирования в долгосрочной перспективе (от 40 лет). Стремления по перезапуску значительного количества существующих реакторов и разработке новейших технологий в сфере атомной энергии свидетельствуют о незаменимости атома в процессе четвертого энергоперехода для Японии.

АЭС в глазах японского общества

Ключевым фактором, играющим роль в рамках возобновления АЭС в Японии, является общественное мнение по поводу атомной энергетики. Данный фактор непосредственно связан с представлением общества о характере самого процесса энергоперехода. Согласно исследованию аналитического центра *SOMPO Institute*²¹, в Японии значительная часть населения осведомлена о текущем энергопереходе. 75% участвовавших в опросе подтвердили, что слышали о планах государства сократить углеродный след к 2030 г. и перейти к полной декарбонизации к 2050 г. Однако исследователями отме-

чается, что лишь 26% ответивших «слышали о подобной политике», а также понимают суть самой политики и знают о планах создавать и запускать атомные реакторы нового поколения. В результате существует проблема, при которой население Японии имеет представление об актуальном энергопереходе, однако практически не осведомлено о конкретных действиях и планируемых мерах, предпринимаемых правительством.

Необходимо детальнее рассмотреть отношение населения к конкретной проблеме перезапуска АЭС на территории Японии. После аварии на АЭС «Фукусима-1» выросло недоверие общества к атомной энергетике. Опросы, проведенные в первые месяцы после катастрофы, показывают постепенное снижение одобрения населением использования атомной энергии, а в течение двух лет поддержка атома снизилась более чем в 2 раза – до 22%²². Однако помимо страха перед самой атомной энергетикой и последствиями возможных катастроф, который в том числе обусловлен исторически, в последующие годы возникла проблема утраты доверия общества к правительству Японии.

Согласно исследованию Р. Мацуо [Мацуо, 2023], существует две основные проблемы, которые вследствие инцидента на «Фукусиме» привели к осложнениям взаимоотношений между обществом и правительством по вопросу атомной энергии. Первая – это проблема эвакуированных граждан и их возвращения в родные регионы. Властями Японии были установлены два типа территорий вокруг места катастрофы (рисунки 4):

- специальная зона радиоактивной дезактивации – фактически зона отчуж-

21 Результаты опроса по поводу энергетической политики = エネルギーに関するアンケート調査結果 // Sompo Institute Plus Inc. – 2023. – 20 июня. – Япон. яз. – URL: <https://www.sompo-ri.co.jp/wp-content/themes/sompori/assets/pdf/t202362.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).

22 Fukushima Daiichi Accident // World nuclear association. – URL: <https://world-nuclear.org/focus/fukushima-daiichi-accident/japan-nuclear-fuel-cycle.aspx> (дата обращения: 18.01.2024).

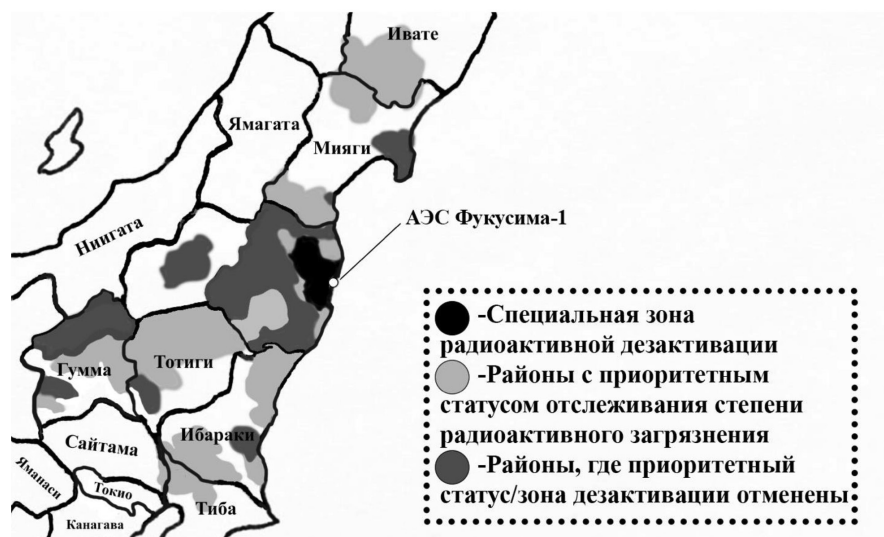

Рисунок 4. Карта районов со специальным статусом вокруг АЭС «Фукусима-1»

Figure 4. Map of areas with special status around the «Fukushima-1» nuclear power plan

Источник: составлено автором на основе: Состояние дезактивации (зоны проведения дезактивации) = 除染の状況 (除染実施区域) // Информационный портал по дезактивации Министерства окружающей среды Японии = 環境省の除染情報サイト. – Япон. яз. – URL: <https://josen.env.go.jp/zone/> (по состоянию на 26.05.2024).

дения с наибольшей степенью загрязненности вокруг самой АЭС «Фукусима-1»;

- районы с приоритетным статусом отслеживания степени загрязнения – прилегающие к «Фукусиме» территории, которые также были подвержены загрязнению, но в меньшей степени.

После процедур по очистке и дезактивации с некоторых территорий, расположенных в непосредственной близости к зоне отчуждения АЭС, был снят приоритетный статус отслеживания, что на практике означало возможность возвращения эвакуированных жителей. Однако автор приводит статистику заселенности данных территорий по состоянию на 2021 год, которая свидетельствует о возвращении лишь 31% жителей. Там же автор обращается и к результатам опросов эвакуированных граждан, 50–60% которых имеют опасения в отношении возвращения на территории близ «Фукусимы».

В результате Мацуо приходит к выводу о недостаточности поддержки, оказываемой правительством эвакуированным гражданам, что вызывает у них сомнения в действиях властей и в их возможности обеспечить достаточную безопасность на дезактивированных территориях.

Вторая проблема связана с обращением властей с загрязненными радиацией отходами, которые образовались в результате катастрофы. Мацуо подчеркивает противоречия, сложившиеся между государственными и префектуральными властями, в частности в Мияги, Тотиги и Тиба. Префектуры недовольны тем, что вместо централизованного хранения и утилизации отходов за счет государственных средств им приходится этим заниматься самостоятельно. Кроме того, Министерство окружающей среды Японии требует от муниципалитетов проведения детальных исследований

для строительства пунктов окончательного захоронения отходов, что является значительной финансовой нагрузкой на бюджет префектур.

В силу этого решение вопроса децентрализованного хранения и утилизации отходов в каждой префектуре затягивается. Кроме того, некоторые отходы трудно утилизировать, так как сжигание неизбежно сталкивается с противодействием со стороны немалого числа жителей, а очистка занимает много времени. Захоронение также требует согласия со стороны местных жителей и фермеров, поскольку есть риск заражения плодородных почв. По данным, приведенным автором, примерно из 36 045 тонн трудноутилизуемых загрязненных отходов, находившихся на складах по состоянию на июль 2017 г., к концу марта 2021 г. было переработано только 19% (6 743 тонны).

Трудности вызывает и другой аспект процесса ликвидации аварии 2011 г. В 2021 г. была опубликована основная политика по утилизации очищенной воды с АЭС «Фукусима-1»²³, что вызвало активную гражданскую и международную реакцию. Необходимость проведения сброса очищенной воды в океан объясняется ограниченным количеством резервуаров, в которых можно ее хранить. Отработанная вода образует в процессе охлаждения ядерного топлива, расплавленного в результате аварии, – около 140 тонн воды в день²⁴.

Эта загрязненная вода отправляется на специальную очистную станцию (ALPS, *Advanced Liquid Processing System*), где с помощью ряда специальных веществ-адсорбентов удаляются радиоактивные элементы. Однако тритий, образующийся при делении урана в процессе выработки энергии на АЭС, остается в воде после процесса очищения. Именно поэтому отработанная вода не может быть просто утилизирована, что вынуждает TEPCO хранить ее на территории АЭС в специальных резервуарах.

Прогнозировалось, что резервуары будут заполнены уже в 2022 г., однако властям и TEPCO удалось отложить сброс воды до 2023 г. Вскоре после этого правительство Японии обратилось к МАГАТЭ за технической помощью в мониторинге, чтобы обеспечить безопасную и прозрачную реализацию мероприятий, связанных с выбросом очищенной ALPS воды²⁵. Несмотря на это, данным планам был предан международный резонанс, в первую очередь связанный с приостановкой Китаем импорта морепродуктов из Японии в августе 2023 г.²⁶

Ограничение экспорта морской продукции было негативно встречено отраслью рыбной промышленности Японии. Как отмечает К. Ногуты [Что делать..., 2024, с. 172], доверие рыболовов также было подорвано самим решением правительства по сбросу, поскольку еще в 2015 г. в ответ на обращение от профессиональной ассоциации рыболовов

23 Стратегия по утилизации очищенной воды из систем удаления множественных радионуклидов на АЭС Фукусима-1 TEPCO = 東京電力ホールディングス株式会社福島第一原子力発電所における多核種除去設備等処理水の処分に關する基本方針 // Агентство природных ресурсов и энергии METI = 經濟産業省の資源エネルギー庁. – 2021. – 13 апреля. – Япон. яз. – URL: https://www.meti.go.jp/earthquake/nuclear/hairo_osensui/alps_policy.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

24 10 лет после ядерной аварии: Как утилизировать «воду с тритием» и «очищенную воду» = 原発事故 10年 「トリチウム水」「処理水」どう処分する // Новостной портал NHK = NHKニュース. – 2021. – Март. – Япон. яз. – URL: https://www3.nhk.or.jp/news/special/nuclear-power-plant_fukushima/feature/article/article_06.html#:~:text=福島第一原発では、に残ってしまします%E3%80%82 (дата обращения: 30.05.2024).

25 Сброс очищенной с помощью ALPS воды с АЭС «Фукусима-1» = 福島第一原子力発電所におけるALPS処理水の放出 // МАГАТЭ. – Япон. яз. – URL: <https://www.iaea.org/ja/topics/response/fu-dao-di-yi-yuan-fa-niokeruchu-li-shui-nofang-chu> (дата обращения: 30.05.2024).

26 Обзор китайских правил импорта = 中国の輸入規制の概要 // Сайт посольства КНР в Японии. – 2023. – 24 августа. – Япон. яз. – URL: <https://www.cn.emb-japan.go.jp/files/100569327.pdf> (дата обращения: 30.05.2024).

и.о. министра экономики Санаэ Такаити пообещала не производить утилизацию воды до достижения полного понимания индустрии и всех причастных. Далее в рамках исследования Ногуты подчеркивается, что власти и ТЕРСКО, объявив о сбросе, в одностороннем порядке нарушили обещание, и приходится к выводу о потере доверия к ним как промышленности, так и местных граждан. В продолжение этому Т. Хамада, проанализировав другие заявления представителей индустрии, заявляет о значительной разнице в понимании данной проблемы между государством и промышленностью. Также, по мнению Хамады, сообщество рыбаков относится столь негативно не к теоретической безопасности очищенной воды и ее сбросу в океан, а скорее к способности правительства на практике соблюсти полный технологический цикл очистки воды и обеспечить безопасность процесса.

Согласно проведенному NHK в 2023 г. исследованию²⁷ среди представителей отрасли, число противников сброса воды значительно снизилось, с 66,9% в 2019 г. до 28,9%. С другой стороны, число опрошенных, которые считают, что объяснения правительства о необходимости сброса и безопасности были недостаточны, остается высоким – 60%. Другой опрос²⁸, проведенный Nippon Foundation, показывает схожее положение дел: почти 60% респондентов

высказались одобрительно по поводу сброса очищенной воды, но около 40% считают, что объяснения правительства были «неполноценными». Исследование, проведенное газетой «Асахи Симбун» сразу после начала сброса воды²⁹, также демонстрирует согласие среди большинства граждан – 66%.

Таким образом, японское общество, как профессиональные круги, так и простое население, в большинстве согласное с самим фактом сброса очищенной воды, а глобально – и с использованием АЭС; недовольство направлено в первую очередь в сторону правительства в силу неуверенности граждан в его добросовестности, открытости и способности обеспечить безопасность.

Это наблюдается и в исследованиях последних лет, в рамках которых отмечается тенденция положительного изменения отношения японцев к атомной энергетике [Yamagata, 2022]. Согласно опросу общественного мнения, проведенному JAERO (*Japan Atomic Energy Relations Organization*, Организация по связям в области атомной энергии) в 2021 г.³⁰, в период с 2016 по 2021 г. прослеживается снижение поддержки немедленной отмены использования атомной энергетики.

Наиболее актуальный на данный момент опрос, проведенный газетой «Асахи Симбун»³¹, демонстрирует ключевое изменение в отношении общества

27 60% считают, что выброс очищенной воды «недостаточно разъяснен»: Результаты опроса поставщиков, связанных с рыболовством = 処理水放出「説明不十分」6割 水産関係流通業者アンケート結果 // Новостной портал NHK = NHK ニュース. – 2023. – 13 августа. – Япон. яз. – URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20230813/k10014161891000.html> (дата обращения: 28.05.2024).

28 59-й опрос Фонда Ниппон среди 18-летних = 第59回日本財団18歳意識調査 // Nippon Foundation. – 2023. – 21 ноября. – Япон. яз. – URL: <https://www.nippon-foundation.or.jp/who/news/pr/2023/20231121-96472.html> (дата обращения: 28.05.2024).

29 Сброс очищенной воды «одобряют» большинство женщин, среди молодежи мнения разделились = 処理水放出「評価する」女性も多数派に 若年層は評価二分 // Асахи Симбун = 朝日新聞. – 2023. – 26 сентября. – Японский яз. – URL: <https://www.asahi.com/articles/ASR9T5SJHR9QUZPS003.html> (дата обращения: 28.05.2024).

30 Опрос общественного мнения по поводу атомной энергии = 原子力に関する世論調査 // Фонд ядерной культуры Японии (JAERO) = 日本原子力文化財団. – 2021. – Япон. яз. – URL: https://www.jaero.or.jp/data/01jigyoku/pdf/tyousakenkyu2021/results_2021.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

31 51% опрошенных выступают за возобновление работы атомных электростанций, впервые после катастрофы изменив соотношение голосов на противоположное = 原発再稼働、賛成51% 震災後初めて賛否が逆転 // Асахи Симбун = 朝日新聞. – 2023. – 20 февраля. – Япон. яз. – URL: <https://www.asahi.com/articles/ASR2M7V76R2MUZPS003.html> (дата обращения: 20.01.2024).

к атомной энергетике. В 2023 г. данный опрос показал, что 51% респондентов в Японии выступает за возобновление работы атомных станций, а лишь 42% – против. Такое соотношение было выявлено впервые с начала проведения подобных опросов в 2017 г. Прослеживается тенденция к восстановлению доверия японского общества к атомной энергии, что, вероятно, обусловлено значительным ростом цен³² на электроэнергию для домохозяйств (около 30% в течение 2022 г.) и производств (около 60% в течение 2022 г.) после начала кризиса на Украине, который нарушил глобальные цепочки поставок и дестабилизировал мировой энергетический рынок. Однако усилия властей по восстановлению доверия к мирному атому, о которых ежегодно отчитывается *METI* в Белых книгах по энергетике³³, также оказали на это влияние.

Во-первых, в соответствии с Базовым энергетическим планом, помимо распространения информации об энергетической и ядерной политике Японии, текущем статусе вывода из эксплуатации АЭС «Фукусима-1» и мерах по ликвидации последствий аварии, правительством Японии предпринимаются усилия по укреплению доверия общества через различные пиар-мероприятия. В частности, такими являются брифинги и семинары, в основном для студентов, с целью углубления знаний об энергетической и ядерной политике. Также власти используют СМИ для распространения информации об АЭС, в том числе интернет-СМИ и рекламу в общественных местах.

Во-вторых, в тех районах, где расположены объекты ядерного цикла, распространяется информация о нормативных стандартах для ядерных объектов и необходимая информация о радиации. В частности, в 2022 г. были изданы периодические издания и проводились общественные слушания и мероприятия по информированию общественности в местах частого посещения жителей.

В-третьих, регионам, в которых расположены атомные объекты, оказывается всесторонняя поддержка путем выделения грантов на реализацию региональных инициатив. Также направляются эксперты, которые помогают применять данные гранты и развивать регионы, продвигать региональный «бренд» и проводить различные мероприятия пиар-характера. Пример – распространение компанией *EnerGia* манги³⁴, посвященной АЭС «Симане» и условиям безопасности на ней.

Наконец, правительство активно вкладывается в ядерное образование с помощью проектов Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии. Предоставляются различные гранты для покрытия необходимых расходов на образовательные проекты (подготовка учебных материалов, подготовка преподавателей, экскурсии на объекты, направление инструкторов и т.д.) в области энергетики, включая и ядерную энергию.

Таким образом, население Японии имеет общее представление об энергопереходе, но практически не осведомлено о конкретных планах правитель-

32 Белая книга по энергетике Японии = エネルギー白書 // Агентство природных ресурсов и энергии METI = 経済産業省の資源エネルギー庁. – 2023. – 6 июня. – Япон. яз. – URL: <https://www.enecho.meti.go.jp/about/whitepaper/2023/html/1-2-2.html> (дата обращения: 02.06.2024).

33 Белая книга по энергетике Японии = エネルギー白書 // Агентство природных ресурсов и энергии METI = 経済産業省の資源エネルギー庁. – 2023. – 6 июня. – Япон. яз. – URL: [https://www.enecho.meti.go.jp/about/whitepaper/2023/pdf/\(data](https://www.enecho.meti.go.jp/about/whitepaper/2023/pdf/(data%20accession%2025012024).pdf)

34 Хочу рассказать про АЭС Симане = あなたに伝えたい 島根原子力発電所のこと // EnerGia. – 2021. – Март. – Япон. яз. – URL: <https://www.energia.co.jp/energy/pr/book/html5m.html#page=1> (дата обращения: 08.02.2024).

ства. Однако общий уровень одобрения использования атомной энергии растет в последние годы. Это можно объяснить чрезвычайно активными действиями властей страны по восстановлению доверия граждан Японии к мирному атому и происходящим глобальным энергетическим кризисом. Однако такое положение дел складывается на контрасте серьезного недоверия общества к правительству в силу непоследовательной политики по ликвидации ущерба от аварии на «Фукусиме-1». При этом граждане Японии осознают важность сокращения углеродного следа, что в совокупности со смягчением негативной позиции по отношению к атомной энергетике позволит властям страны эффективно внедрить АЭС в процесс энергоперехода в будущем, даже несмотря на степень недоверия.

Важно отметить и уровень общественного и муниципального влияния на процессы постройки и возобновления работы АЭС в Японии. Так, запуск реактора невозможен без общественного одобрения, что зачастую осложняет и растягивает процедуру возобновления работы станций. Но именно такая система усиливает уверенность граждан в безопасности вводимых в эксплуатацию АЭС (как минимум в своей возможности повлиять на процесс) и повышает уровень общественного сознания. С другой стороны, существует яркий пример влияния, оказываемого муниципалитетом на процесс постройки новых АЭС. В 2014 г. власти города Хакодате в префектуре Хоккайдо подали иск [Kikuchi, 2021] с требованием остановить строительство атомной электростанции на берегу пролива Цугару, примерно в 23 км от города. Мэр города Хакодате подал в административный суд на правительство страны с требованием аннулировать

решение, а на энергетическую компанию – в гражданский суд с требованием запретить строительство, утверждая, что авария на станции приведет к катастрофе в соседствующем со станцией городе. Данный процесс происходил во время достаточно активной неприязни к атомной энергии в обществе вследствие аварии на «Фукусиме-1».

До данного инцидента ни один муниципалитет в Японии не обращался в суд, чтобы остановить строительство атомной электростанции. Постройка АЭС «Ома» началась в 2008 г., но была приостановлена после аварии на АЭС «Фукусима» в 2011 г. Позже процесс возобновился в 2012 г., но вновь был прекращен в 2014 г. после судебного иска со стороны муниципалитета. На данный момент дата запуска постоянно отодвигается, актуальная дата – 2028 г.³⁵, однако не исключено, что перенос даты повторится. Центральное правительство, представители которого также присутствовали в суде, утверждало, что Хакодате не имеет права требовать приостановки строительства, ссылаясь на прецеденты других АЭС и законы. Тем не менее процесс остается в полузамороженном состоянии, что является отражением возможности местных властей повлиять на вопросы, связанные с атомной энергетикой в Японии. В свою очередь, это дополнительно укрепляет уверенность общества в способности оказывать реальное влияние на систему атомной энергетике страны, что в некоторой степени могло повлиять на изменение негативного отношения граждан к мирному атому.

Интересы японских энергетических компаний также направлены на перезапуск уже существующих АЭС. Связано это в первую очередь с высокими ценами на ископаемые ресурсы для производства электроэнергии и последую-

35 В Японии в очередной раз отложили сроки запуска АЭС «Ома» // Научно-деловой портал «Атомная энергия». – 2022. – 12 сентября. – URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2022/09/12/128107> (дата обращения: 25.01.2024).

щей ее реализации. Вследствие растут и рыночные цены на электроэнергию для домохозяйств. В соответствии с исследованием гражданского информационного центра по атомной энергетике (CINI, *Citizen's Nuclear Information Center*)³⁶, для многих энергокомпаний неработающие АЭС являются финансовым бременем, которое не позволяет снизить потребительские цены на электроэнергию. В то же время количество уже перезапущенных реакторов слишком мало, чтобы повлиять на ценообразование.

Постройка новейших АЭС и реакторов также является финансово невыгодным действием для энергокомпаний. Однако в случае перезапуска большего числа неработающих на данный момент реакторов производители энергии смогли бы снизить затраты на закупку невозобновляемых ресурсов, следовательно, получить больше выгоды даже при снижении потребительских цен. Авторы исследования утверждают, что перезапуск реакторов не окажет значительного влияния на ценообразование электроэнергии, но при этом отмечают, что затраты на постройку новых АЭС можно распределить на всех потребителей электроэнергии.

Тенденция по переходу к ВИЭ коснулась и сами энергокомпании, которые создают «зеленые» отделения и стремятся развивать возобновляемые источники. Например, компания *TEPCO* использует, помимо АЭС, солнечную, ветровую и водную энергию для обеспечения электроснабжения – для этого в 2019 г. было создано отделение *TEPCO Renewable Power*. Перезапуск большего числа реакторов смог бы позволить энергокомпаниям перерас-

пределить финансовую нагрузку и инвестировать в развитие ВИЭ, что также соответствует «зеленому» направлению энергетической политики Японии [Кайдо, Оокава, 2023].

Согласно мнению японских экспертов в области атомной энергетики³⁷, АЭС является эффективным инструментом для снижения зависимости Японии от потоков внешних энергоресурсов. Использование атома позволит стране обеспечить стабильное энергоснабжение и проводить более гибкую политику в рамках энергетического самоопределения. Стоит отметить и то, что многие эксперты также ставят ВИЭ на первое место в рамках будущего энергобаланса Японии, но отмечают неизбежность использования атома в качестве «второстепенного» источника энергии, которым возможно обеспечить около 20% энергобаланса страны.

Выводы

Авария на АЭС «Фукусима-1» оказала значительное влияние на всю структуру энергетики Японии. Долгосрочными последствиями данной катастрофы являются изменения в системе взаимодействия государства и частных компаний – операторов АЭС, ужесточение контроля за безопасностью атомного сектора и частичная переориентация энергетики Японии на развитие зеленой и чистой энергетики. При этом «зеленый» курс энергетической политики Токио не свидетельствует о полном отказе от атомной энергетики. Планы, которые оглашает правительство, демонстрируют второстепенное по отношению к ВИЭ положение атома, но именно

36 Что произойдет с ценами на электроэнергию, если будут перезапущены атомные электростанции? = 原発再稼働で電気料金はどうなるのか? // Гражданский информационный центр по атомной энергетике (CINI/C) = 原子力資料情報室. – 2023. – 6 августа. – Япон. яз. – URL: <https://cnic.jp/47519> (дата обращения: 16.03.2024).

37 Является ли это решением проблемы растущих счетов за электричество? Насколько это безопасно? = 電気代高騰の解決策になるの? 安全性は? // NHK. – 2022. – 5 декабря. – Япон. яз. – URL: <https://www.nhk.jp/p/gendai/ts/R7Y6NGLJ6G/blog/bl/pkEldmVQ6R/bp/pwWWpqLKMw/> (дата обращения: 16.03.2024).

такое сочетание обеспечит, как ожидается, около 60% потребности энергии Японии. Согласно официальным прогнозам будущей структуры электро-снабжения страны в 2030 г.³⁸, АЭС будут вырабатывать 20–22% всей электро-энергии, что сравнимо с 19% энергии, получаемой от угля, и 20% энергии от газа, но именно атом выделяется наравне с ВИЭ. Объясняется это декарбонизированностью данных источников энергии, что соответствует стремлениям властей по снижению углеродного следа.

Выстроенная после аварии 2011 г. структура атомного сектора нацелена на обеспечение безопасности работы АЭС в первую очередь. Такая комплексная система управления атомной энергетикой основана на реализации политики осознания ошибок «Фукусимы-1» и направлена на предотвращение подобных аварий. Это говорит о стремлении властей страны обеспечить энергетическую безопасность, ведь создание условий стабильной работы АЭС позволит, согласно планам, установить большую степень энергетической безопасности Японии.

Отношение общества к использованию атомной энергии в последние годы стремительно изменяется в положительную сторону. Данный факт также свидетельствует о возможности возвращения Японии к активной эксплуатации АЭС и наглядно демонстрирует успехи многолетней работы властей страны по восстановлению доверия общества к мирному атому. С другой стороны, понимание японцев самого процесса энергоперехода затруднено, а в обществе распространено недовольство политикой властей по мирному атому, связанной с решениями правительством вопросов ликвидации последствий ка-

тастрофы 2011 г. и поддержки пострадавших. Именно в данной сфере у политических кругов Японии есть необходимость построения доверительных отношений с гражданами и возможность углубить понимание важности атомной энергии как неотъемлемого инструмента в процессе энергоперехода. Экспертное сообщество также принимает важность атомной энергии в контексте энергоперехода, однако стремится напомнить о возможных рисках, связанных с развитием данной отрасли, критикуя при этом действия властей по части ликвидации последствий аварии.

Несмотря на фокусирование внимания правительства на развитии технологий в сфере возобновляемых источников энергии, Япония не отказывается от АЭС. Атомная энергия продолжит играть значимую роль в осуществлении четвертого энергоперехода в Японии, а также позволит обеспечить энергетическую безопасность и сконцентрироваться на развитии ВИЭ. Система контроля безопасности атомных станций и возможность гражданского участия в ней обеспечивает положительные изменения в рамках отношения общества к атомной энергии. Возобновление функционирования АЭС позволит энергетическим компаниям Японии перенаправить значительную часть финансирования на развитие ВИЭ, что коррелирует с общими тенденциями декарбонизации в Японии.

Список литературы

Давыдов Д.А. Проблемы безопасности атомной энергетики на примере Японии // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – Т. 2, № 2. – С. 44–49.

38 Перспективы спроса и предложения энергии в 2030 г. = 2030年度におけるエネルギー需給の見通し // METI. – 2021. – Октябрь. – Япон. яз. – URL: https://www.enecho.meti.go.jp/category/others/basic_plan/pdf/20211022_03.pdf (дата обращения: 02.06.2024).

Дронишинец Н.П., Ленков И.Л. Общественное мнение Японии об атомной энергетике после Фукусимы // Актуальные вопросы науки, техники и образования в атомной отрасли. – Новоуральск : Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» – 2017. – С. 44–47.

Корнеев К.А. Внутренняя энергетическая политика Японии: новый этап развития // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее – Москва : Институт Дальнего Востока РАН, 2020. – С. 149–159. – DOI: 10.24411/9999-043A-2020-10017.

Мищенко Я.В. 10 лет после аварии на АЭС «Фукусима»: энергетические кризисы в новейшей истории Японии и пути их преодоления // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 1. – С. 107–124. – DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-107-124.

Нелидов В.В. Внешнеполитический процесс в послевоенной Японии. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2022. – 228 с.

Пасмурцев А.В. Атомная энергетика Японии во второй половине XX – начале XXI в.: динамика развития, достижения и проблемы // Вестник Центра изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – 2021. – № 5. – С. 31–43.

Пределы роста / Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рендерс Й., Беренс В.В.: пер. с англ. – Москва : Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.

Стрельцов Д.В. Япония как «зеленая сверхдержава»: монография. – Москва : МГИМО-Университет, 2012. – 211 с.

Япония: события 11 марта 2011 г. Итоги и уроки / рук. проекта Э.В. Молодякова. – Москва : АИРО-XXI, 2012. – 224 с.

Andrews-Speed P. Governing nuclear safety in Japan after the Fukushima nuclear accident: incremental or radical change? // Journal of Energy & Natural Resources Law. – 2020. – Vol. 38, N 2. – P. 161–181. – DOI: 10.1080/02646811.2020.1741990.

Duffield J.S. Japanese Energy Policy after Fukushima Daiichi: Nuclear Ambivalence // Political Science Quarterly. – 2016. – Vol. 131, N 1. – P. 133–162. – DOI: 10.1002/polq.12431.

Kikuchi M. Changing dynamics of the nuclear energy policy-making process in Japan // Environmental Policy and Governance. – 2021. – Vol. 31, N 2. – P. 116–124. – DOI: 10.1002/eet.1922.

Yamagata H. Public Opinion Survey on Restart and New Construction of Nuclear Power Plants in Japan // Journal of Japan Society of Energy and Resources. – 2023. – Vol. 44. – P. 55–62. – DOI: 10.24778/jjs-er.44.1_55.

Каидо Юити, Оокава Йоко. Уголовный процесс над ТЕРСО: неоспоримая ответственность и возвращение к ядерной энергетике = 海渡 雄一, 大河 陽子 東電刑事裁判 問われない責任と原発回帰 // Изд-во «Сайрияся» = 彩流社. – 2023. – 200 с. – Япон. яз. – ISBN: 978-4-7791-2902-5.

Мацуо Рюске. Политическая теория событий 11 марта = 松尾隆佑 3・11の政治理論 // Изд-во «Акаси» = 明石書店. – 2022. – 288 с. – Япон. яз. – ISBN: 978-4-7503-5381-4.

Что делать с очищенной водой из оборудования по удалению радионуклидов? / Такаси Иваи [и др.] = どうするALPS処理水? / 岩井 孝 [et al.] // Изд-во «Акэби» = あけび書房. – 2024. – 172 с. – Япон. яз. – ISBN: 978-4-87154-254-8.

From the Point of Economics

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.03

The Role of Nuclear Power in Japan's Energy Transition

Oskar B. RAMEEV

Junior Researcher at the Center for Interdisciplinary Research
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovskiy Avenue, 51/21, Moscow, Russia, 117418
E-mail: mr.rameev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4623-6508

CITATION: Rameev O.B. (2024). The Role of Nuclear Power in Japan's Energy Transition. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 3, pp. 46–67 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.03.03

Received: 09.02.2024.

Revised: 02.09.2024.

ABSTRACT. *The article is devoted to the energy transition and the role of nuclear power within this process in Japan. Tokyo's energy policy after 2011 is focused on the implementation of innovative technologies in the field of renewable energy sources, but the government's plans for the period up to 2050 devote considerable attention to nuclear power. However, the topic of reactivation of nuclear power plants and their place in the country's future energy mix is unpopular among researchers, as evidenced by the low number of papers on this topic. The article examines the changes in the country's policy towards the nuclear industry amid the 2011 Fukushima Daiichi disaster. The current regulatory structure of the nuclear power sector and the interconnection of organizations within it are demonstrated. Major changes in official energy development plans are also analyzed, leading to the conclusion that nuclear power will continue to play a role in Japan's energy mix for the next several decades. The information on operating NPP reactors on the territory*

of Japan was updated and graphically presented, thus, the tendency to restart some of the shutdown reactors and their long-term orientation is noted. It is shown that the current situation is characterized by a tendency to soften the opposition to nuclear power within Japan's society, which is the outcome of the government's work to restore confidence in the peaceful atom, as well as a result of the global energy crisis. The study concludes that Japan's active use of the peaceful atom is resuming, and notes the significant role of nuclear power plants in Japan's energy transition.

KEYWORDS: Japan, energy transition, green agenda, clean energy, nuclear power, Fukushima Daiichi, safety regulation, industry structure, public opinion.

References

Andrews-Speed P. (2020). Governing nuclear safety in Japan after the Fukushima nuclear accident: incremen-

tal or radical change? *Journal of Energy & Natural Resources Law*. Vol. 38, no. 2, pp. 161–181. DOI: 10.1080/02646811.2020.1741990.

Chto delat'... (2024). Takashi Iwai et al. *What to Do with ALPS Treated Water?* Akebi Shobo Publisher, 172 pp. (in Japanese). ISBN: 978-4-87154-254-8.

Davydov D. (2017). Problems of nuclear power safety on the example of Japan. *Economics and Management: Problems, Solutions*. Vol. 2, no. 2, pp. 44–49 (in Russian).

Dronishinets N. (2017). Japanese public opinion on nuclear power after Fukushima. In: *Actual Questions of Science, Technology and Education in the Nuclear Industry*. Novoural'sk: MIFI, pp. 44–47 (in Russian).

Duffield J.S. (2016). Japanese Energy Policy after Fukushima Daiichi: Nuclear Ambivalence. *Political Science Quarterly*. Vol. 131, no. 1, pp. 133–162. DOI: <https://doi.org/10.1002/polq.12431>.

Kaido Yu., Ookava Yo. (2023). *TEPCO Criminal Trial: No Responsibility to Be Questioned and Return to Nuclear Power*. Sairyu-sha Publisher, 200 pp. (in Japanese). ISBN: 978-4-7791-2902-5.

Kikuchi M. (2021). Changing dynamics of the nuclear energy policy-making process in Japan. *Environmental Policy and Governance*. Vol. 31, no. 2, pp. 116–124. DOI: <https://doi.org/10.1002/eet.1922>.

Korneev K. (2020). Japan's domestic energy policy: a new stage of development. In: *East Asia: Past, Present, Future*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, pp. 149–159 (in Russian). DOI: 10.24411/9999-043A-2020-10017.

Matsuo R. (2022). *March 11th Political Theory*. Akashi Bookstore, 288 pp. (in Japanese). ISBN: 978-4-7503-5381-4.

Mishchenko Ya. (2021). 10 years after Fukushima disaster: energy crises in the modern history of Japan and paths of solving them. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. No. 1, pp. 107–124 (in Russian). DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-107-124.

Nelidov V. (2022). *Foreign Policy Process in Post-war Japan*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 228 pp. (in Russian).

Pasmurtsev A. (2021). Japan's Nuclear Power Industry in the Second Half of the Twentieth and Early Twenty-First Centuries: Dynamics of Development, Achievements and Problems. *Bulletin of the Center for the Study of International Relations in Asia and the Pacific*. Vol. 5, pp. 31–43 (in Russian).

Predeli rosta... (1991). Meadows D.H. et al. *Limits to Growth*. Moscow: MSU Publishing, 205 pp. (translation into Russian).

Streltsov D. (2012). *Japan as a "Green Superpower": a monograph*. Moscow: MGIMO-University, 211 pp. (in Russian).

Yamagata H. (2023). Public Opinion Survey on Restart and New Construction of Nuclear Power Plants in Japan: Extraction of Public's Important Concern and Attitude Change by Solution. *Journal of Japan Society of Energy and Resources*. Vol. 44, no. 1, pp. 55–62. DOI: 10.24778/jjser.44.1_55.

Yaponiya... (2012). Molodyakova E.V. (ed.). *Japan: The Events of March 11, 2011. Results and Lessons*. Moscow: AIRO-XXI, 224 pp. (in Russian).

УДК 336.74(510)
DOI: 10.31249/kgt/2024.03.04

Цифровые валюты центральных банков: перспективы и вызовы в новой экономике (практический опыт КНР)

Хусан Суннатуллаевич УМАРОВ

кандидат экономических наук, генеральный директор

ООО «Квелл»

ул. Бориса Пастернака, д. 10, г. Москва, Российская Федерация, 108849

E-mail: husan@kvell.ru

ORCID: 0000-0001-6370-3000

Елизавета Сергеевна СОКОЛОВА

доктор экономических наук, профессор, заместитель руководителя

Департамента мировой экономики и мировых финансов

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Ленинградский проспект, д. 49/2, г. Москва, Российская Федерация, 125167

E-mail: sokolovaes@mail.ru

ORCID 0000-0002-4237-548X

ЦИТИРОВАНИЕ: Умаров Х.С., Соколова Е.С. Цифровые валюты центральных банков: перспективы и вызовы в новой экономике (практический опыт КНР) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 68–88.

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.04

Статья поступила в редакцию 17.04.2024.

Исправленный текст представлен 30.06.2024.

АННОТАЦИЯ. Целью исследования ставится анализ как предпосылок, так и последствий внедрения цифровых валют, которые повлияли на революционное изменение мирового финансового ландшафта. Для достижения поставленных целей авторами выдвинуты следующие задачи: на примере киберюаня в КНР проанализировать современные практики внедрения цифровых национальных валют, рассмотреть ключевые отличия цифровых национальных финансовых валют (CBDC) от денежных средств и криптовалют, изучить

причины потенциальных затруднений в процессе ввода в эксплуатацию центральных цифровых валют, которые привели к закрытию проектов CBDC в ряде стран. Оценивая опыт мирового внедрения CBDC в оборот, авторы рассматривают факторы, которые напрямую влияют на выбор дизайна цифровых валют. Авторы подчеркивают возможность достижения с помощью цифровых валют центральных банков таких актуальных задач, как преодоление последствий пандемии COVID-19 и мировой стагнации финансовых рын-

ков в 2020–2021 гг., борьба с последствиями санкционных ограничительных мер в отношении китайских финансовых рынков, сдерживание доминирующей роли американского доллара и снижение финансовых издержек участников. К основным выводам статьи относится осознание необходимости установления правового статуса цифровых центральных валют и повышения финансовой осведомленности потенциальных и реальных пользователей цифровых валют, обеспечения технической и нормативной совместимости цифровых валют центральных банков, широкого использования передовых технологий распределенных реестров для защиты конфиденциальности данных и обеспечения строгой аутентификации платежей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: центральные банки, цифровые валюты центральных банков, дизайн цифровых национальных валют, цифровые активы, платежная система, денежно-кредитная политика, цифровизация, криптовалюта, цифровой юань, киберюань, проект mBridge, проект Project Rio.

Введение

Необходимость обновления традиционной финансовой структуры в соответствии с требованиями времени способствует кардинальной трансформации существующей бизнес-модели. Новые реалии развития современных финансовых рынков приводят к тому, что ведущие государственные предприятия, кредитно-финансовые учреждения и консорциумы сегодня начинают активно экспериментировать не только с цифровыми токенами (*digital tokens*), частными стабильными монетами

(*private stable coins*) и корпоративными валютами (*corporate currencies*), но и с виртуальным аналогом традиционных фиатных денежных средств – цифровыми национальными финансовыми валютами. Цифровые валюты центральных банков следует рассматривать в качестве цифровой формы суверенной валюты страны, выпущенной центральными кредитно-финансовыми учреждениями определенной страны и обеспеченной кредитами центрального правительства. Согласно данным доклада BIS «Цифровые валюты и будущее денежной системы» от 27 января 2021 г., так называемая оцифровка [Carstens, 2021, р. 24] традиционных форм денежных средств, в ходе которой происходит трансформация привычных форм денежных расчетов в цифровые (или «цифровое представление денег»), названа одной из главных причин, способствующих скорейшему переходу к цифровым моделям денежных средств. Следует отметить, что CBDC не имеют физического эквивалента, существуют исключительно в виртуальных форматах и несут ряд значительных преимуществ, недоступных их предшественникам. Эксперты высоко оценивают потенциал цифровых национальных валют к преобразованию финансового сектора (особенно среди развивающихся рынков с низким уровнем доходов населения), интеграции мировых финансовых рынков, обеспечению широкого доступа к транзакциям в цифровых форматах пользователям, не имеющим традиционных банковских счетов (а это ни много ни мало, согласно оценке Международного валютного фонда, – 1,7 млрд человек)¹. Многие ведущие эксперты в области блокчейна, финансов и криптовалют называют CBDC адекватной заменой поднадоевшей крипто-

1 A New Era Of Digital Money. – 2021. – 21 June. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2021/06/online/digital-money-new-era-adrian-mancini-griffoli.htm> (дата обращения: 26.07.2024).

валюте², однако всё ли так однозначно в распространении CBDC? В основном разделе исследования постараемся ответить на этот вопрос.

Обзор литературы

Ключевые особенности CBDC, выгодно отличающие их от традиционных фиатных денег, привлекают возрастающее внимание как простых пользователей, так и научной общественности. Об активизации исследований и разработок в области цифровых валют центральных банков заявляют зарубежные эксперты Т. Анерт, К. Ассенмахер, П. Хоффманн, А. Леонелло, С. Монне, Д. Порчеллаккья [The economics..., 2022]. Многие специалисты признают уровень глобального интереса к CBDC «беспрецедентным» [Lanquist, Tan, 2023, p. 1]. Например, эксперты Бостонской консалтинговой группы по стратегическому управлению (BCG) И. Михалев, Б. Сон, С.А. Кок считают цифровые финансовые валюты «будущим денег», которое способно внести «существенные улучшения»³ в действующие платежные модели.

Анализ внедрения цифровых банковских валют становится предметом исследования на крупных международных форумах. В частности, изучению вопроса расширения доступа к финансовым услугам со стороны «небанковских слоев населения» в марте 2023 г. посвящает свою деятельность Азиатско-Тихоокеанский форум (APFSD)⁴. В ходе исследования авторы будут также обращаться к актуальным отчетным данным Консорциума по управлению цифровой валютой (*Digital Currency*

Management Consortium), Европейского центрального банка (ECB), Федерального резервного банка Бостона (*The Boston Fed*), Института международных отношений (IAI), Ассоциации Глобальной системы мобильной связи (GSMA), Рабочей группы по исследованиям китайской национальной цифровой валюты E-CN [Hileman, Rauchs, 2017; Kostika, Laopodis, 2020; Central Bank..., 2021].

Изучение кардинальной трансформации схемы международных денежных расчетов представлено в работах российских экспертов Н.В. Фадейкиной, Ф.И. Пилова [Фадейкина, Пилова, 2022], А.В. Кузнецова [Кузнецов, 2022]. Изменению архитектуры технологических расчетов и трансформации таких параметров денежных валют, как волатильность (*volatility*) и доходность (*profitability*), посвящают свои исследования С. Корбет, Г. Макхью, А. Миган [Corbet, McHugh, Meegan, 2017], И. Чиу [Chiu, 2017], А. Ианку, Г. Андерсон, С. Андо [Iancu, Anderson, Ando, 2020], М. Пенедер [Peneder, 2021]. Порядок применения технологий блокчейна в функционировании валют центральных банков рассматривается в работах Н. Дашкевича, С. Каунселла, Г. Дестефаниса [Dashkevich, Counsell, Destefanis, 2020].

Систематический подход в изучении цифровых валют реализован в работах Х. Нобани, Н.О. Эллили [Mapping..., 2023], С.Л. Алонсо с коллегами [Alonso, Jorge-Vazquez, Forradellas, 2021]. В исследовании А. Коссе и И. Маттеи [Kosse, Mattei, 2023, p. 137] представлены страны, изучающие в режиме реального времени перспективы

2 Annual Economic Report 2022. – 2022. – 26 June. – URL: <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2022e.htm> (дата обращения: 24.07.2024).

3 A Separate Asset Class For Cryptocurrency. – 2021. – 27 January. – URL: <https://digitalcommons.liberty.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3940&context=doctoral> (дата обращения: 11.07.2024).

4 Asia-Pacific Forum on Sustainable Development 2023. – 2023. – 27 March. – URL: <https://www.unescap.org/events/apfsd10> (дата обращения: 21.07.2024).

и особенности внедрения цифровых национальных валют. Результаты регионального опроса в вопросе отношения к цифровым валютам центральных банков в Азиатско-Тихоокеанском регионе продемонстрированы в совместном труде С. Джахан, Е. Лукояновой и других [Towards Central Bank..., 2022]. Опыт практического внедрения цифровых валют центральных банков на примере КНР рассматривается в исследованиях Ч. Тэнга, З. Ху [Хи, Tang, 2020], Х. Ванга [Wang, 2023], Х. Ченга [Cheng, 2023].

Не следует оставлять без внимания спорные моменты в использовании цифровых банковских валют. Изучению проблем развития и внедрения цифровых валют посвящают научные изыскания специалисты в области экономики и финансов, электронных технологий, блокчейна; в частности, дискуссионные моменты внедрения цифровых валют и их влияние на финансовую стабильность и денежно-кредитную политику затрагиваются в работах А. Берентсен, Ф. Шер [Berentsen, Schar, 2018], Н. Фабрис [Fabris, 2019], Л. Дионисопулоса, М. Марра, Э. Уркварта [Dionysopoulos, Marra, Urquhart, 2024], Т. Нгуен с коллегами [Asym-metric..., 2019]. Эксперты BIS в Годовом экономическом отчете от 21 июня 2022 г. предлагают рассматривать преимущества цифровых национальных валют в сравнении с главными недостатками их прямого соперника – криптовалюты. Недостатки, характерные для криптовалют, могут быть успешно преодолены в позитивном сценарии внедрения CBDC. Например, многие эксперты отмечают особую эффективность цифровых национальных валют в вопросе организации удаленного рабочего процесса между

сотрудниками одного предприятия (учебного учреждения). Данная задача оказывается особо востребованной в связи с необходимостью преодоления последствий не только пандемии COVID-19, от которой так устало мировое сообщество в 2020–2021 гг., но и новых пандемических угроз 2025–2030 гг., связанных с распространением малоизученных патогенов [Salazar, Spencer, 2022, р. 1]. В связи с этим так называемый гибридный график работы⁵, сочетающий удаленный и очный форматы присутствия на рабочем месте, сегодня получает всё большее распространение в международных телекоммуникационных, финансовых и торговых компаниях и становится еще одной удобной площадкой для отлаживания форматов внедрения цифровых национальных валют.

Вместе с тем «фрагментированность» и «отсутствие стабильного номинального якоря», а именно строгого правового и технологического процесса регулирования новой формы денежных расчетов, признаются ключевыми структурными недостатками CBDC [Smith, Kumar, 2018, р. 1532], равно как и склонность к необоснованным финансовым рискам, ненадежные и трудно поддающиеся контролю посредники, отсутствие решения проблемы децентрализации.

CBDC и наличные денежные средства: сравнительная характеристика

В наглядной форме ниже (рисунок 1) систематизируем ключевые преимущества и недостатки двух видов валют.

Проводя сравнительный анализ цифровых национальных валют и тради-

5 Hybrid Work Schedule Breakdown [2024 Update]. – 2024. – 9 February. – URL: https://www.larksuite.com/en_us/blog/hybrid-work-schedule-breakdown (дата обращения: 18.07.2024).

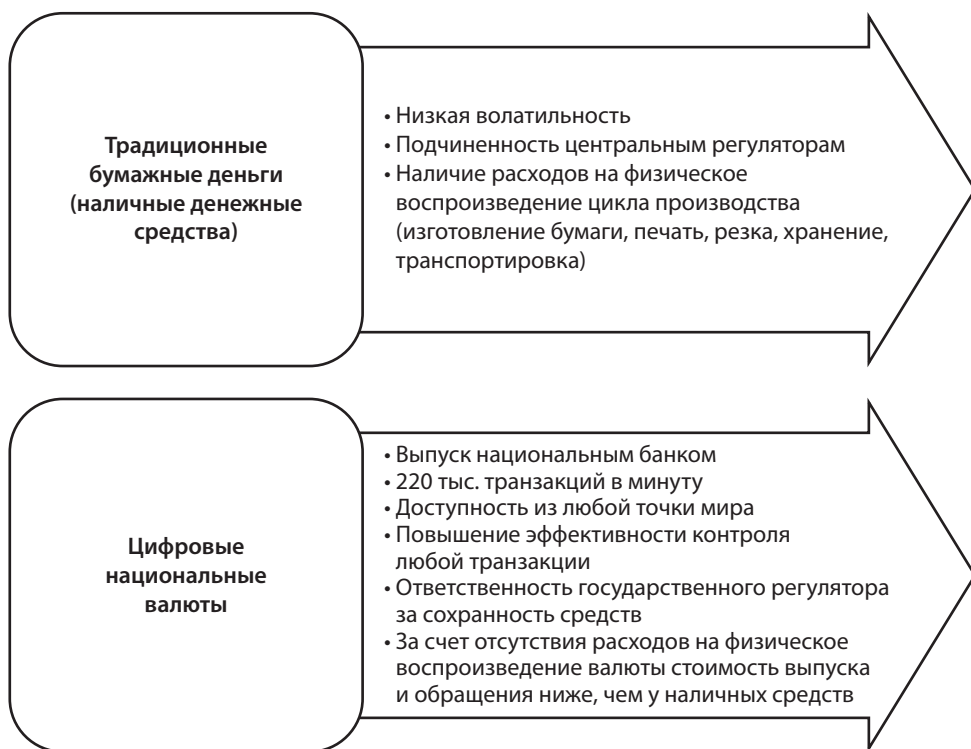

Рисунок 1. Общая сравнительная парадигма особенностей цифровых и традиционных валют (по состоянию на июнь 2024 г.).

Figure 1. The general comparative paradigm of the features of digital and traditional currencies (as of June 2024).

Источник: составлено авторами.

ционных форматов денежных средств, нельзя игнорировать тот факт, что последние не обладают многими недостатками цифровых валют:

1. Наличные деньги могут быть в ходу даже в отдаленных регионах (в отличие от CBDC, камнем преткновения для широкого распространения которых является банальное отсутствие телекоммуникационных сетей в бедных и отдаленных регионах).

2. В отличие от электронных национальных валют, подверженных кибератакам мошенников, отсутствует возможность вмешательства стороннего лица в порядок осуществления транзакции.

3. Не существует риска технических сбоев в процессе передачи денежных средств.

4. Строго соблюдается конфиденциальность данных.

Более того, наличные средства бесплатны в использовании, они способствуют улучшению бюджетирования в результате отсутствия каких-либо сборов или комиссий за использование. Однако, даже несмотря на неоспоримые достоинства наличных форматов денежных средств, CBDC сегодня всё больше завоевывают мировые рынки, тогда как наличные денежные средства начинают им заметно усту-

пать. Подобно традиционным денежным средствам, новые цифровые форматы национальных валют также подлежат обмену, продаже, переводу другим лицам, однако теперь их можно использовать для удобных удаленных форматов оплаты интернет-услуг, решений, банковских продуктов, не опасаясь строгой привязки к географическому расположению пользователя. Активное использование государственными регулирующими органами нового денежного инструментария, выпускаемого на основе передовых технологий блокчейна (*blockchain*) и распределенных цифровых бухгалтерских книг, всё чаще становится яркой тенденцией развития современного финансового рынка.

И дело здесь не только в том, что наличные деньги часто используются в таких видах преступной деятельности, как «отмывание денег»⁶ и уклонение от уплаты налогов, хотя возможность CBDC поминутно отслеживать любые финансовые транзакции в рамках операций среди центральных цифровых валют становится настоящей революцией в области денежных расчетов. Сегодня цифровые транзакции в CBDC помогают оперативно установить «контрольный след» для финансовых контролирующих организаций и правоохранительных органов, а возможность строгого контроля за временем и качеством исполнения финансовых операций становится одним из ключевых результатов внедрения цифровых валют, способных повысить эффективность контроля над состоянием экономики определенной страны. Ниже попробуем понять, что стало необходимым

фундаментом к тому, чтобы альтернативные цифровые способы оплаты сегодня получали всё более широкое признание и распространение на мировых финансовых рынках.

Предпосылки к внедрению CBDC

Фундаментированная на денежных средствах центральных банков, гибкая, программируемая, легко поддающаяся контролю государственных органов цифровая валюта центральных банков оказывается способной оперативно адаптироваться для удовлетворения общественных интересов, но что способствовало революционным изменениям финансового сектора последних 5–7 лет? Следует отметить, что периоду первоначального внедрения и эксплуатации цифровых платежных средств центральных банков присущи следующие условия:

1. Увеличение количества мобильных абонентов в мире. По данным МВФ, в 2021 г. в 95 странах было зарегистрировано порядка 1 млрд счетов мобильных платежей, через которые ежедневно проходило порядка 2 млрд долл. США⁷. Согласно прогнозируемым данным, представленным главным экспертом *Statista*, мировое число уникальных пользователей сотовой связи во всем мире к 2025 г. составит 7,49 млрд человек⁸.

2. Резкий рост объемов электронной торговли. Если в 2020–2021 гг. увеличение интереса пользователей к данному сектору экономики было обусловлено необходимостью соблюдения обязательных режимов самоизоляции и дистан-

6 Why Governments Seek to Eliminate Cash. – 2024. – 19 April. – URL: <https://www.investopedia.com/articles/ investing/021816/why-governments-want-eliminate-cash.asp> (дата обращения: 19.07.2024).

7 A New Era Of Digital Money. – 2021. – 21 June. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2021/06/online/digital-money-new-era-adrian-mancini-griffoli.htm> (дата обращения: 26.07.2024).

8 Forecast number of mobile users worldwide from 2020 to 2025. – 2023. – 16 November. – URL: <https://www.statista.com/statistics/218984/number-of-global-mobile-users-since-2010/> (дата обращения: 21.07.2024).

ционных режимов трудовой и учебной деятельности из-за пандемии COVID-19, то взрывной рост электронной коммерции в 2022–2024 гг. объясняется не только высокими затратами на оплату физических помещений и закономерным стремлением снизить накладные расходы на открытие и функционирование бизнеса, но и появлением новых форматов электронной коммерции (включая доступные неопытным пользователям конструкторы веб-сайтов), стабильным притоком новых покупателей, оптимизацией логистических процессов, относительно низким барьером для старта онлайн-продаж на торговых площадках.

3. Увеличение доступности безналичных платежных инструментов: если в 2019 г. объем глобальных безналичных транзакций достиг 708,5 млрд долл.⁹, что на 80% выше по сравнению с показателями 2014 г., то в 2023 г., по данным отчета Исследовательского института *Capgemini*, благодаря реализации инновационных схем цифровых платежей, среди которых цифровые валюты центральных банков, объем мировых глобальных безналичных платежей перешагнул рубеж в 1,3 трлн долл.¹⁰ Прибавляя в среднем по 15% в год, в 2027 г. прогнозируемый рост безналичных транзакций составит уже 2,3 трлн долл.: на 19,8% вырастут показатели данного вида платежей в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на 6,5% в Северной Америке и на 10,7% в Европе. Возможное сокращение показателей традиционных платежей от общего объема безналичных транзакций эксперты *Capgemini* оценивают в рекордные 70%¹¹.

Необходимость взаимодействия с центральными банками и внедрения в них цифровых валют, помимо решения актуальных вопросов открытых финансов, кибербезопасности, разработки инфраструктуры финансового рынка следующего поколения и других задач, является одной из главных целей политики инновационного центра *BIS*. Приоритетность в решении данных целей и задач поддерживается 63 экспертами из центральных банковских учреждений. Одной из передовых инновационных разработок центра *BIS* становится уникальная облачная платформа для центральных финансовых учреждений *Project Rio*¹². С помощью искусственного интеллекта и других современных технологий площадка помогает осуществлять оперативный мониторинг цен на электронных рынках в режиме реального времени и обрабатывать потоки финансовых данных, контролировать показатели ликвидности и рыночного риска и анализировать весь портфель рыночных заказов 36 тыс. раз в час (или каждые 100 миллисекунд).

Сегодня цифровые национальные валюты базируются на необходимости поиска решений таких актуальных задач, как повышение конкурентоспособности участников глобальной мировой экономики [Tong, Jiayou, 2021, p. 78], оживление финансовых рынков, борьба с коррупционным злоупотреблением и мошенничеством, обеспечение высоких уровней защиты персональных данных пользователей, увеличение эффективности управления монетарной политикой, од-

9 World Payments Report 2020. – 2023. – 7 October. – URL: <https://www.sogeti.com/explore/reports/world-payments-report-2020/#~:text=Global%20non-cash%20transactions%20surged,volume%20leader%2C%20at%202024.6%20billion.> (дата обращения: 25.07.2024).

10 Global Non-Cash Transaction Volume Set To reach 1.3 trillion in 2023. – 2023. – 15 September. – URL: <https://www.capgemini.com/news/press-releases/global-non-cash-transaction-volumes-set-to-reach-1-3-trillion-in-2023/> (дата обращения: 22.07.2024).

11 Global Non-Cash Transaction Volume Set To reach 1.3 trillion in 2023. – 2023. – 15 September. – URL: <https://www.capgemini.com/news/press-releases/global-non-cash-transaction-volumes-set-to-reach-1-3-trillion-in-2023/> (дата обращения: 22.07.2024).

12 Rio: monitoring of fast-paced electronic markets. – 2023. – 12 April. – URL: https://www.bis.org/about/bisih/topics/suptech_regtech/rio.htm (дата обращения: 22.07.2024).

нако в зависимости от участника рынка и его ожиданий данные цели могут быть скорректированы. Во многом это зависит не только от уровня экономического и финансового развития страны, внедряющей *CBDC*, но и от эффективного решения вопроса «укрепления общественного доверия» к новым финансовым инструментам¹³. Это объясняет функционирование большого количества организаций, которые изучают проблематику ответственного вхождения цифровых финансовых валют в международную валютную систему. Среди них Консорциум по управлению цифровой валютой (*DCGC*), исследовательские данные которого по этапам внедрения и апробации цифровых национальных валют среди разных стран мира будут рассмотрены в следующем разделе.

Мировая практика внедрения *CBDC*: что влияет на выбор дизайна цифровых валют?

По состоянию на июнь 2024 г. *DCGC* продолжает второй этап рабочего процесса изучения цифровых валют: тщательному анализу подвергнуты макроэкономические последствия интеграции инновационных финансовых инструментов в традиционное финансовое пространство, изучены лучшие мировые практики в отношении использования и внедрения новых цифровых инструментов. В серии официальных документов Консорциума представлены как преимущества внедрения цифро-

вых валют, так и возможные риски (как для пользователей, так и для лиц, ответственных за регулирование использования цифровых денежных форматов).

Итак, сколько стран сегодня в мире интересуются созданием и внедрением проектов по использованию *CBDC*, а какие из них по разным причинам свернули данные проекты? Согласно данным *BIS* за 2022 г., 86% представительных центральных финансовых учреждений начали апробацию или планируют внедрение новых видов валют, а 58% в краткосрочной или среднесрочной перспективе заняты вопросом розничной эмиссии центральных цифровых валют¹⁴. По данным трека *CBDC*, порядка 11 стран запустили процесс пилотного внедрения цифровых валют¹⁵. Среди них не только КНР, чей успешный практический опыт внедрения будет подробнее рассмотрен ниже, но и Южная Корея, Гонконг, Норвегия, Канада, Япония, Таиланд, Турция, Франция, Ямайка, ЮАР, Бразилия, ОАЭ, Казахстан, Азербайджан. Пробное внедрение цифровых денежных средств также началось в России, Германии, Израиле, Бельгии, Кипре, Индонезии [*Bitcoin price...*, 2019, р. 365]. По актуальным данным 2024 г., на этапе исследования центральных валют находятся 46 стран, в стадии разработки – 33¹⁶. Стадии распространения и разработки *CBDC* в зависимости от ключевых задач внедрения, региона распространения, типа внедряемых цифровых валют и банка-эмитента будут представлены ниже (таблица 1).

13 The Role of Blockchain Technology in Increasing Economic Transparency and Public Trust. – 2023. – 1 July. – URL: <https://journal.literasisainsnusantara.com/index.php/tacit/article/view/51> (дата обращения: 20.07.2024).

14 Twenty-four central banks will have digital currencies by 2030, survey show. – 2023. – 10 July. – URL: <https://www.reuters.com/markets/currencies/twenty-four-central-banks-will-have-digital-currencies-by-2030-bis-survey-2023-07-10/> (дата обращения: 23.07.2024).

15 What are central bank digital currencies and what could they mean for the average person? – 2023. – 6 October. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2023/10/what-are-central-bank-digital-currencies-advantages-risks/> (дата обращения: 17.07.2024).

16 *CBDC global pioneers: a Roadmap For Gulf Countries*. – 2024. – 8 February. – URL: <https://mecouncil.org/publication/cbdc-global-pioneers-a-roadmap-for-gulf-countries/> (дата обращения: 25.07.2024).

Таблица 1. Стадии разработки цифровых национальных валют в мире
Table 1. Stages of development of digital national currencies in the world

Страна/Регион	Вид цифровой валюты	Банк-эмитент	Год анонсирования	Ключевые задачи внедрения
1	2	3	4	5
Стадия: Исследование				
Руанда	<i>Rwanda CBDC</i>	<i>The National Bank of Rwanda</i>	2019	финансовая доступность, прозрачность, правовое обеспечение, сокращение цифрового разрыва между различными социальными категориями пользователей
США	<i>Digital Dollar</i>	Федеральная резервная система США при участии Федерального резервного банка Бостона и Массачусетского технологического института	2020	удобство использования, низкая стоимость выпуска и обращения, обеспечение ответственного развития цифровых активов, анализ скрытых рисков, обеспечение универсальности технологии <i>CBDC</i>
Еврозона	<i>Retail Digital Euro</i>	Европейский Центральный банк	2021	сохранение возможности использовать <i>CBDC</i> при условии сокращения объема наличных средств
Канада	<i>South Korea Wholesale CBDC</i>	<i>Bank of Korea</i>	2022	проактивная поддержка роста цифровой экономики, функциональная совместимость, доступность
Сингапур	<i>Digital Dollar</i>	Валютное управление Сингапура	2022	реализация проекта <i>Ubin</i> : предоставление возможности использовать стейблкоины, привязанные к официальной валюте для предприятий, частных лиц и государственных компаний, урегулирование межбанковских обязательств на основе смарт-контрактов
Южная Корея	<i>South Korea Wholesale CBDC</i>	<i>Bank of Korea</i>	2023	включение программы цифровой воны в государственную программу развития экономики, создание адекватного ответа на мировые угрозы (преодоление последствий <i>COVID-19</i> , быстрое развитие цифрового юаня в Китае), повышение эффективности платежей, улучшение возможностей мониторинга финансовых транзакций
Казахстан	Цифровой тенге	Национальный банк Казахстана	2023	программируемость, реализация цепочки офлайн-транзакций, обеспечение финансовой стабильности, внимательное изучение рисков внедрения, развитие экосистемы, реализация трансграничных платежей, выпуск обеспеченных стейблкоинов, токенизация ценных бумаг

Продолжение табл. 1				
1	2	3	4	5
Малайзия	Retail Digital Euro	Bank Negara Malaysia	2023	борьба с финансовыми преступлениями и финансированием терроризма
Колумбия	Digital Dollar	Banco de la República	2023	снижение оборота наличных средств, борьба с налоговыми преступлениями
Стадия: Подтверждение концепции				
Соломоновы Острова	Bokolo Cash	Central Bank of Solomon Islands при участии Soramitsu	2023	реализация оптовой и розничной версии цифровых национальных валют, моделируемые трансграничные платежи
Перу	Peru CBDC	Central Reserve Bank of Peru	2021	интеграция новых технологий на основе опыта внедрения CBDC в Индии и Сингапуре, обеспечение финансовой стабильности
Российская Федерация	Цифровой рубль	Центральный банк России	2022	реализация двухуровневой розничной модели в дополнение к существующим денежным форматам (наличным и безналичным формам национальной валюты), равноценность наличным средствам, обеспечение доступа к цифровому рублю с помощью мобильных приложений банков
Индия	Digital Rupee	The Reserve Bank of India (RBI)	2023	обработка внутренних и трансграничных платежей и расчетов
Бразилия	Drex	Central Bank of Brazil	2023	запуск цифровой версии местной бразильской валюты к концу 2024 г., стимулирование финансовых инноваций, расширение спектра финансовых услуг для простых пользователей в Латинской Америке
Стадия: Пилотный проект				
Швейцария	Digital Swiss	Swiss National Bank, Bank of France	2021	мгновенные трансграничные оптовые транзакции (от банка к банку)
КНР	DCEP	Народный банк Китая	2014	проект электронного платежа в цифровой валюте (цифрового юаня), который будет поддерживаться традиционным юанем
Багамские Острова	Sand Dollar	The Central Bank of The Bahamas	2020	создание успешно функционирующего эквивалента традиционному багамскому доллару
ОЕЭС	DCash	Eastern Caribbean Central Bank (ECCB)	2021	трансграничные оптовые транзакции, расширение спектра финансовых услуг

Источник: составлено авторами по материалам CBDC Global Pioneers: a Roadmap For Gulf Countries. – 2024. – 8 February. – URL: <https://mecouncil.org/publication/cbdc-global-pioneers-a-roadmap-for-gulf-countries/> (дата обращения: 25.07.2024).

Дизайн цифровых национальных валют может быть построен только на двух возможных сценариях: на основе токенов либо на основе учетных записей. В первом случае будет наблюдаться процесс, схожий с механизмом работы с традиционными фиатными деньгами (за каждым токеном закрепляется определенный терминал), во втором центральное банковское учреждение подвергает лица, которые участвуют в финансовой транзакции, тщательной проверке (данный процесс напоминает порядок выдачи кредитных пользовательских карт). Акцентируем внимание на том, что порядок реализации спектра рисков и преимуществ цифровых валют центральных банков будет целиком и полностью зависеть от выбора конструкции системы *CBDC*.

Оценивая преимущества и недостатки выбора определенного типа цифрового дизайна *CBDC* в таблице выше, отметим, что в модели, которая основывается на учетных записях, вопрос анонимности финансовых транзакций (в отличие от системы, базирующейся на токенах) центральным финансовым учреждениям решать гораздо сложнее. Признаем, что подобная уникальная возможность, которую способны предоставить *CBDC*, основанные на токенах, сближает их с традиционными моделями депозитов. Уязвимым местом последних остается выплата процентов по токенам *CBDC*, которая может встретить ряд затруднений. Главным из них становится изменение первоначальной стоимости токена из-за внедрения процентов.

Несмотря на очевидные преимущества: удобство проведения платежей, расширение спектра оказываемых финансовых услуг, улучшение проведения денежно-кредитной политики, – в ряде

стран выявленные риски пока превышают потенциальные преимущества. Например, в связи с экономическими затруднениями сегодня остановлен процесс апробации цифровых валют в Аргентине. Ряд африканских стран, несмотря на растущий интерес к *CBDC*, также сталкивается с «разочаровывающими» [Ozili, 2022] результатами по внедрению *CBDC*. Например, Сенегал и Эквадор (последний успешно осуществлял один из первых пилотных проектов розничного *CBDC* с 2014 по 2018 г.) в настоящий момент завершили работы по внедрению инновационных видов национальных валют, а первый *CBDC* в Африке, призванный решить задачи экономии средств пользователей и расширения доступа к финансовым услугам, после года апробации остановился на первоначальной стадии «ограниченного внедрения»¹⁷. Проект нигерийской цифровой национальной валюты *eNaira* к 2023 г. также оказывается свернут.

Что становится причиной, побуждающей участников мирового рынка отказаться от перспективных проектов цифровой национальной валюты? Это и устаревшее оборудование, и низкая информационная осведомленность пользователей, и повальная финансовая безграмотность, и консерватизм местных пользователей, и низкий уровень защищенности от современных кибератак, и отсутствие квалифицированных специалистов по внедрению, и, конечно, крайне слабые технические и материальные возможности. В качестве факторов, провоцирующих негативный сценарий в вопросе успешной реализации цифровых национальных валют, также рассматриваются противодействие традиционных коммерческих банков, воспринимающих *CBDC*

17 Nigeria's eNaira CBDC: What Went Wrong? – 2023. – 28 April. – URL: <https://business.cornell.edu/hub/2023/04/28/nigerias-enaira-cbdc-what-went-wrong/> (дата обращения: 19.07.2024).

в качестве главной угрозы функционированию собственного платежного бизнеса [Arauz, Garrett, Ramos, 2021, p. 103]. Приобретение новой цифровой валютой возможного суверенитета многими рассматривается сегодня как начало процесса «дедолларизации» [Arauz, Garrett, Ramos, 2021, p. 104], которая может привести к инфляции в экономике, краху традиционных финансово-кредитных учреждений, потере доходов от обработки платежей и стремительному сокращению клиентской базы.

Поиск адекватных решений этих задач, пока недоступный странам со слабыми техническими и моральными возможностями, успешно осуществляется правительством КНР, которое можно признать настоящим революционером в вопросе широкого распространения цифровых финансовых валют. Его опыт внедрения собственного киберюаня будет рассмотрен в следующем разделе.

Опыт КНР по внедрению цифровых национальных валют

Склонный к внедрению технологических инноваций КНР сегодня становится крупнейшей мировой экономикой, которой удалось полностью запустить проект центральных цифровых валют и сделать его естественным продолжением экономики страны. Непосредственные разработки собственных цифровых валют, по замечанию эксперта Азиатской программы Института исследований внешней политики (*The Asia Program at the Foreign Policy Research Institute*) Т.-Б. Элстон, проводились «пионером цифровиза-

ции» уже с 2014 г. – раньше всех в мире. Главной целью внедрения цифрового китайского юаня, согласно официальному документу по внедрению *E-CNY* (*White Paper*) «Прогресс исследований и разработок *e-CNY* в Китае», опубликованному 7 июля 2021 г. Народным банком Китая¹⁸, является создание новой розничной платежной инфраструктуры, которая была бы безопасной, инклюзивной и адаптированной к цифровой эпохе [Giumelli, 2017, p. 1062]. Завершение организации внутренней инфраструктуры цифровой валюты и массовое внедрение и эксплуатация местного цифрового (или кибер-) юаня *E-CNY* (*Electronic Chinese Yuan*) Народным банком Китая были приурочены к проведению Зимних Олимпийских игр в Пекине в феврале 2022 г. Основной аудиторией нового вида денежной валюты стали не только местные жители, но и зарубежные гости и туристы.

Успешный «олимпийский» опыт внедрения цифровой национальной валюты Китая позволил властям не останавливаться на достигнутом: в Азиатских играх 2023 г., которые проходили в ряде провинций Китая, среди иностранных граждан, посетивших спортивные мероприятия, *E-CNY* пользовался устойчивым спросом. Среди задач, которые оказались способны решить нерезиденты Китая с помощью киберюаня, – привязывание счета на зарубежной карте пользователя, использование китайского кошелька в торговых точках, принимающих электронную китайскую валюту, проведение международных расчетов на китайских торговых площадках *Ctrip* и *Meituan*, а также перевод средств с китайского на офшорные счета.

18 Progress of Research and Development of E-CNY in China. Working Group on E-CNY Research and Development of the People's Bank of China. – 2021. – 15 July. – URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf> (дата обращения: 24.07.2024).

Немаловажным шагом в вопросе успешного использования *E-CNY* неподготовленным пользователем становится возможность оформления собственного электронного кошелька с широким функционалом. По данным Народного банка Китая, около 261 млн человек по состоянию на январь 2022 г. обладают цифровым кошельком¹⁹. Как отмечает ряд экспертов, настроенных в отношении цифровой валюты Китая довольно сдержанно, такие цифры далеко не идеальны с учетом того, что мобильными платежами в Китае к 2021 г. пользовались около 903,6 млн человек²⁰, однако данные 2022–2024 гг. позволяют поддерживать более оптимистичные сценарии развития цифрового юаня.

Показатели денежного оборота *E-CNY* с 2022 г. демонстрируют высокие значения: на первоначальном этапе внедрения, распространив цифровой юань в 4 городах в качестве пилотного проекта в апреле 2020 г., уже через несколько месяцев (по состоянию на август 2021 г.) Китай добивается увеличения количества транзакций в цифровом юане до 5,3 млрд долл.²¹ По данным Рабочей группы по исследованиям *E-CNY*, по состоянию на июль 2021 г. *E-CNY* уже реализован в 70,7 млн финансовых операций 3,5 млн корпоративных клиентов и 20,8 млн роз-

ничных пользователей на сумму более 34,5 млрд юаней²². В первом полугодии 2023 г. объем цифрового юаня продемонстрировал взрывной рост – до 1700%, а количество открытых кошельков составило почти 120 млн пользователей²³. К концу июня 2023 г. количество транзакций с использованием цифровых юаней достигает 249,33 млрд долл. США (или 1,8 трлн юаней), что свидетельствует о росте сектора *E-CNY* более чем на 100 млрд юаней (по сравнению с августом 2022 г.)²⁴. В июле 2023 г. бывший глава Народного банка Китая И. Ган отмечает, что общее количество транзакций с помощью цифрового юаня достигает уже 950 млн при совокупной стоимости 1,8 трлн юаней²⁵.

Впечатляющие результаты по внедрению киберюаня в 2021–2023 гг. позволяют не сомневаться в том, что КНР сегодня становится безоговорочным лидером в вопросе распространения цифровых национальных валют, а из средства, которое на первоначальных этапах внедрения использовалось преимущественно для внутренних розничных платежей, киберюань превращается в полноценного игрока финансового рынка. Однако амбициозные цели требуют постановки новых задач внедрения. Рассмотрим их ниже.

19 China Is Doubling Down on its Digital Currency. – 2023. – 2 June. – URL: <https://www.fpri.org/article/2023/06/china-is-doubling-down-on-its-digital-currency/#:~:text=Increasing%20Domestic%20Consumption,only%20two%20years%20of%20pilots> (дата обращения: 24.07.2024).

20 A Guide to China's Payment Methods. – 2023. – 8 March. – URL: <https://en.komoju.com/blog/payment-method/china/#:~:text=The%20Chinese%20payment%20market%20is,global%20leader%20in%20digital%20payments>. (дата обращения: 20.07.2024).

21 China's Digital Yuan Trial Reaches \$ 5.3 Billion in Transactions. – 2021. – 16 July. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-16/china-s-digital-yuan-trial-reaches-5-3-billion-in-transactions> (дата обращения: 25.07.2024).

22 Progress of Research and Development of E-CNY in China. Working Group on E-CNY Research and Development of the People's Bank of China. – 2021. – 15 July. – URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf> (дата обращения: 24.07.2024).

23 Объем цифрового юаня за первое полугодие 2023 года взлетел почти на 1700%. – 2023. – 20 July. – URL: <https://ru.beincrypto.com/obem-digital-yuany-1700/?ysclid=ixudbi6nu2688751200> (дата обращения: 26.07.2024).

24 China's digital yuan transactions seeing strong momentum, says bank gov Yi. – 2023. – 19 July. – URL: <https://www.reuters.com/markets/asia/chinas-digital-yuan-transactions-seeing-strong-momentum-says-cbank-gov-yi-2023-07-19/#:~:text=Total%20e-CNY%20transactions%20reached,cash%20in%20circulation%2C%20Yi%20said>. (дата обращения: 26.07.2024).

25 What's the state of China's digital yuan in 2023? – 2023. – 10 October. – URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3237317/whats-state-chinas-digital-yuan-2023> (дата обращения: 20.07.2024).

Актуальные задачи внедрения *e-CNY*

Глобальные цели по внедрению цифровых национальных валют в Китае в 2024 г. претерпевают значительную трансформацию по сравнению с 2014 г., когда в стране был реализован первый пилотный проект по распространению цифровой национальной валюты. Сегодня к приобретению экономического влияния за рубежом и необходимости разработки долгоиграющих инструментов контроля за колоссальной и хрупкой финансовой системой Китая²⁶ прибавляются такие амбициозные цели, как ослабление долларовой доминирования, противодействие западным санкционным мерам в отношении китайской валюты за рубежом, а также расширение экономического и торгового взаимодействия с крупным торговым партнером Китая – Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Внедрение цифровых кошельков на основе юаня в качестве главного метода расчетов для местных государственных учреждений всех уровней постепенно становится преобладающей целью для местных провинций Китая, например, для властей городского округа Суцзянь, которые к концу 2025 г. твердо намерены превратить цифровой юань в главный платежный инструмент провинции Цзянсу, насчитывающей 4,9 млн человек²⁷.

В 2023–2024 гг. для обеспечения доступа развивающихся рынков к глобальной финансовой сети с минимальными издержками внедряется уникальный проект *mBridge*. Комплекс, разработанный правительством Китая

при участии Института цифровой валюты Народного банка Китая и четырех крупных центральных банков Таиланда, Гонконга (*НВОСНК*), ОАЭ, Валютного управления Гонконга (*Hong Kong Monetary Authority*) и крупнейшего технологического предприятия Китая *Tencent*, позволяет существенно снизить комиссионные отчисления за обработку трансграничных платежей, а также повысить прозрачность финансовых расчетов (что практически невозможно при оценке криптовалютных затрат).

Сегодня к традиционным целям, которые стремится решить цифровой юань, добавляются интеграция с международными кредитными картами, реализация платежей без необходимости использовать мобильный телефон или подключаться к сети Интернет (данная функция была представлена китайским пользователям в приложении *e-CNY* в январе 2023 г.). Более того, китайские специалисты работают над тем, чтобы транзакция становилась возможной даже в разряженном или потерявшем сигнал мобильном устройстве пользователя.

Заключение

В качестве итогов проведенного исследования сформулируем следующие выводы. Центральные валюты позволяют увеличить возможности надзора центральными финансовыми учреждениями над решением таких актуальных проблем современности, как борьба с нелегальным «отмыванием» средств, уклонение от уплаты налогов, финансовое мошенничество, проблемы кибербезопасности, утрата контроля пользо-

26 China Stumbles but is Unlikely To Fall. – 2023. – 16 December. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-16/china-s-digital-yuan-trial-reaches-5-3-billion-in-transactions> (дата обращения: 22.07.2024).

27 What's the state of China's digital yuan in 2023? – 2023. – 10 October. – URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3237317/whats-state-chinas-digital-yuan-2023> (дата обращения: 20.07.2024).

вателем над собственными денежными средствами, выраженными в виде цифровой валюты национального банка.

Анализируя опыт перехода ведущих стран мира к цифровым валютам, следует отметить необходимость следования ряду условий, в которых важнейшими являются официальное признание правового статуса цифровой валюты, массовое введение ее в оборот после серии успешного пилотного тестирования (подобного многоэтапному тестированию в Китае), обеспечение полноценного функционирования цифровой валюты в качестве платежного средства, которое обладает всеми возможностями традиционных валют, повышение правовой грамотности потенциальных пользователей цифровых валют (отсутствие финансовой и правовой грамотности населения, наряду со слабым техническим обеспечением, становится главным препятствием успешного внедрения цифровой банковской валюты в отсталых африканских странах).

Амбициозный проект по внедрению и апробации электронного юаня в одной из наиболее развивающихся экономик мира становится ярким примером успешности цифровизации мировых валют и расширения доступа к финансовым услугам. Опираясь на практические результаты пилотного тестирования цифровых национальных валют в Китае, достигнутые государством к июню 2024 г., следует подвести итоги:

1. Цифровые национальные валюты предоставляют возможность осуществления тщательного контроля за порядком и ходом исполнения любой финансовой транзакции, позволяют отслеживать подробную историю транзакций (независимо от географического местоположения объекта, часового пояса, пространственных и временных ограничений).

2. Решение задачи по реализации более глубокой идентификации как платежных потоков, так и личности пользователя в результате сбора центральными финансовыми регуляторами ранее недоступной информации становится возможным в результате использования инновационных инструментов по анализу реальных и потенциальных пользователей.

3. Процесс регулирования цифровых валют и контроля над ними со стороны местных регуляторов рынка предоставляет некоторую степень анонимности и конфиденциальности для пользователей (однако определение границ данной свободы является одной из актуальных проблем в реализации цифровых денежных средств).

4. Подчиненность цифровых валют контролю местных регуляторов позволяет получить подробные сведения о совершенных в сети финансовых транзакциях вплоть до воспроизведения детальных подробностей сделки или перевода.

5. Инновационной разработкой ряда центральных кредитно-финансовых учреждений становится соединение возможностей модели цифровых национальных валют, базирующейся на токенах и учетных записях. Подобная гибридная модель выделяет преимущества одной модели и нивелирует недостатки другой за счет укрепления механизма передачи денежно-кредитной политики деньгами центрального банка.

6. Финансовые транзакции с использованием *CBCD* создают прозрачность в отношении расходов и сбережений пользователей, позволяют снижать издержки и эффективно бороться с киберпреступностью и нелегальным движением средств на счетах.

Перспективными преимуществами цифровых валют, выпущенных миро-

выми центральными банками, перед склонными к колебаниям криптовалютами большинством экспертов признаются наличие контролируемого пользовательского пространства, финансовая обеспеченность CBDC правительствами-эмитентами, активное использование передовых технологий распределенного реестра и гипермасштабируемых цифровых приложений. Однако сбор ранее недоступной информации, отслеживание точного местоположения пользователя, а также более глубокая персональная идентификация личностей, участвующих в сделке, безусловно, являются позитивными тенденциями внедрения CBDC, однако имеют ряд оговорок. Авторы считают необходимым учитывать их для представления полной картины последствий распространения цифровых валют.

В результате беспрецедентной централизации огромного массива информации персональных данных пользователей, которая оказывается в распоряжении центральных регуляторов, центральным банкам необходимо обеспечить высокий уровень безопасности для соответствующего безопасного хранения конфиденциальных данных и предотвращения их использования сторонними лицами и злоумышленниками. Система по обеспечению безопасности существования и функционирования цифровых валют не должна допускать наличие сбоев и серьезных ошибок. Более того, регуляторы должны гарантировать стабильность стоимости цифровых валют и обеспечение эластичности совокупного предложения. Особенно важным становится внимательный учет рекомендаций экспертов, ошибок и недоработок, выявленных в ходе тестирования системы эффективного контроля потенциальных угроз и уязвимостей системы.

Список литературы

Кузнецов А.В. Императивы трансформации международной валютной системы в условиях многополярности // *Финансы: теория и практика*. – 2022. – № 2. – С. 190–203. – DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-190-203.

Фадейкина Н.В., Пилова Ф.И. К вопросу о необходимости реорганизации и трансформации мировой валютно-финансовой системы в условиях проявления глобальных кризисных явлений и многополярности // *Сибирская финансовая школа*. – 2022. – № 4. – С. 61–70. – DOI: 10.34020/1993-4386-2022-4-61-70.

Alonso S.L., Jorge-Vazquez J., Forradelas R.F.R. Central Banks Digital Currency: Detection of Optimal Countries for the Implementation of a CBDC and the Implication for Payment Industry Open Innovation // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. – 2021. – Vol. 7, issue 1. – P. 190–234. – DOI: 10.3390/joitmc7010072.

Arauz A. Dinero Electrónico: The rise and fall of Ecuador's central bank digital currency // *Latin American Journal of Central Banking*. – 2021. – Vol. 2, issue 2. – P. 100–130. – DOI: 10.1016/j.latchb.2021.100030.

Asymmetric monetary policy effects on cryptocurrency markets / Nguyen T.V., Nguyen B.T., Nguyen K.S., Pham H. // *Research in International Business and Finance*. – 2019. – Vol. 48. – P. 335–339. – DOI: 10.1016/j.ribaf.2019.01.011.

Berentsen A., Schar F. The case for central bank electronic money and the non-case for central bank cryptocurrencies // *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*. – 2018. – Vol. 100, issue 2. – P. 97–106. – DOI: 10.20955/R.2018.97-106.

Bitcoin price growth and Indonesia's monetary system / Narayan P.K., Narayan S., Rahman E., Setiawan I. // *Emerging Markets Review*. – 2019. –

Vol. 38. – P. 364–376. – DOI: 10.1016/j.ememar.2018.11.005.

Carstens A. Digital currencies and the future of the monetary system // IMF Seminars. – 2021. – Issue 2. – P. 22–26.

Central Bank Digital Currency: Central Banking for All? / Fernandez-Villaverde J., Sanches D., Schilling L., Uhlig H. // Review of Economic Dynamics. – 2021. – Vol. 41. – P. 225–242. – DOI: 10.1016/j.red.2020.12.004.

Cheng H. Central Bank Digital Currency (CBDC) and Its Potential Impact on the Chinese Economy // Economics Management and Political Sciences. – 2023. – Vol. 33, issue 1. – P. 121–127. – DOI: 10.54254/2754-1169/33/20231646.

Chiu I.H.-Y. A new era in fintech payment innovations? A perspective from the institutions and regulation of payment systems // Law, Innovation and Technology. – 2017. – Vol. 9, issue 2. – P. 190–234. – DOI: 10.1080/17579961.2017.1377912.

Corbett S., McHugh G., Meegan A. The influence of central bank monetary policy announcements on cryptocurrency return volatility // Investment Management and Financial Innovations. – 2017. – Vol. 14, issue 4. – P. 60–72. – DOI: 10.21511/imfi.14(4).2017.07.

Dashkevich N., Counsell S., Deste-fanis G. Blockchain Application for Central Banks: A Systematic Mapping Study // IEEE Access. – 2020. – Vol. 8. – P. 139918–139952. – DOI:10.1109/ACCESS.2020.3012295.

Dionysopoulos L., Marra M., Urquhart A. Central bank digital currencies: A critical review // International Review of Financial Analysis. – 2024. – Vol. 91. – P. 1–55. – DOI: 10.1016/j.irfa.2023.103031.

Fabris N. Cashless Society – The Future of Money or a Utopia? // Journal of Central Banking Theory and Practice. – 2019. – Vol. 8, issue 1. – P. 53–66. – DOI: <https://doi.org/10.2478/jcbtp-2019-0003>.

Giumelli F. The Redistributive Impact of Restrictive Measures on EU Members:

Winners and Losers from Imposing Sanctions on Russia // JCMS : Journal of Common Market Studies. – 2017. – Vol. 55, issue 5. – P. 1062–1080. – DOI: 10.1111/jcms.12548.

Hileman G., Rauchs M. Global Blockchain Benchmarking Study. – Cambridge : Cambridge Centre for Alternative Finance, 2017. – 119 P. – DOI: 10.2139/ssrn.3040224.

Iancu A., Anderson G., Ando S., Boswell E. Reserve Currencies in an Evolving International Monetary System // International Monetary Fund. – 2020. – Issue 20.02. – P. 1–67.

Kosse A., Mattei I. Making Headway—Results of the 2022 BIS Survey on Central Bank Digital Currencies and Crypto // International Monetary Fund. – 2023. – Issue 136. – P. 137. – DOI: 10.5089/9798400253331.063.

Kostika E., Laopodis N.T. Dynamic linkages among cryptocurrencies, exchange rates and global equity markets // Studies in Economics and Finance. – 2019. – Vol. 37, issue 2. – P. 243–265. – DOI: 10.1108/SEF-01-2019-0032.

Lanquist A., Tan B. Central Bank Digital Currency Role in Promoting Financial Inclusion // International Monetary Fund. – 2023. – Vol. 2023, issue 011. – P. 1–13. – DOI: 10.5089/9798400253331.063.

Mapping Central Bank and Digital Currency: A Taxonomical Study Using Bibliometric Visualization and Systematic Analysis / Nobanee H., Ellili N., Dilshad M.N., Alshamsi M., Daher B. // SSRN. – 2023. – P. 1–31. – DOI: 10.21098/jcli.v3i2.164.

Ozili P.K. Central Bank Digital Currency in Nigeria: Opportunities and Risks // SSRN Electronic Journal. – 2022. – DOI:10.2139/ssrn.3917936.

Peneder M. Digitization and the evolution of money as a social technology of account // Journal of Evolutionary Economics. – 2022. – Issue 32. – P. 175–203. – DOI: 10.1007/s00191-021-00729-4.

Salazar C.B., Spencer P. Future pandemics might be caused by bacteria and not viruses: Recent advances in medical preventive practice // *International Journal of Health Sciences*. – 2022. – Vol. 16, issue 3. – P. 1–3.

Smith C., Kumar A. Crypto-Currencies – An Introduction to Not-So-Funny Moneys // *Journal of Economic Surveys*. – 2018. – Vol. 32, issue 5. – P. 1531–1559. – DOI: 10.1111/joes.12289.

The economics of central bank digital currency / Ahnert T., Assenmacher K., Hoffmann P., Leonello A., Monnet C., Porcellacchia D. // *ECB Working Paper Series*. – 2022. – Issue 2713. – P. 1–51.

Tong W., Jiayou C. A study of the economic impact of central bank digital currency under global competition // *China Economic Journal*. – 2021. –

Vol. 14, issue 1. – P. 78–101. – DOI: 10.1080/17538963.2020.1870282.

Towards Central Bank Digital Currencies in Asia and the Pacific: Results of a Regional Survey / Jahan S., Loukoianova E., Papageorgiou E., Che N., Li M., Rawat U., Zhou Y.S., Goel A. // *International Monetary Fund*. – 2022. – Issue 009. – P. 22–44. – DOI: 10.5089/9798400221521.063.

Wang H. How to understand China's approach to central bank digital currency? // *Computer Law & Security Review*. – 2023. – Vol. 50, issue 105788. – DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105788.

Xu Z., Tang C. Financial Forum, Challenges and Opportunities in the Application of China's Central Bank Digital Currency to the Payment and Settle Account System // *Financial Forum*. – 2020. – Vol. 9, issue 4. – P. 200–233. – DOI: 10.18282/ff.v9i4.1553.

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.04

Digital Currencies of Central Banks: Prospects and Challenges in the New Economy (Practical Experience of China)

Husan S. UMAROV

PhD (Econ.), CEO

OOO "KVELL"

Borisa Pasternaka Street, 10, Moscow, Russian Federation, 108849

E-mail: husan@kvell.ru

ORCID: 0000-0001-6370-3000

Elizaveta S. SOKOLOVA

Dr.Sc. (Econ.), Professor, Deputy Director of the World Economy and International Finance Department

Financial University under the Government of the Russian Federation

Leningradskiy Avenue, 49/2, Moscow, Russian Federation, 125167

E-mail: sokolovaes@mail.ru

ORCID 0000-0002-4237-548X

CITATION: Umarov H.S., Sokolova E.S. (2024). Digital Currencies of Central Banks: Prospects and Challenges in the New Economy (Practical Experience of China).

Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 17, no. 3, pp. 68–88 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.04

Received: 17.04.2024.

Revised: 30.06.2024.

ABSTRACT. *The aim of the study is to analyze both the prerequisites and the consequences of the introduction of digital currencies, which influenced the revolutionary change in the global financial landscape. To achieve these goals, the authors have put forward the following tasks: using the example of cyberyuan in China to analyze modern practices of introducing digital national currencies, consider the key differences between a central bank digital currency (CBDC) and cash and cryptocurrencies, study the causes of potential difficulties in the commissioning of central digital currencies, which led to the closure of CBDC*

projects in a number of countries. Assessing the experience of the global introduction of CBDCs into circulation, the authors examine the factors that directly affect the choice of design of digital currencies. The authors emphasize the possibility of achieving such urgent tasks with the help of digital currencies of central banks as overcoming the consequences of the COVID-19 pandemic and the global stagnation of financial markets in 2020–2021, combating the consequences of sanction restrictive measures against the Chinese financial markets, curbing the dominant role of the American dollar and reducing financial costs of the participants.

The main conclusions of the article include the awareness of the need to establish the legal status of digital central currencies, increase financial awareness of potential and real users of digital currencies, ensure technical and regulatory compatibility of digital currencies of central banks, widespread use of advanced distributed ledger technologies to protect data confidentiality and ensure strict authentication of payments.

KEYWORDS: *central banks, digital currencies of central banks, design of digital national currencies, digital assets, payment system, monetary policy, digitalization, cryptocurrency, E-CNY, cyber yuan, mBridge project, Project Rio.*

References

- Alonso S.L., Jorge-Vazquez J., Forradelas R.F.R. (2021). Central Banks Digital Currency: Detection of Optimal Countries for the Implementation of a CBDC and the Implication for Payment Industry Open Innovation. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. Vol. 7, no. 1, pp. 190–234. DOI: 10.3390/joitmc7010072.
- Arauz A. (2021). Dinero Electrónico: The rise and fall of Ecuador's central bank digital currency. *Latin American Journal of Central Banking*. Vol. 2, no. 2, pp. 100–130. DOI: 10.1016/j.latchb.2021.100030.
- Asymmetric... (2019). Nguyen T.V. et al. Asymmetric monetary policy effects on cryptocurrency markets. *Research in International Business and Finance*. Vol. 48, pp. 335–339. DOI: 10.1016/j.ribaf.2019.01.011.
- Berentsen A., Schar F. (2018). The case for central bank electronic money and the non-case for central bank cryptocurrencies. *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*. Vol. 100, no. 2, pp. 97–106. DOI: 10.20955/R.2018.97-106.
- Bitcoin price... (2019). Narayan P.K. et al. Bitcoin price growth and Indonesia's monetary system. *Emerging Markets Review*. Vol. 38, pp. 364–376. DOI: 10.1016/j.ememar.2018.11.005.
- Carstens A. (2021). Digital currencies and the future of the monetary system. *IMF Seminars*. No. 2, pp. 22–26.
- Central Bank... (2021). Fernandez-Villaverde J. et al. Central Bank Digital Currency: Central Banking for All? *Review of Economic Dynamics*. Vol. 41, pp. 225–242. DOI: 10.1016/j.red.2020.12.004.
- Cheng H. (2023). Central Bank Digital Currency (CBDC) and Its Potential Impact on the Chinese Economy. *Economics Management and Political Sciences*. Vol. 33, no. 1, pp. 121–127. DOI: 10.54254/2754-1169/33/20231646.
- Chiu I. H.-Y. (2017). A new era in fintech payment innovations? A perspective from the institutions and regulation of payment systems. *Law, Innovation and Technology*. Vol. 9, no. 2, pp. 190–234. DOI: 10.1080/17579961.2017.1377912.
- Corbett S., McHugh G., Meegan A. (2017). The influence of central bank monetary policy announcements on cryptocurrency return volatility. *Investment Management and Financial Innovations*. Vol. 14, no. 4, pp. 60–72. DOI: 10.21511/imfi.14(4).2017.07.
- Dashkevich N., Counsell S. (2020). Destefanis G. Blockchain Application for Central Banks: A Systematic Mapping Study. *IEEE Access*. Vol. 8, pp. 139918–139952. DOI: 10.1109/ACCESS.2020.3012295.
- Dionysopoulos L., Marra M., Urquhart A. (2024). Central bank digital currencies: A critical review. *International Review of Financial Analysis*. Vol. 91, pp. 1–55. DOI: 10.1016/j.irfa.2023.103031.
- Fabris N. (2019). Cashless Society – The Future of Money or a Utopia? *Journal of Central Banking Theory and Practice*. Vol. 8, no. 1, pp. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.2478/jcbtp-2019-0003>.
- Fadejkina N.V., Pilova F.I. (2022). On the need to reorganize and transform the

global monetary and financial system in the context of global crisis phenomena and multipolarity. *Sibirskaya finansovaya shkola*. No. 4, pp. 61–70 (in Russian).

Giumelli F. (2017). The Redistributive Impact of Restrictive Measures on EU Members: Winners and Losers from Imposing Sanctions on Russia. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 55, no. 5, pp. 1062–1080. DOI: 10.1111/jcms.12548.

Hileman G., Rauchs M. (2017). *Global Blockchain Benchmarking Study*. Cambridge: Cambridge Centre for Alternative Finance, 119 pp. DOI: 10.2139/ssrn.3040224.

Iancu A., Anderson G., Ando S., Boswell E. (2020). Reserve Currencies in an Evolving International Monetary System. *International Monetary Fund*. No. 20.02, pp. 1–67.

Kosse A., Mattei I. (2023). Making Headway-Results of the 2022 BIS Survey on Central Bank Digital Currencies and Crypto. *International Monetary Fund*. No. 136, pp. 137. DOI: 10.5089/9798400253331.063.

Kostika E., Laopodis N.T. (2019). Dynamic linkages among cryptocurrencies, exchange rates and global equity markets. *Studies in Economics and Finance*. Vol. 37, no. 2, pp. 243–265. DOI: 10.1108/SEF-01-2019-0032.

Kuznetsov A.V. (2022). Imperatives for Transformation of the International Monetary system in the Conditions of Multipolarity. *Finance: Theory and Practice*. No. 2, pp. 190–203. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-190-203. English version is available at: <https://financetp.fa.ru/jour/article/view/1587/975>, accessed 22.07.2024.

Lanquist A., Tan B. (2023). Central Bank Digital Currency Role in Promoting Financial Inclusion. *International Monetary Fund*. Vol. 2023, no. 011, pp. 1–13. DOI: 10.5089/9798400253331.063.

Mapping... (2023). Nobanee H et al. *Mapping Central Bank and Digital Currency: A Taxonomical Study Using Bibliomet-*

ric Visualization and Systematic Analysis. Social Science Research Network. 31 pp. DOI: 10.21098/jcli.v3i2.164.

Ozili P.K. (2022). Central Bank Digital Currency in Nigeria: Opportunities and Risks. *SSRN Electronic Journal*. DOI:10.2139/ssrn.3917936.

Peneder M. (2022). Digitization and the evolution of money as a social technology of account. *Journal of Evolutionary Economics*. No. 32, pp. 175–203. DOI: 10.1007/s00191-021-00729-4.

Salazar C.B., Spencer P. (2022). Future pandemics might be caused by bacteria and not viruses: Recent advances in medical preventive practice. *International Journal of Health Sciences*. Vol. 16, no. 3, pp. 1–3.

Smith C., Kumar A. (2018). Crypto-Currencies – An Introduction to Not-So-Funny Moneys. *Journal of Economic Surveys*. Vol. 32, no. 5, pp. 1531–1559. DOI: 10.1111/joes.12289.

The economics... (2022). Ahnert T. et al. The economics of central bank digital currency. *ECB Working Paper Series*. No. 2713, pp. 1–51.

Tong W., Jiayou C. (2021). A study of the economic impact of central bank digital currency under global competition. *China Economic Journal*. Vol. 14, no. 1, pp. 78–101. DOI: 10.1080/17538963.2020.1870282.

Towards Central Bank... (2022). Jahan S. et al. Towards Central Bank Digital Currencies in Asia and the Pacific: Results of a Regional Survey. *International Monetary Fund*. No. 009, pp. 22–44. DOI: 10.5089/9798400221521.063.

Wang H. (2023). How to understand China's approach to central bank digital currency? *Computer Law & Security Review*. Vol. 50, no. 105788. DOI: 10.1016/j.clsr.2022.105788.

Xu Z., Tang C. (2020). Financial Forum, Challenges and Opportunities in the Application of China's Central Bank Digital Currency to the Payment and Settle Account System. *Financial Forum*. Vol. 9, no. 4, pp. 200–233. DOI: 10.18282/ff.v9i4.1553.

Азия: вызовы и перспективы

УДК 364.122.5 (510)

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.05

Урбанизация КНР: от мегаполисов к сверхгородам

Влада Валерьевна ПЕТУШКОВАкандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела экономики
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: vladapetushkova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1228-1471

ЦИТИРОВАНИЕ: Петушкова В.В. Урбанизация КНР: от мегаполисов к сверхгородам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 89–109.
DOI: 10.31249/kgt/2024.03.05

Статья поступила в редакцию 15.03.2024.

Исправленный текст представлен 15.07.2024.

АННОТАЦИЯ. В середине прошлого века французским геополитиком Жаном Готтманом была разработана концепция мегалополиса (сверхгорода) применительно к крупной агломерации северо-восточного побережья США. В последние десятилетия в КНР также отмечается рост масштабных городских наднагломерационных объединений *chengshiqun* (城市群), некоторым их особенностям посвящена данная статья. Сущность китайских агломерационных городских образований близка к понятию мегалополиса, однако формирование китайских мегакластеров с населением от 80 до 200 и более миллионов человек происходит при активной и непосредственной роли государства. Они значительно превосходят границы мегалополиса, описанного Ж. Готтманом, по численности населения и степени интеграции знаменуя тем самым принципиально новый этап урбанизации. С тех пор, как в 1978 г. в КНР была запущена политика реформ и открытости, индустриализация и урбанизация стали ве-

дущими процессами быстрого экономического развития Китая. Отмечалась беспрецедентная внутренняя миграция: более полумиллиарда жителей переместились из сельских районов в городские, что и привело к формированию крупнейших в истории агломераций. Создание девятнадцати городских мегакластеров включено в 14-й пятилетний план развития КНР (2021–2025) в качестве приоритета урбанизации и развития в целом. Участие государства в историческом процессе формирования наднагломерационных объединений *chengshiqun* в КНР приводит к форсированному созданию мегалополисов по всей стране. Такая практика не имеет аналогов в мире, в процессе «новой урбанизации» мировое лидерство несомненно будет принадлежать КНР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КНР, мегалополис, урбанизация, городские агломерации, внутренняя миграция.

В последние десятилетия процессы урбанизации в Китае отличаются чрезвычайным динамизмом, они получили достаточно подробное и всестороннее отражение в работах российских востоковедов [Самбунова, Слука, Сюэ Лин, 2009; Чубаров, Слука, 2012; Чубаров, 2018; Салицкий, Чубаров, 2022]. Однако представляется целесообразным и актуальным проследить сам процесс урбанистической трансформации: переход от мегаполисов к наднагломерационным объединениям или сверхгородам, который стал задачей настоящего исследования. В настоящей статье обсуждаются основные предпосылки и возможные результаты формирования наднагломерационных городских объединений *chengshiqun* (城市群) в Китае; цель исследования состоит и в том, чтобы выявить их принципиальное отличие от тех урбанистических форм и структур, которые уже существовали, обсуждается важная роль государства в создании китайских мегалополисов. В работах российских исследователей городские агломерации Китая изучаются в основном в соответствии с принятым глобалистическим подходом Дж. Фридмана и С. Сассен [Sassen, 2013]. Автор статьи рассматривается феномен китайских объединений *chengshiqun* с точки зрения альтернативной концепции «мегалополиса», предложенной Ж. Готтманом, что обеспечивает взгляд на данную проблему с другого ракурса.

В научных и политических кругах всего мира постоянно ведется дискуссия относительно оптимальных размеров городов. Считается, что малые города не обладают достаточной рабочей силой и эффективностью для обеспечения экономического роста, в то вре-

мя как слишком крупные становятся сложными и дорогостоящими в управлении. По международным меркам наиболее известные мегаполисы КНР Шанхай (25 млн человек) и Пекин (22 млн человек)¹ не столь уж велики, если принимать во внимание тот факт, что заметная часть населения США концентрируется в прибрежных регионах, в то время как социально-экономическое развитие Великобритании и Японии всё больше сосредотачивается вокруг столиц. Политика «новой урбанизации» КНР опирается на три принципа: 1) создание городских мегакластеров; 2) использование в целях эффективности управления городами новейших цифровых технологий; 3) поощрение дальнейшей миграции рабочей силы из сельской местности в города.

Согласно последним скорректированным данным, в мире насчитывается 44 мегаполиса; следует подчеркнуть, что под словом «мегаполисы» (*megacities*) в данном случае подразумеваются города с населением не менее 10 млн человек [Demographia..., 2023]. Из двадцати «крупнейших застроенных городских территорий», которые выделяет тот же источник, только четыре находятся в Китае и обладают, по данным источника, следующей численностью населения: Гуанчжоу-Фошань – 27,1 млн; Шанхай – 24,0 млн; Пекин – 18,8 млн; Шэньчжэнь – 17,7 млн; то есть очевидно, что КНР не является мировым лидером по этому показателю. Наиболее крупная городская территория из списка, а именно Гуанчжоу-Фошань, выходит лишь на четвертое место в мире по численности населения (ведущая позиция в рейтинге принадлежит японской Токио-Йокохама с населением 37,8 млн человек).

1 China Statistical Yearbook 2022, Tab. 2–7. Total Population by Rural and Urban Residence // National Bureau of Statistics of China. – 2023. – URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm> (дата обращения: 12.06.2023).

Некоторые источники к крупнейшим городам КНР и всего мира относят Чунцин, несмотря на то, что большая часть его населения как раз расселена в типичной для Китая сельской местности. Население муниципалитета, территория и статус которого определены административным решением, согласно некоторым оценкам, уже достигло 34 млн человек². Отмеченный факт может представлять сложность для составителей международных статистических отчетов и рейтингов и является для многих исследователей спорным. Феномен города Чунцина обсуждается в недавно вышедшей работе автора [Петушкова, 2023]. К другим мегаполисам Китая с населением свыше 10 млн человек относятся Чэнду, Сиань и Тяньцзинь, а также Чжэнчжоу, Донгуань и Ухань, недавно достигшие этой отметки [Demographia..., 2023].

Политика урбанизации Китая находится в соответствии с мировыми тенденциями развития и формирования транснациональной урбанистической системы, значимым звеном которой становится появление «глобальных городов» (*global city*), то есть городов, являющихся важной частью мировой экономической системы. Современный глобальный город, согласно концепции С. Сассен, – это «постиндустриальный центр, максимально интегрированный в мировую экономику и во многом черпающий ресурсы и возможности развития за счет или в результате взаимодействия в глобальных городских сетях» (цит. по [Чубаров, Слука, 2012, с. 33]). К числу пяти лидеров в списке «глобальных городов» Китая относят Гонконг, Пекин, Шанхай, Гуанчжоу и Шэньчжэнь [Чубаров, 2013, с. 5]. При всей весомости и особой значимости КНР в современной геополитиче-

ской системе мира показатели ее ключевых городов, соответствующие степени интеграции в мировую экономическую и общественно-политическую систему, достаточно скромны.

Наряду с обсуждавшимися выше понятиями «мегаполис» (*megacity*) и «глобальный город» (*global city*) существует также отличающийся по значению термин «мегалополис» (*megalopolis*) – наиболее крупная форма городского расселения, образованная при слиянии городских агломераций [Вульфович, 2007]. В конце 1950-х годов профессор Парижского университета Жан Готтман использовал определение «мегалополис» применительно к срастающейся городской агломерации северо-восточного побережья США, включающей крупные города: Бостон, Нью-Йорк, Филадельфию, Балтимор и Вашингтон. Согласно концепции Готтмана, понятие «мегалополис» (син. *сверхгород*) относится к общности двух или более соседствующих городских территорий с размытыми границами между населенными пунктами. При этом города, входящие в мегалополис, обладают единством систем экономики, транспорта, ресурсов, окружающей среды. Первостепенное значение имеет восприятие населенных пунктов как непрерывной городской области несмотря на то, что определенная степень территориального разделения между ними может сохраняться. Таким образом, мегалополис, или мегарегион, представляет собой кластерную сеть крупных городов [Gottmann, 1990].

Первоначально слово «мегалополис» использовалось только применительно к урбанизированному Атлантическому побережью Северо-Востока США, однако после выявления схожих надагломерационных образований

2 Топ-10 крупнейших городов Китая // China Highlights. – 2023. – URL: <https://www.chinahighlights.ru/luchsheye-iz-kitaya/top-10-krupneyshikh-gorodakh-kitaya.htm> (дата обращения: 31.01.2024).

в Западной Европе и Японии термин «мегалополис» становится нарицательным и получает широкое распространение. Для дальнейшего исследования важен тот факт, что Готтман определил население мегалополиса как 25 млн жителей [Gottmann, 1990, p. 163]. Отметим, что известный греческий архитектор и градостроитель Константинос Доксиадис рассматривал небольшую мегалополис как аналогичную агломерацию с населением в несколько миллионов человек и разработал теорию о будущей эволюции городских агломераций в один гигантский город, для которого он придумал название «экуменополис»³.

Стратегия урбанизации Китая сместилась в сторону большего внимания к развитию мегакластеров в развитых регионах страны относительно недавно. В 2010 г. Госсовет КНР определил три крупных городских кластера в качестве стартовых площадок для «новой урбанизации»: в дельте реки Янцзы (*Yangzi River Delta – YRD*), в дельте реки Жемчужной (*Pearl River Delta – PRD*) и кластер Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй (*Beijing – Tianjin – Hebei – BTH*). К 2014 г. PRD был преобразован в регион Большого залива (*Greater Bay Area – GBA*), охватывающий девять городов вокруг PRD в южной части провинции Гуандун, а также Гонконг и Макао⁴. Каждый из трех крупнейших городских кластеров Китая имеет ВВП больше, чем вся Испания, в совокупности они к 2025 г. составят 45% общего ВВП Китая. Из них, как видно из таблицы 1, GBA является наименьшим по численности населения (86,7 млн жителей) (*BTH – 108,6 млн человек, YRD – 237 млн жи-*

телей). Тем не менее GBA вносит в экономику Китая вклад, равный 1,93 трлн долл. (в общей сложности 11% ВВП Китая в 2022 г.) [Beyond a Megacity..., 2023, p. 26] и обеспечивает 37% общего объема экспорта страны, а темпы роста ВВП кластера значительно выше, чем в остальном Китае⁵.

Таким образом, китайские сверхгородские кластеры могут достигать численности населения 80–250 млн человек. Они могут являться объединением двух или нескольких мегалополисов с более мелкими городами и городами-спутниками и будут представлять собой единую, четко организованную экономическую систему, ориентированную на внешний рынок. В дальнейшем планируется создать девятнадцать кластеров в разных районах Китая, но три из них, названные выше и расположенные вдоль восточного побережья, являются ключевыми, это так называемые агломерационные объединения первого уровня. В КНР идет непрерывный поиск новых моделей экономического развития и роста, ожидается, что новые принципы урбанизации послужат качественному изменению показателей в будущем. Основные показатели развития китайских агломерационных городских объединений приводятся в таблице 1.

Китайские наагломерационные городские образования, которые являются предметом настоящего исследования, по своей сущности очень близки к мегалополисам Готтмана, но значительно превышают его границы по численности населения и степени интеграции, знаменуя тем самым принципиально новый этап урбанизации (см. таблицу 2). В китай-

3 Концепция К.А. Доксиадиса и реальное развитие Афин // Architectural Idea – 2024. – URL: <https://architecturalidea.com/architecture-history/konceptcija-k-a-doksiadisa-i-realnoe-razvitie-afin/> (дата обращения: 12.06.2023).

4 Географическая карта, чтобы понять городские агломерации Китая = 一图看懂中国城市群 // Государственный совет КНР. – 2016. – 12 мая. – Кит. яз. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-05/12/content_5072822.htm (дата обращения: 14.03.2024).

5 Sheng A., Geng X. China is building 19 'supercity clusters' // World Economic Forum – 2018. – September 3. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/09/how-cities-are-saving-china/> (дата обращения: 31.01.2024).

Таблица 1. Основные характеристики развития китайских надагломерационных объединений

Table 1. Main characteristics of the development of Chinese supraagglomeration associations

Показатель	Надагломерационные объединения (<i>Chengshiqun</i>)		
	<i>YRD</i>	<i>GBA</i>	<i>BTH (Jing – Jin – Ji)</i>
Площадь	358 тыс. кв. км	56 тыс. кв. км	217 тыс. кв. км
Население (2021 г.)	237 млн чел.	86,7 млн чел.	108,6 млн чел.
ВРП (2022 г.)	4,32 трлн долл.	1,93 трлн долл.	1,5 трлн долл.

Источник: [Beyond a Megacity..., 2023].

Таблица 2. Сравнительные характеристики крупнейших форм городского расселения: мегалополис США (согласно концепции Жана Готтмана) и *Chengshiqun* КНР

Table 2. Comparative characteristics of the largest forms of urban settlement: Megalopolis of the USA (according to the concept of Jean Gottman) and *Chengshiqun* China

Параметры сравнения	Мегалополис США	<i>Chengshiqun</i> КНР
Население	25 млн чел.	80–250 млн чел.
Единая транспортная система	да	да
Единая окружающая среда	да	да
Размытые границы между населенными пунктами	да	да
Предпосылки возникновения	стихийно	от стихийного развития к государственному планированию
Направленность экономического развития	единый план развития отсутствует	существует единый план экономического развития с ориентацией на внешний рынок

Источники: [Gottmann, 1990; Beyond a Megacity..., 2023].

ской практике эти сверхгородские объединения получили название *chengshiqun*, дословно: *chengshi*⁶ – город, *qun*⁷ – толпа или содружество, то есть дословно это понятие наиболее верно переводится на русский язык как «содружество городов». Следует учесть, что китайские определения всегда максимально точны и конкретны, в этой стране не ста-

нут называть содружеством городов то, что собираются наречь сверхгородом, а следовательно, китайское руководство в настоящее время и не претендует на это значение. Однако в западной литературе агломерационные объединения Китая уже сейчас справедливо именуют «сверхгородскими кластерами» или даже «сверхгородами».

6 Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь. – Москва: Наука, 1983. С. 11727.

7 Там же. С. 4125.

Предпосылки формирования сверхгородских кластеров *chengshiqun* и роль государства в их создании

В последние десятилетия отмечается беспрецедентный рост численности городского населения КНР. В то же время ограничители старой модели урбанизации, в том числе такие проблемы крупных городов, как несоответствующая масштабам транспортная инфраструктура и система управления, повсеместное загрязнение окружающей среды, впечатляющий приток социально неадаптированных трудовых мигрантов из сельских районов, способны омрачить лучшие перспективы развития Китая на фоне недавнего роста внутренней и внешней неопределенности, связанной с COVID-19 и возможной угрозой новых пандемий. Для того чтобы преодолеть эти препятствия, Китай с помощью структурных реформ и цифровых технологий прокладывает путь «новой урбанизации», направленный на то, чтобы города стали стабильнее, безопаснее в социальном и экологическом отношении, более приспособленными для современной жизни.

Главной предпосылкой формирования крупных городских агломераций Китая стал стремительный рост численности городского населения, происходивший за счет миграции сельского населения. Быстрая урбанизация Китая и устойчивый высокий экономический рост в значительной степени объясняются его политической и реформами. К 1978 г. менее одной пятой населения Китая проживало в городах. Однако за последние три-четыре десятилетия около полумиллиарда человек переехали из сельской местности в города

в поисках работы в сфере производства и услуг, что во многом было связано с развитием особых экономических зон и экспортно ориентированных отраслей. Эта городская трансформация была в основном успешной. Реальный доход на душу населения в период с 1978 по 2012 г. увеличился в 16 раз, что помогло выйти из бедности полумиллиарду жителей [World Bank, 2014, р. 5]. В последнее десятилетие процесс урбанизации ускорился: население городов Китая, в которых к 2012 г. проживало около 720 млн человек, достигло 920 млн к 2022 г., в течение последующих нескольких десятилетий ожидается дальнейший приток мигрантов⁸.

Мобильность сельского населения во многом сдерживалась институтом традиционной китайской «прописки» – так называемой системой регистрации домохозяйств *hukou*, из-за которой переехавший в город сельский житель не мог получить доступ к перечню важнейших государственных услуг. Для создания мобильной рабочей силы, имеющей равные возможности получения государственных услуг, необходимо было перейти от системы регистрации к системе, основанной на проживании. Сейчас система *hukou* и система, основанная на фактическом проживании, могут функционировать в КНР параллельно, как это осуществляется в Японии. Регистрация по месту жительства обеспечивает доступ к услугам, зависящим от местоположения, таким как образование, здравоохранение, социальное обеспечение и доступное жилье, в то время как система *hukou*, предположительно, может быть сохранена для получения таких прав, как доступ к доходам от земли. По мере продвижения земельной и пенсионной реформ права, вытекающие из *hukou*,

8 Urban and rural population of China from 2012 to 2022 // Statista. – 2023. – URL: <https://www.statista.com/statistics/278566/urban-and-rural-population-of-china/> (дата обращения: 12.06.2023).

также могут быть скорректированы [Wong, 2019].

В марте 2011 г. Госсовет призвал к постепенному развертыванию системы выдачи разрешений на проживание и поручил учреждениям принять меры по улучшению системы регистрации временного населения в городах. Центральное правительство определило условия и рамки для системы регистрации проживания и предоставило руководящие принципы для местных органов власти, в том числе руководство, с помощью которого последние будут предоставлять вид на жительство людям, проживающим в определенном населенном пункте, а также перечень прав, которые возникают при получении вида на жительство. Информационно-технологическая платформа, разработанная в соответствии с национальными стандартами, облегчила внедрение системы резидентства и играет важную роль в обмене данными о населении между государственными структурами. Платформа предоставляет количественную информацию для осуществления бюджетных ассигнований, а также статистические данные для мониторинга и оценки. Уже сейчас во многих населенных пунктах внедрены локализованные системы получения вида на жительство с различными подходами и требованиями – от более либеральных в небольших городах до строгих балльных систем в городах Гуанчжоу и Шанхай [World Bank, 2014, p. 49–50].

К 2020 г. были отменены ограничения по оформлению постоянной регистрации в малых городах с населением менее 3 млн жителей, выдано более 100 млн регистрационных документов промежуточного типа, таких как вид на жительство. В крупных городах установлены понятные и унифицированные правила оформления прописки, учитывающие возраст, образова-

ние, длительность проживания, налоговую историю и другие параметры претендентов. Благодаря облегчению получения местной прописки удалось расширить охват сельских и иногородних мигрантов и их детей системой соцзащиты [Чубаров, 2022].

Возвращаясь к роли государства в формировании крупнейших агломерационных объединений *chengshiqun*, следует сказать, что именно политика рыночных реформ и открытости создала предпосылки для их появления несмотря на то, что не имела данный результат своей целью. В качестве модели подобного развития можно рассматривать историю появления мегалополиса региона Большого залива (GBA), так как в отличие от дельты реки Янцзы и столичного региона, где существование агломераций было предопределено предшествующей историей, GBA сформировался за полвека в районе, где не было не только агломерации, но и крупных городов. Центральный город GBA Шэньчжэнь пережил десятилетия быстрого экономического и городского роста в качестве первой особой экономической зоны Китая, чему способствовала его близость к международному торговому центру Гонконгу. На фоне политики реформ и открытости Китая городу Шэньчжэню была отведена роль пилотной модели в тестировании новой политики реформ, которая заключалась в повышении эффективности социально-экономического развития с учетом специфических экономических характеристик Китая. В городе постоянно проводилось множество смелых реформ, направленных на устранение бюрократических препятствий, внедрение инновационных технологий и повышение производительности. Эта политика позволила Шэньчжэню превратиться из сельской рыбацкой деревушки с населением в несколько тысяч человек в мегаполис с населением

18 млн человек (третий по величине город Китая после Шанхая и Пекина), хорошо известный в мире благодаря длинному списку ведущих компаний, таких как *Tencent*, *Huawei*, *BYD*, *Mindray* и т.д. [The Emergence..., 2022]. Вслед за Шенчженем разрастались и города экономически зависимой периферии, усиливалась их интеграция. Ныне регион Большого залива включает девять городов дельты Жемчужной реки в провинции Гуандун (Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай, Дунгуань, Фошань, Хуэйчжоу, Цзянмэнь, Чжаоцин и Чжуншань) и два специальных административных района Китайской Народной Республики (Гонконг и Макао).

Кроме того, проводимая в Шэньчжэне новая политика приватизации, касающаяся землепользования, жилой и коммерческой недвижимости, финансовых услуг, трудовых ресурсов и т.д., оказалась весьма успешной и стала моделью государственной политики для других регионов Китая. Благодаря этим рыночно ориентированным реформам город стал главным локомотивом экономического развития, привлекающим непрерывный приток отечественного и международного капитала, трудовых ресурсов, технологий и инноваций. В Шэньчжэне также была проведена комплексная реформа жилищной системы для достижения коммерциализации жилищного строительства. Эти преобразования помогли создать современный рынок недвижимости, который полностью изменил городской ландшафт Китая. Сегодня *GBA*, являясь «фабрикой мира», превращается также в инновационный центр будущего поколения, прокладывающий путь передовых технологий не только для Китая, но и всего мира.

Несмотря на отмечаемые поразительные успехи, урбанизация Китая в настоящее время находится на перепутье, поскольку ее экономическая

трансформация еще не завершена. Модели урбанизации, которые были эффективными в прошлом, не работают в будущем, потому что дивиденды от подобной трансформации Китая снижаются. Сервисизация экономики, переход от промышленности к сфере услуг, как правило, происходят медленнее и приводят к меньшему росту, потому что первоначальные различия в производительности между промышленностью и услугами не так велики, как между сельским хозяйством и промышленностью. Во-вторых, глобальная конъюнктура изменилась, и экспорт больше не может быть прежней движущей силой экономического роста. Основным фактором роста должно стать повышение внутреннего спроса при ускоренном формировании немногочисленного ныне среднего класса КНР, способного поддерживать рост потребления. Формирование же среднего класса также будет зависеть от качественных параметров урбанизации.

В настоящее время создание мегалополисов, поощрение интеграции городов стали целями государственной политики в области урбанистики. В 14-пятилетнем плане (2021–2025) содействие развитию городских кластеров региона Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, дельты реки Янцзы, региона Большого залива и других названо отправной точкой для всестороннего формирования стратегической модели урбанизации. В частности, отмечается следующее: «Мы создадим и усовершенствуем механизмы комплексного и скоординированного развития городских кластеров, совершенствуя механизмы затрат и выгод, всесторонне будем способствовать созданию скоординированной инфраструктуры, разделению труда в промышленности и кооперации, совместному использованию государственных услуг, совместному экологическому

строительству и совместному экологическому управлению. Мы также оптимизируем внутреннюю пространственную структуру городских кластеров и выстроим их в многоцентровую, многоуровневую и многоузловую сеть с улучшенными экологическими и защитными системами⁹.

Мы будем совершенствовать скоординированное развитие принципа “одночасовых затрат времени” для поездок трудящихся на работу, опираясь на центральные города, обладающие мощным потенциалом для содействия развитию прилегающих районов, и способствовать созданию нескольких современных городских агломераций с высокой степенью городской интеграции. <...> Мы будем поощрять взаимное признание пунктов социального обеспечения и регистрации домохозяйств, совместное использование образовательных и медицинских ресурсов в мегаполисах, содействовать обмену и обращению патентов на научно-технические инновации, а также совместному строительству промышленных парков и научно-исследовательских площадок. Там, где позволяют условия, городским агломерациям будет предложено создать единые комитеты по планированию для достижения единообразной формулировки и реализации планов, а также будут изыскиваться пути содействия единому управлению земельными ресурсами и населением»¹⁰. При некоторой декларативности формулировок основные задачи в области создания агломераций прослеживаются достаточно четко.

Развитие кластера Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй (Beijing – Tianjin – Hebei – BTH)

Перейдем к рассмотрению самих наднагломерационных объединений КНР – *chengshiqun*. Широко известно, что Пекин (22 млн жителей)¹¹ как столица страны играет важную и даже ключевую роль во многих аспектах социально-экономической жизни современного Китая. Намного меньше известно о мегаполисе Тяньцзинь и городах провинции Хэбэй, которые составляют окружение Пекина и в достаточной степени затмеваются столицей. Однако ситуация должна измениться с включением Тяньцзиня и провинции Хэбэй в грандиозный проект, направленный на создание городского кластера мирового уровня, сосредоточенного вокруг Пекина. Помимо Пекина и Тяньцзиня, в кластер входят 11 городов провинции Хэбэй, общая площадь которых составляет более 200 тыс. кв. км, что более чем в 2 раза превышает площадь Южной Кореи. Проект известен как План интеграции Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, или сокращенно Цзин – Цзинь – Цзи [Preen, 2018].

Эксперты по развитию всё чаще признают, что экономика становится более эффективной в том случае, когда города образуют кластеры для координации использования ресурсов и распределения рисков. На регион Цзин – Цзинь – Цзи приходится 8% населения Китая и 10% ВВП, он имеет огромный потенциал для того, чтобы стать городским кластером мирового значения.

9 Outline of the 14th Five-Year Plan (2021–2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China // The People's Government of Fujian Province. – 2021. – September 8. – Chapter 28, I. – URL: https://www.fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm (дата обращения: 31.01.2024).

10 Outline of the 14th Five-Year Plan (2021–2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China // The People's Government of Fujian Province. – 2021. – September 8. – Chapter 28, I. – URL: https://www.fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm (дата обращения: 31.01.2024).

11 China Statistical Yearbook 2022. Tab. 2–7. Total Population by Rural and Urban Residence // National Bureau of Statistics of China. – 2023. – URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm> (дата обращения: 12.06.2023).

Тем не менее в развитии всех китайских мегакластеров уже сейчас наметились серьезные проблемы, в частности слабая координация между соседствующими городами. Это утверждение особенно справедливо в отношении региона вокруг Пекина, включая город Тяньцзинь и провинцию Хэбэй (также традиционно называемую сокращенно Цзи). Разрастание городов и чрезмерная зависимость от ядра – Пекина – привели к тому, что регион столкнулся с несоответствием возможностей центра и периферии, что может затормозить его будущий рост. Считается, что прорыв в синергетическом развитии здесь оживит экономику столицы Китая и станет примером для мегакластеров по всей стране¹².

В последние годы интеграционные планы ускоряются. План «Цзинь – Цзинь – Цзи» направлен на использование сравнительных преимуществ регионов с тем, чтобы исключить дублирование, максимизировать взаимную дополняемость и обеспечить синергию. Отдельные районы в регионе Цзинь – Цзинь – Цзи уже обладают своими сильными сторонами в конкретных областях. Пекин известен как политический, образовательный, культурный и научно-исследовательский центр, широко используются возможности Тяньцзиня как логистического центра северного Китая с одним из самых загруженных портов в мире, а города провинции Хэбэй славятся развитой тяжелой промышленностью, в том числе производством стали.

Проект объединения потребует оптимального перераспределения ресурсов в регионе, субъекты должны будут стать более динамичными, опираясь на свои нынешние сильные стороны и адаптируя их к общим интересам.

Города провинции Хэбэй должны будут также уйти от отраслей промышленности, загрязняющих окружающую среду, модернизировав промышленную базу, в то время как Тяньцзинь пытается стать центром прикладных исследований и разработок для производства и пилотной зоной для финансовых инноваций и реформ, в чем важная роль отводится Тяньцзиньской зоне свободной торговли. Все эти преобразования будут значимы для следующего уровня экономического развития всего кластера – ориентации на внешний рынок.

Некоторые критики проекта «Цзинь – Цзинь – Цзи» говорят, что он слишком сосредоточен на Пекине и город просто перекладывает свои проблемы на соседей. Между тем Пекин уже начал перебрасывать в Тяньцзинь и Хэбэй некоторые второстепенные отрасли, которые не пользуются сравнительными преимуществами, в том числе заводы и оптовые рынки. Решение о переносе второстепенных ресурсов из Пекина также направлено на смягчение «городских болезней», с которыми сталкивается столица, включая перегруженность дорог и загрязнение воздуха. С серьезными экологическими проблемами имеет дело не только Пекин – в регионе находятся восемь из десяти самых загрязненных городов Китая. Таким образом, чтобы сделать экономическое развитие всего региона более устойчивым, провинции Хэбэй в будущем отводится роль важной природоохранной территории с национальными и лесными парками – «зеленого пояса», окружающего столицу.

Важную роль в интеграции кластера будет играть транспортная инфраструктура, в том числе для объединения цепочек производственных поставок и рынка труда. Чтобы

12 Zhou Y. How to build a world-class megacity // World Economic Forum – 2017. – December 6. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/06/china-urbanisation-beijing-city-cluster/> (дата обращения: 12.06.2023).

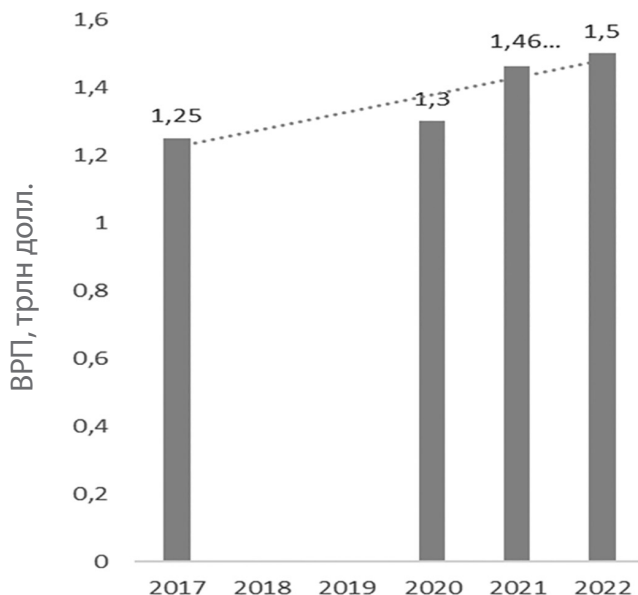

Рисунок 1. Динамика роста ВРП Цзин – Цзинь – Цзи в 2017–2022 гг., трлн долл.

Figure 1. Dynamics of GRP growth of Jing – Jin – Ji in the 2017–2022, trillion dollars

Источник: [Beyond a Megacity..., 2023, p. 40].

сократить время в пути по железной дороге, к 2020 г. было запланировано завершение строительства девяти дополнительных междугородних железнодорожных линий общей протяженностью 1100 км, что, по оценкам Национальной комиссии по развитию и реформам (NDRC), потребовало общих инвестиций в размере 247 млрд юаней (39,30 млрд долл. США). Кроме того, к 2050 г. к ним будет добавлено еще 16 междугородних железнодорожных линий. В результате время в пути между любыми из крупных городов региона составит менее одного часа на поезде и трех часов на автомобиле. Путешествия по региону также станут более эффективными благодаря использованию единой транспортной карты, которую можно будет использовать в автобусах и метро по всему региону Цзин – Цзинь – Цзи. В дополнение

к проектам железнодорожной и автомобильной инфраструктуры регион будет еще больше интернационализирован со строительством международного аэропорта Дасин [Preen, 2018].

В 2021 г. население Цзин – Цзинь – Цзи достигло 108,6 млн чел, а ВРП составил 1,5 трлн долл., или 8,2% всего ВВП Китая. Динамику роста ВРП, сравнимого с ВВП Мексики, можно видеть на рисунке 1.

Кластер дельты реки Янцзы – Yangtze River Delta (YRD)

В интересах настоящего исследования важно отметить, что уже в 1976 г. Жан Готтман включил дельту реки Янцзы в список шести крупнейших городских агломераций в мире, предвосхитив развитие мегалополиса в этом районе Китая [Zhou, 2023].

В настоящее время дельта реки Янцзы (YRD) – крупный мегакластер, сосредоточенный вокруг Шанхая – в регионе, который всегда был движущей силой экономического развития Китая. Задуманный как очаг развития новых отраслей промышленности, внедрения новых технологий и повышения общей конкурентоспособности страны, YRD является отражением настоящих и будущих приоритетов Китая. В мае 2016 г. он был впервые упомянут Госсоветом КНР как один из приоритетов развития, и с тех пор YRD всё в большей степени становится главным локомотивом экономики страны. В ноябре 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин объявил создание YRD национальной стратегией. А в декабре 2019 г. Центральный комитет Китая выпустил план развития региона, в котором подробно описан комплексный подход к развитию региона¹³.

Как и два других мегалополиса Китая – район Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй (Цзин – Цзинь – Цзи) и регион Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао (GBA), – YRD впечатляет как размерами, так и объемом производства. Сосредоточенный вокруг Шанхая, YRD простирается через провинции Чжэцзян, Цзянсу и Аньхой [Zhang, 2020]. Он включает в свой состав 27 городов, занимает площадь более 358 тыс. кв. км и имеет общую численность населения 237 млн человек [Beyond a Megacity..., 2023, p. 65]. Экономические результаты также впечатляют: в 2022 г. в YRD было создано около 24% общего ВВП Китая, он привлек около 48,9% общего притока прямых иностранных инвестиций в страну [Beyond a Megacity..., 2023, p. 10].

Однако YRD обладает и рядом существенных недостатков в области развития инфраструктуры, в сфере сохранения окружающей среды, а также предоставлении государственных услуг. Несмотря на то, что YRD широко известен своим экономическим динамизмом и деловой компетентностью, правительство считает, что он нуждается в более всестороннем и комплексном развитии для повышения конкурентоспособности на мировом рынке. Тот факт, что коллективная инфраструктура YRD рассматривается как отсутствующая, указывает на стремления к дальнейшей интеграции. Создание урбанизированного мегалополиса, эффективно соединяющего 27 городов YRD, позволит каждому городу опереться на собственные сравнительные преимущества. Это повысит общую эффективность региона и принесет множество экономических результатов, включая развитие сельских районов YRD, повышение уровня урбанизации до 70% и строительство сетей 5G, которые покроют не менее 80% общей площади кластера¹⁴.

Чтобы обеспечить устойчивое развитие YRD, правительство уделяет всё больше внимания улучшению состояния окружающей среды. Ожидается, что к 2025 г. выбросы твердых частиц PM2.5 будут находиться в пределах установленных значений; цель состоит в том, чтобы качество воздуха в городах уровня префектуры или выше классифицировалось как «хорошее» не менее 80% дней в году. Кроме того, ожидается, что 80% речной воды YRD будет удовлетворительного качества, а потребление энергии на единицу ВВП

13 How is the Yangtze River Delta driving China's economic development // EY Greater China. – March 21. – 2022. – URL: https://www.ey.com/en_cn/china-opportunities/how-is-yangtze-river-delta-driving-china-economic-development (дата обращения: 12.06.2023).

14 Zhang Y. Master Plan for China's Yangtze River Delta Targets 5G // R&D and Environment. – 2019. – December 2. – URL: <https://www.yicai.com/news/china-2025-master-plan-for-yangtze-river-delta-targets-5g-rd-spending-longer-lives> (дата обращения: 12.06.2023).

будет на 10% ниже уровня 2017 г. Целостный характер правительственной программы в отношении YRD подчеркивается акцентом на благополучии жителей района. Преимущества подразумевают увеличение среднего количества лет образования для рабочей силы YRD до 11,5 лет и увеличение средней продолжительности жизни жителей района до 79 лет. YRD является неотъемлемой частью будущего экономического развития Китая, наряду с *Jing – Jin – Ji* и *GBA*. Отслеживание эволюции мегакластера и его достижений дает представление о приоритетах страны и о том, насколько далеко она продвинулась в достижении своих целей¹⁵.

Статистические данные свидетельствуют о быстром развитии региона дельты реки Янцзы и особом прогрессе в области инновационных технологий. Валовой региональный продукт этого мегакластера в 2022 г. достиг 29,03 трлн юаней (около 4,09 трлн долл. США), что в 1,8 раза превышает уровень 2015 г., составляет 24,1% общего объема ВВП страны и сравним с ВВП Японии¹⁶.

Кластер дельты Жемчужной реки (*Pearl River Delta – PRD*), преобразованный в регион Большого залива (*Greater Bay Area – GBA*)

Pearl River Delta (PRD) – молодой и наиболее динамично развивающийся мегалополис Китая. Удивителен тот факт, что еще в конце 1970-х годов дельта Жемчужной реки представляла со-

бой сельскую территорию, а городская агломерация сформировалась только в последние 40 лет¹⁷. В результате политики открытых дверей, принятой Китаем в конце 1970-х годов, еще до создания мегакластера дельты Жемчужной реки (*PRD*) в провинции Гуандун на юге Китая стала «мировой фабрикой» и «полюсом роста переходной экономики». Население *PRD* выросло с 16 млн в 1980 г. до 44,5 млн в 2006 г. Стремительная урбанизация и индустриализация привели к географическому неравномерному развитию, социальной поляризации и деградации окружающей среды. В 1991, 1995 и 2005 гг. были разработаны три плана урбанизации, которые определили дальнейшие направления развития региона [*Mee Kam Ng*, 2008].

К середине прошлого десятилетия *chengshiqun PRD* уже представлял собой городскую территорию гигантских размеров, не имеющую аналогов в мире. Здесь проживало 65 млн человек, что сопоставимо с населением Великобритании, он занимал площадь около 55 тыс. кв. км, что примерно равно площади Хорватии. ВВП мегалополиса *PRD* составлял более 1,2 трлн долл. – примерно столько же, сколько в Мексике. Несмотря на то, что в мегалополисе *PRD* проживало около 4,3% населения Китая, на его долю приходилось 9,1% ВВП страны, колоссальные 26,9% экспорта страны и 7,5% общего объема розничных продаж потребительских товаров. Гигантский во всех отношениях мегалополис далеко не полностью сформировался – по сути, он только набирал обороты¹⁸.

15 Zhang Y. Master Plan for China's Yangtze River Delta Targets 5G // R&D and Environment. – 2019. – December 2. – URL: <https://www.yicai.com/news/china-2025-master-plan-for-yangtze-river-delta-targets-5g-rd-spending-longer-lives> (дата обращения: 12.06.2023).

16 Regional development index indicates robust growth of Yangtze River Delta // Xinhua. – 2023. – December 26. – URL: http://english.scio.gov.cn/pressroom/2023-12/26/content_116903223.htm (дата обращения: 12.06.2023).

17 Routley N. The Pearl River Delta's Astonishing Megacity Transformation // Visual Capitalist. – 2018. – August 3. – URL: <https://www.visualcapitalist.com/pearl-river-delta-megacity-2020/> (дата обращения: 31.01.2023).

18 Explore the Pearl River Delta Megalopolis // Geo Shen. – 2018. – September 5. – URL: [https://geoshen.com/posts/the-pearl-river-delta-megalopolis#:~:text=The%20Pearl%20River%20Delta%20\(PR\),into%20the%20South%20China%20Sea](https://geoshen.com/posts/the-pearl-river-delta-megalopolis#:~:text=The%20Pearl%20River%20Delta%20(PR),into%20the%20South%20China%20Sea) (дата обращения: 31.01.2023).

Преобразование в 2017 г. кластера дельты Жемчужной реки (*Pearl River Delta – PRD*) в регион Большого залива (*Greater Bay Area – GBA*) вызвало у международного бизнес-сообщества высокие ожидания в отношении скоординированного развития партнерских китайских городов. *GBA* – это мегарегион, который включает девять крупных городов дельты реки Жемчужной, включая Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай, Фошань, Дунгуань, Хуэйчжоу, Чжуншань, Цзянмэнь и Чжаоцин, а также два специальных административных района – Гонконг и Макао. *GBA* с населением, достигшим в 2022 г. 86,6 млн чел.¹⁹, считается одним из самых благоприятных инвестиционных направлений Китая за счет разнообразной и динамичной промышленной структуры, значительной местной потребительской базы, а также способности привлекать высококвалифицированных специалистов. Он также отличается длительной историей привлечения иностранных инвестиций. Ожидается, что быстрое устранение барьеров, ограничивающих движение капитала, торговли, информации и трудовых ресурсов, в сочетании с целенаправленной государственной политикой будет продолжать способствовать росту в основных областях и секторах экономики и торговли²⁰.

Города дельты Жемчужной реки расположены в непосредственной близости друг от друга и соединены разветвленной сетью транспортной инфраструктуры, включая высокоскоростные железные дороги, мосты и тоннели. Гуанчжоу – столица провинции Гуандун и крупнейший город в районе Большого залива,

является ключевым субъектом обрабатывающей промышленности и сферы финансовых услуг, обладает развитыми автомобильным и нефтехимическим секторами. Шэньчжэнь, расположенный на границе с Гонконгом, известен как «кремниевая долина» Китая и является местонахождением известных технологических компаний мира. Гонконг и Макао являются специальными административными районами Китая и сами по себе являются важными финансовыми центрами. Гонконг является крупным центром международных финансов, а его фондовая биржа является шестой по величине в мире. Макао известен своей процветающей туристической индустрией.

Другие города в районе Большого залива, такие как Чжухай и Чжуншань, становятся ключевыми игроками в развитии региона благодаря своему стратегическому расположению и быстрорастущей экономике. В этих городах наблюдаются значительные инвестиции в такие отрасли, как новейшие технологии, передовое производство и логистика, регион стремится диверсифицировать свою экономическую базу и создать новые возможности для роста. Интегрированное в один разнообразный и динамичный регион, это «созвездие» городов и экономических центров предлагает широкий, но уникальный набор сильных сторон и преимуществ. Его близость к основным рынкам Азии, а также хорошо развитая инфраструктура и благоприятная для бизнеса политика делают его очень привлекательным для бизнеса и инвесторов, стремящихся использовать огромный потенциал региона.

19 Textor C. Population of the Greater Bay Area in China in global comparison // Statista – 2022. – October 5. – URL: <https://www.statista.com/statistics/1174029/china-total-population-of-the-greater-bay-area-in-global-comparison/> (дата обращения: 31.01.2023).

20 Greater Bay Area – China's Booming Southern Mega Region // China Briefing – 2024. – URL: <https://www.china-briefing.com/doing-business-guide/china/where-to-invest/greater-bay-area-china-s-booming-southern-mega-region> (дата обращения: 31.01.2024).

В целом регион Большого залива является неоднородным и динамичным объединением, предлагающим значительные возможности для инвесторов и предприятий в различных отраслях. Его сильные стороны в области финансов, технологий и передового производства делают его важнейшим экономическим субъектом как для Китая, так и для Азиатско-Тихоокеанского региона в целом. Согласно прогнозам источника [The Emergence..., 2022], ВРП региона *GBA*, возросший к 2021 г. до 2 трлн долл. и сравнимый с ВВП Канады, к 2023 г. повысится до 3 трлн долл. (ВВП Индии), а на более отдаленную перспективу достигнет 3,7 трлн долл. США (ВВП Германии).

Заключение

Разрыв между городом и деревней и связанная с ним стихийная миграция рабочей силы могли бы стать серьезным препятствием для устойчивого развития Китая. Однако с созданием городских кластеров государственная политика переменялась от сдерживания данного процесса к поощрению, в реальности проблема становится преимуществом КНР, так как приток дешевой рабочей силы из сельских районов сам по себе является важнейшим фактором дальнейшего экономического роста. Рациональное управление и экономическое сотрудничество на уровне городских кластеров дает надежду не только на повышение экономической эффективности, производительности и конкурентоспособности на внешнем рынке, но и на дальнейший рост благосостояния граждан. Для достижения успеха, как правило, необходимы значительные инвестиции в ин-

фраструктуру не только на уровне городских кластеров, но и на общенациональном уровне, а также координация развития в других различных областях экономической политики.

В последние годы в КНР были сделаны масштабные инвестиции в инфраструктуру на общенациональном уровне, в частности в высокоскоростные железные дороги и автомагистрали, а также в водные пути, передачу электроэнергии и инфраструктуру отвода воды с юга на север. Это направление национального развития способствовало укреплению взаимосвязей между основными городами в пределах кластеров и за их пределами, что привело к заметным экономическим результатам. С 2016 г. для каждого из девятнадцати кластеров, включенных в 13-й (2016–2020) и 14-й (2021–2025) пятилетние планы²¹, были подготовлены проекты по содействию внутренней кооперации, а также по координации управления. Такая политика будет направлена на экономическую кластеризацию, интеграцию рынка труда, объединение инфраструктуры, а также на защиту сельскохозяйственных угодий, природных ресурсов и окружающей среды. Китай инвестирует значительные средства в цифровую инфраструктуру: от покрытия территорий кластеров сетями 5G, создания центров обработки данных и модернизации возможностей спутниковой навигации до модернизации и технического обеспечения обмена данными местных органов власти – развитие цифровой инфраструктуры призвано создать среду для широкого внедрения новых технологий.

Содействие и поощрение к объединению крупных городских территорий

21 Outline of the 14th Five-Year Plan (2021–2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China // The People's Government of Fujian Province. – 2021. – September 8. – Chapter 28, I. – URL: https://www.fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm (дата обращения: 31.01.2024).

в экономические кластеры несет в себе большой потенциал для дальнейшей устойчивой урбанизации и экономического развития Китая. Девятнадцать городских кластеров, включенных в 13-й и 14-й пятилетние планы Китая, уже стали центрами притяжения для населения и создают более 90% ВВП. Усиление координации между местными административными единицами в пределах кластерных территорий приносит с собой целый ряд социальных, экономических выгод и преимуществ в области устойчивого развития, включая повышение производительности за счет расширения экономики агломерации и повышение эффективности, которые поддерживают национальную цель увеличения внутреннего потребления и формирования среднего класса в интересах стимулирования будущего экономического роста.

Аналогичные мегалополисы существуют в Соединённых Штатах, Европе и Японии, рассмотрение институтов государственной политики в этой области выходит за пределы настоящего исследования. Тем не менее можно утверждать, что инициативы по государственному планированию развития мегакластеров КНР послужат для других стран неоценимым опытом. Постиндустриальные западные страны, имеющие более длительный опыт урбанизации, смогут в дальнейшем учитывать тот факт, что инфраструктурные проекты, разработанные в условиях планово-рыночной экономики, наряду с эффективной промышленной политикой, способны инициировать радикальные экономические преобразования и улучшить пространственную интеграцию. Возможно, Китай также заинтересован в получении западного опыта, ведь рыночные подходы предполагают, что любое вмешательство должно быть тщательно оценено, чтобы избежать неэффек-

тивных с экономической точки зрения решений.

Развитие городских кластеров занимает центральное место в дальнейших планах Китая по городскому развитию; группировке городов в экономические агломерации, связанные общей администрацией, инфраструктурой и экономикой уделяется особое внимание. Наряду с формированием мегакластера Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй (*ЖЖ*), мы стали свидетелями создания региона Большого залива (*ГБА*), охватывающего провинцию Гуандун, Гонконг и Макао и кластера дельты реки Янцзы (*ЯРД*), включающего Шанхай и провинции Цзянсу, Чжэцзян и Аньхой. В 2018 г. на эти три кластера мегаполисов мирового класса приходилось более 40% ВВП Китая. Они могут конкурировать и уже превосходят по многим параметрам другие глобальные мегарегионы, такие как район Большого Токио, коридор Бостон – Вашингтон, район залива Сан-Франциско, регион Сеул – Пусан и Техасский треугольник [*Taylor, 2019*]. В то же время, как уже говорилось выше, отличаются от них в структурно-институциональном отношении.

Помимо *ЖЖ*, *ПРД* и *ЯРД*, центральное правительство определило шестнадцать дополнительных мегалополисов, которые могут быть классифицированы на восемь средних и восемь малых кластеров. Несмотря на то, что эти кластеры имеют меньшее экономическое значение по сравнению с тремя упомянутыми кластерами мирового класса, они являются неотъемлемыми движущими силами регионального и провинциального экономического развития Китая. На долю кластеров среднего размера в будущем может приходиться от 3 до 9% ВВП Китая, а малые кластеры будут способны достичь около 2% ВВП страны или чуть менее. Также вполне возможно, что один или два

из восьми кластеров среднего размера, в частности, кластер Чэнду-Чунцин и кластер в среднем течении реки Янцзы в провинциях Хубэй, Хунань и Цзянси, в конечном итоге разовьются настолько, чтобы продвигаться до ранга городского кластера мирового класса, поскольку темпы урбанизации в Китае и далее будут расти в течение следующего десятилетия [Taylor, 2019].

Участие государства в историческом процессе формирования над-агломерационных объединений в КНР приводит к форсированному созданию мегалополисов по всей стране, можно говорить о переходе Китая к принципиально новому этапу урбанизации. Такая практика не имеет аналогов в мире, и в этом процессе мировое лидерство, несомненно, будет принадлежать КНР.

Список литературы

- Вульфович Р.М. Агломерация, мегалополис и мегаполис (соотношение понятий) // Евразийская интеграция. Экономика. Политика. Право. – 2007. – №2. – С. 91–92.
- Петушкова В.В. Особенности развития мегаполисов Китая // Экономические и социальные проблемы России. – 2023. – № 3. – С. 40–59. DOI: 10.31249/espr/2023.03.03.
- Салицкий А.И., Чубаров И.Г. Урбанистическая ситуация и национальная городская политика в Индии и КНР: сравнительный анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 107–132. – DOI: 10.31249/kgt/2022.05.06.
- Самбурова Е.Н., Слука Н.А., Сюэ Лин. КНР на пути к «урбанистической революции» // Региональные исследования. – 2009. – № 2 (23). – С. 51–58.
- Чубаров И.Г. Географические особенности формирования глобальных городов КНР : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Москва : МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013. – 23 с.
- Чубаров И.Г. Исторические предпосылки возникновения глобальных городов в Китае // Китай: политика, история, культура. К 85-летию Ю.М. Галенювича. – Москва : Синосфера, 2018. – С. 216–229.
- Чубаров И.Г. Развитие городов Китая в рамках госпрограммы «Урбанизация нового типа» // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – № 1 – С. 139–148. – DOI: 10.31857/S013128120017798-8.
- Чубаров И.Г., Слука Н.А. Крупнейшие агломерации КНР в системе глобальных городов // Вестник Московского университета. Сер. 5 : География. – 2012. – № 2. – С. 32–39.
- Beyond a Megacity: Investing China's Mega City Cluster. – [S. l.] : Dezan Shira & Associates, 2023. – 66 p. – URL: <https://admin.cacac.com.cn/profile/2023/08/03/720f3c8e-a222-4164-8968-b3434a75025d.pdf> (дата обращения: 31.01.2024).
- Demographia World Urban Areas (Built-Up Urban Areas or Urban Agglomerations). – 19th annual edition. – Demographia, 2023. – 101 p. – URL: <https://demographia.com/db-worldua.pdf> (дата обращения: 31.01.2024).
- Gottmann J. Since Megalopolis: The Urban Writings of Jean Gottmann. – Baltimore, London : The Johns Hopkins University Press, 1990. – 304 p.
- Mee Kam Ng. Urban System Planning in China: The Case of the Pearl River Delta // United Nations Expert Group Meeting on Population Distribution, Urbanization, Internal Migration and Development. – 2008. – January 15. – UN/POP/EGM-URB/2008/15. – 24 p. – URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/unpd_egm_200801_urban_system_planning_in_china_the_case_of_the_pearl_river_delta_ng.pdf (дата обращения: 31.01.2024).

Preen M. The Beijing-Tianjin-Hebei Integration Plan // China Briefing. – 2018. – April 26. – URL: <https://www.china-briefing.com/news/the-beijing-tianjin-hebei-integration-plan/> (дата обращения: 12.06.2023).

Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. – [S. l.] : Princeton University Press, 2013. – 480 p.

Taylor J. Five years on: The Beijing-Tianjin-Hebei urban agglomeration // Asia Dialogue. – 2019. – March 15. – URL: <https://theasiadialogue.com/2019/03/15/five-years-on-the-beijing-tianjin-hebei-urban-agglomeration/> (дата обращения: 31.01.2024).

The Emergence of China's Greater Bay Area / Zheng D., Zheng M., Wang J., Jia T. // Investcorp. – 2022. – URL: <https://www.investcorp.com/wp-content/uploads/2022/11/The-Emergence-of-China-Greater-Bay-Area-Nov-2022.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).

Wong F.K.-H. China's Hukou System: What it is and How it Works // China Briefing. – 2019. – January 17. – URL:

<https://www.china-briefing.com/news/chinas-hukou-system/> (дата обращения: 12.06.2023).

World Bank. Urban China Toward Efficient, Inclusive and Sustainable Urbanization. – S. l. : The World Bank and the Development Research Center of the State Council, P.R. China, 2014. – 547 p.

Zhang Z. What does the Yangtze River Delta Integration Mean for Businesses in China? // China Briefing. – September 17. – 2020. – URL: <https://www.china-briefing.com/news/yangtze-river-delta-integration-opportunities-incentives-for-businesses-in-china-dual-circulation-strategy/> (дата обращения: 12.06.2023).

Zhou Z. Empirical Analysis of The Impact of Industrial Convergence on The Regional Economy of The Yangtze River Delta // SHS Web Conf. – 2023. – Vol. 163. – April 28. – URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2023/12/shsconf_icssed2023_01023/shsconf_icssed2023_01023.html (дата обращения: 12.06.2023).

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.05

Urbanization of the PRC: From Megacities to Supercities

Vlada V. PETUSHKOVA

PhD (Econ.), Senior Researcher at the Department of Economics
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: vladapetushkova@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1228-1471

CITATION: Petushkova V.V. (2024). Urbanization of the PRC: From Megacities to Supercities. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 3, pp. 89–109 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.03.05

Received: 15.03.2024.

Revised: 15.06.2024.

ABSTRACT. *In the middle of the last century, the French geopolitician Jean Gottman developed the concept of a megalopolis (supercity) in relation to a large agglomeration of the northeastern coast of the United States. In the last decade, the People's Republic of China (PRC) has also seen the growth of large urban agglomeration associations chengshiqun (城市群), the article is devoted to the largest of them: Yangzi River Delta (YRD), Greater Bay Area (GBA) and JingJingJi. The essence of the Chinese agglomeration urban formations, which are considered in this study, is close to the concept of megalopolis, however, the formation of Chinese mega-clusters with a population of 80 to 200 million or more people is taking place with the active and direct role of the state. They far exceed the boundaries of the megalopolis described by J. Gottman in terms of population size and degree of integration, thus marking a fundamentally new stage of urbanization. Since the PRC launched its reform and Open Door Policy*

in 1978, industrialization and urbanization have been at the forefront of China's rapid economic development. There has been unprecedented internal migration, with more than half a billion people moving from rural to urban areas, resulting in the largest agglomerations in history. The creation of nineteen urban mega-clusters is included in the Fourteenth (2021-2025) Five-Year Development Plan of the PRC as a priority for urbanization and development in general. The participation of the state in the historical process of the formation of supra-agglomeration associations of chengshiqun in the PRC leads to the accelerated creation of megalopolises throughout the country. This practice has no analogues in the world, and in the process of "new urbanization" the world leadership will undoubtedly belong to the PRC.

KEYWORDS: *China, megalopolis, urbanization, urban agglomerations, internal migration.*

References

- Beyond a Megacity... (2023). *Beyond a Megacity: Investing China's Mega City Cluster*. S. I.: Dezan Shira & Associates, 66 pp. Available at: <https://admin.cacac.com.cn/profile/2023/08/03/720f3c8e-a222-4164-8968-b3434a75025d.pdf>, accessed 31.01.2024.
- Chubarov I.G. (2013). *Geographical Features of the Formation of Global Cities of the People's Republic of China*. Thesis of Dissertation. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 23 pp. (in Russian).
- Chubarov I.G. (2018). Historical Background of the Emergence of Global Cities in China. In: *China: Politics, History, Culture*. Moscow: Sinosphere, pp. 216–229 (in Russian).
- Chubarov I.G. (2022). Development of Chinese cities within the framework of the state program “Urbanization of a new type”. *Far Eastern Affairs*. No. 1, pp. 139–148 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120017798-8.
- Chubarov I.G., Sluka N.A. (2012). The largest agglomerations of China within a system of global cities. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 5. Geography*. No. 2, pp. 32–39 (in Russian).
- Demographia... (2023). *Demographia World Urban Areas (Built-Up Urban Areas or Urban Agglomerations)*. 19th annual edition. Demographia, 101 pp. Available at: <https://demographia.com/db-worldua.pdf>, accessed 31.01.2024.
- Gottmann J. (1990). *Since Megalopolis: The Urban Writings of Jean Gottmann*. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press, 304 pp.
- Mee Kam Ng (2008). *Urban System Planing in China: The Case of the Pearl River Delta*. United Nations Expert Group Meeting on Population Distribution, Urbanization, Internal Migration and Development. January 15, UN/POP/EGM-URB/2008/15, 24 pp. Available at: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/unpd_egm_200801_urban_system_planning_in_china_the_case_of_the_pearl_river_delta_ng.pdf, accessed 31.01.2024.
- Petushkova V.V. (2023). Features of the development of China's megacities. *Economic and Social Problems of Russia*. No. 3, pp. 40–59 (in Russian). DOI: 10.31249/espr/2023.03.03.
- Preen M. (2018). The Beijing-Tianjin-Hebei Integration Plan. *China Briefing*. March 26. Available at: <https://www.china-briefing.com/news/the-beijing-tianjin-hebei-integration-plan/>, accessed 31.01.2024.
- Salitskii A.I., Chubarov I.G. (2022). Urbanization and National Urban Policy in India and China: a Comparative Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 15, no. 5, pp. 107–132 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.05.06.
- Samburova E.N., Sluka N.A., Xue Ling (2009). Chinese People's Republic on a way to “Urbanistic Revolution”. *Regional Studies*. No. 2 (23), pp. 51–58 (in Russian).
- Sassen S. (2013). *The Global City: New York, London, Tokyo*. S. I.: Princeton University Press, 480 pp.
- Taylor J. (2019). Five years on: The Beijing-Tianjin-Hebei urban agglomeration. *Asia Dialogue*. March 15. Available at: <https://theasiadialogue.com/2019/03/15/five-years-on-the-beijing-tianjin-hebei-urban-agglomeration/>, accessed 31.01.2024.
- The Emergence... (2022). Zheng D. et al. The Emergence of China's Greater Bay Area. *Investcorp*. Available at: URL: <https://www.investcorp.com/wp-content/uploads/2022/11/The-Emergence-of-China-Greater-Bay-Area-Nov-2022.pdf>, accessed 12.06.2023.
- Vulfovich R.M. (2007). Agglomeration. Megalopolis. Megacity. Correlation of concepts. *Evrazijskaya integraciya. Ekonomika. Politika. Pravo*. No. 2, pp. 91–92 (in Russian).

Wong F.K.-H. (2019). China's Hukou System: What it is and How it Works. *China Briefing*. January 17. Available at: <https://www.china-briefing.com/news/chinas-hukou-system/>, accessed 31.01.2024.

World Bank (2014). *Urban China Toward Efficient, Inclusive and Sustainable Urbanization*. S. l.: The World Bank and the Development Research Center of the State Council, P.R. China, 547 pp.

Zhang Z. (2020). What does the Yangtze River Delta Integration Mean for Businesses in China? *China Briefing*. September 17. Available at: [https://](https://www.china-briefing.com/news/yangtze-river-delta-integration-opportunities-incentives-for-businesses-in-china-dual-circulation-strategy/)

www.china-briefing.com/news/yangtze-river-delta-integration-opportunities-incentives-for-businesses-in-china-dual-circulation-strategy/, accessed 31.01.2024.

Zhou Z. (2023). Empirical Analysis of the Impact of Industrial Convergence on The Regional Economy of The Yangtze River Delta. *SHS Web Conf.* Vol. 163, April 28. Available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2023/12/shsconf_icssed2023_01023/shsconf_icssed2023_01023.html, accessed 31.01.2024.

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.06

Exploring the Intricate Future of Bangladesh in the Context of Regional Geopolitical Dynamics

Md ABUL HASAN

PhD Student, Doctoral School of International Relations and Regional Studies
National Research University "Higher School of Economics"

Malaya Ordynka Street, 17, Moscow, Russian Federation, 115184

Email: habul@hse.ru

ORCID: 0000-0001-7008-4228

CITATION: Abul Hasan M. (2024). Exploring the Intricate Future of Bangladesh in the Context of Regional Geopolitical Dynamics. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 3, pp. 110–127 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.06

Received: 14.07.2024.

Revised: 17.08.2024.

ABSTRACT. Bangladesh serves as a vital nexus between South and Southeast Asia, holding considerable strategic importance for all major regional and global players. This article aims to analyze Bangladesh's future within the context of complex regional dynamics and its foreign policy responses. The author investigates how the rising geopolitical competition and rivalries among major powers, along with their significant impacts on Bangladesh, generate notable challenges for the nation. To understand Dhaka's strategies towards these powers, the study has involved a detailed review of recent scholarly literature, fieldwork, and in-depth interviews. The analysis posits that Bangladesh adopts a moderate foreign policy to sustain hedging relations with all key regional and extra-regional powers. Nevertheless, Dhaka's capacity to implement its foreign policies effectively is hampered by its inability to establish leverage over dominant powers. The article concludes that the influences of key powers in Bangladesh's political landscape could lead the country to

align with a specific power bloc or maintain neutrality in the near future, contingent upon the evolving regional and global political dynamics. Thus, the study suggests that by devising its short and long-term plans and strategies, Bangladesh can create leverage and remain on the right track without falling into the trap of geopolitics.

KEYWORDS: Bangladesh, South Asia, hedging foreign relations, geopolitics, rivalries, Non-Aligned movement.

Introduction

Bangladesh's emergence as a significant player in South Asia has attracted considerable attention both regionally and globally. Strategically located at the crossroads of South and Southeast Asia, Bangladesh has become an important hub for regional and extra-regional powers [Hussain, 2019]. Recognizing its strategic importance, powerful states and organizations have actively engaged with Bangladesh, extend-

ing their influence in various internal and external affairs. Following its territorial gains in the Bay of Bengal [Faruque, 2018; Yasmin, 2019], Bangladesh has established itself as a key regional hub for political and economic activities, demonstrated by the increasing involvement of major powers [Hossain, Islam, 2021].

Geographically, Bangladesh is bordered by India on three sides but occupies a crucial position in the Bay of Bengal, ensuring vital connectivity with other countries and key powers [Rahman, 2016]. With the exception of a narrow land corridor, Bangladesh encloses India's Northeastern states, compelling New Delhi to maintain a robust relationship with Dhaka [Chaudhury, 2020]. Conversely, China views Bangladesh as a substantial opportunity for trade and commerce, leading to its incorporation into the Belt and Road Initiative (BRI) [Anwar, 2020]. China has made the largest investments in this project thus far [Saimun, 2020]. Amid the intensified Sino-Indian rivalry, the United States, Bangladesh's largest trade partner, has increasingly focused on the country due to its broader national interests in the Indo-Pacific region [Chakma, 2019]. While Russia's historical influence on Bangladesh's domestic and foreign affairs has been limited [Riaz, 2022], recent significant collaborations, such as the nuclear power plant project, have gained attention [Ahmed, Kabir, Jyoti, 2022; Abul Hasan, 2024].

Bangladesh's foreign policy is driven by the desire to maintain regional peace, stability, security, integration, and global stability [Yasmin, 2022]. The country's growing significance brings with it both opportunities and challenges. It is widely believed that sustained economic growth is essential for Bangladesh to ensure regional and global peace, contingent upon

the implementation of effective strategies by Dhaka¹. However, Bangladesh faces complexities due to China's expanding influence in the region and counteractions by India, the United States, and their allies to limit Beijing's sway. If the geopolitical landscape shifts back to a bipolar structure, with the U. S. and China as opposing poles, Bangladesh must consider whether to align with a specific bloc or maintain neutrality. These considerations are crucial for the country's future trajectory.

While previous studies have not thoroughly addressed this issue, and some experts argue it is premature to do so, this study emphasizes the need for long-term planning and strategies to anticipate potential risks or threats. Bangladeshi authorities must proactively address these issues to ensure continued progress. This study aims to enrich the existing literature on these topics, contributing to the broader discourse.

The purpose of this study is to examine Bangladesh's future within the framework of complex South Asian regional dynamics and geopolitical competition among major powers. It is important to note that this study focuses primarily on regional perspectives and does not address domestic issues such as political instability or corruption. Additionally, the article does not advocate for any specific policy stance, such as alignment or non-alignment, that Bangladesh should adopt. Instead, it analytically explores the advantages and disadvantages of various potential actions the country may undertake. This research is intended to prompt policymakers to engage in deep reflection and assist them in policy formulation.

Qualitative research methods were employed in this study to gain an in-depth understanding of the recent literature on smaller and weaker states in South Asia,

1 Ahmad M. Bangladesh and the China-India Conflict // The Diplomat. – 2020. – July 8. – Available at: <https://thediplomat.com/2020/07/bangladesh-and-the-china-india-conflict/>, accessed 05.05.2024.

with a particular focus on Bangladesh. It conducts a comparative analysis of major power politics in South Asia vis-à-vis these weaker states. The study aims to investigate the foreign policy strategies employed by regional powers (China, India, and Pakistan) and extra-regional powers (the United States and Russia) concerning Bangladesh. Qualitative analysis techniques were utilized to analyze the complex South Asian political landscape and international relations, and their impact on Bangladesh. A triangulating qualitative approach was adopted, consisting of content analysis, literature review, and in-depth interviews, to rigorously examine and evaluate key issues and fundamental questions. Additionally, primary data were gathered through interviews during a one-and-a-half-month fieldwork trip in Bangladesh.

The article is structured as follows: first, it provides a concise overview of the historical background of Bangladesh's geographical situation in South Asia. Next, it investigates the geopolitical landscape within South Asia and elucidates how Bangladesh manages the rivalries among major powers. It then examines the current challenges facing Bangladesh and potential future obstacles. Finally, the article concludes with a detailed presentation of the key findings from this study and their possible implications.

Towards the conceptual background

Among the eight nation-states in South Asia, Bangladesh historically belonged to greater India and subsequently East Pakistan before achieving independence in 1971. It stands out as the only country born during the Cold War era, serving as

a unique battleground for political maneuverings [Yasmin, 2019]. Despite its modest geographic size, Bangladesh boasts a substantial population, exceeding those of many medium- and large-sized countries. It shares borders with India to the west, north, and east – the world's fifth longest land border – while Myanmar lies to the southeast and the Bay of Bengal to the south. Bangladesh's strategic position and recent economic growth have drawn significant attention from foreign investors eager to engage in its development projects [Ogden, 2022].

Contrary to its early characterization as a 'bottomless basket'², Bangladesh is now recognized as a 'South Asian Miracle' [Hossain, 2021]. If the country maintains its current trajectory, it is projected to become one of the world's top 25 largest economies by 2035³. Achieving this goal will require strong foreign policies and strategies [Yasmin, 2016, 2022]. Guided by the principle of "friendship towards all and malice towards none," Bangladesh has committed itself to adopting a neutral stance in its foreign relations and decision-making processes; however, it often struggles to do so [Hasan, 2024].

As geopolitical and economic competition heightens in the South Asia region, Bangladesh is determined to maintain a moderate stance in its foreign relations and decision-making processes; however, it often struggles to do so [Hasan, 2024]. The primary aims of Bangladesh's foreign policy are to maintain regional peace, stability, security, integration, and cooperation, while also promoting global peace and stability. The country strives to foster regional integration and economic cooperation through various initiatives, including the formation of SAARC [Chakma, 2020]. Nevertheless, Bangladesh

2 Rahman Z. Bangladesh's geopolitical position provides for unique opportunities // The Daily Star. – 2021. – November 4. – Available at: <https://www.thedailystar.net/views/opinion/news/bangladeshs-geopolitical-position-provides-unique-opportunities-2221461>, accessed 22.03.2024.

3 Ali M. Bangladesh's economy to be 25th largest by 2035 // The Business Standard. – 2020. – December 27. – Available at: <https://www.tbsnews.net/economy/bangladeshs-economy-be-25th-largest-2035-177334>, accessed 22.03.2024.

faces several challenges, such as trade barriers, security threats, and the Rohingya crisis. Additionally, geopolitical rivalries between major powers like India, China, the USA, and Russia significantly impact Bangladesh's internal and external policies. Despite these challenges, Bangladesh remains committed to its foreign policy objectives through affiliations with regional and extra-regional institutions, agreements, treaties, and dialogues with other countries and organizations [Houda, 2020].

Geopolitical competition in South Asia and Bangladesh

Kishore Mahbubani, a distinguished 21st-century Asian diplomat and Singaporean policymaker, and author of the highly regarded book *Has China Won?*, argues that “*Geo-politics is a cruel business; nothing to do with values, sentiment, love, or ideology; only interest matters.*” He further explains that nations with substantial economies and powerful militaries typically wield the most influence globally, including in the Indo-Pacific region. Ongoing rivalries between nuclear-armed India and Pakistan have stalled South Asia's progress in regional security, stability, integration, and cooperation [Shankar, 2022; Ogden, 2022]. As Islamabad's influence diminishes, Beijing's assertive presence has significantly reshaped the regional landscape [The Routledge Handbook..., 2024]. Consequently, India, Japan, and Western powers have coalesced to counter China's extensive influence in the region.

To grasp the geopolitical competition in South Asia, it is essential to consider four key aspects: first, India's perception of China's encirclement strategy; second, the impact of Beijing's Belt and Road Initiative (BRI) on the region's power dynamics; third, the strengthening Indo-U. S. security partnership and the formation of QUAD; and fourth, Dhaka's position on the geopolitical competition among major powers.

India regards Chinese commercial activities within its sphere of influence as a significant threat to its strategic objectives [Kuchhal, 2022]. The potential use of these infrastructures by the Chinese military to enhance their blue-water capabilities in the future is a particular concern. Chinese investments in South Asian countries, especially in port construction projects in Bangladesh, Pakistan, and Sri Lanka – regions close to India – could position China advantageously within the strategic framework of the Bay of Bengal and Indian Ocean [China and South Asia..., 2022]. Additionally, such investments might allow Beijing to influence the foreign policies of these recipient countries, aligning them with Chinese interests [Saimun, 2020; Saimun, Talukder, 2022].

The Belt and Road Initiative (BRI) is a Chinese trillion-dollar project designed to closely interweave Asian countries and their economies with China [Saimun, 2020]. As Beijing effectively collaborates with smaller nations in the region, New Delhi recognizes its economic and military limitations but has abstained from directly opposing the project and refrained from pressuring its neighboring countries. Instead, India seeks to forge new economic alliances, invest in socioeconomic projects, and enhance military cooperation with smaller nations. Unfortunately, India has lost its unique hegemonic power in the region, as it has been unable to meet the economic and military demands of its neighbors, according to Md. Touhid Hosain, former Foreign Secretary and current advisor to the foreign ministry of the interim government of Bangladesh.

The growing Chinese bilateral trade and investment in smaller countries in the Indo-Pacific region have raised significant concerns for not only India but also the USA [Khan, 2021] and its allies in the Indian Ocean Region. As a response, India has sought cooperation with other dominant powers, such as the USA, Japan, and

Australia, through the formation of the Quadrilateral Security Dialogue (QUAD), aimed at limiting Beijing's influence in the region [Paul, 2019]. Recently, regular joint military exercises and frequent dialogues between top officials have strengthened the Indo-U. S. partnership in maritime security and cooperation. Moreover, New Delhi has been actively attempting to disrupt and counter Beijing-backed projects in South Asia.

The Bay of Bengal and Bangladesh have emerged as pivotal areas of strategic interest for major powers, including Washington, New Delhi, Beijing, and Moscow. With China's growing and assertive presence in the maritime domain, India has sought to strengthen its ties with neighboring countries to pursue its Indo-Pacific objectives [Bose, 2023]. In this endeavor, Bangladesh, located north of the Bay of Bengal and India's immediate eastern neighbor, plays a crucial role. China's efforts to expand its influence in the Bay region by penetrating Bangladesh have spurred India to further develop its relationship with the country.

In recent years, the Bangladesh-India relationship has deepened significantly, with Dhaka granting India the right to use its territory for the transportation of goods between the northeastern provinces and mainland India. Meanwhile, China has emerged as Bangladesh's highest bilateral trading partner since 2005 [Sahoo, 2013], far surpassing other powerful nations such as India, the USA, and Russia, and becoming a key contributor to the country's development initiatives⁴. The Bangladesh Navy's acquisition of two Chinese submarines has raised concerns in India, further highlighting Bangladesh's strategic significance in the region⁵.

Bangladesh is of great importance to the United States due to its large market for garment products. Historically, the U. S. strategy towards South Asia has primarily focused on India and Pakistan. However, Ambassador Kelly Keiderling, the U.S. Deputy Assistant Secretary of State for South and Central Asia, has confirmed that the Biden administration has shifted its foreign policy to emphasize individual countries within South Asia⁶. High-level visits to Bangladesh illustrate this change in U. S. foreign policy. Washington remains cautious of Beijing's and Moscow's growing influence in Bangladesh and actively seeks to undermine their presence [Rajagopalan, 2022]. One approach includes pressuring Dhaka to join the QUAD alliance, thereby enhancing military and economic cooperation to counteract the influence of China and Russia in South Asia.

Considering its strategic importance and the geopolitical competition in South Asia, Bangladesh takes a balanced approach to addressing rivalries among major powers [Riaz, 2022]. Comprehensive analysis of Bangladesh's foreign policy indicates that Dhaka engages with various regional and extra-regional military and economic powers and organizations to secure its strategic interests, territorial integrity, and economic prosperity while also reducing India's substantial influence in its internal and external affairs. Bangladesh's geographic significance, particularly its three ports – Chattogram, Mongla, and Payra – among 12 in the Bay of Bengal, which account for over 90% of trade through this Bay, plays a crucial role in this geopolitical and geoeconomic landscape [Hossain, Islam, 2021]. As a result, India, China, the U. S., and Russia are increasingly attentive to Dhaka's strategies and

4 Imam S.H. Closer China-Bangladesh ties shouldn't worry India // The Daily Star. – 2017. – December 1. – Available at: <https://www.thedailystar.net/opinion/pleasure-all-mine/closer-china-bangladesh-ties-shouldnt-worry-india-1498687>, accessed 05.05.2024.

5 Mishra V. China Is Moving into the Indian Ocean // The National Interest. – 2018. – April 14. – Available at: <https://nationalinterest.org/feature/china-moving-the-indian-ocean-25380>, accessed 05.05.2024.

6 Molla M. Al-M. US, India, and the election in Bangladesh // The Daily Star. – 2023. – February 25. – Available at: <https://www.thedailystar.net/opinion/views/news/us-india-and-the-election-bangladesh-3256391>, accessed 06.05.2024.

policies. It is important to recognize that Bangladesh faces several challenges, including power rivalries, trade barriers, and security concerns, which it must navigate in the near future.

Navigating challenges for Bangladesh

Bangladesh is in between major powers

Bangladesh's strategic location has garnered significant attention from both regional and extra-regional powers, viewing the country as a vital hub for trade, investment, and strategic interests [Karim, Uddin, 2016]. The longstanding rivalry between China and India has contributed to an environment of volatility, instability, and mistrust in the South Asia region [Ansari, Baghernia, 2021]. In this context, China's growing influence in the region has intensified power competition among key players. Professor Ali Riaz notes that China's substantial trade and investment in Bangladesh, surpassing that of India and the United States, has alarmed these major powers. They perceive Bangladesh's deepening engagement with Beijing as a threat to their trade and security interests in the Bay of Bengal. Conversely, China views Bangladesh as a key partner in securing access to vital import routes and achieving full-scale blue water capability to protect its cargo ships and tankers from potential U.S. Navy disruptions [Saimun, Talukder, 2022]. In addition, Bangladesh's active role in China's Belt and Road Initiative (BRI), which has attracted upwards of \$ 22 billion in Chinese investments through various bilateral agreements, indicates a low probability of Dhaka opting to disengage from the initiative.

The intense competition among great powers for Bangladesh underscores the country's strategic significance. The growing concern of the United States and India to-

wards China's strong presence in Bangladesh and the region presents a major challenge for Bangladesh. These powers closely monitor China's activities in Bangladesh, viewing them as threats to their security, influence, and power. Whenever there is an agreement between Bangladesh and China, Indian policymakers and media express concern, prompting Delhi to counteract by forging an agreement or treaty with Dhaka [Chakma, 2019]. However, India's apprehension towards China's engagement with friendly neighboring countries like Bangladesh and Nepal is contradictory. Singh [Singh, 2012] highlights concerns about the shifting stance of China and its traditional allies, such as Pakistan, towards India's smaller neighbors, previously considered India's steadfast allies (p. 55). He also contends that Beijing's supply of 'conventional weapons' and other 'sensitive technologies' to Dhaka is not a positive development for New Delhi. Consequently, Indian literature suggests that Indian policymakers are discontent with Bangladesh's increasing engagement with China. Similarly, the United States seeks to limit Bangladesh's engagement with China, as evidenced by the frequent visits of its top officials to Bangladesh in the last two years. Additionally, Moscow's first summons to Bangladesh's Ambassador in Russia for refusing to allow Russia's materials for the Rooppur nuclear power plant to enter its port has created an unfavorable environment. Thus, it is undeniable that Bangladesh is caught in the complex web of great power competition.

Bangladesh's trade with SAARC member countries

The promotion of intra-regional trade was a key objective of the South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC), initially perceived as the first step towards establishing a South Asian Free Trade Area (SAFTA) in 1993 [Paul, 2020]. However, intra-regional trade in South Asia represents a mere 5 percent of

the region's total trade, compared to nearly 50 percent in the East Asia and Pacific region and 22 percent in the Sub-Saharan African region. The lack of progress on SAFTA [Hossain, 2013], trade liberalization [The Routledge Handbook..., 2024, p. 326–338], and mutual distrust and suspicion⁷ have made South Asia one of the least economically integrated regions.

Bangladesh's initiatives led to the establishment of SAARC, with the aim of enhancing economic cooperation among South Asian countries [Saleem, 2012]. Despite some progress over the years, the desired outcomes have yet to be realized. While ASEAN member countries engage in intra-regional trade at rates exceeding 25 percent, SAARC members have a trade volume of less than 5 percent [Nayak, 2024]. Although Bangladesh has a substantial bilateral trade relationship with India, there remains a significant trade imbalance between imports and exports. According to the Export Promotion Bureau Bangladesh report of 2022, Bangladesh's total export earnings from goods and services in FY 2021–22 amounted to US\$ 60,971.26 million, while total import payments were US\$ 91,932.20 for the same period. The report also indicates that among the top 20 exporting countries, only India, as a South Asian nation, imports the highest value of goods from Bangladesh, while Bangladesh's exports to Asian countries amounted to US\$ 5,938.13 million, with ASEAN member countries accounting for US\$ 841.95 million and SAARC nations contributing US\$ 2,281.33 million. Despite this narrow margin, India alone has received an overwhelming 87.29 percent of Bangladesh's exports. According to Ali Riaz, Bangladesh has consistently sought to enhance trade among SAARC countries by strengthening the association. Howe-

ver, the resistance of India, the dominant power in South Asia, and the longstanding animosity between India and Pakistan have hindered these efforts. It is evident that small nations in South Asia are unable to achieve regional economic cooperation and success without robust Indian participation and leadership in specific initiatives [Singh, 2012]. Consequently, Bangladesh's success in trading with other South Asian states is largely contingent on India's cooperation.

Rohingya crisis and major powers' roles

Myanmar's military crackdown on Rohingya Muslims, followed by their subsequent displacement from the Rakhine province to Cox's Bazar in Bangladesh, has severely strained the relationship between the two neighboring countries [Khanam, Ali, 2022; Trapa, 2023]. Furthermore, the roles played by the most influential powers, both regional and extra-regional, in the Rohingya issue are questionable and unprecedented for Bangladesh [Fair, 2018]. Despite the International Criminal Court's (ICC) verdict that Myanmar must repatriate the Rohingyas as citizens, Naypyidaw has yet to show any positive response. While Rohingya Muslims have faced similar circumstances in the past, international pressure previously compelled Myanmar to take many of them back. However, the current question is how Myanmar authorities can ignore the ICC's verdict. According to Nasir Uddin, a professor in the Anthropology department at Chittagong University, Bangladesh, and an expert in international migration and refugee issues, "*There are primarily two reasons: the contradictory behavior of key powers and the anti-Muslim attitude of*

7 Balachandran P.K. BIMSTEC shows the way to regional cooperation // The New India Express. – 2015. – June 27. – Available at: <https://www.newindianexpress.com/world/2015/Jun/27/bimstec-shows-the-way-to-regional-cooperation-775471.html>, accessed 05.05.2024.

Myanmar's military and its religious leaders towards the Rohingya population."

The refugee crisis resulting from the military's brutality against Rohingyas in Myanmar has political, religious, ethnic, and geo-strategic dimensions [Saimun, Talukder, 2022]. Adding to the complexity is the geopolitical competition among Sino-Indian and China-USA-Russia in Myanmar and the region, which exacerbates the Rohingya crisis [Datta, 2021]. According to Hossain and Islam [Hossain, Islam, 2021], the conflicting interests of India and China in the Rakhine state have made it challenging to find a peaceful resolution to the Rohingya problems [Nuruz-zaman, 2023]. China's support for Myanmar is critical due to its energy security, geostrategic considerations, and economic development in the southeastern region. Myanmar's strategic location in the Bay of Bengal makes it an essential economic connecting hub and a potential military launching pad for China, which is why it plays a crucial role in China's ambitious Belt and Road Initiative (BRI) [Shahriar, Luong, 2023]. According to Professor Nasir Uddin, while China's interest in Bangladesh is less significant than in Myanmar, its policy towards Bangladesh is intrinsically linked to its Myanmar policy because both countries are part of China's grand design.

Four factors account for India's subdued approach to the Rohingya issue: first, concerns about China's growing influence in Myanmar; second, political and ethnic upheavals in India's Northeast; third, access to the Bay of Bengal and Southeast Asia; and fourth, India's energy interests in Myanmar. Indian policymakers view the China-Myanmar trade corridor as a threat to the stability of India's troubled Northeast, where numerous ethnic rebel groups actively engage in hostilities against Indian security forces. Consequently, India requires strong bilateral relations with Myanmar to serve its interests.

Yasmin [Yasmin, 2019] notes that Bangladesh, whose foreign policy is often characterized as proactive rather than grounded in sound calculations, was surprised by the Indian Prime Minister's visit to Myanmar during the peak of the Myanmar military's brutalities against the Rohingya refugees.

Bangladesh's long-standing ally, the Russian Federation, has shown limited interest in actively assisting the country or exerting pressure on Myanmar. In a personal communication, Dr. Tareq Arefin, Assistant Professor at the Department of Economics at Jagannath University, Dhaka, stated that Russia has several interests in Myanmar, including the supply of weapons and military equipment. Moreover, Naypyidaw remains silent in the United Nations regarding the Russia-Ukraine conflict. To date, the only positive outcome for Bangladesh has been receiving support from Western powers, particularly the United States. Bangladesh and Myanmar officials have held multiple meetings with U. S. representatives present and have received pledges from Myanmar's authorities to address the issue for future progress. However, these efforts have thus far yielded minimal results.

Currently, the presence of Rohingyas in Bangladesh is considered an economic, social, demographic, and security problem [Halim, 2023]. They have also been implicated in various crimes in recent times, including killings, abductions, and drug and human trafficking [Mallick, 2020]. The profitable drug trafficking business often uses refugees as 'carriers' and 'intermediaries'. Additionally, Rohingya militant groups are attempting to establish their presence in Rohingya refugee camps. Consequently, Bangladesh now finds itself in a more critical situation than ever before. Moreover, Bangladesh has been unable to secure a diplomatic solution to the crisis, primarily due to the international community's failure to pressure Myanmar into repatriating the refugees. This

was evident during the Rohingya influx of August 2017, when Bangladesh found itself 'friendless' despite the key powers' active interest in Bangladesh [Yasmin, 2019]. Ultimately, it has become evident that these major powers prioritize their own interests over resolving the Rohingya crisis.

Alignment, non-alignment, or balance amidst great powers

While both regional and extra-regional powers compete for influence in Bangladesh, Dhaka has endeavored to maintain a delicate balance with all these powers to safeguard its sovereignty and national interests. As global power gradually shifts toward the East, it raises the question of what would happen if the world reverted to a bipolar structure, with the U.S. leading one group (Bloc A) and China (and Russia) leading the other (Bloc B). In such a scenario, should Bangladesh align itself with one of the blocs, remain committed to the Non-Aligned Movement (NAM), or continue balancing relations with all blocs? For the betterment of Bangladesh's future, it is crucial to address the advantages and disadvantages of each option in detail.

Alignment with a single bloc

Aligning with a power bloc might be challenging for Bangladesh for multiple reasons. This predicament arises from the nation's heavy reliance on foreign trade, investments, loans, and aid. Western countries, particularly the United States, are Bangladesh's largest trade partners. The U.S. and European countries collectively serve as the primary destinations for most of Bangladesh's garment products, resulting in the country's second most significant source of foreign earnings. Conversely, China has made substantial investments in Bangladesh, fostering strong bilateral relations. Similarly, Russia plays a pivotal role as a major supplier of military weapons and

equipment and serves as a key development partner in various projects, including the nuclear power plant initiative.

As Chinese influence continues to grow in Bangladesh, India, the dominant regional power and largest trade partner in South Asia, closely observes the engagement between Beijing and Dhaka on numerous issues [Jha, 2011]. Moreover, India exerts a significant influence over Bangladesh's domestic and foreign policy-making processes. Indian policymakers consistently express serious concerns about Dhaka's potential over-reliance on China, citing security concerns related to its geographically isolated northeastern states. Consequently, Bangladesh faces significant challenges in evading India's involvement in matters that align with Indian regional interests. Given the nation's dependence on external resources, there remains a pressing need for substantial foreign investments and loans across various sectors and infrastructure projects. In this context, only China has expressed a commitment to fulfilling these needs through considerable investment, while other countries, such as India and the USA, have either shown disinterest or lack the capacity to support Bangladesh adequately, as noted by Md. Touhid Hossain.

Given these factors, Bangladesh must diligently analyze its policies, strategies, and interests in the context of major global powers. Before establishing alignment with any bloc, it is crucial for Bangladesh to perform thorough strategic evaluations to determine the feasibility and attractiveness of potential alliances.

First, the possibility of India joining a Chinese-led bloc remains uncertain. India has been actively collaborating with regional and extra-regional partners through initiatives like the QUAD to counter Beijing's influence in the Indo-Pacific. Given this backdrop, a pertinent question arises: is it possible for Bangladesh to bypass New Delhi in favor of aligning itself with Chi-

na? The answer is intricate; Dhaka's geographical closeness to India complicates any efforts to bypass its neighbor, while the country's considerable reliance on Chinese imports and the extensive Chinese investments in infrastructure projects further complicate this dynamic.

Second, the ongoing conflict between Russia and Ukraine has significantly shifted the global order. Despite its active collaboration with the United States through initiatives like the QUAD and other partnerships, India has chosen not to impose sanctions on Russia and has instead strengthened its ties with Moscow. Moreover, India's key role in BRICS, which includes China as a major member, adds another layer to this dynamic. Thus, experts do not rule out the possibility of India aligning more closely with China, particularly as both countries work collaboratively to contest the dominance of the U. S. dollar in international trade. In this context, would it be practical for Bangladesh to align itself with this bloc? The answer leans towards an affirmative stance; however, Bangladesh must identify alternative export markets for its goods or engage in negotiations with Western buyers.

Third, Bangladeshi experts are closely analyzing China's broader policies and recent initiatives in Myanmar, such as the construction of a deep-sea port in the Rakhine Province. These initiatives may serve as a strategic counterbalance to the influence exerted by India and Western nations in the region. However, if China successfully implements these projects, what consequences might this have for the Rohingya Muslim population? Furthermore, how would Dhaka manage its diplomatic relations with both China and Myanmar if the prospects for Rohingya repatriation appear bleak? Would aligning with the U. S. bloc represent a judicious strategy for Dhaka? To adequately address these inquiries, it is essential to evaluate the positions of China, Russia, and India concerning the Rohing-

yas in the near future before committing to any geopolitical alignment.

Fourth, the historical connection between Bangladesh and Moscow is deeply embedded in the substantial support offered by the former Soviet Union during the nation's fight for independence. In the contemporary context, Russia has committed resources to various developmental and infrastructural projects in Bangladesh, notably involving a nuclear power plant, in addition to supplying military equipment. Should Bangladesh pursue alignment with a particular geopolitical bloc, it is reasonable to expect that such a development would not be welcomed by Moscow, potentially leading to strained diplomatic relations in light of Russia's connections with opposing factions to U. S. interests.

Finally, if Dhaka were to join any bloc while India remains neutral and refrains from aligning with any power bloc, would this be a wise decision for Bangladesh? In this scenario, if Bangladesh avoids policies that could jeopardize Indian sovereignty and interests in the region, it may not pose significant concerns for Bangladeshi policymakers.

Joining the non-alignment bloc

During the Cold War, Bangladesh aligned itself with the Non-Aligned Movement (NAM), joining many other Asian nations and remaining a member of the movement. However, Riaz [Riaz, 2022] argues that Dhaka has never been entirely neutral in its foreign relations. If Bangladesh is faced with a decision in the near future between aligning with a bloc or remaining neutral and opts to work under the NAM, what potential impacts could this have on the country? In such a scenario, Bangladesh may experience pressure from both sides, although this could be alleviated if more neighboring and developing countries also align with and work alongside the movement.

If Bangladesh and India remain committed to working under NAM, Dhaka's security concerns might be somewhat alleviated. Conversely, if New Delhi aligns with one bloc while Naypyidaw aligns with another – potentially allowing China access to land or ports in the Rakhine province – what actions might Bangladesh take? Would maintaining neutrality be a viable policy when its two neighboring countries are pursuing divergent paths? In this context, Dhaka should adopt a robust foreign policy stance, given its strategic importance to both nations, and navigate these challenges effectively.

Another important factor to consider is the potential alignment of all ASEAN member countries with the Non-Aligned Movement (NAM), along with all SAARC nations. In this scenario, it is unlikely that anyone would oppose Bangladesh's decision to work under NAM. However, the influence of major powers like the USA and China in South Asian countries such as Pakistan, Nepal, and Sri Lanka raises questions about whether these nations will align with or distance themselves from any bloc. While many countries in South and Southeast Asia may express a desire to join NAM, Bangladesh could face significant challenges due to its extensive bilateral relationships with major powers like the U.S., China, and Russia. If these powers decide to limit their cooperation with Dhaka, how many viable alternatives would Bangladesh have? In today's interconnected world, particularly in economic terms, Bangladesh must seek new markets globally. Nevertheless, it is assumed that no single power would completely sever its bilateral relations with Dhaka, as they must consider their own interests in the region.

Hedging relations with great powers

In recent years, Bangladesh has reinforced its balancing foreign policy approach towards major powers, considering its multifaceted interests, which include

safeguarding national sovereignty, territorial integrity, and advancing economic pursuits. Dhaka's astute decision to warmly embrace key powers, thereby attracting substantial investments for infrastructural development projects throughout the country, is widely regarded as a prudent move for Bangladesh. Furthermore, Bangladesh has skillfully exploited the rivalries among major powers to its advantage, deftly navigating regional competition and forging balanced relationships with them. Notably, Professor Nasir Uddin and many other Bangladeshi experts advocate for a perpetually balanced stance towards all powers. However, the sustainability of such a hedging approach for Bangladesh remains in question. Bangladeshi foreign policy experts, including Riaz Ali and Shahidul Alam, assert that Dhaka presently adheres to a '*pragmatic*' foreign policy, striving to maintain relations with all powers. Nonetheless, politicians and academics like Colonel Oli Ahmed and Ali Riaz contend that the Awami League government under Sheikh Hasina's regime has significantly tilted Bangladesh towards India (and China).

Recent developments in Bangladesh, including the formation of an interim government following Sheikh Hasina's resignation amid widespread student protests, have generated significant scholarly debate. It appears that the current interim administration is more likely to align with Western ideals, such as democracy, human rights, and freedom of speech. This foreign policy orientation may persist with future governments. However, this does not imply that relationships with other powers – namely India, China, and Russia – will diminish, given the region's shifting geopolitical landscape and Bangladesh's strategic significance.

There are legitimate concerns that while hedging relationships may be effective in the short term, Bangladesh could eventually be compelled to choose a definitive

alignment. This process seems to be underway. Therefore, it is crucial for Bangladesh to navigate these challenges strategically and work towards enhancing its leverage to avoid becoming ensnared in the geopolitical maneuvers of major powers.

Conclusion

Bangladesh's emergence as a significant player in South Asia constitutes a noteworthy development, primarily due to its strategic location at the heart of South and Southeast Asia. This positioning has rendered the country a focal point for regional and global powers competing for influence. The nation's economic growth and access to the Bay of Bengal have further amplified its strategic importance to major nations. Fortunately, Bangladesh has managed to maintain favorable relations with most countries in the region. However, various factors, including trade barriers and the Rohingya crisis, have impeded progress despite efforts to strengthen bilateral ties and economic cooperation with both SAARC and ASEAN countries.

The recent geopolitical competition and adversarial behavior among major powers such as India, China, the USA, and Russia in the region have placed Bangladesh in a precarious position. While Dhaka continues to pursue a moderate foreign policy and play a significant role in regional politics and the economy, there are doubts about how long it can sustain such a delicate balance. While maintaining good relations with all powers may work in the short term, it may become unsustainable in the long run, potentially necessitating a decision to align with a specific group of powers or maintain neutrality while balancing relations with all.

In this context, India's influence is crucial in shaping Bangladesh's decision-making process due to its geographical proximity and established connections in domestic politics, culture, and the economy.

There is speculation that New Delhi may collaborate with Washington to counteract Beijing's growing influence in the region. However, the possibility of India aligning with China through their partnership in BRICS cannot be dismissed. Recent developments in Bangladesh raise important questions about its future foreign policy – whether it will align with a particular bloc or maintain a neutral stance through a strategy of hedging.

In view of these dynamics, Bangladesh should carefully assess its long-term policies and strategies to proficiently navigate the intricacies of regional and global power rivalries and maintain a positive developmental trajectory.

References

- Abul Hasan M. (2024). Bangladesh's Hedging Foreign Relations: The Dilemmas of a Weak State. *Asia and Africa Today*. No. 4, pp. 39–46. DOI: 10.31857/S032150750030606-8.
- Ahmed I. (2007). Bangladesh Foreign Policy: Constraints, Compulsions and Choices. *BISS Journal*. Vol. 32, no. 3, pp. 207–218.
- Ahmed M.N.U, Kabir M.R., Jyoti T.A. (2022). Promising Relationship between Bangladesh and Russia. *Saudi Journal of Humanities and Social Sciences*. Vol. 7, no. 3, pp. 94–103. DOI: 10.36348/sjhss.2022.v07i03.004.
- Ansari M.T., Baghernia N. (2021). The Nature of India and China's Rivalries in South Asia. *Journal of Subcontinent Researches*. Vol. 13, no. 41, pp. 9–26. DOI: 10.22111/JSR.2020.30757.1975.
- Anwar A. (2020). South Asia and China's Belt and Road Initiative: Security Implications and Ways Forward. In: Vuving A.L. (eds.). *Hindsight, Insight, and Foresight: Thinking About Security in the Indo-Pacific*. Honolulu: Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies, pp. 161–178.

- Bose S. (2023). Why is Bangladesh Important in India's G20 Presidency? *ORF*. February 15. Available at: <https://www.orfonline.org/expert-speak/why-is-bangladesh-important-in-indias-g20-presidency>, accessed 05.05.2024.
- Chakma B. (2019). The BRI and Sino-Indian Geo-Economic Competition in Bangladesh: Coping Strategy of a Small State. *Strategic Analysis*. Vol. 43, no. 3, pp. 227–239. DOI: 10.1080/09700161.2019.1599567.
- Chakma B. (2020). *South Asian Regionalism: The Limits of Cooperation*. Bristol: Bristol University Press, 250 pp.
- Chaudhury A.B.R. (2020). Re-Connecting Neighbours: India-Bangladesh Relations. *Indian Foreign Affairs Journal*. Vol. 15, no. 3, pp. 219–227.
- China and South Asia... (2022). Ranjan R., Changgang G. (eds.). *China and South Asia: Changing Regional Dynamics, Development and Power Play*. Abingdon, New York: Routledge, 304 pp. DOI: 10.4324/9780367855413.
- Datta S.K. (2021). China – Bangladesh – India Triangular Cooperation: Options for Bangladesh. *Journal of Indian Research*. Vol. 9, no. 1 & 2, pp. 1–14.
- Fair C.C. (2018). Rohingya: Victims of a Great Game East. *The Washington Quarterly*. Vol. 41, no. 3, pp. 63–85. DOI: 10.1080/0163660X.2018.1519356.
- Faruque T. (2018). Sino-Indian Geo-strategic Competition: Bangladesh Perspective. *ELK Asia Pacific Journal of Social Science*. Vol. 5, no. 1. DOI: 10.16962/EAP-JSS/issn.
- Halim A. (2023). Protracted Rohingya Crisis in Bangladesh: Exploring National and International Security Implications. *Journal of South Asian Studies*. Vol. 11, no. 3, pp. 217–229. DOI: 10.33687/jjas.011.03.4609.
- Hossain D., Islam M.S. (2021). Understanding Bangladesh's relations with India and China: dilemmas and responses. *Journal of the Indian Ocean Region*. Vol. 17, no. 1, pp. 42–59. DOI: 10.1080/19480881.2021.1878582.
- Hossain N. (2021). The geopolitics of bare life in 1970s Bangladesh. *Third World Quarterly*. Vol. 42, no. 11, pp. 2706–2723. DOI: 10.1080/01436597.2021.1954902.
- Hossain S.M. (2013). Impacts of BIMSTEC Free Trade Area: A CGE Analysis. *Journal of Economics and Sustainable Development*. Vol. 4, no. 13, pp. 16–28.
- Houda M. N. (2020). Domestic Inputs in Bangladesh Foreign Policy: An Overview. *Ideas International Journal of Literature Arts Science and Culture*. Vol. 5, pp. 152–167.
- Hussain I. (2019). *South Asia in Global Power Rivalry: Inside-out Appraisals from Bangladesh*. London: Palgrave Macmillan, 333 pp.
- Jha N.K. (2011). Domestic Bases of Foreign Policy: Bangladesh's Policy towards India. In: Sridharan E. (eds.). *International Relations Theory and South Asia*. New Delhi: Oxford University Press, pp. 260–297.
- Karim S., Uddin M.J. (2016). Foreign Policy of Bangladesh: Emerging Challenges. *BISS Journal*. Vol. 37, no. 4, pp. 339–362.
- Khan Z. (2021). The effects of US – China competing strategies in Asia-Pacific on India and Pakistan rivalry in the South Asian region. *Asian Journal of Comparative Politics*. Vol. 7, no. 4, pp. 1–19. DOI: 10.1177/20578911211021155.
- Khanam S.S., Ali M.M. (2022). Foreign Policies towards Rohingya Refugees: A Comparative Study of Bangladesh and Myanmar. *Asian Journal of Social Sciences and Legal Studies*. Vol. 4, no. 5, pp. 178–188. DOI: 10.34104/ajssls.022.01780188.
- Kuchhal T. (2022). Geopolitical Factors Affecting Trade between South Asian Countries and India – China. *International Journal of Social Science and Economic Research*. Vol. 7, no. 7, pp. 219–229. DOI: 10.46609/IJSSER.2022.v07i07.020.
- Mallick A.H. (2020). Rohingya Refugee Repatriation from Bangladesh: A Far Cry

from Reality. *Journal of Asian Security and International Affairs*. Vol. 7, no. 2, pp. 202–226. DOI: 10.1177/2347797020938983

Nayak S.A. (2024). Sub-Regional Resuscitation in South Asia: Enlivening the BIMSTEC. In: Raju A.S., Srinivasan R. (eds.). *The Routledge Handbook of South Asia: Region, Security and Connectivity*. Abingdon and New York: Routledge, pp. 311–325. DOI: 10.4324/9781003279662-25.

Nuruzzaman M. (2023). Bangladesh and the Rohingya Crisis: The Need for a Long-Term Strategy. *The Washington Quarterly*. Vol. 46, no. 3, pp. 65–79. DOI: 10.1080/0163660X.2023.2260595.

Ogden C. (2022). India's Relations with her Neighbors. In: Ganguly S., O'Donnell F. (eds.). *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia*. London, New York: Routledge, pp. 289–300. DOI: 10.4324/9781003246626-25.

Paul A. (2020). Regional cooperation in South Asia: Exploring the three pillars of regionalism and their relevance. *The Journal of Indian and Asian Studies*. Vol. 1, no. 2, pp. 1–22. DOI: 10.1142/S2717541320500084.

Paul T.V. (2019). When Balance of Power Meets Globalisation: China, India and the Small States of South Asia. *Politics*. Vol. 39, no. 1, pp. 50–63. DOI: 10.1177/0263395718779930.

Rahman M.S. (2016). Bangladesh and its Neighbors. In: Riaz A., Rahman M.S. (eds.). *Routledge Handbook of Contemporary Bangladesh*. London, New York: Routledge, pp. 378–388.

Rajagopalan R. (2022). Realist Approaches to the Study of International Relations of South Asia. In: Ganguly S., O'Donnell F. (eds.). *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia*. London, New York: Routledge, pp. 7–19. DOI: 10.4324/9781003246626-3.

Riaz A. (2022). Bangladesh's International Relations with South Asia and Beyond. In: Ganguly S., O'Donnell F. (eds.). *Routledge Handbook of the Inter-*

national Relations of South Asia. London, New York: Routledge, pp. 258–274. DOI: 10.4324/9781003246626-23.

Sahoo P. (2013). Economic Relations with Bangladesh: China's Ascent and India's Decline. *South Asia Research*. Vol. 33, no. 2, pp. 123–139. DOI: 10.1177/0262728013487632.

Saimun R. (2020). The Prospect of Belt and Road Initiative in the Context of Bangladesh. *China Report*. Vol. 56, no. 4, pp. 464–483. DOI: 10.1177/0009445520930396.

Saimun R., Talukder M.A.R. (2022). The Rohingya Crisis in the Context of Sino-Indian Geopolitical Competition in Myanmar. *Journal of Bangladesh and Global Affairs*. Vol. 1, no. 3, pp. 87–104.

Saleem A. (2012). Prospects and Hurdles Towards Energizing SAARC. In: Delinic T., Pandey N.N. (eds.). *Towards a More Cooperative South Asia*. Kathmandu: Center for South Asian Studies and Konrad Adenauer Stiftung, pp. 64–74.

Shahriar S., Luong H.T. (2023). Bangladesh's Rohingya Refugee Crisis: Perspectives from the Belt and Road Initiative. *Asian Profile*. Vol. 51, no. 1, pp. 15–31.

Shankar M. (2022). The Evolution of the India-Pakistan Rivalry. In: Ganguly S., O'Donnell F. (eds.). *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia*. London, New York: Routledge, pp. 104–115. DOI: 10.4324/9781003246626-11.

Singh P. S. (2012). China in South Asia and India's Apprehensions. In: Delinic T., Pandey N.N. (eds.). *Towards a More Cooperative South Asia*. Kathmandu: Center for South Asian Studies and Konrad Adenauer Stiftung, pp. 49–63.

The Routledge Handbook... (2024). Raju A.S., Srinivasan R. (eds.). *The Routledge Handbook of South Asia: Region, Security and Connectivity*. Abingdon, New York: Routledge, 412 pp. DOI: 10.4324/9781003279662.

Trapa S. (2023). Protracted Rohingya Crisis in Bangladesh: Are National and Regional Security at Stake? *Asian Research Journal of Arts & Social Sciences*. Vol. 20, no. 2, pp. 46–60. DOI: 10.9734/arjass/2023/v20i2446.

Yasmin L. (2016). Bangladesh and the Great Powers. In: Riaz A., Rahman M.S. (eds.). *Routledge Handbook on Contemporary Bangladesh*. London, New York: Routledge, pp. 389–401.

Yasmin L. (2019). Development of International Relations at the Periphery: The Case of Bangladesh. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 19, no. 2, pp. 247–255. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-247-255.

Yasmin L. (2022). Foreign Policy of Bangladesh: From Chrysalis of a State to an Emerging Middle Power. *Journal of International Relations*. Vol. 15, no. 1–2, pp. 23–53. DOI: 10.56312/DUJIR15e1n2e2.

УДК: 327(549.3)

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.06

Исследование сложного будущего Бангладеш в контексте региональной геополитической динамики

Мд АБУЛ ХАСАН

аспирант Аспирантской школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Малая Ордынка, д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 115184

E-mail: habul@hse.ru

ORCID: 0000-0001-7008-4228

ЦИТИРОВАНИЕ: Абул Хасан М. Исследование сложного будущего Бангладеш в контексте региональной геополитической динамики // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2024. Т. 17. № 3. С. 110–127.

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.06

Статья поступила в редакцию 14.07.2024.

Исправленный текст представлен 17.08.2024.

АННОТАЦИЯ. Бангладеш служит важным связующим звеном между Южной и Юго-Восточной Азией и имеет важное стратегическое значение для всех основных региональных и глобальных игроков. Цель данной статьи – проанализировать будущее Бангладеш в контексте сложной региональной динамики и внешнеполитических реакций самой страны на них. Автор

исследует, как растущая геополитическая конкуренция и соперничество между крупными державами, наряду с их значительным влиянием на Бангладеш, порождают серьезные проблемы для страны. Чтобы понять стратегию Дакки в отношении этих держав, в исследовании проведен подробный обзор новейшей научной литературы, полевых исследований и углубленных ин-

тервью. Анализ показывает, что Бангладеш проводит умеренную внешнюю политику, чтобы поддерживать отношения со всеми ключевыми региональными и внерегиональными державами. Тем не менее способность Дакки эффективно проводить свою внешнюю политику сдерживается ее неспособностью создать рычаги влияния на доминирующие державы. В статье делается вывод о том, что влияние ключевых держав на политический ландшафт Бангладеш может привести к тому, что страна присоединится к определенному силовому блоку или сохранит нейтралитет в ближайшем будущем – в зависимости от меняющейся региональной и глобальной политической динамики. Таким образом, исследование предполагает, что, разрабатывая свои краткосрочные и долгосрочные планы и стратегии, Бангладеш может создать рычаги влияния и оставаться на правильном пути, не попадая в ловушку геополитики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Бангладеш, Южная Азия, хеджирование международных отношений, геополитика, соперничество, Движение неприсоединения.

Список литературы

- Abul Hasan M. Bangladesh's Hedging Foreign Relations: The Dilemmas of a Weak State // Азия и Африка сегодня. – 2024. – № 4. – С. 39–46. – DOI: 10.31857/S032150750030606-8.
- Ahmed I. Bangladesh Foreign Policy: Constraints, Compulsions and Choices // BISS Journal. – 2007. – Vol. 32, N 3. – P. 207–218.
- Ahmed M.N.U, Kabir M.R., Jyoti T.A. Promising Relationship between Bangladesh and Russia // Saudi Journal of Humanities and Social Sciences. – 2022. – Vol. 7, N 3. – P. 94–103. – DOI: 10.36348/sjhss.2022.v07i03.004.
- Ansari M.T., Baghernia N. The Nature of India and China's Rivalries in South Asia // Journal of Subcontinent Researches. – 2021. – Vol. 13, N 41. – P. 9–26. – DOI: 10.22111/JSR.2020.30757.1975.
- Anwar A. South Asia and China's Belt and Road Initiative: Security Implications and Ways Forward // Hindsight, Insight, and Foresight: Thinking About Security in the Indo-Pacific / Ed. by A.L. Vuving. – Honolulu : Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies, 2020. – P. 161–178.
- Bose S. Why is Bangladesh Important in India's G20 Presidency? // ORF. – 2023. – February 15, 2023. – URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/why-is-bangladesh-important-in-indias-g20-presidency> (дата обращения: 05.05.2024).
- Chakma B. South Asian Regionalism: The Limits of Cooperation. – Bristol : Bristol University Press, 2020. – 250 p.
- Chakma B. The BRI and Sino-Indian Geo-Economic Competition in Bangladesh: Coping Strategy of a Small State // Strategic analysis. – 2019. – Vol. 43, N 3. – P. 227–239. – DOI: 10.1080/09700161.2019.1599567.
- Chaudhury A.B.R. Re-Connecting Neighbours: India-Bangladesh Relations // Indian Foreign Affairs Journal. – 2020. – Vol. 15, N 3. – P. 219–227.
- China and South Asia: Changing Regional Dynamics, Development and Power Play / Ed by R. Ranjan, G. Changgang. – Abingdon, New York : Routledge, 2022. – 304 p. DOI: 10.4324/9780367855413.
- Datta S. K. China – Bangladesh – India Triangular Cooperation: Options for Bangladesh // Journal of Indian Research. – 2021. – Vol. 9, N 1 & 2. – P. 1–14.
- Fair C.C. Rohingya: Victims of a Great Game East // The Washington Quarterly. – 2018. – Vol. 41, N 3. – P. 63–85. – DOI: 10.1080/0163660X.2018.1519356.
- Faruque T. Sino-Indian Geostrategic Competition: Bangladesh Perspective // ELK Asia Pacific Journal of Social Science. –

2018. – Vol. 5, N 1. – DOI: 10.16962/EAPJSS/issn.

Halim A. Protracted Rohingya Crisis in Bangladesh: Exploring National and International Security Implications // *Journal of South Asian Studies*. – 2023. – Vol. 11, N 3. – P. 217–229. – DOI: 10.33687/jsas.011.03.4609.

Hossain D., Islam M.S. (2021). Understanding Bangladesh's relations with India and China: dilemmas and responses // *Journal of the Indian Ocean Region*. – 2021. – Vol. 17, N 1. – P. 42–59. – DOI: 10.1080/19480881.2021.1878582.

Hossain N. The geopolitics of bare life in 1970s Bangladesh // *Third World Quarterly*. – 2021. – Vol. 42, N 11. – P. 2706–2723. – DOI: 10.1080/01436597.2021.1954902.

Hossain S.M. Impacts of BIMSTEC Free Trade Area: A CGE Analysis // *Journal of Economics and Sustainable Development*. – 2013. – Vol. 4, N 13. – P. 16–28.

Houda M.N. Domestic Inputs in Bangladesh Foreign Policy: An Overview // *Ideas International Journal of Literature Arts Science and Culture*. – 2020. – Vol. 5. – P. 152–167.

Hussain I. South Asia in Global Power Rivalry: Inside-out Appraisals from Bangladesh. – London : Palgrave Macmillan, 2019. – 333 p.

Jha N.K. Domestic Bases of Foreign Policy: Bangladesh's Policy towards India // *International Relations Theory and South Asia* / Ed. by E. Sridharan. – New Delhi : Oxford University Press, 2011. – P. 260–297.

Khan Z. The effects of US–China competing strategies in Asia-Pacific on India and Pakistan rivalry in the South Asian region // *Asian Journal of Comparative Politics*. – 2021. – Vol. 7, N 4. – P. 1–19. – DOI:10.1177/20578911211021155.

Khanam S.S., Ali M.M. Foreign Policies towards Rohingya Refugees: A Comparative Study of Bangladesh and Myanmar // *Asian Journal of Social Sciences and Legal Studies*. – 2022. – Vol. 4, N 5. – P. 178–188. – DOI: 10.34104/ajssls.022.01780188.

Karim S., Uddin M.J. Foreign Policy of Bangladesh: Emerging Challenges // *BISS Journal*. – 2016. – Vol. 37, N 4. – P. 339–362.

Kuchhal T. Geopolitical Factors Affecting Trade between South Asian Countries and India – China // *International Journal of Social Science and Economic Research*. – 2022. – Vol. 7, N 7. – P. 219–229. – DOI: 10.46609/IJSSER.2022.v07i07.020.

Mallick A.H. Rohingya Refugee Repatriation from Bangladesh: A Far Cry from Reality // *Journal of Asian Security and International Affairs*. – 2020. – Vol. 7, N 2. – P. 202–226. – DOI: 10.1177/2347797020938983.

Nayak S. A Sub-Regional Resuscitation in South Asia: Enlivening the BIMSTEC // *The Routledge Handbook of South Asia: Region, Security and Connectivity* / Ed. by A.S. Raju, R. Srinivasan. – Abingdon, New York : Routledge, 2024. – P. 311–325. – DOI: 10.4324/9781003279662-25.

Nuruzzaman M. Bangladesh and the Rohingya Crisis: The Need for a Long-Term Strategy // *The Washington Quarterly*. – 2023. – Vol. 46, N 3. – P. 65–79. – DOI: 10.1080/0163660X.2023.2260595.

Ogden C. (2022). India's Relations with her Neighbors // *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia* / Ed. by S. Ganguly, F. O'Donnell. – London, New York : Routledge, 2022. – P. 289–300. – DOI: 10.4324/9781003246626-25.

Paul A. Regional cooperation in South Asia: Exploring the three pillars of regionalism and their relevance // *The Journal of Indian and Asian Studies*. – 2020. – Vol. 1, N 2. – P. 1–22. – DOI: 10.1142/S2717541320500084.

Paul T.V. When Balance of Power Meets Globalisation: China, India and the Small States of South Asia // *Politics*. – 2019. – Vol. 39, N 1. – P. 50–63. – DOI: 10.1177/0263395718779930.

Rahman M.S. Bangladesh and its Neighbors // *Routledge Handbook of Contemporary Bangladesh* / Ed. by A. Riaz,

M.S. Rahman. – London, New York : Routledge, 2016. – P. 378–388.

Rajagopalan R. Realist Approaches to the Study of International Relations of South Asia // *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia* / Ed. by S. Ganguly, F. O'Donnell. – London, New York : Routledge, 2022. – P. 7–19. – DOI: 10.4324/9781003246626-3.

Riaz A. Bangladesh's International Relations with South Asia and Beyond // *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia* / Ed. by S. Ganguly, F. O'Donnell. – London, New York : Routledge, 2022. – P. 258–274. – DOI: 10.4324/9781003246626-23.

Sahoo P. Economic Relations with Bangladesh: China's Ascent and India's Decline // *South Asia Research*. – 2013. – Vol. 33, N 2. – P. 123–139. – DOI: 10.1177/0262728013487632.

Saimun R. The Prospect of Belt and Road Initiative in the Context of Bangladesh // *China Report*. – 2020. – Vol. 56, N 4. – P. 464–483. – DOI: 10.1177/0009445520930396.

Saimun R., Talukder M.A.R. The Rohingya Crisis in the Context of Sino-Indian Geopolitical Competition in Myanmar // *Journal of Bangladesh and Global Affairs*. – 2022. – Vol. 1, N 3. – P. 87–104.

Saleem A. Prospects and Hurdles Towards Energizing SAARC // *Towards a More Cooperative South Asia* / Ed. by T. Delinic, N.N. Pandey. – Kathmandu : Center for South Asian Studies and Konrad Adenauer Stiftung, 2012. – P. 64–74.

Shahriar S., Luong H.T. Bangladesh's Rohingya Refugee Crisis: Perspectives from the Belt and Road Initiative // *Asian Profile*. – 2023. – Vol. 51, N 1. – P. 15–31.

Shankar M. The Evolution of the India-Pakistan Rivalry // *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia* / Ed. by S. Ganguly, F. O'Donnell. – London, New York : Routledge, 2022. – P. 104–115. – DOI: 10.4324/9781003246626-11.

Singh P. S. China in South Asia and India's Apprehensions // *Towards a More Cooperative South Asia* / Ed. by T. Delinic, N.N. Pandey. – Kathmandu : Center for South Asian Studies and Konrad Adenauer Stiftung, 2012. – P. 49–63.

The Routledge Handbook of South Asia: Region, Security and Connectivity / Ed. by A.S. Raju, R. Srinivasan. – Abingdon, New York : Routledge, 2024. – 412 p. – DOI: 10.4324/9781003279662.

Trapa S. Protracted Rohingya Crisis in Bangladesh: Are National and Regional Security at Stake? // *Asian Research Journal of Arts & Social Sciences*. – 2023. – Vol. 20, N 2. – P. 46–60. – DOI: 10.9734/arjass/2023/v20i2446.

Yasmin L. Bangladesh and the Great Powers // *Routledge Handbook on Contemporary Bangladesh* / Ed. by A. Riaz and M.S. Rahman. – London, New York : Routledge, 2016. – P. 389–401.

Yasmin L. Development of International Relations at the Periphery: The Case of Bangladesh // *Vestnik RUDN. International Relations*. – 2019. – Vol. 19, N 2. – P. 247–255. – DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-247-255.

Yasmin L. Foreign Policy of Bangladesh: From Chrysalis of a State to an Emerging Middle Power // *Journal of International Relations*. – 2022. – Vol. 15, N 1–2. – P. 23–53. – DOI: 10.56312/DU-JIR15e1n2e2.

Постсоветское пространство

УДК 339.5(47+57:597)

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.07

Соглашение о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом: ожидания и реальность

Владимир Моисеевич МАЗЫРИН

доктор экономических наук, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, главный научный сотрудник

Институт Китая и современной Азии РАН

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: mazyrin_v@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6988-0139

ЦИТИРОВАНИЕ: Мазырин В.М. Соглашение о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом: ожидания и реальность // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 128–148.
DOI: 10.31249/kgt/2024.03.07

Статья поступила в редакцию 27.05.2024.

Исправленный текст представлен 10.07.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье дан анализ выполнения Соглашения о свободной торговле (ССТ) между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Социалистической Республикой Вьетнам (СРВ) с упором на современный этап и влияние на этот процесс западных санкций против России. Охарактеризовано состояние научного изучения темы в России и СРВ, выделены проблемные аспекты. Показаны геополитические и экономические эффекты соглашения для ЕАЭС и Вьетнама. При рассмотрении торговых отношений сторон выявлены их динамика, объемные показатели и вклад отдельных членов Союза, номенклатура и структура товарных потоков. Кратко изложены оценки инвестиционного обмена, иных форм экономического сотрудничества сторон, представляющих стандартные элементы ССТ. Раскрыты трудности и препятствия, стоящие перед участниками, приведены уроки реализации ССТ для России и ЕАЭС. Со-

гласно выводам автора, соглашение с СРВ достигло ряда поставленных целей, но не раскрыло обещанных преимуществ либерализации потока товаров, услуг, капитала. Признано, что в 2022–2023 гг. эти результаты обусловлены в большей мере санкционной политикой Запада, заметно отстают от ожиданий и расчетов, означают торможение торговли и инвестиций между участниками ССТ. Товарообмен, став главной формой взаимодействия, отмечен растущим весом России и Вьетнама, притом демонстрирует противоречивые тенденции в части как экспорта, так и импорта, невыгодное для нашей стороны изменение структуры внешней торговли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вьетнам, ЕАЭС, Россия, формы и результаты экономического сотрудничества, товарооборот, прямые иностранные инвестиции, влияние западных санкций, эффекты и уроки реализации соглашения.

Введение

Содержание, значение и ход реализации Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом в нашей стране изучены достаточно подробно за тот период, что оно действует¹. В меньшей степени проведен анализ процессов самых последних лет, воздействия западных санкций против России и их восприятия в Социалистической Республике Вьетнам. В целом большое внимание обусловлено актуальностью данной темы, экономическим значением запущенных процессов, не говоря о геополитических аспектах соглашения. Вопросам торговли на основе ССТ посвящены серия академических работ, включая статьи автора настоящего обзора [Мазырин, 2016; Мазырин, 2018], исследования других ученых России [Пылин, 2017; Хейфец, 2017; Kokushkina, 2017; Федоров, 2018; Вардомский, 2021; Мосяков, 2022; Ревенко, 2022; Тураева, Яковлев, 2023], в том числе с участием вьетнамских коллег [Шпаковская, Куклин, Ву Тхуи Чанг, 2018; Степанов, Плетнев, Фам Ван Дук, 2019; Павловская, Шаврук, До Хьонг Лан, 2020; Новикова, Нгуен Хьу Фу, Ле Хоанг Ань, 2023], самостоятельные публикации вьетнамских ученых [Динь Мань Туан, 2020; Nguyen Hung Cuong, 2022]. Тема стала настолько популярна, что к ее разработке подключились не только вьетнамоведы и экономисты столичных вузов, но и преподаватели из региональных вузов – руководители научных работ студентов из CPB. Это снизило глубину анализа, вызвало повторы, заимствования, ошибки и упущения.

Характерной чертой большинства публикаций российских и вьетнамских

авторов является приукрашивание реальной картины, преувеличение достигнутых результатов. Это вызвано следованием официальным установкам двух сторон о неизбежности успеха, пользе такого сотрудничества, стремлением выявить его преимущества и нераскрытый потенциал. Некоторые авторы прямо ставят цель при оценке двусторонней торговли «уделить основное внимание *положительным аспектам* (курсив мой – В. М.) экономических взаимоотношений России и Вьетнама» [Новикова, Нгуен Хьу Фу, Ле Хоанг Ань, 2023, с. 25]. Такой подход, конечно, допустим, но страдает необъективностью, не позволяет увидеть трудности и перспективы реализации соглашения, да и партнерства с Вьетнамом в целом в новых геополитических условиях.

В настоящей статье ставится задача исправить этот недостаток, показать фактические проблемы и итоги, раскрыть причины несбывшихся ожиданий, определить эффективность соглашения с Вьетнамом и его значение сегодня. При таком акценте мы не меняем свои прежние оценки на обратные: в первых же наших обзорах был сделан вывод о том, что прогресс, достигнутый в ходе имплементации ССТ, явно недостаточен [Мазырин, 2018, с. 67] и что оно служит интересам скорее геополитики, а не экономики [Мазырин, 2016, с. 79].

Общее значение ССТ для России и Вьетнама

Геополитические выгоды обеих сторон не вызывают никакого сомнения. Для ЕАЭС соглашение о свободной торговле с CPB – первое, реализованное в духе неолиберальных концептов

¹ Соглашение о свободной торговле ЕАЭС – Вьетнам было заключено в мае 2015 г. и вступило в силу осенью 2016 г. – URL: <https://wtocenter.vn/chuyen-de/4760-vietnam--eurasian-economic-union-fta-full-content> (дата обращения: 20.05.2024).

после вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО) и основанное на вере в преимущества ССТ, так как они воплощают западные стандарты построения внешнеэкономической деятельности (ВЭД). Отметим здесь и аналогичную мотивацию вьетнамского партнера.

В то время как готовилось соглашение, СРВ признавалась Москвой одним из главных и самых надежных партнеров России в Азии, показывала большие выгоды и перспективы экономического сотрудничества (в нефтегазовой, энергетической, иных сферах), выступала мостом в Юго-Восточную Азию и важным посредником сближения России с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Ханой всемерно поддерживал такое восприятие в своих интересах. Факт образования зоны свободной торговли (ЗСТ)² принес России заметные имиджевые дивиденды, поднял престиж нового союза, послужил посылом для самой масштабной инициативы России по реорганизации мирового порядка – создания Большого евразийского партнерства на основе связки ЕАЭС – ШОС – АСЕАН. Сегодня же неолиберальные постулаты явно растеряли в нашей стране своих сторонников (чего не скажешь о Вьетнаме), а кризис ВТО еще больше углубился на фоне грубого нарушения Западом его принципов. Вьетнам стал опорой политики в Юго-Восточной Азии (ЮВА) не России, но США и их союзников (включая Японию, Республику Корея, Тайвань). Такие кардинальные перемены заставляют по-новому взглянуть на предмет нашего исследования, подвергнуть переоценке перспективы торговли и иных экономических отношений с Вьетнамом.

Ханой также воспользовался выгодами соглашения с ЕАЭС. Оно было первым в своем роде с участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) – до этого Вьетнам установил такой формат торговли только со странами Восточной Азии. Более того, как считают вьетнамские ученые, оно помогло СРВ освоить стандарт ССТ нового поколения с крупной региональной организацией [*Динь Мань Туан*, 2020, с. 136]. Лишь затем последовали аналогичные и еще более радикальные соглашения с Европейским союзом (ЕС), странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и другими. Тогда отношения с Западом только набирали обороты, не оказывали столь сильного влияния на экономические, тем более политические решения Ханоя. Перспектива сближения с прежде главным союзником и антагонистом Запада, мы убеждены, заметно подняла авторитет, влияние в мире и в АСЕАН, в частности, рейтинг и значимость СРВ как перспективного партнера США, подтолкнув конкуренцию Вашингтона за него с Москвой. Всё это, наряду с прочими мерами по «открытию дверей» и стимулированию экономики, дало мощнейший эффект, выдвинуло Вьетнам в разряд новых азиатских «тигров», привело к увеличению ВВП в 2010-е годы в 3 раза, а темпов развития до 6–7% в среднем ежегодно³. Не случайно ожидался быстрый и мощный рост взаимной торговли, инвестиций и связанных форм делового и культурного обмена (туризма и пр.) с Россией. Также Ханой привлекало расширение доступа на рынки других стран СНГ. О степени ожиданий говорит постановка высшим руководством задачи довести взаимный товарооборот до 7 млрд долл. к 2015 г. и до 10 млрд долл. к 2020 г., хотя он не пре-

2 Соглашением создана зона свободной торговли, но мы придерживаемся принятой терминологии, рассматривая изучаемое явление как соглашение (ССТ).

3 Statistical Yearbook of Vietnam. 2022. – Hanoi, 2023. – P. 235, 243; Statistical Yearbook of Vietnam. 2011. – Hanoi, 2012. – P. 133.

Таблица 1. Трансформация товарооборота Вьетнама и ЕАЭС в 2015–2023 гг., млн долл. США

Table 1. Transformation of trade turnover between Vietnam and the EAEU in 2015–2023, USD million

ЕАЭС	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Россия, всего	2 183,86	2 745,30	3 553,39	4 577,5	4 502,7	4 914,7	5 507,3	3 547,3	3 632,0
Экспорт	1 140,21	1 617,37	2 167,79	2 446,4	2 667,6	2 849,2	3 203,5	1 558,2	1 744,3
Импорт	743,65	1 127,93	1 385,60	2 131,1	1 835,1	2 065,5	2 303,9	1 989,1	1 887,8
Белоруссия, всего	124,75	94,47	101,75	86,97	98,12	85,82	125,2	70,76	56,321
Экспорт	4,63	2,54	7,14	5,49	7,53	8,36	15,54	16,99	24,121
Импорт	120,12	91,93	94,61	81,48	90,59	77,46	109,63	53,77	32,131
Казахстан, всего	162,08	197,86	250,38	267,85	265,32	293,67	486,52	439,12	399,61
Экспорт	153,04	141,93	201,51	209,36	241,26	262,56	439,29	406,08	388,81
Импорт	9,04	56,93	48,87	58,49	24,08	31,11	47,23	33,04	10,79
Всего ЕАЭС*	2 470,69 (4 271,8)	3 037,76 (4 341,3)	3 905,52 (5 924,2)	4 932,32 (6 691,4)	4 866,14	5 294,19	6 119,02	4 057,18	4 087,93

Источник: Statistical Yearbook of Vietnam 2022. – Hanoi, 2023. – P. 736–738, 746–748; Главное статистическое управление Вьетнама. – URL: <https://www.gso.gov.vn/en/import-export> (дата обращения: 20.05.2024); ASEAN Statistics Portal. – URL: <https://data.aseanstats.org/trade-quarterly> (дата обращения: 20.05.2024).

Примечание: *без учета товарооборота с Арменией и Киргизией. В скобках приведены данные ЕАЭС. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (дата обращения: 20.05.2024).

вышел 2 млрд долл. США в 2010 г. [Ngui-
en Hung Siong, 2022, с. 1230].

Экономические эффекты ССТ ЕАЭС – Вьетнам оказались не столь очевидны. Чтобы понять, как далеко мы реально продвинулись на данном пути, обратимся к статистике: торговый оборот сторон едва превысил в 2023 г. 4 млрд долл., в том числе с Россией – 3,6 млрд долл. (таблица 1), а цель (теперь уже на 2030 г.) поставлена та же⁴ и, похоже, труднодостижимая. Фактически Россия отодвинулась на второстепенные позиции, что закономерно, учитывая объемы и динамику торговли Вьетнама с ведущими партнерами. Только с США и ЕС товарооборот достиг в 2023 г. 186 млрд долл., что выше показателя

КНР (176 млрд долл.). Это определяет политическое влияние наших оппонентов на Ханой, повысив его до такой степени, что вынуждает Вьетнам, опасаясь вторичных санкций в связи со специальной военной операцией (СВО), в основном соблюдать введенные Вашингтоном и ЕС ограничения на торговлю и прочие связи с Россией и Белоруссией.

В то же время по мере падения веса ЕАЭС/России как торговых партнеров Вьетнама снижалось их политическое значение для Ханоя, о чём косвенно говорит дистанцирование СРВ от иных интеграционных форматов России и ее сторонников. Вьетнам, сделав первый шаг по пути углубления сотрудничества с ЕАЭС, официально пока не под-

4 Вице-премьер Чернышенко: товарооборот между Россией и Вьетнамом должен достичь \$ 10 млрд к 2030 году // Газета.Ru. – 2023. – 6 апреля. – URL: [https://travel.rambler.ru/news/50512201-vitse-premer-chernyshenko-tovarooborot-mezhdu-rossiei-i-vietnamom-dolzhen-dostich-10-mlrd-k-2030-godu/](https://travel.rambler.ru/news/50512201/?utm_content=travel_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://travel.rambler.ru/news/50512201-vitse-premer-chernyshenko-tovarooborot-mezhdu-rossiei-i-vietnamom-dolzhen-dostich-10-mlrd-k-2030-godu/) (дата обращения: 06.04.2023).

Таблица 2. Товарооборот Вьетнама с ведущими партнерами в 2018–2023 гг., млн долл. США

Table 2. Vietnam's trade turnover with leading partners in 2018–2023, USD million

Место в рейтинге	Страна	Оборот в 2018 г.	Баланс, +/-	Оборот в 2023 г.	Баланс, +/-	Среднегодовые темпы роста, %
1	Китай	106 939,0	-24 207,4	175 569,2	-60 164,0	12,5
2	США	60 277,3	34 782,1	123 859,5	94 918,3	16,4
3	Республика Корея	65 869,9	-29 388,7	86 382,1	-37 795,1	3,6
4	АСЕАН	56 374,1	-7 025,7	81 304,8	-13 262,2	6,4
5	ЕС	55 935,0	28 636,3	62 169,9	31 488,7	4,3
6	Япония	37 941,8	-364,4	47 606,3	-858,7	4,3
7	Остров Тайвань	16 400,7	-10 085,9	27 749,2	-17 513,6	8,7
8	Индия	10 690,8	2 396,8	14 357,6	2 636,9	7,6
17*	Россия	4 577,5	315,3	3 547,3	-430,9	-4,7
	Всего*	480 567,6	6 830,2	678 521,2	38 437,6	8,8

Источник: Statistical Yearbook of Vietnam 2022. – Hanoi, 2023. – P. 736–738, 746–748.

Примечания: * годовые показатели Вьетнама в целом, рейтинг на 2023 г.

ключен к работе ОДКБ, запросил статус наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), изучает процесс расширения БРИКС. Это определяет глубину стратегического всеобъемлющего партнерства России с Вьетнамом.

Интересно, что при сопоставимом объеме торговли с США и КНР Вашингтон, в отличие от Пекина, не встречает практически никакого противодействия вьетнамской стороны ввиду, возможно, ее большого профицита. Но быстро растущий дефицит торговли с Китаем (за 2018–2023 гг. в 3 раза, таблица 2), как и ряд других проблем двусторонних отношений, по заявлениям Ханоя, его сильно беспокоят и оцениваются как негативные факторы вопреки очевидной включенности Вьетнама в сферу экономического процветания Китая. Таково свое-

образное проявление «тирании географии»: «северная зависимость» спустя 1 000 лет после ее окончания вызывает острый синдром, а американская агрессия, принеся массовые разрушения и жертвы (по оценкам, до 3 млн чел.), во многом забыта, хотя исторически произошла вчера.

Объемы и динамика торговли между ЕАЭС и Вьетнамом

Изучая статистику взаимной торговли, учтем, что официальные данные нашей стороны существенно выше оценок СРВ и АСЕАН, к тому же закрыты за последние годы. Так, в 2018 г. *товарооборот* с Вьетнамом ЕАЭС оценил в 6,691 млрд долл.⁵, а наш партнер – менее чем в 5 млрд долл. При этом расчет экспорта ЕАЭС у двух сторон различается не сильно – соответственно

5 Статистика внешней и взаимной торговли товарами. ЕЭК, 2017–2021. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (дата обращения: 19.04.2019).

2,7 млрд и 2,27 млрд долл., а оценки экспорта Вьетнама разнятся почти на 46% – 3,992 млрд и 2,73 млрд долл. Такое завышение касается всех членов ЕАЭС, отличаются лишь его масштабы. Например, по объему импорта из России и Белоруссии расхождения сторон невелики, а годовой экспорт в Республику Беларусь в Ханое оценивают почти в 10 раз меньше, чем сообщает Белорусская Сторона (соответственно 5–7 млн и 45–60 млн долл.). Товарооборот с Арменией и Киргизией, который ЕАЭС оценивает в 12–15 млн и 3–6 млн долл.⁶, по данным Вьетнама, также в 10 раз меньше. Кроме несинхронности и нестыковки статистики сторон, это можно объяснить для импорта Вьетнама недоучетом военных поставок из Российской Федерации и Республики Беларусь, а для экспорта – оформлением в странах ЕАЭС товаров третьих стран (предположительно, в основном Китая) под видом вьетнамских. С целью корректного сравнения данных, более достоверных оценок мы использовали статистику СРВ и АСЕАН, которая по странам ЕАЭС в основном совпадает. Такой прием применим, хотя, конечно, снижает показатели взаимной торговли.

Проверяя объемы взаимной торговли, мы видим, что на пике в 2021 г. она выросла вдвое с начала работы ССТ в 2016 г. (3038 млрд и 6120 млрд долл. соответственно), и это относительно хороший результат. Например, за 2001–2015 гг. был достигнут рост в 4 раза, причем без всяких преференций, до 2018 г. еще в 2 раза [Nguyen Hung Cuong, 2022, с. 1230]. Однако в период СВО оборот вернулся к уровню 2017 г. (см. таблицу 1), показав препятствия для реализации преимуществ ССТ из-за военного кон-

фликта и экономических санкций. По вьетнамским данным, в 2021–2023 гг. товарооборот между Россией и Вьетнамом сократился на 35% – с 5,5 млрд до 3,632 млрд долл. Это привело к утрате Вьетнамом статуса крупнейшего торгового партнера России в ЮВА: он уступил лидерство Сингапуру (3,725 млрд долл.) и лишь немного опередил Индонезию (3,346 млрд долл.) и Малайзию (3,106 млрд долл.)⁷.

Для сравнения: за 2018–2022 гг. товарооборот СРВ с США тоже вырос в 2 раза, с КНР – на 64% (см. таблицу 2), но при критически превосходящих объемах и отсутствии у этих стран с Вьетнамом двусторонних ССТ и значимых преференций. По объему торговли с ними стала превосходить ЕАЭС в 40 и 30 раз соответственно. Как следствие, доля ЕАЭС/России в мировой торговле Вьетнама неуклонно падает и уже равна не 0,85 или 1%, как несколько лет назад, а всего 0,5%.

Динамику торговли СРВ с ЕАЭС, если рассмотреть на примере России, отличает неравномерность, чередование подъемов и спадов. Так, оборот после сокращения в 2014–2015 гг. расширился затем до 2018 г. быстро – на 25–30% в год, в 2020–2021 гг. рос скромней – на 9–13%, а в 2022 г. обвалился сразу наполовину и в 2023 г. восстановился лишь отчасти (на 2,7%). Самое заметное сокращение импорта из России произошло в 2019 и 2022 гг., а максимальный прирост – в 2016 и 2018 гг. На наш взгляд, подъем вызван эффектом снижения тарифов в рамках ССТ, а спад – введением западных санкций против экономики России.

Основной прирост экспорта в ЕАЭС Вьетнам имел до 2021 г., большую его

6 Статистика внешней и взаимной торговли товарами. ЕЭК, 2017–2021. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (дата обращения 10.08.2018).

7 Главное статистическое управление Вьетнама. – URL: <https://www.gso.gov.vn/en/import-export> (дата обращения: 20.05.2024); ASEAN Statistics Portal. – URL: <https://data.aseanstats.org/trade-quarterly> (дата обращения: 20.05.2024).

часть (до 88%) постоянно обеспечивала Россия. Казахстан уступал по обороту сначала почти в 20 раз, в 2022–2023 гг. менее 10 раз, достигнув определенного успеха. Экспортные поставки из СРВ в Казахстан выросли за 2015–2021 гг. вдвое, а в 2022–2023 затормозились; импорт Вьетнама уступал экспорту в разы и к 2023 г. упал до минимума. Оборот с Казахстаном сократился в 2022–2023 гг. значительно меньше, чем с Россией, что можно объяснить отчасти эффектом его неучастия к СВО и, не исключая, параллельных закупок для России. Поставки в Белоруссию имели скромный объем (в пределах 10–20 млн долл. в год) и в период СВО даже немного выросли, ее же закупки в СРВ при в целом малых масштабах достигли пика в 2018–2021 гг., затем наполовину упали, к чему очевидно привели западные санкции против нашего союзника. Тот факт, что Вьетнам шире в целом импортировал белорусские товары, чем поставлял свои (в 2018 г. в 16 раз, в 2022 г. в 3 раза), обусловлен его активностью и заинтересованностью, а снижение потока с началом СВО, видимо, угрозой западных вторичных санкций. Показатели торговли с Арменией и Киргизией настолько малы, что даже не отражены в статистике ни Вьетнама, ни АСЕАН, в статистике же ЕАЭС (доступна за 2015–2017 гг.) эти две страны явно не бенефициары ССТ ни изначально, ни позже.

Номенклатура и структура торговли товарами

Сдерживающим фактором роста торговли ЕАЭС с СРВ выступает ограниченность номенклатуры экспорта обеих сторон, более заметная у Армении и Киргизии. Зависимость от узкой группы экс-

портируемых товаров в условиях конъюнктурных колебаний на мировом рынке препятствует расширению товарооборота. Белоруссия и Казахстан, как промышленно развитые страны, предлагают более богатый ассортимент товаров. Главные статьи белорусского экспорта – это калийные удобрения, грузовые автомобили, карьерные самосвалы, шины, тракторы, полиамиды, спиртные напитки и молочные продукты. Республика Беларусь охотно закупает во Вьетнаме средства связи, компьютерную и оргтехнику, морепродукты, рис, орехи, обувь, одежду, натуральный каучук, тропические фрукты, чай, кофе, специи.

Номенклатура товаров, поставляемых из России и в обратном направлении, намного шире. Однако за счет быстрой модернизации своего промышленного производства Вьетнам наполняет внешний рынок продукцией, которую раньше закупал в Российской Федерации, такой как стальной прокат, удобрения, цемент, легковые автомобили и пр. Значит, популярный среди наших экспертов тезис о взаимодополняемости торговли как обоюдном преимуществе теряет силу, а возникающее дублирование замедляет увеличение оборота. В итоге происходят качественные сдвиги в экспорте не в пользу России: она вместо машин и оборудования всё шире поставляет сырье, материалы, промтовары первого передела, продукты питания, а Вьетнам снабжает нас высокотехнологичными товарами (микроэлектроникой, бытовой техникой), замещая прежде доминировавшие в его экспорте аграрную и морепродукцию⁸. Так, в начале 1990-х годов СРВ в оплату задолженности перед СССР поставляла мясо свиней, парфюмерию, табак, расходные медицинские материалы, уголь и т.п. Сегодня же Россия

8 При этом отметим, что Россия пока доминирует в поставках в СРВ военной техники, которая относится к высокотехнологичному оборудованию, составляя важную часть нашего экспорта.

продает часть из них Вьетнаму, закупая пока еще недостающие и качественные изделия легкой промышленности (одежду, обувь, галантерею). Конечно, рост экспорта из Российской Федерации зерна и пищевых товаров, особенно ввиду увеличения их производства внутри страны и дефицита на мировом рынке, служит нашим преимуществом, тем более что они всё более востребованы во Вьетнаме. Однако выявленные тенденции – минус торговой политики Российской Федерации.

Рассмотрим изменения в поставках различных товарных групп в обе стороны на примере России, который в целом отражает картину и по всему ЕАЭС, так как на нее приходится 88% экспорта и 91% импорта Союза при том, что доля в ВВП ЕАЭС равна 84%. Оценим сдвиги по влиянию двух факторов: снижения ставок тарифов, как главной цели ССТ, и по изменению геополитики, то есть вводу санкций против России. Первый характерен тем, что за 8 лет работы ЗСТ согласно принятому графику произошло снижение ввозных пошлин на большинство товарных позиций в экспорте сторон – либо до нулевого, либо до минимального уровня, что по теории ВТО должно вызвать рост закупки этих групп (ставки решено было обнулить на 59% позиций сразу и на 90% к 2027 г.)⁹. Например, о подходе России говорит тот факт, что ею отменены импортные пошлины на ведущие вьетнамские товары, включая сельскохозяйственную, лесную и рыбную продукцию (большинство рыбных продуктов, некоторые виды свежих и переработанных овощей и фруктов, переработанное мясо и рыбу, крупы, рис). По второму

пункту учтем, что под санкции попал ряд конкретных товаров, которые Запад стремится не допустить на российский рынок или не дать вывести в другие страны с целью получения доходов. Анализ структуры взаимной торговли выявил разнонаправленные тренды: экспорт и импорт обеих сторон пережили заметные подъемы и спады по разным товарным группам.

В *российском импорте* из СРВ серьезно просели поставки крупнейшей товарной группы – электроники и оборудования, хотя на них изначально были установлены нулевые пошлины. В 2021–2023 гг. ввоз сократился более чем в 14 раз – с 1,7 млрд до 117 млн долл.¹⁰ Признаем, что эта товарная позиция в наибольшей степени подвержена санкционному давлению в силу более сложных производственно-сбытовых цепочек в отрасли, участия в них в том числе американских компаний. Чувствительный удар, исходя из повышенного спроса – бытового и промышленного – на эту продукцию. Можно было бы предположить, что она достигает российского рынка обходными путями через партнеров по ЕАЭС, однако торговля с ними показывает ту же тенденцию. Падение поставок по этой товарной группе также связано с замещением части спроса на рынке Российской Федерации китайскими компаниями.

В целом двусторонняя торговля сельскохозяйственной продукцией сохранила свои объемы за счет роста отдельных групп: в 2021 г. она достигла 970,5 млн долл. США, в 2022 г. – 932,7 млн долл., в 2023 г. – 962,5 млн долл. Так, положительную динамику сохранили продажи в Российскую Федерацию кофе. Это преимущественно обуслов-

9 Full Text of Vietnam – Eurasian Economic Union FTA. – URL: <https://wtocenter.vn/chuyen-de/4760-vietnam--eurasian-economic-union-fta-full-content> (дата обращения: 20.05.2024).

10 Данные по стоимостным объемам торговли основных товарных групп приводятся из *ASEAN Statistics Portal*. – URL: <https://data.aseanstats.org/trade-quarterly> (дата обращения: 20.05.2024).

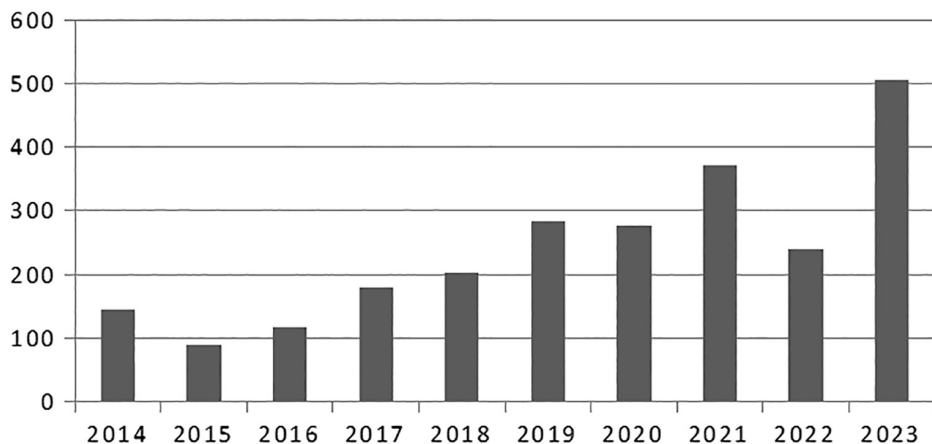

Рисунок 1. Динамика экспорта текстильной и швейной продукции Вьетнама в Россию в 2014–2023 гг., млн долл. США

Figure 1. Dynamics of Vietnam's textile and clothing exports to Russia in 2014–2023, millions of US dollars

Источник: составлено по: ASEAN Statistics Portal. – URL: <https://data.aseanstats.org/trade-quarterly> (дата обращения: 20.05.2024).

лено увеличением кофейного потребления и индустрии на российском рынке, заменой прежних поставщиков на новых, что открыло дополнительные возможности наращивания закупок. В 2021–2022 гг. поставки данной продукции возросли с 174,4 млн до 241,7 млн долл., а в 2023 г. составили 227,0 млн долл.

В 2021–2023 гг. наблюдались существенные колебания в поставках в Россию рыбы и морепродуктов, импортные пошлины на которые также отменены с учетом вклада этой группы (второе место после кофе в продукции агропромышленного комплекса) в структуру двусторонней торговли. Поставки морепродуктов упали со 148,7 млн долл. в 2021 г. до 122,7 млн долл. в 2023 г. В то же время российский экспорт на вьетнамский рынок возрос с 86,7 млн до 144,3 млн долл. в 2021–2022 гг. и снизился до 118,5 млн долл. в 2023 г. В итоге оборот в этой товарной группе стал сбалансированным,

и наши продажи показали заметный прогресс, что выявляет положительный эффект ССТ.

Продажи одежды и текстиля – традиционно крупной вьетнамской экспортной статьи – не только вернулись на досанкционный уровень, но и существенно превзошли его. Так, они выросли с 371,6 млн долл. в 2021 г. до 506,6 млн долл. в 2023 г., хотя в 2022 г. наблюдался спад (рисунок 1). Видимо, Россия сняла часть ограничений (так называемый триггерный механизм ССТ) на импорт из СРВ ряда видов швейных и трикотажных изделий, поскольку они вызывали протесты вьетнамской стороны.

Вместе с тем вьетнамский экспорт обуви серьезно просел, упав со 140,3 млн долл. в 2021 г. до 20,8 млн долл. в 2023 г. С российского рынка за эти годы почти исчезла обувь популярных западных брендов (*Adidas*, *Nike*), отшиваемая во Вьетнаме, что обусловлено, конечно, санкциями против России.

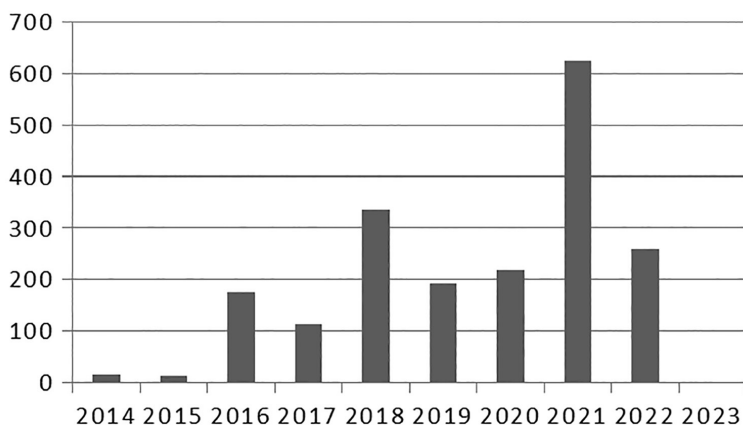

Рисунок 2. Динамика российского экспорта черных металлов во Вьетнам в 2014–2023 гг., млн долл. США

Figure 2. Dynamics of Russia's export of ferrous metals to Vietnam in 2014–2023, millions of US dollars

Источник: составлено по: ASEAN Statistics Portal. – URL: <https://data.aseanstats.org/trade-quarterly> (дата обращения: 20.05.2024).

Российский экспорт во Вьетнам тоже претерпел противоречивые сдвиги. Произошел заметный рост поставок минерального топлива, нефти и продуктов ее перегонки, что явно не вызвано действием ССТ (тарифы на эти позиции будут снижены после 2027 г.). Закупки увеличились с 590 млн долл. в 2021 г. до 850,7 млн долл. в 2023 г. Учтем, что реальные объемы продаж российской нефти во Вьетнам намного выше, так как существуют «серые» схемы обхода санкций за счет транзита через третьи страны (Сингапур, ОАЭ, Турцию). Принимая во внимание стремление СРВ гарантировать свою энергетическую безопасность и весьма привлекательные цены на нашу продукцию, ожидаем роста продаж по данной позиции ТН ВЭД. Вьетнамские предприниматели активно ищут возможности закупки минерального топлива, нефти и продуктов ее перегонки из России. Это значит, что там, где ему нужно и выгодно, Ханой обходит западные санкции.

Глубокий обвал произошел во второй по объемам товарной группе черных металлов, хотя Вьетнам – один из крупнейших потребителей данного вида продукции в ЮВА. Поставки черных металлов упали в 2021–2023 гг. с 624 млн до 1,7 млн долл., то есть почти встали (рисунок 2). Это вызвано, наряду с сохранением прежних импортных тарифов (обнуление состоится в 2027), снижением спроса на местном рынке из-за спада экономической активности и расширения собственного производства металлопроката. Застой спроса во Вьетнаме зафиксирован Институтом железа и сплавов Юго-Восточной Азии. С другой стороны, металлургический сектор России начал проявлять признаки оживления и повышения спроса внутри страны, что отразилось и на объемах поставок за рубеж [Бурова, 2023, с. 67].

При сокращении закупок металлопроката возникла обратная тенденция для изделий из черных металлов.

В 2021–2023 гг. они возросли более чем в 7 раз (с 5,8 млн до 43,5 млн долл.), хотя не компенсируют потери доходов в этой группе. Поставки российских удобрений, еще одной важной позиции российского экспорта на вьетнамский рынок, в 2021–2023 гг. упали несущественно (со 141,4 млн до 132 млн долл.). В продаже сельскохозяйственной продукции России во Вьетнам произошел подъем по наиболее важным группам – мясному сырью и мясным изделиям, зерновым, что отвечает трендам как российского рынка (увеличение производства и экспорта), так и вьетнамского, который наращивает спрос на товары данных групп. Российские поставки зерновых выросли с 54,1 млн долл. в 2021 г. до 71,2 млн долл. в 2023 г. после некоторого спада в 2022 г. Сказались обнуление ввозных тарифов за 5 лет действия ССТ, хороший урожай зерновых и дисконты в России, открытие путей обхода санкций. Тем не менее вьетнамские компании испытывают трудности при импорте пшеницы, кукурузы, стали, битума и другого сырья из Российской Федерации. Это, в частности, сказывается на доступности муки для потребителей ввиду того, что Россия является крупнейшим в мире экспортером пшеницы¹¹.

Уроки реализации ССТ для России и ЕАЭС

Из приведенных нами данных и оценок видно, что получить от ССТ с Вьетнамом преимущества удалось немногим членам ЕАЭС, некоторым они оказались недоступны. Такой эффект, обратный ожиданиям, вызван рядом фундаментальных причин помимо санкций. Страны Союза, выиграв преференции от его создания на пару лет

раньше, чем от соглашения с Вьетнамом, сочли для себя более выгодным развивать торговлю внутри ЕАЭС. Для этого начали складываться, хотя и не без труда, цепочки производственной и торговой кооперации. В то же время члены Союза, среди них и Российская Федерация, не вписались в цепочки добавленной стоимости в Восточной Азии и на Западе. Это экономически понятно: на развитых рынках они уступают в предприимчивости и конкурентоспособности товарам из Вьетнама или не производят того объема номенклатуры продукции, на который имеется спрос.

Согласимся с Б.А. Хейфецем, что по масштабам торговли, степени либерализации ССТ ЕАЭС – Вьетнам уступает соглашениям стандарта ВТО плюс – как многосторонним (ВП ТТП, ВРЭП), так и двусторонним (ЕС – Вьетнам, Япония – Вьетнам). Начальный и конечный охват преференциями товарной номенклатуры в нашем ССТ ниже, переходный период для него длиннее (12 лет вместо 7–10), инструментов нетарифного регулирования меньше (в частности, нет новаций в санитарных и фитосанитарных мерах защиты), правила происхождения продукции, дающие льготы, жестче [Хейфец, 2017, с. 97–102].

В нашем соглашении условия не одинаковы для участников и отраслей: положения о торговле услугами и об инвестициях изначально были распространены только на Россию и Вьетнам, а взаимный доступ в сферу услуг ограничен. Но важнейшим отличием в пользу ССТ ЕАЭС является отсутствие требований социально-политического характера. Западные партнеры принудили Ханой признать приоритет международного права над национальным при разреше-

11 World population review. – URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/wheat-exports-by-country> (дата обращения: 17.12.2023).

нии хозяйственных споров между инвесторами и государством, легализовать частные профсоюзы, принять контроль со стороны НПО и т.п.

Рассматривая полученные результаты работы ССТ ЕАЭС – Вьетнам за 8 лет с точки зрения теории рыночной экономики, следует признать эффекты «создания и отклонения» торговли: ССТ помогло развитию внутрирегиональной торговли ЕАЭС (члены АСЕАН, наоборот, активнее торгуют с внешними партнерами), а взаимные поставки дают 24–26% внешнеторгового оборота [Локишин, Кобелев, Мазырин, 2019, с. 57]. Согласимся, что «образование ЕАЭС, подключение новых стран к ядру интеграции (Россия, Белоруссия, Казахстан) обусловило <...> переориентацию потребителей с менее эффективных рынков и стран, не участвующих в интеграционном взаимодействии напрямую, на рынки стран, участвующих в нём, но более доступные, чем вьетнамский» [Павловская, Шаврук, До Хьонг Лан, 2020, с. 31].

Очевидно, что возможности ССТ с ЕАЭС Вьетнамская Сторона реализует успешнее партнеров, полнее, что отражает расширение ее поставок и получение профицита баланса в торговле. У России же оборот стал профицитным только с началом СВО, когда экспорт Вьетнама упал вдвое. Необходимо принять во внимание более богатый опыт участия СРВ в ССТ (по сравнению с членами ЕАЭС), которая на данный момент заключила 17 таких двух- и многосторонних соглашений. Наше экономическое объединение имеет всего три подобных соглашения, помимо Вьетнама (с Сингапуром, Сербией и Ираном (в последнем случае временное)). Притом Ханой реализует ССТ с экономически развитыми странами, большинство которых расположено в одном с ним регионе – самом динамичном – в Восточной Азии.

ЕАЭС строит более широкие географические связи, проводя переговоры о ЗСТ с Египтом, Индией, Монголией, Таиландом. Обратим внимание, что интерес к заключению ССТ выразили Индонезия, Камбоджа, Лаос, Пакистан. Таким образом, к этому формату взаимной торговли присматриваются еще 4 страны АСЕАН, видимо, посчитав опыт СРВ положительным. С учетом последнего оценен возможность создания Россией ССТ со всей АСЕАН. Автор участвовал в дискуссии об этом в 2015 г., отдав предпочтение соглашению с Ассоциацией в целом, как сделали ранее, например, Китай, Япония, Южная Корея. Сегодня стало очевидно, что такая тактика не обеспечит интересов России и лишь затормозит процесс ввиду растущих рисков и затрат, в частности расширения противоречий между членами Ассоциации, усиления ориентации части на США и их союзников. Вместе с тем наличие партнеров с разной ориентацией в одной зоне могло бы смягчить удары санкций. Признаем, что и возможные трудности реализации соглашения с одним Вьетнамом не были адекватно просчитаны, о чем говорят попытки оправдать перспективы взаимной торговли с помощью математических методов. Так, метод моделирования обещал успех участникам ССТ (России прежде всего), поскольку, согласно классической гравитационной модели, положительно на экспорт влияет размер экономик партнеров, а отрицательно – географическая удаленность между ними [Павловская, Шаврук, До Хьонг Лан, 2020, с. 34–35]. Из первого следует, что члены ЕАЭС с малым масштабом хозяйства по определению не могут заметно увеличить товарооборот с Вьетнамом, и это подтвердилось.

Географическая удаленность, как второй ограничитель, почти одинаково сдерживает участников ССТ,

но он сильнее сказался на Российской Федерации из-за многократного ухудшения логистики под воздействием антироссийских санкций. Время доставки товаров резко возросло, как и ставки фрахта, страхования, не говоря о прямом срыве контрактных обязательств. По сути, во многом санкции усилили негативное влияние географического фактора. Уже при начале реализации ССТ наши эксперты подчеркивали, что для роста экспорта во Вьетнам крайне необходимо улучшить транспортную доступность и логистику между двумя сторонами [Пылин, 2017, с. 3].

По большей части неточными были конкретные расчеты изменения объемов экспорта и импорта. Так, не оправдался прогноз до 2025 г. по основным товарным группам в торговле Россия – СРВ на основе функции П.Ф. Верхульста [Forecasting..., 2020, р. 76–77], хотя авторы, конечно, не могли предвидеть развития политического конфликта России с западным блоком. Некоторые выведенные показатели оказались обратными реальным. Не удалось рассчитать объемы, структуру поставок до 2023 г. и методом линейной экстраполяции [Prospects..., 2019, р. 18].

Вклад ССТ в инвестиции и иные сферы экономического сотрудничества

При перечисленных трудностях торговля служит основной формой взаимодействия членов ССТ ЕАЭС – Вьетнам. Взаимные инвестиции немного отстают, причем в отличие от России другие члены слабо участвуют. Она занимает 26-е место в списке иностранных инвесторов в СРВ, пропустив вперед ряд крупных офшоров. Наши прямые

иностранные инвестиции (ПИИ) составили на середину 2024 г. 988,73 млн долл. в 188 проектах (таблица 3), добавив сюда более 1 млрд долл. по межправительственным соглашениям в сфере добычи нефти и газа, а также большую сумму корпоративных сделок. Прямые зарубежные инвестиции Вьетнама превосходили исходящий поток Российской Федерации и достигли почти 1,63 млрд долл. в 22 проектах¹² без учета 1 млрд в совместное предприятие (СП) по нефти и газу в рамках тех же соглашений и незарегистрированных частных инвестиций. Общий объем вложений Вьетнама в российскую экономику эксперты оценивают в 3 млрд долл. [Nguyen Hung Cuong, 2022, с. 1230; Kokushkina, 2017, р. 61]. Следовательно, в отличие от советского периода в двустороннем движении капитала стороны практически сравнялись, и Вьетнам добился большого прогресса. Реальные объемы взаимных инвестиций, очевидно, существенно выше, но не отражены в статистике.

Типичные для современных ССТ направления либерализации экономических связей – свободный обмен интеллектуальной собственностью, рабочей силой и т. п. – не получили распространения, что обедняет содержание, снижает привлекательность и перспективы взаимодействия. Торговля услугами достигла некоторого развития еще до подписания ССТ и сохранила темпы роста после него: в 2015 г. оборот Россия – Вьетнам составил, по данным ОЭСР, 864 млн долл. (по другим данным – 1034 млн), то есть почти в 3 раза больше, чем в 2008 г., а в 2019–1 340 млн (3,2% от общего экспорта и импорта услуг СРВ)¹³. При этом Россия покупала услуг в 5–7 раз больше, чем продавала СРВ.

12 Statistical Yearbook of Vietnam. 2022. – Hanoi, 2023. – P. 349–350.

13 Statistical Yearbook of Vietnam. 2022. – Hanoi, 2023. – P. 753; OECD Statistics. – URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TISP_EBOPS2010. Данные после 2019 г. недоступны.

Таблица 3. Объем ПИИ во Вьетнаме ведущих инвесторов по состоянию на 20 июля 2024 г. (количество действующих проектов и накопленный капитал)

Table 3. Volume of FDI in Vietnam by leading investors as of July 20, 2024 (number of active projects and capital stock)

Номер рейтинга	Инвестор	Количество проектов	Зарегистрированный капитал, млн долл. США
1	Республика Корея	10 003	87 486,76
2	Сингапур	3 707	80 187,45
3	Япония	5 369	76 098,40
4	Остров Тайвань	3 186	40 230,72
5	САР Гонконг	2 616	35 914,04
6	КНР	4 667	28 230,04
7	Виргинские (Брит.) Острова	916	23 201,37
26	Россия	188	988,73
	Всего*	40 544	484 773,89

Источник: Vietnam's Ministry of Planning and Investment. – URL: <https://www.mpi.gov.vn/portal/Pages/2024-6-28/Tinh-hinh-hut-hut-dau-tu-nuoc-ngoi-tai-Viet-Nam-vqk7nhi.aspx> (дата обращения: 20.05.2024).

Примечание: * годовые показатели Вьетнама в целом.

Основные формы торговли услугами – туризм, транспортные перевозки – вследствие западных санкций, а ранее ковидных ограничений пришли в упадок. Во Вьетнам проник ряд телекоммуникационных сервисов России, но пока по популярности и доходам они на порядок уступают конкурентам из противоположного лагеря. В страховой бизнес, сделки с недвижимостью российские вложения и усилия почти не направляются.

Въезду неквалифицированной рабочей силы из СРВ, успешно практиковавшемуся СССР в 1980-е годы, положен предел еще в начале 2010-х годов. Ограниченная миграция продолжается, скорее, вопреки согласованным нормам. Россия заинтересована принимать квалифицированные кадры, но не может (или не хочет) удержать даже те, которые готовит в собственных ву-

зах (ежегодный выпуск – почти 1 тыс. вьетнамцев).

Финансовые операции между компаниями наших стран ограничены закрытием услуг СВИФТ для России, турпоездки граждан России во Вьетнам – помехами использованию платежных карт «Мир» в банкоматах. Рубль воспринимается здесь как токсичная валюта. С большими трудностями в работе сталкивается единственный совместный банк сторон ВРБ, несмотря на то, что проводит расчеты в национальных валютах (доля их постепенно растет и достигла сегодня почти 60% в торговых операциях¹⁴), оказывает поддержку российским инвестициям в этой стране. Расчеты в долларах США затруднительны, поскольку банки-корреспонденты западных стран блокируют платежи по контрактам с Российской Федерацией. Подобные ограниче-

14 См. Заявления президентов России и Вьетнама по итогам переговоров в Ханое: главное. – URL: <https://kam.business-gazeta.ru/news/637691>, 20.06.2024.

ния несильно затронули других членов ЕАЭС, но и без них взаимодействие во многом малоэффективно.

Западные санкции против России привели к непредсказуемым изменениям курса иностранных валют по отношению к рублю, что, в свою очередь, вызывает у экспортеров опасения оплачивать торговые операции в рублях. Более слабая валюта ограничивает возможности импорта России, хотя косвенно и повышает ее экспортный потенциал.

Интеллектуальная собственность, которую на должном уровне генерирует среди членов Союза только Россия, пока не востребована СРВ ввиду полного доминирования на местном рынке продукции, ноу-хау, политического лоббирования Запада. К исключениям относятся обращения силовых органов за поддержкой в обеспечении кибербезопасности, угрозы для которой создают и США, и Китай. Вместе с тем очевидно, что Россия обладает передовыми технологиями, которые могли бы найти применение во Вьетнаме.

По сути, единственным способом увеличения товарооборота между участниками ССТ остаются проекты, способствующие производственной кооперации и другим формам углубления сотрудничества. Россия хотела бы начать такие проекты в разных сферах, но Ханой не проявляет встречной готовности. Вспомним отмененное в последний момент (2016) строительство Госкорпорацией «Росатом» АЭС «Нинь-тхуан», де-факто отказ от привлечения ОАО «РЖД» к модернизации транс-вьетнамской магистрали «Единство», срыв договоренностей с АО «Мосметрострой» по прокладке линий метро в Ханое, принуждение компании «Билайн» продать успешный телеком-бизнес (мобильный оператор «Вымпелком» с активами в 2,5 млрд долл.) и невыполнение ряда других столь же значимых стратегических сделок.

Примером полезного развития взаимосвязей в экономике может стать промышленная кооперация Республики Беларусь и Социалистической Республики Вьетнам. Стороны реализуют двусторонние протоколы, давшие в 2016 г. преференции поставкам оборудования и продукции для инвестиционных проектов Республики Беларусь во Вьетнаме. Речь идет о промышленной сборке белорусской автомобильной техники, в том числе грузовых автомобилей МАЗ на СП «МАЗ Азия», о строительстве в провинции Хынгьен предприятия по производству молока, молочной продукции из белорусского сырья с участием ОАО «Минский молочный завод № 1» и вьетнамской компании *Au Viet Food Import-Export and Manufacture* (в феврале 2019 г. учреждено СП *AU VIET MILK*). Нам неизвестно, насколько эти проекты успешны, но, судя по динамике товарооборота сторон, они пока не оказали ожидаемого эффекта на торговлю. То же можно сказать об аналогичных проектах сборки на СП во Вьетнаме российских автомобилей (ГАЗ, КамАЗ, УАЗ, «Соллерс»), которые, похоже, остановилась на пилотном этапе. Здесь образцово действуют СП «Вьетсовпетро», «Висорутекс» и «Тропцентр», но эти предприятия были созданы 35 лет назад и прямого воздействия ССТ не испытывают, более того – сталкиваются с последствиями санкций.

Если же говорить об инвестпроектах, реализуемых только в период действия ССТ, то поучительна история о добыче/переработке газа и электрогенерации, то есть возможностях в прежде главных отраслях присутствия России в экономике СРВ. Ведущий наш оператор «Роснефть» получил в наследство от компании «ТНК-ВР» за 3 млрд долл. производственный комплекс на морском шельфе юга Вьетнама (офшорное бурение, транс-

портировка на берег газа и смесей, загрузка мощностей ТЭЦ, переработка сырья в химическую продукцию). Этот уникальный и очень выгодный объект она вынуждена была продать в 2019 г. (отметим: российской компании «Зарубежнефть») из-за санкций. Новым примером того же типа служит ТЭС «Лонгфу 1» – единственная сооружаемая сегодня в этой отрасли при участии российской компании стоимостью более 900 млн долл. США. АО «Силовые машины» не удалось завершить объект при 75%-й готовности из-за западных санкций и пришлось судиться в Сингапурском арбитраже по иску вьетнамского генподрядчика на 2,5 млрд долл., хотя тот его проиграл [Ревенко, 2022, с. 87]. Показательно, что это дочерняя компания госкорпорации нефти и газа «Петровьетнам», тесно сотрудничавшей с российскими партнерами в течение 35 лет.

При этом одновременно ранее созданные СП процветают в стратегически важных для партнера отраслях экономики России («Руссветпетро», «Газпромвьет»). Показательны проекты второго по размерам молочного гиганта Вьетнама – *TH True Milk*: они, хотя не без задержек, воплощаются, дают продукцию в Московской и Калужской областях, несмотря на санкции. На этом программа инвестиций не исчерпывается и имеет серьезное продолжение. Недавно заложен очередной комплекс молочного животноводства и переработки продукции данной компании в Приморском крае стоимостью 200 млн долл.¹⁵ в дополнение к ранее вложенным 1,25 млрд долл. [Ревенко, 2022, с. 89]. Это самая крупная инвестиция вьетнамской частной компании

в Российской Федерации, причем единственная в аграрной сфере.

Международный фрахт и страхование грузов по заказам компаний России и, косвенно, Вьетнама сегодня заблокированы санкциями Запада. Как следствие, большая часть товаров, перевозившихся морскими линиями, застряла в транзитных портах, таких как Роттердам или Гамбург, поскольку в Россию эти суда не допускались, что привело к проблемам с транзитом и хранением, сказалось на расходах и качестве товаров.

Сегодня Россия формирует новые логистические маршруты, которые помогут преодолеть это препятствие, если, конечно, они будут рентабельны и привлекают Вьетнам. В частности, мы начали организовывать прямое сообщение, обслуживать эти перевозки собственными силами, но их объемы пока недостаточны (примером служат контейнерная морская линия компании *FESCO* между Хайфоном и Владивостоком и мультимодальные перевозки компаний «РЖД Логистика» и вьетнамской *Ratrac* через территорию Китая). Воздушный транспорт, занимая подчиненное место в логистике, пострадал не меньше. Санкции вынудили авиакомпании выбирать альтернативные маршруты, использовать третью, даже четвертую страну-посредника, что увеличило издержки и, как следствие, стоимость услуг, продукции. В результате некоторые предприятия признали перевозку убыточной и остановили отгрузки.

Мы также имеем в виду Северный морской путь, который на востоке достигает стран ЮВА без искусственных помех за вдвое более короткий срок, и пока только строящийся транспорт-

15 Начало реализации молочного проекта *TH true Milk* стоимостью 5,200 млрд донгов на Дальнем Востоке Российской Федерации = Khởi công dự án sữa 5.200 tỷ đồng của TH true Milk tại Viễn Đông-Liên bang Nga // Vietnam+. – 2024. – 21 mai. – Вьетнам. яз. – URL: <https://www.vietnamplus.vn/khoi-cong-du-an-sua-5200-ty-dong-cua-th-true-milk-tai-vien-dong-lien-bang-nga-post954640.vnp> (дата обращения: 22.05.2024).

ный коридор Север – Юг из России в Индию через Среднюю Азию и Иран. Поскольку на их освоение понадобится не менее 5–7 лет, ожидать решения возникших проблем раньше не приходится, так как урегулирование конфликта Российской Федерации с Западом требует огромных усилий.

Выводы

Проведенный анализ значения ССТ ЕАЭС – СРВ выявил противоречивую картину. С одной стороны, Россия и Вьетнам получили искомые выгоды с сфере геополитики, особенно на начальном этапе реализации соглашения. С другой – экономические результаты ССТ оказались скромными, за 8 лет работы Россия отстала от основных партнеров Ханоя еще сильнее. Также очевидно, что другие участники ЕАЭС не ощутили серьезного прогресса. В целом можно констатировать, что выгод ССТ оказалось меньше, чем ожидалось.

Это говорит о низкой эффективности данного формата взаимодействия, как и в целом экономического сотрудничества сторон ССТ. В связи с этим вспомним необоснованные, ошибочные оценки, прогнозы состояния и перспектив роста торговли между участниками соглашения, в том числе на основе количественных методов расчета и критериев ВТО. Переусердствовали по части оптимизма и ожиданий как российские, белорусские, так и вьетнамские ученые.

Позитивные тенденции, проявившиеся с начала действия ССТ и до 2021 г., сменились на негативные, которые возобладали после начала западной блокады экономики России. Она затормозила взаимную торговлю и другие обмены как прямо, так и косвенно – Ханой не осудил эту политику из опасения вторичных санкций. Оказалось,

что в режиме военного конфликта с участием одной из сторон действует закономерность, обратная классической: не политика является выражением (производной) экономики, а наоборот, геополитические механизмы определяют возможности торговли, инвестиций и т. д. Причем преимущества ССТ в сравнении с обычным порядком в такой ситуации теряют силу. Следовательно, пока не будут отменены западные санкции против России и как минимум Вьетнам не изменит своей позиции, данное ССТ не принесет ожидаемых плодов.

Подтвердилось, что торговля товарами остается в ССТ преобладающей формой отношений; свободное движение капитала, услуг, рабочей силы не налажено. Тем более не возникло единого экономического пространства в рамках ЗСТ, не выработана согласованная экономическая политика: у СРВ она ориентирована на Запад и развитые страны Восточной Азии, у России сопряжена с интересами в СНГ, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке.

Инвестиционное сотрудничество показало неравные возможности и выгоды сторон на нынешнем этапе. Россия не получила не только преференций по принятым положениям ССТ, но и не сохранила прежних позиций, оказалась далека от стратегических направлений развития бизнеса. Выводы о режиме благоприятствования для российского капитала и реальных препятствиях для его работы в СРВ неутешительны. Вьетнамские компании, опасаясь вторичных санкций, в большинстве своем не хотят идти на риск и расширять экономическое партнерство с Российской Федерацией.

Это показывает, что система долговременных российско-вьетнамских коммерческих контрактов, как и краткосрочных, поставлена под угрозу,

наши позиции в ведущих отраслях экономики подорваны. Сторонам предстоит провести серьезный анализ причин ухудшения положения и найти адекватные меры по выходу из него, чтобы реализовать действительно богатый потенциал двустороннего сотрудничества и многолетней дружбы.

Список литературы

Бурова Е.С. Оценка двусторонней торговли РФ – АСЕАН под влиянием санкций // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2023. – Т. 5, № 4 (61). – С. 59–70.

Вардомский Л.Б. Региональные торговые соглашения России и Вьетнама: особенности формирования и торговые эффекты // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 8. – С. 7–20. – DOI: 10.24411/2072-8042-2021-8-7-20.

Динь Мань Туан. Вьетнамо-российские торговые отношения после подписания ССТ между Вьетнамом и ЕАЭС: преимущества и трудности // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. – Москва : ИДВ РАН, 2020. – С. 132–142.

Локшин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире. – Москва : ИД Форум, 2019. – 296 с.

Мазырин В.М. Вьетнам: зоны свободной торговли // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 3. – С. 73–89.

Мазырин В.М. Новый формат торговли между Вьетнамом и ЕАЭС в действии // Международная экономика. – 2018. – № 10. – С. 54–68.

Мосяков Д.В. Россия и Вьетнам до и после санкций // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. – 2022. – № 4 (57). – С. 117–125.

Новикова Е.С., Нгуен Хыу Фу, Ле Хоанг Ань. Торговое сотрудничество Вьетнама с Россией в текущих усло-

виях глобальной турбулентности // Вьетнамские исследования. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 23–36. – DOI: 10.54631/VIS.2023.74-567919.

Павловская С.В., Шаврук Ю.А., До Хыонг Лан. Экономическое сотрудничество Беларуси и Вьетнама в условиях интеграции с ЕАЭС // Вьетнамские исследования. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 28–38. – DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10003.

Пылин А.Г. Внешнеторговое взаимодействие ЕАЭС и Вьетнама в контексте создания зоны свободной торговли // Россия и современный мир. – 2017. – № 3 (96). – С. 164–176.

Ревенко Н.С. Торгово-экономическое сотрудничество России с Вьетнамом на современном этапе // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 7. – С. 83–98. – DOI: 10.24412/2072-8042-2022-7-83-98.

Степанов Е.А., Плетнев Д.А., Фам Ван Дук. Тенденции и перспективы экономического сотрудничества России и Вьетнама: внешняя торговля как зеркало экономических связей // Вестник Челябинского госуниверситета. Серия : Экономические науки. Вып. 66. – 2019. – № 9 (431). – С. 84–91. – DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10909.

Тураева М.О., Яковлев А.А. Экономическое сотрудничество России и Вьетнама в новых условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2023. – № 1 (58). – С. 165–172. – DOI: 10.31737/22212264_2023_1_165.

Федоров Н.В. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом как фактор российско-вьетнамских отношений // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 74–90. – DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-74-90.

Хейфец Б.А. Политика «открытых дверей» и экономической интеграции – ответ Вьетнама на вызовы глобальной экономики XXI века // Общество и экономика. – 2017. – № 12. – С. 92–103.

Шпаковская М.А., Ку克林 Н.С., Ву Тхуи Чанг. Вьетнам в реализации концепции большого евразийского партнерства // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2018. – № 2 (39). – С. 136–145.

Forecasting the development of foreign trade of Russia and Vietnam until 2025 based on the logistic curve / Anikin B.A., Anikin O.B., Thuong N.Q., Dong P.T. // Achievements and Applications in Statistics. – 2020. – Vol. 60, N 1. – P. 63–78. DOI: 10.17654/AS060010063.

Kokushkina I. Aspects of Russia – Vietnam trade and economic cooperation development in the late XX and early

XXI centuries // External Economic Review. – 2017. – N 94 (5/2017). – P. 55–63.

Nguyen Hung Cuong. Vietnam – Russia Relations – 70 Years of Historical Milestones // Экономика и социум. – 2022. – № 12-1 (103). – С. 1220–1232. – DOI: 10.46566/2225-1545_2022_1_103_1220.

Prospects of Enhancing Russia-Vietnam Economic Cooperation: Barriers and Drivers / Egorova L.I., Trofimovskaya A.V., Fatin M.V., Medvedeva E.A. // Advances in Economics, Business and Management Research. – 2019. – Vol. 107. – P. 17–20. – DOI: 10.2991/icefb-19.2019.5.

Post-Soviet Space

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.07

The EAEU – Vietnam Free Trade Agreement: Expectations and Reality

Vladimir M. MAZYRIN

Dr. Sc. (Econ.), Head of the Centre for Vietnam and ASEAN Studies, Chief Researcher Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: mazyrin_v@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6988-0139

CITATION: Mazyrin V.M. (2024). The EAEU – Vietnam Free Trade Agreement: Expectations and Reality. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 3, pp. 128–148 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.07

Received: 27.05.2024.

Revised: 10.07.2024.

ABSTRACT. *The author analyzes the implementation of the Free Trade Agreement (FTA) between the Eurasian Economic Union (EAEU) and Vietnam, focusing on the current stage in regard to Western sanctions against Russia. The scholarly academic discourse outlook of this topic in Russia and the Socialist Republic of Vietnam (SRV) helps to*

determine its problematic aspects. The study itself focuses at the geopolitical and economic effects of this FTA for the EAEU and Vietnam in the current global transformation. Then it considers trade relations of the parties, their dynamics, structure of commodity flows, indicators and characteristics of individual members participation. The assessments of

investment cooperation and other forms of economic cooperation between the parties representing the key components of the FTA are summarized too. The author emphasizes the difficulties and obstacles facing the participants, and searches for lessons in the FTA implementation. The paper concludes, that the agreement with the SRV achieved a number of goals, but did not disclose the promised benefits of liberalizing the flow of goods, services, and capital. It recognizes that reduction of trade flows in 2022–2023 happened largely due to the Western sanctions against Russia, and their volume noticeably lagged behind expectations and forecasts. In general, the FTA members didn't achieve a proper intensification of trade and investment. Commodity exchange, having become a core form of interaction, is marked by the growing weight of the Russian Federation and Vietnam, demonstrates contradictory trends in terms of both exports and imports, and a change in the structure of foreign trade that partly unprofitable for Russia.

KEYWORDS: Vietnam, Eurasian Economic Union, Russia, forms and results of economic cooperation, trade turnover, foreign direct investment, the impact of Western sanctions, the effects and lessons of the agreement implementation.

References

- Burova E.S. (2023). Assessment of bilateral trade between the Russian Federation and ASEAN under the influence of sanctions. *South East Asia: Actual Problems of Development*. Vol. 5, no. 4 (61), pp. 59–70 (in Russian).
- Dinh Man Tuan (2020). Vietnam – Russia trade relations after the signing of the FTA between Vietnam and the EAEU: advantages and difficulties. In: *Russian-Vietnamese Relations Today: Areas of Convergence of Interests*. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the RAS, pp. 132–142 (in Russian).
- Fedorov N.V. (2018). The agreement on a free trade zone between the EAEU and Vietnam as a factor in Russian-Vietnamese relations. *Comparative Politics Russia*. Vol. 9, no. 1, pp. 74–90 (in Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-74-90.
- Forecasting... (2020). Anikin B.A. et al. Forecasting the development of foreign trade of Russia and Vietnam until 2025 based on the logistic curve. *Achievements and Applications in Statistics*. Vol. 60, no. 1, pp. 63–78. DOI: 10.17654/AS060010063.
- Kheifets B.A. (2017). The policy of “open doors” and economic integration – Vietnam’s response to the challenges of the global economy of the 21st century. *Society and Economics*. No. 12, pp. 92–103 (in Russian).
- Kokushkina I. (2017). Aspects of Russia – Vietnam trade and economic cooperation development in the late XX and early XXI centuries. *External Economic Review*. No. 94 (5/2017), pp. 55–63.
- Lokshin G.M., Kobelev E.V., Mazyrin V.M. (2019). *The ASEAN Community in the Modern World*. Moscow: Forum Publishing House, 296 pp. (in Russian).
- Mazyrin V.M. (2016). Vietnam: free trade zones. *World Economy and International Relations*. Vol. 60, no. 3, pp. 73–89 (in Russian).
- Mazyrin V.M. (2018). The new format of trade between Vietnam and the EAEU in action. *International Economics*. No. 10, pp. 54–68 (in Russian).
- Mosyakov D.V. (2022). Russia and Vietnam before and after sanctions. *South East Asia: Actual Problems of Development*. No. 4 (57), pp. 117–125 (in Russian).
- Nguyen Hung Cuong (2022). Vietnam – Russia Relations – 70 Years of Historical Milestones. *Economy and Socium*. No. 12–1 (103), pp. 1220–1232. DOI: 10.46566/2225-1545_2022_1_103_1220.
- Novikova E.S., Nguyen Hue Phu, Le Hoang Anh (2023). Vietnam’s trade cooperation with Russia in the current global turbulence. *Vietnamese Studies*.

Vol. 7, no. 4, pp. 23–36 (in Russian). DOI: 10.54631/VS.2023.74-567919.

Pavlovskaya S.V., Shavruk Yu.A., Do Huong Lan (2020). Economic cooperation between Belarus and Vietnam in the context of integration with the EAEU. *Vietnamese Studies*. Vol. 4, no. 1, pp. 28–38 (in Russian). DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10003.

Prospects... (2019). Egorova L.I. et al. Prospects of Enhancing Russia-Vietnam Economic Cooperation: Barriers and Drivers. *Advances in Economics, Business and Management Research*. Vol. 107, pp. 17–20. DOI: 10.2991/icefb-19.2019.5.

Pylin A.G. (2017). Foreign trade cooperation between the EAEU and Vietnam in the context of the creation of a free trade zone. *Russia and the Contemporary World*. No. 3 (96), pp. 164–176 (in Russian).

Revenko N.S. (2022). Trade and economic cooperation between Russia and Vietnam at the present stage. *Russian Foreign Economic Bulletin*. No. 7, pp. 83–98 (in Russian). DOI: 10.24412/2072-8042-2022-7-83-98.

Shpakovskaya M.A., Kuklin N.S., Wu Thui Chang (2018). Vietnam in the implementation of the concept of the Greater Eurasian Partnership. *South East Asia: Actual Problems of Development*. No. 2 (39), pp. 136–145 (in Russian).

Stepanov E.A., Pletnev D.A., Pham Van Duc (2019). Trends and prospects of economic cooperation between Russia and Vietnam: foreign trade as a mirror of economic relations. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. No. 9 (431), Economic Sciences, issue 66, pp. 84–91 (in Russian). DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10909.

Turaeva M.O., Yakovlev A.A. (2023). Economic cooperation between Russia and Vietnam in new conditions. *Journal of the New Economic Association*. No. 1 (58), pp. 165–172 (in Russian). DOI: 10.31737/22212264_2023_1_165.

Vardomsky L.B. (2021). Regional trade agreements between Russia and Vietnam: formation features and trade effects. *Russian Foreign Economic Bulletin*. No. 8, pp. 7–20 (in Russian). DOI: 10.24411/2072-8042-2021-8-7-20.

УДК 338.1(575.3)

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.08

Экономико-географический генезис бедности в Таджикистане: потенциал экономического роста при сохранении социальных диспропорций

Федор Игоревич АРЖАЕВ

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Ленинградский проспект, д. 49/2, г. Москва, Российская Федерация, 125167

E-mail: Fedor.arzhaev@bk.ru

ORCID: 0000-0002-2986-3235

Владимир Эдуардович БОРИСКИН

студент, Институт стран Азии и Африки

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ул. Моховая, д. 11, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 125009

E-mail: w.bohrerman@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-7602-3800

ЦИТИРОВАНИЕ: Аржаев Ф.И., Борискин В.Э. Экономико-географический генезис бедности в Таджикистане: потенциал экономического роста при сохранении социальных диспропорций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 149–168.
DOI: 10.31249/kgt/2024.03.08

Статья поступила в редакцию 16.01.2024.

Исправленный текст представлен 29.02.2024.

АННОТАЦИЯ. Проблема бедности в Таджикистане, несмотря на попытки ее решения, остается актуальной и сегодня. Прогресс в этом вопросе, безусловно, заметен, но принимаемые решения в части социальной политики имеют сомнительную эффективность и направлены скорее на снижение уровня бедности на бумаге, чем на выявление и устранение ее причин. В связи с этим исключительно важно определить ре-

альные причины сохранения бедности в стране, понять, является ли она системной и каково влияние на нее географического фактора. Исходя из этого определена цель исследования – анализ причин сохранения бедности и доказательство гипотезы о том, что ключевыми факторами сохранения бедности являются социальные диспропорции и экономико-географическое положение страны. Для достижения поставлен-

ной цели решен ряд задач, в частности, доказано, что экономический рост в стране не влияет на уровень бедности, выявлены следующие основные факторы сохранения бедности: экономическое неравенство, низкое качество образования и нехватка квалифицированных специалистов на внутреннем рынке, рост населения, низкая доля промышленного сектора в экономике, высокая зависимость от экспорта трудовой силы и динамики развития основного рынка этого экспорта – России. Помимо этого, выявлено, что Таджикистан характеризуется периферийным экономико-географическим положением и экзогенные относительно его экономики факторы не могут оказывать серьезное влияние на бедность. Исходя из полученных в процессе решения задач результатов, разработаны рекомендации по изменению задач развития экономики страны – с достижения экономического роста на социальное развитие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Таджикистан, бедность, причины, экономико-географическое положение, распределение доходов, неравенство.*

Введение

Бедность в Таджикистане – сложная и противоречивая тема. Во-первых, быстрый экономический рост страны не сопровождался таким же быстрым снижением бедности, как это прогнозировалось рядом наднациональных институтов, включая Всемирный банк, хотя с начала 1990-х годов достигну-

ты серьезные результаты. Во-вторых, в стране применяется набор различных программ для борьбы с бедностью, но их эффективность остается сомнительной^{1,2}. В-третьих, несмотря на усилия по созданию современной системы статистического обеспечения, вопрос актуальности и полноты данных по бедности и социальной статистике остается нерешенным. Исходя из сказанного, видится, что отсутствует понимание коренных причин, последствий и потенциальных решений проблемы бедности. Борьба с бедностью в стране имеет важное значение для достижения устойчивого развития, социальной стабильности и улучшения общего качества жизни ее граждан. Таким образом, выявление коренных причин сохранения бедности с опорой на географическое положение и экономическое развитие страны – исключительно актуальная и значимая задача.

Основной целью работы является всесторонний анализ причин сохранения бедности и доказательство гипотезы о том, что ключевыми факторами сохранения бедности являются социальные диспропорции и экономико-географическое положение страны. Исходя из цели работы, выделим основные задачи исследования:

- 1) выявление причин бедности различного генезиса в Таджикистане;
- 2) обоснование несвязанности бедности и экономического роста в стране;
- 3) характеристика географических ограничений борьбы с бедностью в республике.

Работа также направлена на определение потенциальных областей для

1 Оценка на основе национального диалога по вопросам социальной защиты. На пути к национально установленному минимальному уровню социальной защиты в Республике Таджикистан. 2018 г. Международная организация труда. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_652523.pdf (дата обращения: 05.01.2024).

2 Повышение благосостояния через интеграцию целей устойчивого развития в национальную политику развития в Таджикистане. Добровольный национальный обзор. 2017 г. – URL: https://med.tj/documents/main/strategic_national_programm/vnr_v04_21062017%20-%20ru.pdf (дата обращения: 05.01.2024).

улучшения подходов к борьбе с бедностью в Таджикистане и на предложение основанных на фактических данных рекомендаций для эффективной борьбы с бедностью в стране.

Обзор литературы

В части связи экономического роста и бедности существуют два ключевых подхода, которые сводятся к отсутствию или наличию непосредственного влияния первого на второй. Ключевые исследования, доказывающие первую точку зрения [Erlando, Riyanto, Masakazu, 2020; Purnomo, Istiqomah, 2019; Ngubane, Mndebele, Kaseeram, 2023], выделяют роль неявных механизмов такой связи и указывают на невозможность преодоления бедности в условиях ограниченности экономических ресурсов. С другой стороны, более современный подход к проблеме, предлагаемый Всемирным банком, Азиатским банком развития и рядом других институтов и отраженный в ряде работ [Škare, Pržiklas, 2016; Mdingi, Ho, 2021], указывает на то, что бедность многомерна и часто напрямую зависит от социального развития [Some reflections..., 2018] и механизмов распределения доходов в обществе [Amponsah, Agbola, Mahmood, 2023]. В целом же отметим, что количество теорий бедности очень велико и подробно описано в ряде трудов [Addae-Korankye, 2019], которые однозначно указывают на сложность связи экономического роста и бедности напрямую. В рамках этого исследования не меньший интерес представляют работы по выявлению причин бедности, среди которых можно выделить те, которые легли в основу разработки индекса многомерной бедности [Alkire, Santos, 2010; Kovacevic, Calderon, 2014]. Они позволяют систематизировать основные причины бедности и выделить наиболее релевантные из них в отдельной стране.

С точки зрения экономической географии расположение страны играет важную, если не определяющую роль в ее развитии, как и наличие природных и человечески ресурсов [Земцов, Бабурин, 2016]. Ряд исследователей указывают на то, что влияние географии на экономику определяется уровнем развития, пропускной способностью и качеством инфраструктуры [Combes, Mayer, Thisse, 2008], другие используют для оценки экономико-географического положения (ЭГП) товаропоток и экспорт услуг. В то же время нельзя не отметить и то, что тематика бедности часто рассматривается в пространственном разрезе: географическое распределение бедности видится важным элементом, объясняющим ее причины [Yang Zhou, Yansui Liu, 2022]. Общие выводы, к которым приходят исследователи, заключаются в том, что в стране, изолированной от мировых рынков, бедность обычно выше [Bird, McKay, Shinyekwa, 2010], как и в удаленных от основных производств и транспортных артерий регионах отдельно взятого государства.

Отметим работы, которые фокусировались на теме бедности в Таджикистане. Ряд исследований [Аржаев, Андрюхин, Сапрынская, 2022] указывает на системный характер проблемы, что, в частности, характеризуется тем, что решение проблемы бедности невозможно без разрыва порочного круга бедности. Также некоторые исследования выделяют миграцию как фактор сохранения [Умаров, 2010] или преодоления [Rakhmonov, Ledeneva, Akramov, 2023] бедности, а также то, что бедность в стране изучается практически всегда в связке с экономической России или же в исторической перспективе [Насирова, 2020]. Отсутствие самостоятельных исследований экономико-географических причин бедности в Таджикистане видится научной проблемой, и ранее попытки осветить данную проблему не предпринимались.

Методология

В данном исследовании оценивается системность бедности как фактор ее сохранения. В ряде предыдущих трудов М. Картера и А. Макнайта отсутствие связи экономического роста и динамики бедности выделялось как одно из важнейших характеристик системности бедности [McKnight, 2019; Carter, Barrett, 2006]. Для проверки этого аспекта в Таджикистане проведен корреляционный анализ двух рядов данных: доли бедного населения по международной черте бедности и роста валового внутреннего продукта (ВВП) в постоянных ценах 2015 г. в процентах. Корреляционный анализ проводится с использованием 1–3-го лагов, в условиях отсутствия корреляции на значимом уровне (более 0,7) хотя бы в одном из лагов гипотеза о системности бедности в Таджикистане принимается.

Для решения второй задачи исследования, а именно для выделения основных факторов сохранения бедности, анализируются социально-политические и экономические факторы, способствующие ее сохранению, особое внимание уделяется общепризнанным основным причинам бедности, выделенным Й. Вангом, Т. Ошио и Р. Вокером независимо друг от друга и для разных выборок стран [Walker, 2015; Oshio, Kan, 2014; Wang, Wang, 2016]. На основе проведенного анализа выделяются регрессоры для дальнейшего их включения в эконометрическую модель. Сама модель строится по методу наименьших квадратов. Оценка адекватности модели проводится по p -значениям коэффициентов

(меньше α (меньше $\alpha=0,05$)), коэффициенту детерминации ($R^2>0,95$), значимости F -критерия (меньше $\alpha=0,05$) и по критерию Дарбина – Уотсона в части распределения остатков (он должен находиться в пределах табличных значений)³. Выбор наилучшей модели проводится по критериям Акайке и Шварца (чем меньше абсолютное их значение, тем лучше).

Экономико-географическое положение оценивается на основе теоремы Кёнига, подсчет ребер, исходящих из столиц стран региона, позволит охарактеризовать центральность положения страны в Центрально-Азиатском регионе, интегральный результат получается при использовании индекса на основе методологии Мациотта – Парето [Mazziotta, Adriano, 2023]. На основе расчета индекса характеризуется центральность экономико-географического положения Таджикистана в сравнении с другими странами региона. Периферийность положения накладывает ограничения на предлагаемые решения в части международного сотрудничества; центральное положение, наоборот, позволяет решить эндогенные экономические проблемы при помощи инструментария внешнего характера.

Результаты

Национальная стратегия развития Республики Таджикистан⁴ в явном виде указывает на целеполагание снижения уровня бедности в стране и лежит в основе современной системы законодательства по борьбе с бедностью. Правительство Таджикистана проводит различные социально-политические меры

3 Для $k=6$, $n=10$ самые близкие значения $dl=0,105$, $du=3,053$. Durbin-Watson Significance Tables. – URL: https://www3.nd.edu/~wevans1/econ30331/Durbin_Watson_tables.pdf (дата обращения: 05.01.2024).

4 Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. – 2016. – URL: <https://andoz.tj/docs/strategy/1.%d0%9d%d0%b0%d1%86%d0%b8%d0%be%d0%bd%d0%b0%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d0%b0%d1%8f%20%d1%81%d1%82%d1%80%d0%b0%d1%82%d0%b5%d0%b3%d0%b8%d1%8f%202030.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).

Рисунок 1. Рост ВВП Таджикистана (в %) и динамика уровня бедности (% населения за международной чертой бедности)

Figure 1. Tajikistan's GDP growth (in %) and dynamics of the poverty level (% of the population below the international poverty line)

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка.

для преодоления бедности, в первую очередь за счет повышения заработных плат, пенсий и стипендий. Например, такие повышения были в 2008, 2016, 2018, 2022 гг., в результате которых доходы работников бюджетного сектора увеличивались от 15 до 50%. Повышение государственных расходов на образование указывает на сохранение спроса на высококвалифицированных специалистов в стране. Так, в 2010 г. на образование выделялось примерно 90 млн долл., а в 2022 г. составили 618 млн долл.⁵

Разработанные меры выглядят достаточно логично и не противоречат современному восприятию борьбы с бедностью как многомерной проблемой, но оказываются недостаточными и неэффективными. На это указывают не только результаты исследований, но и принятие закона «Об упорядочении традиций торжеств и обрядов в Республике Таджикистан»⁶. Целью данного

закона было уменьшение трат граждан Таджикистана на праздничные торжества. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что основные эффекты от снижения бедности в стране происходят со стороны потребления, а не роста доходов. В условиях стабильно высокого роста ВВП этот факт доказывает не только неэффективность мер по стимулированию роста заработных плат и качества человеческого капитала, но и указывает на отсутствие в стране механизмов вертикального перераспределения доходов.

В соответствии с методологией проанализируем связь экономического роста и бедности в Таджикистане (рисунок 1).

Как демонстрирует рисунок 1, рост ВВП в стране устойчиво высокий, тогда как уровень бедности снижается медленно. Проведем корреляционный анализ этих двух показателей: корреляция между ними составляет 0,2380,

⁵ Government expenditure on education, total (% of government expenditure) – Tajikistan. – 2024. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GB.ZS?locations=TJ> (дата обращения: 25.02.2024).

⁶ Закон Республики Таджикистан «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан». – URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/3960/zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-uporyadochenii-traditsii-torzhestv-t-obryadov-v-respublike-tadzhikistan> (дата обращения: 05.01.2024).

корреляция с первым лагом составляет 0,1332, со вторым – 0,1730, с третьим – 0,1360⁷. Экономический рост в стране и динамика бедности никак не связаны. Это доказывает системную бедность в Таджикистане.

Для выявления реального генезиса бедности кратко систематизируем социально-политические и экономические предпосылки возникновения и сохранения бедности в Таджикистане.

Экономические и социально-политические предпосылки сохранения бедности в Таджикистане

В конце 80-х – начале 90-х годов, еще до распада Союза, в Таджикской ССР отмечался высокий рост исламизации и национализма, что способствовало миграции в первую очередь некоренного населения в другие государства [Назаришоева, 2019]. После распада Советского Союза в 1991 г. Таджикистан почти сразу был втянут в Гражданскую войну (1992–1997), которая оказала разрушительное воздействие на всю страну. В ходе этой войны, по различным данным, погибло от 80 тыс. до 150 тыс. граждан⁸. Значительным успехом является сохранение государственности в таких условиях, чему поспособствовал и национальный состав населения, не воспроизводящий центробежные тенденции. Всего за эти годы страну покинули 600 тыс. человек, в первую очередь из республики уезжали высококвалифицированные специалисты:

врачи, ученые, учителя. Были уничтожены почти вся промышленность и энергетика, в общей сумме экономические потери достигли 7 млрд долл. Их восстановление затянулось на длительный срок из-за уже отмеченной нехватки специалистов высокой квалификации и проблем с обучением нового поколения.

В результате военно-политического кризиса и оттока высококвалифицированных кадров образовалась проблема с образованием на всех уровнях. Несмотря на то, что происходит открытие новых учебных заведений, нехватка преподавательского состава остается актуальной, особенно среди учителей точных наук⁹. Также нередки и случаи сборов денежных средств для ремонта класса/школы, что наблюдается не только в Таджикистане, но указывает на недофинансированность сферы образования¹⁰. Кроме этого, актуальной проблемой остается получение базового образования: около 120 тыс. детей не посещают школы, а выходят на работу в связи с тем, что у родителей нет средств, чтобы обеспечить учебу своему ребенку¹¹.

Все вышеперечисленные тенденции наблюдаются на фоне быстрого роста населения. За последние 30 лет население Таджикистана увеличилось вдвое – с 5 млн до 10 млн. Однако из-за нехватки рабочих мест, слабого развития образования гражданам республики необходимо искать альтернативы выхода на работу в своей стране, либо в теневом или откровенно нелегальном секторе, либо в миграции за границу.

7 Рассчитано авторами.

8 Ульмасов Р. История таджикской миграции: уроки прошлого, лики будущего // РСМД. – 2018. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/istoriya-tadzhikskoy-migratsii-uroki-proshlogo-lik-budushchego/> (дата обращения: 05.01.2024).

9 Обеспечение инклюзивного и справедливого образования и комплексное обеспечение непрерывного образования. = Таъмини тахсилоти фарогир ва баробархуқуқ ва таъмини ҳамаҷонибаи тахсилоти ҳамешагӣ // Цели устойчивого развития. – 2023. – Тадж. яз. – URL: <https://tajstat.github.io/sdg-site-tajikistan/tg/4/> (дата обращения: 25.02.2024).

10 Поборы в школах – это норма в Таджикистане? // ASIA-Plus. – 2023. – 27 сентября. – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20230927/pobori-v-shkolah-eto-norma-v-tadzhikistane> (дата обращения: 05.01.2024).

11 Public Expenditure and Institutional Review of the Social Protection Sector in Tajikistan // ILO. – 2023. – URL: https://www.ilo.org/moscow/information-resources/publications/WCMS_866740/lang--en/index.htm (дата обращения: 23.02.2024).

Охарактеризовав предпосылки социального и политического характера, обратимся к экономическим барьерам преодоления бедности в стране. Экономика Таджикистана является преимущественно сельскохозяйственной. Так, свыше 70% населения проживает в сельской местности¹². Здесь уместно отметить и то, что Таджикистан обладает большими водными ресурсами, но большая часть страны гористая, что априори усложняет сельское хозяйство и ограничивает возможности доставки воды на посевные площади. Также страну отличает относительно невысокая производительность труда, что опять же снижает конкурентоспособность местной сельхозпродукции.

Не менее важным сектором экономики страны является горнодобывающая промышленность. Но здесь ярко проявляется проблема эксплуатации полезных ископаемых и ресурсов транснациональными корпорациями (ТНК) [Heathershaw, 2011; Umarov, 2020], в первую очередь китайскими горнодобывающими компаниями¹³. Редистрибуция доходов от их деятельности в экономике страны относительно слабая, так как в Таджикистане, как и в остальных государствах Центральной Азии, отмечается невысокое развитие механизмов перераспределения доходов в обществе, что и определяет отсутствие корреляции между сохранением высоких темпов роста экономики страны и сокращением бедности. В то же время экспорт малых и средних предприятий был относительно невы-

соким до миграции российского бизнеса в Таджикистан с началом СВО¹⁴ [Rakhmonov, 2022].

Высокая зависимость экономики Таджикистана от денежных переводов (преимущественно из России) – еще один фактор, способствующий сохранению бедности в Таджикистане. Это связано с тем, что занятость на территории страны в условиях быстрого роста населения представляется привилегией, тогда как каждый десятый житель Таджикистана является временным трудовым мигрантом в других странах, 90% из них работает в России [Бедрина, Фаизова, 2019]. Здесь важно отметить, что в зависимости от курса рубля, количества таджикского населения в России, что регулируется российской миграционной политикой и их зарплатами, переводы занимали от 30 до 40% ВВП Таджикистана с 2015 г. до настоящего времени. Помимо этого, труд в Российской Федерации оплачивается гораздо выше (это и объясняет невысокую эффективность программ повышения оплаты труда и занятости в Республике): например, средняя зарплата в Таджикистане в 2023 г. была равна 1 864 сомони (примерно 15 тыс. рублей), тогда как в России, по некоторым оценкам, средние зарплаты мигрантов составляют 47 тыс. рублей (в 4 раза больше)¹⁵.

Таджикистан получал и получает значительную помощь от наднациональных структур, которые содействуют снижению бедности в стране. Как показывает практика, эта помощь,

12 Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. = Агентии овори назди президенти ҷумҳурии тоҷикистон. – 2022. – Тадж. яз. – URL: <https://www.stat.tj/im/perepis-naseleniya-2020> (дата обращения: 25.02.2024).

13 Китай будет разрабатывать золоторудное месторождение в Таджикистане. – 2018. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/20180409/china-licenziyu-razrabotku-zolotorudnogo-mestorozhdeniya-tajikistan-1025248239.html> (дата обращения: 05.01.2024).

14 Russia-Tajikistan talks. – 2023. – URL: <http://government.ru/en/news/47911/> (дата обращения: 05.01.2024).

15 Average Salary in Tajikistan for 2024 // World Salaries. – 2024. – URL: <https://worldsalaries.com/average-salary-in-tajikistan/> (дата обращения: 25.02.2024); Часть трудовых мигрантов может покинуть Россию из-за ослабления рубля // Ведомости. – 2023. – 15 августа. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/08/15/990094-chast-trudovih-migrantov-mozhet-pokinit-rossiyu> (дата обращения: 05.01.2024).

Таблица 1. Факторы, способствующие сохранению бедности в Таджикистане
Table 1. Factors contributing to the persistence of poverty in Tajikistan

Социально-политические	Переменные	Экономические	Переменные
Длительный политический кризис	фиктивная переменная времени	Недостаточный объем рынка труда	безработица, % населения
Миграция населения	количество эмигрантов, чел.	Низкие зарплаты в стране	средняя зарплата, долл.
Низкое качество образования кадров	доля граждан с высшим образованием, % населения; количество преподавателей на 1 обучающегося, чел.	Низкая производительность труда в аграрном секторе	доля продукции аграрного сектора в ВВП, %
Высокий темп роста населения	темп роста населения, %	Зависимость от иностранных инвестиций	объем ПИИ, млн долл.
Бедность в семьях*	-	Высокая значимость доходов мигрантов	объем переводов мигрантов из Российской Федерации, млн долл.
Экономическое неравенство	коэффициент Джини	Быстрый экономический рост	темп роста ВВП, %
		Неиндустриальный характер экономики	доля промышленной продукции в ВВП, %
		Международная торговля	экспорт страны, млн долл.

* В связи с неразработанностью методов оценки неравенства внутри семей адекватно отразить этот параметр количественно невозможно.

Источник: составлено авторами.

вследствие уже упомянутого отсутствия корреляции между экономическим ростом и бедностью в стране, не влияет на уровень бедности, хотя и содействует экономическому развитию [Abduvaliev, Bustillo, 2020].

Систематизируем факторы сохранения бедности в стране в таблице 1. Для дальнейшего составления эконометрической модели для каждого фактора подберем описывающие его переменные.

Проведем эконометрическое моделирование динамики бедности в Таджикистане для ответа на вопрос о том, что мешает разрыву порочного круга бедности в стране. Таблица 2 отражает наиболее удачный фит модели в соот-

ветствии с подходом, описанным в методологии исследования.

Важным результатом, происходящим из предложенного анализа, является большое влияние на бедность не ВВП, миграции как таковой или же доли сельского хозяйства в экономике, что могло бы охарактеризовать ее как экономическое явление и сформировать соответствующие меры, а переводов из-за границы, коэффициента Джини и доли промышленного сектора в ВВП. Это явно указывает на значимость географического фактора, зависимость бедности от динамики российской экономики, курса рубля к доллару и аналогичных явлений, а также на то, что бедность снижается при непосредственном

Таблица 2. Параметры модели бедности в Таджикистане

Table 2. Parameters of the poverty model in Tajikistan

Показатель ¹⁶	Коэффициент	Ст. ошибка	T-статистика	P-значение
<i>Const</i>	108,659	3,90141	27,85	0,0001
<i>Gini</i>	5,76108	0,507416	11,35	0,0015
<i>HSEnrollment</i>	0,673894	0,0746212	9,031	0,0029
<i>Pupilsperteacher</i>	1,23105	0,131009	9,397	0,0026
<i>Population</i>	-1,48320e-05	8,64219e-07	-17,16	0,0004
<i>Industry</i>	0,387911	0,0543481	7,138	0,0057
<i>Remittances</i>	0,00116219	9,60186e-05	12,10	0,0012
Среднее завис. перемен	28,97000	ст. откл. завис. перем.		2,941296
Сумма кв. остатков	0,271879	ст. ошибка модели		0,301042
R-квадрат	0,996508	исправ. R-квадрат		0,989524
F(6, 3)	1320,684	P-значение (F)		0,000032
Лог. правдоподобие	3,835535	крит. Акаике		6,328931
Крит. Шварца	8,447026	крит. Хеннана – Куинна		4,005385
Параметр rho	-0,555085	стат. Дарбина – Уотсона		3,007208

Источник: составлено авторами по данным Gretl.

получении доходов бедными в стране, а не в виде переводов (положительный коэффициент при переменной перевода), и не вследствие экономического роста, который как раз увеличивает разрыв между бедными и богатыми (следует из положительного значения коэффициента при индексе Джини). Отметим также, что рост населения как раз способствует снижению бедности, что может указывать на то, что в крупных семьях происходит внутреннее перераспределение ресурсов и выравнивается уровень жизни. Результаты моделирования отражены на рисунке 2.

Анализируя рисунок 2 и потенциал снижения бедности, необходимо отметить, что большинство факторов, способствующих этому процессу, носят внутренний характер, несмотря на значимость географического фактора, тогда как предполагая, что широко тиражируемый нарратив о «центральности» положения региона справедлив [Чжоу Цзюнь, 2017; Притчин, 2022], можно было бы предположить, что как раз сотрудничество с другими странами, торговля, ПИИ должны были бы играть ключевую роль в процессе.

¹⁶ *Gini* – коэффициент Джини, *HSEnrollment* – доля граждан с высшим образованием, % населения, *Pupilsperteacher* – количество преподавателей на 1 обучающегося, *Population* – население, *Industry* – доля промышленной продукции в ВВП, *Remittances* – объем переводов мигрантов из России.

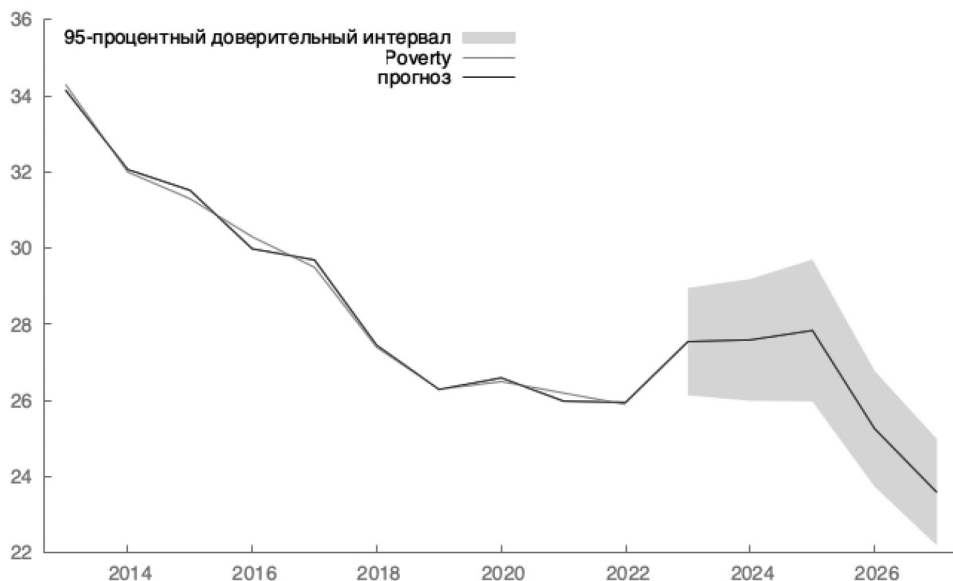

Рисунок 2. Прогноз роста/снижения бедности в Таджикистане

Figure 2. Poverty forecast in Tajikistan

Источник: составлено авторами на основе эконометрической модели по данным различных источников¹⁷.

Отметим также прогнозируемый рост бедности в 2024 и 2025 годах, связанный с сохранением западных санкций против России, падением уровня индустриального развития страны вследствие прогнозируемого снижения темпов роста экономики и сохранения высокого уровня неравенства в обществе.

Экономико-географические причины бедности в Таджикистане

Говоря о бедности в Центральной Азии, принято указывать на центральное положение региона в Евразии. Именно эту идею разработал Д.Х. Мак-

киндер, называя регион «хартлендом». В данном исследовании в первую очередь нас будет интересовать связанность Таджикистана с другими государствами и потенциал развития инфраструктуры для преодоления бедности через более глубокое включение страны в мировую экономику, на возможность чего указывает ряд исследований [Дьячков, 2015]. Для этого обратимся к географии страны.

Территория Таджикистана на 93% состоит из высоких и труднопроходимых горных массивов. По этой причине в республике сложно организовать не только товарооборот между регионами, но и логистику между страной

¹⁷ Рост объема денежных переводов остается устойчивым, но ожидается его замедление // Группа Всемирного банка. Пресс-релиз. – 2023. – 14 июня. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2023/06/13/remittances-remain-resilient-likely-to-slow> (дата обращения: 05.01.2024); ITC. Bilateral trade between Tajikistan and World Product: TOTAL All products // ITC. – 2023. – URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c762%7c%7c000%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 05.01.2024).

Таблица 3. Индекс центральности стран Центральной Азии
Table 3. Centrality index for Central Asian countries

Вид транспорта	Количество маршрутов	Индекс центральности
Душанбе		
ж/д	4	0,391
авиа	23	
авто	12	
Ташкент		
ж/д	7	0,580
авиа	36	
авто	47	
Бишкек		
ж/д	6	0,438
авиа	21	
авто	34	
Астана		
ж/д	36	0,752
авиа	38	
авто	75	
Ашхабад		
ж/д	3	0,376
авиа	21	
авто	14	

Источник: составлено и рассчитано авторами по открытым данным Яндекс.Расписания, *tutu.ru* и данным автовокзалов.

и ее соседями: Таджикистан из-за своего географического положения и высокогорного ландшафта оказался отделен от основных торговых и транспортных узлов, из-за чего республика испытывает трудности с перевозкой своей сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых для последующей продажи.

Географическое положение Таджикистана ограничивает его логистическую привлекательность: страна нахо-

дится на периферии основных торгово-логистических путей даже в Центрально-Азиатском регионе, из-за чего основной объем товарооборота из Китая в Россию или из России в Южную Азию (на сегодняшний день это одни из крупнейших товаропотоков в Евразии) проходит не по территории республики¹⁸. Единственным регионом Таджикистана, который находится в более удачном географическом положении, является Согдийская область: одна

18 Евразийская сопряженность для взаимовыгодной торговли и социально-экономического развития // Валдайский клуб. – 2022. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaya-sopryazhyennost/> (дата обращения: 05.01.2024).

из четырех свободных экономических зон Таджикистана расположена как раз в этом регионе, связанность которого с остальной частью страны затруднена Зеравшанским хребтом. Оценим ЭГП страны с использованием теоремы Кеннига (таблица 3).

Таким образом, Таджикистан находится на периферии региона, в большей изоляции находится только Туркменистан. Главная причина описанного выше явления – в стране отсутствует необходимая инфраструктура для получения эффектов от интеграции в международную экономику, и глобальные цепочки добавленной стоимости, влияние наднациональных структур на бедность выражаются исключительно их влиянием на внутренние факторы ее сохранения, что в условиях системной бедности (определяемой внутренними экономико-социальными факторами) не может иметь значительного влияния на динамику проблемы. Аналогично торгово-инвестиционное сотрудничество с Таджикистаном: хотя оно интересно ключевым игрокам в регионе (России и КНР) [Национальные стратегии..., 2023], не может внести значительный вклад в противодействие бедности. Для Таджикистана характерно не только сохранение факторов бедности на уровне национальной экономики, что следует из таблицы 2, но и географические ограничения получения стимулов преодоления бедности извне, – именно это доказывает низкое значение индекса центральности страны в таблице 3. Очевидно, что географические ограничения преодоления бедности не позволяют стране активно развивать экономическое сотрудничество с Россией и Китаем для получения драйверов преодоления бедности, а внутренние ограничивают распределение эффектов от роста экономики Таджикистана между ее институциональными секторами, основные поло-

жительные эффекты концентрируются у обеспеченного населения, в городах и промышленных центрах. Неинновационный характер экономики страны, выявленный выше, также ограничивает возможности интенсивного роста ее экономики, использование ограниченных в том числе и географическим положением страны факторов производства не дает дополнительных эффектов роста социально-экономических показателей. Всё сказанное выше обобщает незначительные эффекты интенсификации экономического сотрудничества России и Китая с Таджикистаном с точки зрения преодоления проблемы бедности в стране.

Обсуждение

Бедность в Таджикистане, несмотря на свою схожесть с данной проблемой в других странах Центральной Азии, имеет ряд особенностей. Одна из основных – это географическое положение: Таджикистан буквально заперт в горных массивах Памира и Тянь-Шаня. Именно из-за географического положения Таджикистану сложно встроиться в глобальные цепочки добавленной стоимости, а также практически невозможно импортировать высокие технологии: организация базы их применения затруднена сложностью оперативного экспорта и импорта продукции. В частности, именно поэтому функционирование особых экономических зон на территории страны не имеет желаемого эффекта и ограничивается низкотехнологичным производством, в основном для внутреннего рынка [Комилов, Гафаров, 2017].

Исходя из сказанного, отметим, что логичным подходом к решению проблемы бедности может стать экспорт услуг, характеризующихся большим количеством их производителей (из-за неразвитости механизма пере-

распределения доходов это будет иметь больший эффект снижения бедности). Спектр таких услуг ограничен: в основном это туризм и связанные с ним внутренние транспортные услуги, строительные услуги и экспорт рабочей силы. Последний фактор уже играет ключевую роль в преодолении бедности в стране, тогда как развитие туризма требует проработки таких вопросов, как формирование центров притяжения туристов, развитие транспортных услуг внутри страны, развитие сферы гостеприимства. Однако туризм слабо влияет на аграрные и горные районы, даже в части экотуризма создаются точечные драйверы роста, что ограничивает его эффекты для бедности в Таджикистане.

Явным решением проблемы ограниченности экспорта является повышение спроса внутри страны. С акцентом на производство сельхозпродукции можно предложить развивать программу «Сделано в Таджикистане» и предлагать продукты пищевой промышленности страны на внутреннем рынке вместо сельхозсырья. Аналогичная рекомендация касается и экспорта страны. Горнорудный сектор экономики можно предложить регулировать таким образом, чтобы на законодательном уровне переработка добытого сырья проводилась на территории страны в определенной пропорции, относительно добавленной стоимости конечного продукта. Для этого уместны как фискальные меры (снижение пошлин на экспорт продукции отрасли высоких переделов), так и монетарные, например создание государственных горно-обогатительных и металлургических предприятий. Это не только создаст рабочие места внутри страны, но и позволит увеличить оплату труда. В целом рекомендации по снижению бедности сводятся к развитию внутреннего спроса и индустриализации

экономики страны; декларируемый в Стратегии развития – 2030 курс видится верным, но требует корректировок для более справедливой дистрибуции ресурсов и доходов в стране.

Место некоммерческих организаций (НКО) и наднациональных структур в преодолении бедности в Таджикистане редко обсуждается, но они могут выступать центрами мобилизации ресурсов для снижения остроты бедности в отдаленных регионах. Показателен пример Сети по развитию Ага-хана (*Aga Khan Development Network*) в преодолении бедности в Горно-Бадахшанской автономной области. Она занималась восстановлением и созданием новых дорог и мостов, строительством школ, медицинских пунктов, мини-ГЭС. Справедливо отметить, что сама организация носит полурелигиозный характер и достаточно радикальна, но ее деятельность снижает бедность в регионах функционирования [Settle, 2012]. Формирование фондов развития регионов, финансируемых наиболее успешным местным бизнесом при содействии центральной власти на основе предложенной схемы развития инфраструктуры, видится одним из реалистичных решений для снижения бедности, однако важно, чтобы такие решения носили светский характер. Роль наднациональных структур в преодолении бедности в стране, как уже было сказано ранее, невелика и требует пересмотра в части национальной политики. Предлагается сформировать пул приоритетных проектов в соответствии с их влиянием на бедность на национальном уровне и предлагать их приоритетное финансирование наднациональными структурами.

В целом предложенные рекомендации проистекают из логики развития экономики Таджикистана и носят характер акцентирования внимания не на экономическом росте как таковом, а на социальных эффектах этого роста.

Выводы

К основным результатам исследования можно отнести ряд положений, из которых проистекают ключевые характеристики генезиса бедности в стране.

Бедность в Таджикистане определяется такими основными факторами, как экономическое неравенство, низкое качество образования и нехватка квалифицированных специалистов на внутреннем рынке, рост населения, низкая индустриализованность экономики, высокая зависимость от экспорта трудовой силы и динамики развития основного рынка этого экспорта – России. Эти факторы сформировались и существуют под воздействием географических ограничений развития – периферийного положения страны даже в Центрально-Азиатском регионе.

В Таджикистане сформировалась системная бедность, при которой экономический рост не содействует снижению бедности. В связи с этим уместно акцентировать внимание на том, что механизмы перераспределения доходов в обществе в Таджикистане не развиты, а программные документы экономического развития страны не уделяют должного внимания этой проблеме. Предложены рекомендации, позволяющие в отсутствии таких механизмов содействовать снижению бедности через развитие сектора услуг (туристических и транспортных), содействие формированию производства полного цикла на территории страны или как минимум экспорту продукции высокого передела, а также повышению роли НКО и наднациональных структур в процессе преодоления бедности через регионализацию их деятельности и приоритетное содействие проектам с высоким социальным эффектом.

Список литературы

Аржаев Ф.И., Андрюхин В.Ю., Сапрынская Д.В. Теоретические основы моделирования системной бедности на примере Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 86–111. – DOI: 10.24833/2071-8160-2022-6-87-86-111.

Бедрина Е.Б., Фаизова А.Р. Миграция в Россию как способ решения проблемы бедности в Таджикистане // Human Progress. – 2019. – Т. 5, вып. 6. – С. 1–10.

Дьячков А.С. Географическое положение стран Центральной Азии как основа формирования политического и экономического пространства региона // Проблемы безопасности российского общества. – 2015. – № 2. – С. 151–155.

Земцов С.П., Бабуринов В.Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. – 2016. – № 1. – С. 117–138.

Комилов С.Дж., Гафаров Ф.М. Роль свободных экономических зон в развитии инвестиционного потенциала региона (на примере Республики Таджикистан) // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 3 (63). – С. 194–197.

Назаршоева С.Ф. Гражданская война в Республике Таджикистан и ее влияние на миграционные процессы // Известия АлтГУ. – 2019. – № 6 (110). – С. 81–85.

Насирова У.Н. Проблема бедности и пути ее преодоления в Таджикистане в условиях рыночной экономики // Вопросы науки и образования. – 2020. – № 13 (97). – С. 21–25.

Национальные стратегии стран Центральной Азии как инструмент обеспечения социальной стабильности: фактор бедности / Аржаев Ф.И., Андрюхин В.Ю., Крицкий Д.В., Котик А.В., Сапрынская Д.В. // Международная жизнь. – 2023. – № 5. – С. 58–69.

Притчин С. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2022. – Т. 66, № 6. – С. 112–123. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123.

Умаров Х. Исследовательский доклад «Таджикская трудовая миграция в условиях глобального финансового кризиса: причины и последствия». – Душанбе : Представительство Международной Организации по Миграции, 2010. – 56 с. – URL: <https://tajikistan.iom.int/sites/g/files/tmzbd12216/files/documents/globalcrisis.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).

Чжоу Цзюнь. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // *Управленческое консультирование*. – 2017. – № 3 (99). – С. 164–170.

Abduvaliev M., Bustillo R. Patterns of Official Development Assistance in Tajikistan: Effects on Growth and Poverty Reduction // *Revista Brasileira de Política Internacional*. – 2020. – Vol. 63, N 2. – P. 1–25.

Addae-Korankye A. Theories of Poverty: A Critical Review // *Journal of Poverty, Investment and Development*. – 2019. – Vol. 48. – P. 55–62. – DOI: 10.7176/JPID/48-08.

Alkire S., Santos M.E. Acute Multidimensional Poverty: A New Index for Developing Countries // *OPHI Working Papers*. University of Oxford. – 2010. – N 38. – URL: <https://ophi.org.uk/wp-38/> (дата обращения: 05.01.2024).

Amponsah M., Agbola F.W., Mahmood A. The relationship between poverty, income inequality and inclusive growth in Sub-Saharan Africa // *Economic Modelling*. – 2023. – Vol. 126, September. – DOI: 10.1016/j.econmod.2023.106415.

Bird K., McKay A., Shinyekwa I. Isolation and poverty: the relationship between spatially differentiated access to goods and services and poverty // ODI. –

2010. – URL: <https://odi.org/en/publications/isolation-and-poverty-the-relationship-between-spatially-differentiated-access-to-goods-and-services-and-poverty/> (дата обращения: 05.01.2024).

Carter M.R., Barrett Ch.B. The economics of poverty traps and persistent poverty: An asset-based approach // *The Journal of Development Studies*. – 2006. – Vol. 42, N 2. – P. 178–199. – DOI: 10.1080/00220380500405261.

Combes P.-Ph., Mayer Th., Thisse J.-F. *Economic Geography: The Integration of Regions and Nations*. – Princeton : Princeton University Press, 2008. – 424 p.

Erlando A., Riyanto F.D., Masakazu S. Financial inclusion, economic growth, and poverty alleviation: evidence from eastern Indonesia // *Heliyon*. – 2020. – Vol. 6, N 10. – DOI: 10.1016/j.heliyon.2020.e05235.

Heathershaw J. Tajikistan amidst globalization: State failure or state transformation? // *Central Asian Survey*. – 2011. – Vol. 30, N 1. – P. 147–168. – DOI: 10.1080/02634937.2011.554070.

Kovacevic M., Calderon C. UNDP's Multidimensional Poverty Index: Methodology Paper. – New York : UNDP, 2014. – 31 p. – URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/specificationsforcomputationofthempi.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).

Mazziotta M., Pareto A. Weighting in composite indices construction: the case of the Mazziotta-Pareto index // *Rivista Italiana di Economia, Demografia e Statistica*. – 2023. – Vol. 76. – P. 17–26. – URL: https://www.istat.it/it/files/2013/12/Rivista2013_Mazziotta_Pareto.pdf (дата обращения: 05.01.2024).

McKnight A. Understanding the relationship between poverty, inequality and growth: a review of existing evidence // *CASE Paper*. – 2019. – N 216. – P. 1–30. – URL: <https://sticerd.lse.ac.uk/dps/case/cp/casepaper216.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).

Mdingi Kh., Ho S.-Y. Literature review on income inequality and economic growth // *MethodsX*. – 2021. – Vol. 8. – Article no. 101402. – DOI: 10.1016/j.mex.2021.101402.

Ngubane M.Z., Mndebele S., Kaseeram I. Economic growth, unemployment and poverty: Linear and non-linear evidence from South Africa // *Heliyon*. – 2023. – Vol. 9, N 10. – DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e20267.

Oshio T., Kan M. Multidimensional poverty and health: evidence from a nationwide survey in Japan // *International Journal for Equity in Health*. – 2014. – Vol. 13. – Article no. 128. – DOI: 10.1186/s12939-014-0128-9.

Purnomo S.D., Istiqomah I. Economic Growth and Poverty: The Mediating Effect of Employment // *JEJAK: Jurnal Ekonomi dan Kebijakan*. – 2019. – Vol. 12, N 1. – P. 238–252. – DOI: 10.15294/jejak.v12i1.18591.

Rakhmonov A.Kh. New sanctions of the European Union and United States against Russia and their impact on Tajikistan's socio-economic development // *Управление*. – 2022. – № 4. – С. 121–131. – DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-4-121-131.

Rakhmonov A.Kh., Ledeneva V.Yu., Akramov Sh.Yu. Contribution of Tajik labor migrants to the economy of OECD countries and Tajikistan // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика*. – 2023. – № 2. – С. 35–47. – DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-35-47.

Settle A.C. The New Development Paradigm Through the Lens of the Aga Khan Rural Support Programme: Legitimacy,

Accountability and the Political Sphere // *Community Development Journal*. – 2012. – Vol. 47, N 3. – P. 386–404. – DOI: 10.1093/cdj/bsq065.

Škare M., Pržiklas D.R. Poverty and economic growth: a review // *Technological and Economic Development of Economy*. – 2016. – Vol. 22, N 1. – P. 156–175. – DOI: 10.3846/20294913.2015.1125965.

Some reflections on poverty eradication, true development and sustainability within CST / Sapena J., Almenar V., Apetrei A., Escrivá M., Gil M. // *Journal of Innovation & Knowledge*. – 2018. – Vol. 3, N 2. – P. 90–92. – DOI: 10.1016/j.jik.2017.12.005.

Umarov Kh. Lack of Suitable Business Environment in Tajikistan Leads to Migration // *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*. – 2020. – URL: <https://cabar.asia/en/kh-umarov-lack-of-suitable-business-environment-in-tajikistan-leads-to-migration> (дата обращения: 05.01.2024).

Walker R. Multidimensional Poverty // *GSDRC Professional Development Reading Pack*. – 2015. – N 22. – 7 p. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a0898140f0b652dd000260/Multidimensional-Poverty_RP.pdf (дата обращения: 05.01.2024).

Wang Y., Wang B. Multidimensional poverty measure and analysis: a case study from Hechi City, China // *SpringerPlus*. – 2016. – Vol. 5. – Article no. 642. – DOI: 10.1186/s40064-016-2192-7.

Yang Zhou, Yansui Liu. The geography of poverty: Review and research prospects // *Journal of Rural Studies*. – 2022. – Vol. 93, July. – P. 408–416. – DOI: 10.1016/j.jrurstud.2019.01.008.

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.08

Economic and Geographical Genesis of Poverty in Tajikistan: Potential for Economic Growth While Maintaining Social Disparities

Fedor I. ARZHAEV

PhD, Senior Researcher, Institute for International Economic Relations Research
Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy Avenue, 49/2, Moscow, Russian Federation, 125167
E-mail: Fedor.arzhaev@bk.ru
ORCID: 0000-0002-2986-3235

Vladimir E. BORISKIN

Student, Institute of Asian and African Countries
Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya Street, 11, Building 1, Moscow, Russian Federation, 125009
E-mail: w.bohrerman@yandex.ru
ORCID: 0009-0009-7602-3800

CITATION: Arzhaev F.I., Boriskin V.E. (2024). Economic and Geographical Genesis of Poverty in Tajikistan: Potential for Economic Growth While Maintaining Social Disparities. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 3, pp. 149–168 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.08

Received: 16.01.2024.

Revised: 29.02.2024.

ABSTRACT. *The problem of poverty in Tajikistan, despite attempts to solve it, remains relevant today. Progress in this matter is certainly noticeable, but the decisions made in terms of social policy are of questionable effectiveness and are aimed more at reducing the level of poverty on paper than at identifying and eliminating its causes. In this regard, it is extremely important to determine the real reasons for the persistence of poverty in the country, to understand whether it is systemic and what is the influence of the geographical factor on it. Based on this, the purpose of the study is to analyze the reasons for the persistence of poverty and prove the hypothesis that the key fac-*

tors in the persistence of poverty are social disparities and the economic and geographical position of the country. To achieve this goal, a number of tasks have been solved, in particular, it has been proven that economic growth in the country does not affect the level of poverty, the following main factors for the persistence of poverty have been identified: economic inequality, low quality of education and lack of qualified specialists in the domestic market, population growth, low share industrial sector in the economy, high dependence on labor exports and the dynamics of development of the main market for this export, i.e. Russia. In addition, it was revealed that Tajikistan is charac-

terized by a peripheral economic and geographical location and factors exogenous to its economy cannot have a serious impact on poverty. Based on the results obtained in the process of solving problems, recommendations have been developed for changing the objectives of the country's economic development from achieving economic growth to social development.

KEYWORDS: *Tajikistan, poverty, causes, economic-geographical location, income distribution, inequality.*

Reference

- Abduvaliev M., Bustillo R. (2020). Patterns of Official Development Assistance in Tajikistan: Effects on Growth and Poverty Reduction. *Revista Brasileira de Política Internacional*. Vol. 63, no. 2, pp. 1–25.
- Addae-Korankye A. (2019). Theories of Poverty: A Critical Review. *Journal of Poverty, Investment and Development*. Vol. 48, pp. 55–62. DOI: 10.7176/JPID/48-08.
- Alkire S., Santos M.E. (2010). Acute Multidimensional Poverty: A New Index for Developing Countries. *OPHI Working Papers*. University of Oxford. No. 38. Available at: <https://ophi.org.uk/wp-38/>, accessed 05.01.2024.
- Amponsah M., Agbola F.W., Mahmood A. (2023). The relationship between poverty, income inequality and inclusive growth in Sub-Saharan Africa. *Economic Modelling*. Vol. 126, September. DOI: 10.1016/j.econmod.2023.106415.
- Arzhaev F.I., Andriukhin V.Y., Saprynskaya D.V. (2022). Systemic Poverty Modelling: Case of Central Asia. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 15, no. 6, pp. 86–111 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2022-6-87-86-111.
- Bedrina E.B., Faizova A.R. (2019). Migration to Russia as a way to solve the problem of poverty in Tajikistan. *Human Progress*. Vol. 5, issue 6, pp. 1–10 (in Russian).
- Bird K., McKay A., Shinyekwa I. (2010). Isolation and poverty: the relationship between spatially differentiated access to goods and services and poverty. ODI. Available at: <https://odi.org/en/publications/isolation-and-poverty-the-relationship-between-spatially-differentiated-access-to-goods-and-services-and-poverty/>, accessed 05.01.2024.
- Carter M.R., Barrett Ch.B. (2006). The economics of poverty traps and persistent poverty: An asset-based approach. *The Journal of Development Studies*. Vol. 42, no. 2, pp. 178–199. DOI: 10.1080/00220380500405261.
- Combes P.-Ph., Mayer Th., Thisse J.-F. (2008). *Economic Geography: The Integration of Regions and Nations*. Princeton: Princeton University Press, 424 pp.
- Dyachkov A.S. (2015). The geographical position of the Central Asian countries as the basis for the formation of the political and economic space of the region. *Security Problems of the Russian Society*. No. 2, pp. 151–155 (in Russian).
- Erlando A., Riyanto F.D., Masakazu S. (2020). Financial inclusion, economic growth, and poverty alleviation: evidence from eastern Indonesia. *Heliyon*. Vol. 6, no. 10. DOI: 10.1016/j.heliyon.2020.e05235.
- Heathershaw J. (2011). Tajikistan amidst globalization: State failure or state transformation? *Central Asian Survey*. Vol. 30, no. 1, pp. 147–168. DOI: 10.1080/02634937.2011.554070.
- Komilov S.J., Gafarov F.M. (2017). The role of free economic zones in the development of the investment potential of the region (on the example of the Republic of Tajikistan). *Problems of Modern Economics*. No. 3 (63), pp. 194–197 (in Russian).
- Kovacevic M., Calderon C. (2014). *UNDP's Multidimensional Poverty Index: Methodology Paper*. New York: UNDP, 31 pp. Available at: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/specificationsforcomputationofthempi.pdf>, accessed 05.01.2024.

- Mazziotta M., Pareto A. (2023). Weighting in composite indices construction: the case of the Mazziotta-Pareto index. *Rivista Italiana di Economia, Demografia e Statistica*. Vol. 76, pp. 17–26. Available at: https://www.istat.it/it/files/2013/12/Rivista2013_Mazziotta_Pareto.pdf, accessed 05.01.2024.
- McKnight A. (2019). Understanding the relationship between poverty, inequality and growth: a review of existing evidence. *CASE Paper*. No. 216, pp. 1–30. Available at: <https://sticerd.lse.ac.uk/dps/case/cp/casepaper216.pdf>, accessed 05.01.2024.
- Mdingi Kh., Ho S.-Y. (2021). Literature review on income inequality and economic growth. *MethodsX*. Vol. 8, article no. 101402. DOI: 10.1016/j.mex.2021.101402.
- Nasirova U.N. (2020). The problem of poverty and ways to overcome it in Tajikistan in a market economy. *Issues of Science and Education*. No. 13 (97), pp. 21–25 (in Russian).
- Natsional'niye strategii... (2023). Arzhaev F.I. et al. National strategies of Central Asian countries as a tool for ensuring social stability: a poverty factor. *International Affairs*. No. 5, pp. 58–69 (in Russian).
- Nazarshoeva S.F. (2019). The Civil war in the Republic of Tajikistan and its impact on migration processes. *Izvestiya AltGU*. No. 6 (110), pp. 81–85 (in Russian).
- Ngubane M.Z., Mndelebe S., Kaseeram I. (2023). Economic growth, unemployment and poverty: Linear and non-linear evidence from South Africa. *Heliyon*. Vol. 9, no. 10. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e20267.
- Oshio T., Kan M. (2014). Multidimensional poverty and health: evidence from a nationwide survey in Japan. *International Journal for Equity in Health*. Vol. 13, article no. 128. DOI: 10.1186/s12939-014-0128-9.
- Pritchins S. (2022). “The Big Game 2.0” in Central Asia at the present stage. *World Economy and International Relations*. Vol. 66, no. 6, pp. 112–123 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123.
- Purnomo S.D., Istiqomah I. (2019). Economic Growth and Poverty: The Mediating Effect of Employment. *JEJAK: Jurnal Ekonomi dan Kebijakan*. Vol. 12, no. 1, pp. 238–252. DOI: 10.15294/jejak.v12i1.18591.
- Rakhmonov A.Kh. (2022). New sanctions of the European Union and United States against Russia and their impact on Tajikistan's socio-economic development. *Management (Upravleniye)*. No. 4, pp. 121–131. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-4-121-131.
- Rakhmonov A.Kh., Ledeneva V.Yu., Akramov Sh.Yu. (2023). Contribution of Tajik labor migrants to the economy of OECD countries and Tajikistan. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*. No. 2, pp. 35–47. DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-35-47.
- Settle A.C. (2012). The New Development Paradigm Through the Lens of the Aga Khan Rural Support Programme: Legitimacy, Accountability and the Political Sphere. *Community Development Journal*. Vol. 47, no. 3, pp. 386–404. DOI: 10.1093/cdj/bsq065.
- Škare M., Pržíklas D.R. (2016). Poverty and economic growth: a review. *Technological and Economic Development of Economy*. Vol. 22, no. 1, pp. 156–175. DOI: 10.3846/20294913.2015.1125965.
- Some reflections... (2018). Sapena J. et al. Some reflections on poverty eradication, true development and sustainability within CST. *Journal of Innovation & Knowledge*. Vol. 3, no. 2, pp. 90–92. DOI: 10.1016/j.jik.2017.12.005.
- Umarov H. (2010). Research report “Tajik labor migration in the context of the global financial crisis: causes and consequences”. Dushanbe: Representative Office of the International Organization for Migration, 56 pp. (in Russian). Available at: <https://tajikistan.iom.int/sites/g/files/>

tmzbd12216/files/documents/globalcrisis.pdf, accessed 05.01.2024.

Umarov Kh. (2020). Lack of Suitable Business Environment in Tajikistan Leads to Migration. *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*. Available at: <https://cabar.asia/en/kh-umarov-lack-of-suitable-business-environment-in-tajikistan-leads-to-migration>, accessed 05.01.2024.

Walker R. (2015). Multidimensional Poverty. *GSDRC Professional Development Reading Pack*. No. 22, 7 pp. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a0898140f0b652dd000260/Multidimensional-Poverty_RP.pdf, accessed 05.01.2024.

Wang Y., Wang B. (2016). Multidimensional poverty measure and analysis: a case

study from Hechi City, China. *Springer-Plus*. Vol. 5, article no. 642. DOI: 10.1186/s40064-016-2192-7.

Yang Zhou, Yansui Liu. (2022). The geography of poverty: Review and research prospects. *Journal of Rural Studies*. Vol. 93, July, pp. 408–416. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2019.01.008.

Zemtsov S.P., Baburin V.L. (2016). Assessment of the potential of the economic and geographical location of the regions of Russia. *Economy of Region*. No. 1, pp. 117–138 (in Russian).

Zhou Jun (2017). The importance of the Central Asian States in the global political system. *Management Consulting*. No. 3 (99), pp. 164–170 (in Russian).

Панорама Африки и Ближнего Востока

УДК 322(532)

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.09

«Шиитский вопрос» в политическом развитии Саудовской Аравии

Василий Дмитриевич ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ

научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5937-8786

ЦИТИРОВАНИЕ: Останин-Головня В.Д. «Шиитский вопрос» в политическом развитии Саудовской Аравии // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 169–185.
DOI: 10.31249/kgt/2024.03.09

Статья поступила в редакцию 14.05.2024.

Исправленный текст представлен 07.09.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется влияние «шиитского вопроса» на политическое развитие Саудовской Аравии. Актуальность изучения межконфессиональных отношений в Королевстве Саудовская Аравия (КСА) обусловлена религиозной спецификой государства, которая является мощным фактором эволюции внутренней и внешней политики Эр-Рияда. Автор описывает процесс превращения «шиитского вопроса» из проблем внутренней стабильности королевства в один из важнейших элементов внешнеполитического курса Саудовской Аравии. Освещаются методологические аспекты исследования межконфессиональных отношений в КСА. Особое внимание уделяется определению численности шиитской общины королевства с привлечением как результатов официальной переписи населения 2022 г., так и альтернативных

оценок на основе сторонних данных. Отдельно рассматривается влияние «шиитского вопроса» на развитие двусторонних отношений Саудовской Аравии и Ирана после 1979 г., а также взаимосвязь политической динамики Ближнего Востока и трансформации подходов Эр-Рияда к решению вопросов внутренней стабильности. В заключении представлена оценка проблем и перспектив развития политики КСА в сфере межконфессиональных отношений на фоне проводимых в рамках программы «Видение: 2030» реформ и текущих событий в регионе, в том числе в контексте нормализации ирано-саудовских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Саудовская Аравия, шиизм, суннизм, ваххабизм, суннито-шиитский конфликт, ирано-саудовские отношения, исламский фактор, Ближний Восток.

Положение шиитского меньшинства Саудовской Аравии вызывает большой интерес как с точки зрения политического развития и межконфессиональных отношений внутри самого королевства, так и в контексте региональных и международных процессов. Известно, что своим возникновением саудовская государственность во многом обязана заключенному в середине XVIII в. союзу между эмиром Мухаммадом ибн Саудом и богословом Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом, учение которого стало «идеологическим базисом» объединения Аравийского полуострова под властью Саудидов. Несмотря на неудачные попытки построения первых двух государств, династии Аль Сауд и Аль аш-Шейх сохранили верность друг другу и смогли образовать своеобразный «правлящий тандем», где в руках первых находится вся полнота политической власти, в то время как за вторыми закреплена ведущая роль в религиозно-богословских делах.

В наше время правящий монарх Саудовской Аравии носит почетный титул Служителя Двух Святынь, глава рода Аль аш-Шейх – Абд аль-Азиз ибн Абдалла – занимает должность Верховного муфтия королевства, а государственный статус ислама в Саудовской Аравии закреплён на законодательном уровне через Основной низам правления от 1992 г., первая статья которого символически провозглашает Коран и Сунну конституцией королевства¹. Более 93% населения страны, по оценкам *Pew Research Centre*, являются мусульманами [Fahmy, 2018], что с учетом результатов переписи населения КСА

2022 г. составляет около 29 млн чел. (всего же в стране проживает более 32 млн чел.)².

Примечательно, что официальная статистика делает акцент на таких показателях, как средний возраст жителей страны (29 лет), коэффициент фертильности (2,8), средний размер семьи внутри (4,8 чел.) и за пределами (2,7 чел.) королевства, соотношение мужчин (61,2%) и женщин (38,8%), а также саудовцев (58,4%) и несаудовцев (41,6%), но не приводит никакой информации относительно этнического и религиозного состава населения. В связи с этим для определения численности шиитской общины в Саудовской Аравии приходится полагаться либо на оценки различных организаций, исследовательских коллективов или отдельных экспертов, либо на косвенные показатели и неподтвержденные данные.

Например, согласно «Британике», одной из самых авторитетных англоязычных энциклопедий, в 2000 г. с учетом всех подданных, неподданных и трудовых мигрантов доля суннитов в Саудовской Аравии составляла 84% общего количества верующих, шиитов – 10%, католиков – 3%, индуистов – 1%, неверующих и представителей прочих вероисповеданий – 2%³. В докладе Международной кризисной группы (ICG) от 2005 г. под названием «Шиитский вопрос в Саудовской Аравии» приводится менее точная оценка – 10–15% [Middle East Report..., 2005, p. 5], что в середине 2000-х годов равнялось бы примерно 2 млн чел. Также имеется и американская версия: по данным

1 Основной низам правления = النظام الأساسي للحكم // Консультативный совет = مجلس الشورى – Араб. яз. – URL: <https://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/shuraarabic/internet/laws+and+regulations/the+basic+law+of+government/the+basic+law+of+government> (дата обращения: 15.05.2024).

2 Перепись населения Саудовской Аравии 2022 = 2022 تعداد السعودية // SAUDI CENSUS. – Араб. яз. – URL: <https://portal.saudicensus.sa/portal> (дата обращения: 15.05.2024).

3 Religion of Saudi Arabia // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/place/Saudi-Arabia/Religion> (дата обращения: 15.05.2024).

отчета Госдепартамента США о международной свободе вероисповедания за 2022 г., общая численность мусульман в Саудовской Аравии составляет 85–90%, из которых около 10–12% являются шиитами⁴.

Если же опираться на результаты переписи населения КСА 2022 г., то можно подсчитать (с очевидными погрешностями) соотношение населения провинций, где традиционно проживают шииты, с населением прочих регионов королевства. Совокупная численность жителей Аш-Шаркийи (5 125 254 чел.), Асира (2 024 285 чел.), Джазана (1 404 997 чел.) и Наджрана (592 300 чел.) составляет 9 146 836 чел.⁵, или 28,43% общей численности населения (32 175 224 чел.). Подобный подход (при учете устаревших данных по пропорциям конфессионального состава населения королевства) дает некоторым исследователям возможность предположить, что доля шиитского населения Саудовской Аравии составляет около 20–25%, то есть приблизительно 7,5 млн чел.⁶

Так или иначе, вне зависимости от подхода к определению пропорций конфессионального состава населения КСА шииты остаются меньшинством, а с учетом численности суннитов и роли ваххабизма в развитии социально-политической системы государства Саудовскую Аравию можно назвать крупнейшей арабской суннитской монархией современности. При этом на протяжении истории религиозная специфика страны имела непосредственное влияние на формирование как внутренней, так и внешней политики королевства.

Исторические предпосылки

Если говорить об истории сунни-то-шиитских взаимоотношений в целом, то в их развитии, как указала в одной из своих статей О.С. Чикризова, выделяется шесть этапов: с 632 по 661 г., с 661 по 1258 г., с 1258 по 1501 г., с 1501 по 1925 г., с 1925 по 1979 г. и с 1979 г. по настоящее время [Чикризова, 2015, с. 75–78]. Наибольшее значение в контексте заявленной темы имеют последние три этапа, так как именно они хронологически совпадают с периодами активного распространения ваххабитского учения, а также зарождения, становления и последующего развития саудовской государственности.

Салафитская направленность ваххабитского учения сформировала среди его последователей негативное отношение к шиизму. В своей проповеди М. ибн Абд аль-Ваххаб называл шиитов «рафидитами», то есть «отвергающими», или, в вольном переводе, «отступниками» [Commins, 2009, р. 16]. Культовые практики шиитских общин навроде празднования Дня Ашура и поклонения могилам имамов он причислял к вредным нововведениям (*бид'а*), граничащим с язычеством [DeLong-Bas, 2005, р. 89–90]. Саудицы, в свою очередь, активно использовали богословские концепции М. ибн Абд аль-Ваххаба для обоснования своих политических амбиций и претензий на власть среди племен Аравии. Одним из ярчайших моментов здесь стало нападение неждидских ваххабитов на Кербелу в 1802 г., которое завершилось резней и разграблением гробницы одного из самых почитаемых среди ши-

4 2022 Report on International Religious Freedom // U.S. Department of State. – URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/> (дата обращения: 15.05.2024).

5 Население по национальной принадлежности = السكان حسب الجنسية // SAUDI CENSUS. – Араб. яз. – URL: <https://portal.saudi-census.sa/portal/public/1/18/101511?type=TABLE> (дата обращения: 15.05.2024).

6 Сколько шиитов в Саудовской Аравии? = كم عدد الشيعة في السعودية // Полная арабская энциклопедия = الموسوعة العربية الشاملة – Араб. яз. – URL: <https://www.mosoah.com/news/ksa-news/السعودية-في-الشيعة> (дата обращения: 15.05.2024).

итов имамов Хусейна ибн Али [Васильев, 1999, с. 104–107].

Конечно, Саудиды руководствовались не только религиозными мотивами. Ближе к концу периода правления Абд аль-Азиза ибн Мухаммада (1765–1803) иракские племена, стремясь сорвать соглашение между эмиром и османским наместником Мекки, участвовали в нападениях на саудовские караваны, что, собственно, и привело к ответным действиям со стороны Дир'яйского эмирата. Однако, несмотря на политические причины, набег ваххабитов на Кербелу в 1802 г. привел к резкому обострению межконфессиональных отношений между шиитами и суннитами Аравии. Руководившего нападением Сауда ибн Абд аль-Азиза иракские шииты прозвали «мясником Кербелы», а Усман Ибаджи, убивший в 1803 г. Абд аль-Азиза ибн Мухаммада, согласно преданию, перед тем как вонзить ханджар в грудь эмира, воскликнул: «Пусть свершится месть за могилу Али, за твоё оскорбление!» [Evered, 2012].

Не менее ярким эпизодом в истории взаимоотношений ваххабитов и шиитов является разрушение мединского кладбища аль-Баки', где покоились не только родственники самого пророка Мухаммада, но и многие выдающиеся богословы ислама, в том числе шиитские имамы. Первую попытку сравнять с землей это культовое место Саудиды предприняли в 1806 г., так как, согласно учению М. ибн Абд аль-Ваххаба, любое почитание могил является формой идолопоклонничества, а Дир'яйский эмират после захвата Хиджаза стремился всеми возможными способами продемонстрировать, что хадж теперь находится под их властью. Так, в 1805 г., за год до первого разрушения аль-Баки', ваххабиты запретили паломничество выходцам из Ирака и Ирана, среди которых была наибольшая доля шиитов, а в 1806 и 1807 гг. допуска к святым ме-

стам Мекки и Медины лишились уже сирийцы и египтяне [Васильев, 1999, с. 152–153]. При этом под жесткие ограничения попали многие элементы культовой практики (например, *махмаль* и *кисва*) и предметы роскоши навроде ювелирных украшений, богатых одежд и музыкальных инструментов, что сопровождалось еще и постоянным увеличением налогов.

Тем не менее в ходе египетской экспедиции в Аравию 1811–1818 гг. ваххабиты были вытеснены из Хиджаза, а в 1818 г. пала Дир'яя, на чем закончилась история первого государства Саудидов. Ваххабиты лишились прежнего влияния на полуострове почти на 100 лет. Однако в 1924 г. Аль Сауд вновь завоевали Хиджаз, вернув себе контроль над Меккой и Мединой. На следующий год Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман, заручившись поддержкой кади Абдаллы ибн Булайхида, распорядился окончательно разрушить кладбище аль-Баки' [Mohammadi, 2015, p. 49]. Дата завершения сноса – 21 апреля 1926 г. – вошла в шиитскую традицию как День скорби и стала одним из центральных эпизодов не только в исторической памяти шиитской общины Саудовской Аравии, но и во всём развитии суннито-шиитских взаимоотношений.

Шиитское меньшинство в суннитском королевстве

После провозглашения королевства в 1932 г. шииты, проживающие на территории Саудовской Аравии, оказались в положении дискриминируемого меньшинства. Многие представители шиитской общины еще до объединения Неджда и Хиджаза были вынуждены бежать на территорию Ирака, Ирана, Йемена и Бахрейна, так как в середине 1920-х годов они стали подвергаться систематическим гонениям со сторо-

ны наиболее ревностных ваххабитов [Кириченко, 2015, с. 135]. На определенном этапе религиозный фанатизм ихванов, бывших основой войска Саудидов в процессе объединения земель полуострова, стал представлять прямую угрозу централизованной власти.

Соглашения с Великобританией, в рамках которых Абд аль-Азиз, помимо прочего, обязался прекратить набеги «братьев» на Трансиорданию, Ирак и Кувейт, побудили лидеров движения выдвинуть королю целый список претензий, где одним из пунктов значилось терпимое отношение к «рафидитам» (то есть шиитам) в Аль-Хасе и Аль-Катифе [Armstrong, 2005, р. 216]. Король, в свою очередь, пытался прийти к компромиссу, однако попытки договориться с недовольными вождями провалились. И хотя восстание ихванов 1927–1930 гг. было подавлено, «терпимое отношение» Абд аль-Азиза к шиитам изменилось: за ними сохранялось право на отправление культа в личном порядке, но при этом вступал в силу запрет на строительство новых мечетей и учреждение собственных школ [Commins, 2009, р. 76]. В дальнейшем шииты лишились доступа к военной службе, руководящим должностям в государственных структурах и крупных коммерческих предприятиях, что позволяет говорить если не о систематическом угнетении, то как минимум о притеснениях шиитского меньшинства со стороны суннитского большинства.

Тем не менее на протяжении 1930–1960-х годов «шиитский вопрос» оставался преимущественно внутренней проблемой Саудовской Аравии. Шииты принимали участие в ряде забастовок работников нефтяных предприятий (например, в 1944 г. и 1953 г.) и демонстрациях против размещения американских войск на территории королевства (например, событий 1956 г. в Аз-Захране), но тогда они выходили

в одном ряду с недовольными суннитами и в качестве самостоятельной протестной силы фигурировали крайне редко.

В указанный период Эр-Рияд гораздо больше внимания уделял борьбе с оппозиционными политическими движениями по типу насеристов, баасистов, радикальных националистов и республиканистов. Однако уже в 1970-е годы на фоне начала «исламского пробуждения» и следовавших за ним трансформаций политического ландшафта Ближнего Востока ситуация стала меняться [Останин-Головня, 2022, с. 213]. Иранская революция 1979 г. дала мощный импульс к подъему шиитского движения во всем регионе, что привело к обострению противоречий с суннитами и, как следствие, усилению влияния исламского фактора на мировую политику. Своеобразные «линии разлома» возникли практически во всех странах Арабского Востока, где имелись шиитские общины: от Ливана, Сирии и Ирака до Йемена, Бахрейна и Саудовской Аравии.

26 ноября – 3 декабря 1979 г. в Аль-Хасе и Аль-Катифе начались массовые протесты шиитов, требовавших обеспечения прав на религиозную свободу и улучшения качества жизни в регионах их компактного проживания [Федорченко, 2013, с. 109]. Предлогом стал запрет саудовских властей на публичное празднование Дня Ашура. Первые демонстрации носили преимущественно мирный характер, но после их разгона социальные лозунги недовольных шиитов обрели политический характер, толпа стала вооружаться камнями, палками, а в некоторых случаях холодным оружием, что вынудило Национальную гвардию КСА применить не только дубинки и электрошокеры, но и огнестрельное оружие. В результате беспорядков погибли 24 протестующих, были ранены около 100 участников ак-

ций и арестовано несколько тысяч человек [Nehme, 1994, p. 930–943].

Жестокая реакция силовиков во многом была обусловлена тем, что выступления шиитов на востоке королевства происходили на фоне трагических событий 20 ноября – 4 декабря 1979 г. в Мекке, где группа радикальных салафитов захватила Мечеть аль-Харам, взяв в заложники более 6 тыс. паломников. Достаточно быстро выяснилось, что за организацией протестов в Аль-Хасе и Аль-Катифе стояла Организация за Исламскую революцию на Аравийском полуострове (ОИРАП) во главе с шиитским шейхом Хассаном ас-Саффаром. После разгона демонстраций лидеры ОИРАП бежали из королевства в Иран и Европу, а в 1980 г. активисты Организации начали издавать в Лондоне Журнал Исламской революции, в котором публиковались программные тексты, явно вдохновленные идеями хомейнизма [al-Mdaires, 2010, p. 200]. Для саудовских властей всё это было явным свидетельством если не прямой вовлеченности революционного Ирана, то как минимум его заинтересованности в развитии протестного движения среди шиитов королевства, что привело к трансформации внешней политики Эр-Рияда и началу конфронтации с Тегераном.

С 1981 г. иранские паломники стали регулярно проводить политические демонстрации во время хаджа. Чаще всего их лозунги были направлены против Израиля, а также против политики США и СССР в отношении стран «исламского мира». Обычно всё заканчивалось разгоном подобных акций и единичными арестами, однако 31 июля 1987 г. силы полиции и Национальной гвардии КСА перекрыли маршрут демонстрации,

что привело к давке и жестоким столкновениям, в результате которых погибли около 400 чел., среди которых насчитывалось 275 паломников из Ирана, 42 паломника из других стран и 85 саудовских силовиков⁷.

Действия правоохранительных органов Саудовской Аравии в той ситуации были обусловлены тем, что в мае 1987 г. в Восточной провинции королевства возникла военизированная организация под названием «Хизбалла Хиджаза», и в Эр-Рияде опасались, что ее члены могут превратить очередную демонстрацию в вооруженное восстание [Matthiesen, 2010, p. 186–188]. Во многом опасения были оправданы, так как вскоре «Хизбалла Хиджаза» опубликовала заявление с призывом к свержению режима Саудидов, а в дальнейшем использовала события в Мекке для обоснования терактов на нефтяных объектах в Рас аль-Джуайма (август 1987 г.) и Джубейле (март 1988 г.) [Кириченко, 2015, с. 138].

Тем не менее после завершения ирано-иракской войны 1980–1988 гг. и смены руководства Исламской республики в 1989 г. отношения между Эр-Риядом и Тегераном стали постепенно теплеть, что сказалось и на положении шиитского меньшинства Саудовской Аравии. В 1993 г., по окончании «зачистки» наиболее радикальных элементов ОИРАП и «Хизбаллы Хиджаза», король Фахд провел встречу с представителями оппозиции, большинство которых составляли шииты. В обмен на обещание прекратить подрывную деятельность на территории страны монарх обязался ликвидировать некоторые формы явной дискриминации. В частности, из учебников были исключены уничижительные термины по отноше-

7 Saudi Report Broad Support for Mecca Policy: Envoy Says Heads of 40 Nations Hail Tough Stand Against Iranian Rioters // Los Angeles Times. – 1987. – August 7. – URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1987-08-07-mn-1141-story.html> (дата обращения: 15.05.2024).

нию к шиитам, а некоторые оппозиционные активисты получили амнистию и разрешение вернуться в КСА [Федорченко, 2013, с. 110].

Однако вскоре «перемирие» между Саудидами и шиитами было нарушено. 25 июня 1996 г. в Аль-Хубаре террористы направили автоцистерну с 2 тоннами взрывчатки в жилой комплекс, где размещался личный состав ВВС США. В результате теракта погибли 19 американских военных, около 500 чел. получили ранения, а ответственность за случившееся Саудовская Аравия возложила на проиранскую «Хизбаллу Хиджаза», что повлекло за собой репрессии и в отношении шиитских активистов умеренного толка [Matthiesen, 2010, p. 192–193].

Попытка короля Фахда наладить отношения с шиитами носила, по большому счету, ситуативный характер, так как дискриминация на системном уровне была обусловлена не только внутриполитической ситуацией. Исторический конфликт между ваххабитами и шиитами оставил глубокий след в общественном сознании как суннитского большинства, так и шиитского меньшинства, а геополитическая конфронтация Саудовской Аравии и Ирана, продолжающаяся несмотря на периодические попытки нормализации, превратила межконфессиональные отношения в один из важнейших элементов борьбы двух государств за влияние в регионе.

Реформы короля Абдаллы

Очередная попытка нормализации отношений между Саудовской Аравией и Ираном была предпринята в период президентства Мухаммада Хатами (1997–2005). В 1999 г. состоялся офици-

альный визит Хатами в КСА, его преемник Махмуд Ахмадинежад (2005–2013) также неоднократно встречался с саудовскими монархами. В начале 2000-х годов обе стороны были заинтересованы в стабилизации региона, что в условиях иракского кризиса и резкого усиления позиций США на Ближнем Востоке было бы невозможно без очередной разрядки в отношениях между Эр-Риядом и Тегераном. Напрямую «шиитский вопрос» в ирано-саудовском диалоге того периода не поднимался, так как проблема межконфессиональных отношений могла свести на нет дипломатические успехи ваххабитского королевства и шиитской республики.

Тем не менее саудовское руководство шло на определенные уступки, чтобы продемонстрировать иранским партнерам и международному сообществу свою открытость и готовность к реформам, что было особенно важно после терактов 11 сентября 2001 г. Так, 4 августа 2003 г. по инициативе наследного принца Абдаллы был создан Центр национального диалога им. короля Абд аль-Азиза⁸. Само возникновение Центра, как отметил Г.Г. Косач, внесло «принципиально новые нюансы» в систему власти Саудовской Аравии, так как правящая элита, по сути, впервые открыто обратилась к общественному мнению на фоне проводимых реформ [Косач, 2010, с. 306]. За всё время существования Центра, с 2003 по 2024 г., было проведено (без учета мероприятий регионального уровня) десять тематических форумов под эгидой «Национальные встречи»⁹:

1) 2003 г., август, Эр-Рияд – по теме «Национальное единство»;

2) 2003 г., декабрь, Мекка – «Борьба с религиозным фанатизмом и экстремизмом»;

⁸ В 2023 г. название организации было изменено на «Центр культурной коммуникации им. короля Абд аль-Азиза».

⁹ Национальные встречи = لقاءات وطنية // Центр культурной коммуникации им. короля Абд аль-Азиза = مركز الملك عبدالعزيز للتواصل الحضاري – Араб. яз. – URL: // <https://www.kaccc.org.sa/ar/Archive/index/67> (дата обращения: 15.05.2024).

3) 2004 г., июнь, Медина – о правах женщин;

4) 2004 г., декабрь, Дахран (Восточная провинция) – по молодежной политике («молодежь и образование», «молодежь и труд», «молодежь и культура», «молодежь и национальная идентичность»;

5) 2005 г., Абха (провинция Асир) – «Национальный взгляд на взаимодействие с культурами мира»;

6) 2006 г., Сакака (провинция Аль-Джуф) – «Образование: реальность и пути развития»;

7) 2008 г., Бурайда (провинция Аль-Касим) – «Сфера труда и занятости: диалог между обществом и компаниями»;

8) 2010 г., Наджран – «Службы здравоохранения: диалог между обществом и медицинскими учреждениями»;

9) 2012 г., Ат-Таиф – «СМИ: реальность и пути развития»;

10) 2015 г., Табук – «Экстремизм и его влияние на национальное единство».

Эффективность работы Центра и реальная степень «инклюзивности» проведенных им «Национальных встреч», конечно, весьма сомнительны. Многое указывает на то, что данная инициатива прежде всего была призвана дать Саудидам, как выразился Г.Г. Косач, «действительно легитимную возможность последовательного движения по пути углубления реформ» [Косач, 2010, с. 320]. Однако в рамках заявленной темы особый интерес вызывают первые два форума.

К участию в эр-риядском форуме 2003 г. привлекли не только богословов официального ханбалитского мазхаба, но и представителей других правовых школ и течений: маликизма, шиизма, исмаилизма, суфийских тарикатов

и даже оппозиционного салафитского движения «Пробуждение» («*Ас-Сахва ас-Саудия*», или «*Сахва биляд аль-Харамейн*»). Основной темой для обсуждения было преодоление межконфессиональных конфликтов с целью укрепления национального единства в рамках «умеренного исламского дискурса». Одним из ярчайших эпизодов форума стал символический жест одного из лидеров «*Ас-Сахвы*» Салмана аль-Уда, предложившего по окончании мероприятия Хасану ас-Саффару, возглавлявшему на тот момент умеренное «Движение за реформы» («*Аль-Харака аль-Ислахия*»), подвезти его на своей машине [Lasey, 2009, p. 271]. Тем не менее практических результатов первая «Национальная встреча» не принесла.

На мекканском форуме 2003 г., посвященном проблеме терроризма и распространения радикального исламизма в Саудовской Аравии, другой шиитский деятель – Хашим Салман – открыто жаловался на продолжение и рост дискриминации шиитов, хотя по итогу все участники подписали заявление с призывами к терпимости, расширению представительности органов власти, а также отказу от *фетв*, вынесенных отдельными лицами «по вопросам, представляющим национальный интерес»¹⁰. В определенной степени это отразило две основные тенденции политики саудовского руководства по отношению к шиитскому меньшинству в 2000-х годах. С одной стороны, большинство шиитов по-прежнему не имели доступа к руководящим должностям в государственном аппарате и крупных компаниях, продолжались аресты оппозиционных активистов, а массовые мероприятия в Восточной провинции, Наджране и Асире по-прежнему разгонялись

10 Second National Meeting: Fighting fanaticism and extremism // The King Abdulaziz Center for National Dialogue. – URL: https://web.archive.org/web/20080119202013/http://www.kacnd.org/eng/second_meeting.asp (дата обращения: 15.05.2024).

силовыми методами. С другой же стороны, лояльные к власти шииты стали активно привлекаться к участию в деятельности Центра на общесаудовском уровне и начали входить в органы местного самоуправления.

Важно упомянуть, что 30 апреля 2003 г., еще до запуска формата «Национальных встреч», 450 представителей шиитской общины Саудовской Аравии подали наследному принцу, премьер-министру и главе Национальной гвардии коллективную петицию, известную под названием «Партнеры по Отечеству»¹¹. Документ содержал 16 предложений по укреплению национального единства посредством расширения состава старых и создания новых представительных органов власти, реформы образования, пересмотра подходов к профилактике межконфессиональных конфликтов и улучшения положения шиитов. В условиях региональной турбулентности, начавшейся на фоне вторжения США в Ирак, Саудиды стремились максимально стабилизировать внутреннюю ситуацию в королевстве, и поэтому ряд требований петиции был принят во внимание.

Так, после расширения состава Консультативного совета (*Маджлис аш-Шура*) в 2005 г. до 150 чел. пять мест по решению короля было отдано шиитам, в то время как на предыдущих этапах увеличения численности членов совещательного органа (до 60 чел. в 1993 г., до 90 – в 1997 г. и до 120 – в 2001 г.) от шиитской общины имелся только 1 представитель [Sukkar, 2010]. Также в 2005 г. при *Маджлис аш-Шура* был создан Комитет по правам человека, в состав которого вошли 24 члена,

включая двух шиитов. Что касается регионального уровня, то на состоявшихся в марте 2005 г. муниципальных выборах шииты впервые получили большинство (11 из 12 мест) в Аль-Катифе и Аль-Хасе, где явка достигла рекордных 75%¹².

Можно сказать, что на фоне рядки в ирано-саудовских отношениях на рубеже 1990–2000-х годов среди шиитов КСА оформилось новое умеренное реформаторское движение, готовое к мирной политической борьбе за права, а также к конструктивному сотрудничеству с правящим режимом. Саудиды, в свою очередь, пошли навстречу, увидев в этом возможности для укрепления общесаудовской идентичности и повышения собственного имиджа как внутри государства, так и на международной арене. Лидеры шиитской общины признают, что с приходом к власти короля Абдаллы правительство стало демонстрировать большую открытость и готовность к диалогу. Показательным явлением стала отмена ограничений на публичное празднование Дня Ашура, Каркина и ряда других праздников.

При этом подобная мягкость в «шиитском вопросе» со стороны политического руководства страны стала вызывать недовольство среди консервативных кругов общества, что в значительной степени замедлило дальнейшее продвижение реформ. Тревожным сигналом стала петиция 2006 г., в которой радикальные салафитские богословы Саудовской Аравии и Ирака призвали шиитов во избежание насильственной смерти отказаться от «ошибочной веры» и встать на «правильный путь» ислама [Beranek, 2009].

11 Текст документа «Партнеры по Отечеству» = نص وثيقة (شركاء في الوطن) // Аль-Джазира – الجزيرة – Араб. яз. – URL: <https://www.aljazeera.net/2004/10/03/2-الوطن-نص-وثيقة-شركاء-في-الوطن> (дата обращения: 15.05.2024).

12 Шииты в Саудовской Аравии: От маргинализации к диалогу = الشيعة في السعودية: من التهميش إلى الاحتواء // CNN Arabic. – Араб. яз. – URL: https://arabic.cnn.com/2007/middle_east/3/8/shiite-saudi/ (дата обращения: 15.05.2024).

«Шиитский вопрос» накануне и после «арабской весны»

Замедление темпов реализации реформ короля Абдаллы во второй половине 2000-х годов негативно сказалось на ситуации в межконфессиональных отношениях внутри королевства, так как процесс интеграции лояльных и умеренных шиитов под началом «Аль-Харака аль-Ислахия» во главе с Хасаном ас-Саффаром ограничился формальными мерами, а репрессии против радикальных шиитов и их сторонников набирали обороты.

В частности, в 2006 г. по возвращении из Бахрейна был арестован один из ведущих шейхов шиитской общины Нимр ан-Нимр. Летом того же года в Восточной провинции прошли задержания после демонстраций в поддержку ливанской «Хизбаллы», развернувшихся на фоне ее противостояния с Израилем [Субх, 2012]. 3 сентября 2009 г. *Human Rights Watch*¹³ опубликовала доклад с говорящим названием «Лишение достоинства: Систематическая дискриминация и враждебность к саудовским подданным-шиитам»¹⁴. Немногим позже Нимр ан-Нимр выступил с публичной критикой властей Саудовской Аравии, заявив, что в случае дальнейшего притеснения и несоблюдения прав шиитов Восточная провинция должна отделиться от королевства. В ответ правоохранительные органы КСА вновь арестовали ан-Нимра, а также задержали 35 его сторонников, среди которых, по данным *Amnesty International*¹⁵, было семь

несовершеннолетних, включая Али Ахмада аль-Фараджа – 16-летнего племянника шейха¹⁶.

Всё это с учетом повышенного внимания со стороны СМИ и правозащитных организаций помогло независимому как от умеренного «Аль-Харака аль-Ислахия», так и от радикальной «Хизбаллы Хиджаза» Нимру ан-Нимру обрести большую популярность и стать неформальным лидером шиитского движения 2010-х годов. Конечно, события «арабской весны» затронули богатые монархии Залива «по касательной», протесты были там не столь значительными, как в Тунисе, Египте или Сирии, где события из-за вмешательства внешних акторов переросли в полноценную гражданскую войну. Однако в Бахрейне ситуация вызвала серьезные опасения в ССАГПЗ, и на островное государство был введен контингент «Щита полуострова», основную часть которого составили военнослужащие КСА, что возмутило саудовских шиитов.

В начале марта 2011 г. власти Саудовской Аравии запретили любые митинги, заявив при этом об иностранном вмешательстве, прежде всего со стороны Ирана. Полиция и Национальная гвардия получили разрешение на применение любых средств для пресечения незаконных собраний. Нимр ан-Нимр под предлогом солидарности с бахрейнскими единоверцами призвал своих сторонников к акциям «ненасильственного сопротивления», но достаточно быстро демонстрации переросли в массовые беспорядки, обернувшиеся столкно-

13 Деятельность организации признана нежелательной в Российской Федерации.

14 Denied Dignity: Systematic Discrimination and Hostility toward Saudi Shia Citizens // Human Rights Watch. – 2009. – September 3. – URL: <https://www.hrw.org/report/2009/09/03/denied-dignity/systematic-discrimination-and-hostility-toward-saudi-shia-citizens> (дата обращения: 15.05.2024).

15 Деятельность организации признана нежелательной в Российской Федерации.

16 Shi'a men and teenagers held incommunicado by Saudi Arabian authorities // Amnesty International. – 2009. – March 23. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2009/03/shi039a-men-and-teenagers-held-incommunicado-saudi-arabian-authorities-20090323/> (дата обращения: 15.05.2024).

вениями с полицией и, как следствие, жертвами с обеих сторон.

После ареста ан-Нимра 8 июля 2012 г. интенсивность протестов в Восточной провинции стала постепенно снижаться. Без лидера выступления обрели полустихийный характер и, несмотря на свою яркость, пресекались достаточно быстро и жестоко. Тем не менее повышенное внимание со стороны мировых СМИ и международных правозащитных организаций к протестной активности на Ближнем Востоке в период «арабской весны» превратили «шиитский вопрос» Саудовской Аравии не только в одну из самых обсуждаемых тем, но и в ключевой элемент критики в адрес властей королевства.

Широкий резонанс вызвал смертный приговор Специализированного уголовного суда КСА от 15 октября 2014 г. в отношении Н. ан-Нимра. Заместитель директора программы *Amnesty International* по Ближнему Востоку и Северной Африке Саид Бумедуха заявил, что данный шаг «является частью кампании властей Саудовской Аравии по подавлению любого инакомыслия, в том числе тех, кто защищает права мусульман-шиитов королевства»¹⁷. В ноябре 2015 г. 15 правозащитных организаций передали через госсекретаря США королю КСА коллективную петицию с призывом отменить решение суда, однако документ остался без внимания со стороны саудовских властей¹⁸. Надежда на пересмотр приговора появилась после кончины 90-летнего Абдаллы 23 января 2015 г., но приход к власти Салмана ничего не изменил, и 2 января 2016 г. ан-Нимр был казнен с 46 дру-

гими заключенными, что стало самой массовой экзекуцией в истории королевства с 1980 г., когда были казнены участники захвата Мечети аль-Харам.

Казнь шейха вызвала очередное обострение в отношениях между Саудовской Аравией и Ираном. 3 января 2016 г. в Тегеране толпа демонстрантов при попустительстве полиции разгромила посольство КСА, консульство в Мешхеде также подверглось нападению, что дало формальный повод для разрыва дипломатических отношений. Тем не менее «шиитский вопрос» в ирано-саудовских отношениях, несмотря на попытки сближения 2000-х годах, не ограничивался положением меньшинства в самом королевстве. После «арабской весны» к числу арен *proxu*-противостояния ваххабитского королевства и исламской республики добавился Йемен, где начиная с 25 марта 2015 г. Саудовская Аравия совместно с ОАЭ провела ряд крупных военных операций против повстанцев-хуситов, в то время как Иран выступил на стороне движения «Ансар Аллаха».

В целом же йеменский конфликт является для Саудовской Аравии вопросом не только национальной безопасности, но и внутренней стабильности, так как ярко выраженный конфессиональный подтекст противостояния оказал влияние на настроения среди шиитского меньшинства. Очередная волна протестов охватила Восточную провинцию в 2017–2020 гг. Формальным поводом послужил инцидент 12 мая 2017 г., когда в ходе перестрелки в г. Аль-Авамия погибли малолетний ребенок и пакистанский мигрант. Ситуация обрела столь серьезный харак-

17 Saudi Arabia: Appalling death sentence against Shi'a cleric must be quashed // Amnesty International. – 2014. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2014/10/saudi-arabia-appalling-death-sentence-against-shi-cleric-must-be-quashed/> (дата обращения: 15.05.2024).

18 NGOs Urge Sec. Kerry to Act in Case of Sheikh Nimr al-Nimr // Shia Rights Watch. – 2015. – URL: <https://shiarightswatch.org/ngos-urge-sec-kerry-to-act-in-case-of-sheikh-nimr-al-nimr/> (дата обращения: 15.05.2024).

тер, что для подавления беспорядков нацгвардии КСА потребовалось применить тяжелое вооружение и, по сути, взять город «в осаду», обнеся его заградительными сооружениями¹⁹.

Примечательно, что протесты начались на фоне визита Дональда Трампа, к которому был приурочен Эр-Риядский саммит 20–21 мая 2017 г. с участием представителей 52 государств – членов ССАГПЗ и ОИС. Иран и Турция бойкотировали встречу, что не помешало провести торжественную церемонию открытия Глобального центра по борьбе с экстремистской идеологией с говорящим названием «*И'атидаль*» (араб. «Умеренность»). Также в ходе визита между США и КСА было заключено оборонное соглашение общей стоимостью почти на 350 млрд долл., что дало повод для критики в адрес Белого дома не только в связи с поддержкой действий Эр-Рияда в Йемене, но и притеснением шиитов в Восточной провинции.

Следует отметить, что, несмотря на неоднозначный внешнеполитический курс и жестокое подавление протестов 2017–2020 гг., после прихода к власти короля Салмана в Саудовской Аравии начался новый этап реформирования, который прежде всего связан с деятельностью наследного принца Мухаммада ибн Салмана. Модернизационный проект «Видение: 2030» был представлен в апреле 2016 г. и со временем обрел, как выразился Г.Г. Косач, «черты национальной идеи» [Косач, 2021, с. 104]. В частности, «Видение:

2030» содержит обширную социальную программу, где вопрос межконфессиональных отношений напрямую не фигурирует, но ряд целей все-таки предполагает решение наиболее острых проблем. Как минимум можно выделить такие пункты, как «Продвижение ценностей умеренности и терпимости», «Укрепление национальной идентичности», «Равный доступ к образованию» и т. д.²⁰

4 августа 2021 г. в Мекке прошел форум Всемирной исламской лиги по вопросам межконфессиональных отношений в Ираке, во время которого, как считается, была озвучена новая позиция Саудовской Аравии по «шиитскому вопросу». Генсек ВИЛ Мухаммад ибн Абд аль-Карим аль-Иса, выступая на открытии мероприятия, заявил, что «между суннитами и шиитами нет ничего, кроме братского взаимопонимания, образцового сосуществования, взаимопомощи и дополнения друг друга в искренней любви», а религиозные инстанции обеих общин должны «во имя ценностей религии и отечества» бороться с тем, кто «соскользнул в лабиринт такфиризма, столкновения и противостояния»²¹. Также в качестве сигнала о готовности Саудовской Аравии вернуться к диалогу с умеренной частью шиитских общин Ближнего Востока была воспринята встреча наследного принца Мухаммада ибн Салмана с лидером Национального движения мудрости («*Тайяр аль-Хикма аль-Уатаний*») Аммаром аль-Хакимом – одним из ведущих шиитских шейхов Ирака²².

19 Inside the Saudi town that's been under siege for three months by its own government // The Independent. – 2017. – August 4. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/saudi-arabia-siege-town-own-citizens-government-kingdom-military-government-awamiyah-qatif-a7877676.html> (дата обращения: 15.05.2024).

20 Программа развития человеческого потенциала = برنامج تنمية القدرات البشرية // Видение КСА 2030 = رؤية السعودية 2030 – Араб. яз. – URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/vision-2030/vrp/human-capacity-development-program/> (дата обращения: 15.05.2024).

21 Форум по Ираку = منتدى المرجعيات العراقية // Всемирная исламская лига = رابطة العالم الإسلامي – Араб. яз. – URL: <https://www.themwl.org/ar/forum-of-iraqi-references> (дата обращения: 15.05.2024).

22 Саудовская Аравия: Причина визита Аммара аль-Хакима и встреча с Мухаммадом ибн Салманом вызвали резонанс = السعودية: سبب زيارة عمار الحكيم ولقاء محمد بن سلمان يثير نقاشا // CNN Arabic. – Араб. яз. – URL: <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2022/08/19/ammara-alhakeem-visit-saudi-mbs-meeting-social-reactions> (дата обращения: 15.05.2024).

Так или иначе, в перспективе создание более терпимой и открытой атмосферы в обществе может положительно сказаться на положении не только шиитской общины, но и иных меньшинств Саудовской Аравии. Однако на текущем этапе о практических результатах социальных реформ проекта «Видение: 2030» из-за отсутствия объективных показателей и достоверных источников судить достаточно трудно.

Заключение

С момента зарождения саудовской государственности «шиитский вопрос» является одним из важнейших факторов политического развития королевства. Долгое время положение шиитов оставалось вопросом внутренней стабильности, но после революции 1979 г. в Иране оно стало важным аспектом внешней политики Саудовской Аравии, которая претендует на лидерство не только среди суннитских стран, конкурируя в этом деле, как отметил А.А. Кузнецов, с Турцией и Катаром [Кузнецов, 2021, с. 80], но и во всём «исламском мире», где основным геополитическим и идеологическим оппонентом Эр-Рияда выступает Тегеран.

В контексте исследований положения шиитского меньшинства Саудовской Аравии среди продвигаемых королевством политических концепций можно выделить такие идеологии, как «исламская солидарность», «умеренность», так как религиозный экстремизм и терроризм для руководства страны являются одной из серьёзнейших проблем. После захвата группой радикальных салафитов Мечети аль-Харам в 1979 г. и начала деятельности воинствующих шиитских группировок (ОИРАП и «Хизбалла Хиджаза») в 1980-е годы власти крайне жестко реагировали на любые проявления недовольства. Однако с началом этапа

реформ 2000-х годов Эр-Рияд изменил подход и стал включать представителей умеренной оппозиции в формат «Национальных встреч», благодаря чему положение шиитов за счет социальных реформ и расширения их представительства на государственном уровне стало постепенно улучшаться.

Тем не менее незавершенность реформ, продолжение репрессий в отношении антисистемных элементов и ограниченный характер диалога власти с представителями шиитского меньшинства привели к настоящему взрыву протестной активности в период «арабской весны» 2010-х годов. Жесткие меры по пресечению беспорядков в Восточной провинции, арест и последующая казнь шейха Нимра ан-Нимра не просто вновь актуализировали «шиитский вопрос» в политической повестке, но и дали серьезный повод для критики в адрес Саудовской Аравии со стороны государств-оппонентов и международных правозащитных организаций. Также ситуация усугубилась на фоне начала военных операций в Йемене в 2015 г. и разрыва отношений с Ираном в 2016 г.

Очевидно, что без глубоких структурных преобразований социально-политической системы Саудовской Аравии положение шиитского меньшинства в стране измениться не может. Даже в случае успешной реализации проекта «Видение: 2030» решение «шиитского вопроса» потребует от Эр-Рияда серьезной и длительной работы не только внутри страны, но и на международной арене, так как противоречия между суннитами и шиитами не ограничиваются масштабами королевства и имеют крайне глубокие исторические корни. С учетом того, что с 1979 г. своеобразными полюсами развития суннито-шиитский взаимоотношений стали Саудовская Аравия и Иран, без встречного движения двух «тяжеловесов» мусульманско-

го Востока изменение динамики межконфессиональных отношений внутри ислама кажется невозможным.

Поворотным моментом здесь можно назвать нормализацию отношений между Эр-Риядом и Тегераном в 2023 г., так как продолжение данного процесса способно оказать положительное влияние на региональную динамику. Примечательно, что одной из площадок для предварительных переговоров КСА и ИРИ в 2021 г. стал Ирак – страна, в которой «суннито-шиитский вопрос» имеет особую специфику и крайне актуален, а ключевым посредником выступил Китай, который активно развивает торгово-финансовые связи с Эр-Риядом и военно-политические отношения с Тегераном. Тем не менее с момента подписания соглашения о нормализации прошло еще недостаточно времени, чтобы делать далеко идущие выводы, а сам процесс находится под угрозой из-за текущих событий в регионе и на международной арене.

Список литературы

- Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). – Москва : «Классика плюс», 1999. – 672 с.
- Кириченко В. Положение шиитского меньшинства в Саудовской Аравии: социальный и политический аспекты // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 6 (276). – С. 134–147.
- Косач Г.Г. Саудовская Аравия после Арабской весны: меняющаяся внутренняя политика // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 97–108.
- Косач Г.Г. Саудовская Аравия: Центр национального диалога в контексте «этапа реформ» // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2010. – № 5. – С. 303–324.
- Кузнецов А.А. Суннитско-шиитские противоречия в контексте геополитики региона Ближнего Востока (1979–2016). – Москва : Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021. – 352 с.
- Останин-Головня В.Д. Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 209–221. – DOI: 10.31249/kgf/2022.02.11.
- Субх М.А. О преследовании представителей оппозиции в некоторых странах ССАГПЗ // Институт Ближнего Востока. – 2012. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=15136> (дата обращения: 15.05.2024).
- Федорченко А.В. Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «шиитский вопрос» // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 107–112.
- Чикризова О.С. К вопросу о методологии изучения суннито-шиитских взаимоотношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 74–82.
- al-Mdaires F.A. Islamic Extremism in Kuwait: From the Muslim Brotherhood to Al-Qaeda and other Islamic Political Groups. – Abingdon : Taylor & Francis, 2010. – 304 p.
- Armstrong H.C. Lord of Arabia Ibn Saud: The Intimate Study of a King. – London : Kegan Paul, 2005. – 296 p.
- Beranek O. Divided We Survive: A Landscape of Fragmentation in Saudi Arabia // Middle East Brief. – 2009. – N 33. – URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/middle-east-briefs/pdfs/1-100/meb33.pdf> (дата обращения: 15.05.2024).
- Commins D. The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. – London : I.B. Tauris, 2009. – 276 p.
- DeLong-Bas N.J. Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad. – Cairo : The American University in Cairo Press, 2005. – 370 p.

Evered E.Ö. Rereading Ottoman Accounts of Wahhabism as Alternative Narratives: Ahmed Cevdet Paşa's Historical Survey of the Movement // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. – 2012. – Vol. 32, no. 3. – P. 622–632.

Fahmy D. 5 fact about religion in Saudi Arabia // *Pew Research Center*. – 2018. – URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/04/12/5-facts-about-religion-in-saudi-arabia/> (дата обращения: 15.05.2024).

Lacey R. *Inside the Kingdom*. – New York : Viking, 2009. – 466 p.

Matthiesen T. Hizbullah al-Hijaz: A History of the Most Radical Saudi Shi'a Opposition Group // *Middle East Journal*. – 2010. – N 2. – P. 179–197.

Middle East Report №45: The Shi'ite Question in Saudi Arabia. – Brussels : ICG, 2005. – 20 p.

Mohammadi A. The Destruction of Jannat al-Baqi': A Case of Wahhabi Iconoclasm // *University of Toronto Undergraduate Journal of Middle East Studies*. – 2015. – N 8. – P. 47–56.

Nehme M.G. Saudi Arabia 1950-80: Between Nationalism and Religion // *Middle Eastern Studies*. – 1994. – N 4. – P. 930–943.

Sukkar A. Political reform and its impacts on political stability: a case study of the Kingdom of Saudi Arabia during the period from 1990 to 2010 (PhD thesis) // *VU Research Repository*. – 2010. – URL: https://vuir.vu.edu.au/17748/3.haslightboxThumbnailVersion/SUKKAR%20Atif-theses_nosignature.pdf (дата обращения: 15.05.2024).

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.09

The “Shi’a Question” in the Political Development of Saudi Arabia

Vasily D. OSTANIN-GOLOVNYA

Researcher at the Department of Middle and Post-Soviet East
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5937-8786

CITATION: Ostanin-Golovnya V.D. (2024). The “Shi’a Question” in the Political Development of Saudi Arabia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 3, pp. 169–185 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.09

Received: 14.05.2024.

Revised: 07.09.2024.

ABSTRACT. *The article analyzes the influence of the “Shi’a Question” on the political development of Saudi Arabia. The relevance of studying interfaith relations in the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) is due to the religious specifics of the state, which is a powerful factor in the evolution of Riyadh’s domestic and foreign policy. The author describes the process of transforming the “Shi’a Question” from problems of internal stability of the kingdom into one of the most important elements of Saudi Arabia’s foreign policy. The methodological aspects of the study of interfaith relations in the KSA are covered. Particular attention is paid to determining the size of the kingdom’s Shiite community, using both the official 2022 census results and alternative estimates based on third-party data. The influence of the “Shi’a Question” on the development of bilateral relations between Saudi Arabia and Iran after 1979, as well as the relationship between the political dynamics of the Middle East and the transformation of Riyadh’s approaches to resolving issues of*

internal stability are separately examined. In conclusion, an assessment of the problems and prospects for the development of the KSA policy in the field of interfaith relations is presented against the background of reforms carried out within the framework of the Vision: 2030 program and current events in the region, including in the context of the normalization of Iranian-Saudi relations.

KEYWORDS: Saudi Arabia, Islamic factor, Shiism, Sunnism, Wahhabism, Sunni-Shiite conflict, Iran-Saudi relations, Middle East.

References

- al-Mdaires F.A. (2010). *Islamic Extremism in Kuwait: From the Muslim Brotherhood to Al-Qaeda and other Islamic Political Groups*. Abingdon: Taylor & Francis, 304 pp.
- Armstrong H.C. (2005). *Lord of Arabia Ibn Saud: The Intimate Study of a King*. London: Kegan Paul, 296 pp.

- Beranek O. (2009). Divided We Survive: A Landscape of Fragmentation in Saudi Arabia. *Middle East Brief*. No. 33. Available at: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/middle-east-briefs/pdfs/1-100/meb33.pdf>, accessed 15.05.2024.
- Chikrizova O.S. (2015). On the Question of the Methodology for Studying Sunni-Shiite Relations. *Bulletin of RUDN University. Series: International relations*. No. 3, pp. 74–82 (in Russian).
- Commings D. (2009). *The Wahhabi Mission and Saudi Arabia*. London: I.B. Tauris, 276 pp.
- DeLong-Bas N.J. (2005). *Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad*. Cairo: The American University in Cairo Press, 370 pp.
- Evered E.Ö. (2012). Rereading Ottoman Accounts of Wahhabism as Alternative Narratives: Ahmed Cevdet Paşa's Historical Survey of the Movement. *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. Vol. 32, no. 3, pp. 622–632.
- Fedorchenko A.V. (2013). Interfaith Contradictions in Saudi Arabia: the “Shiite Question”. *Bulletin of MGIMO-University*. No. 2 (29), pp. 107–112 (in Russian).
- Kirichenko V. (2015). The Situation of the Shiite Minority in Saudi Arabia: Social and Political Aspects. *Russia and the Muslim World*. No. 6 (276), pp. 134–147 (in Russian).
- Kosach G.G. (2010). Saudi Arabia: Center for National Dialogue in the Context of the “Reform Stage”. *Islam in the Near and Middle East*. No. 5, pp. 303–324 (in Russian).
- Kosach G.G. (2021). Saudi Arabia after the Arab Spring: Changing Domestic Policy. *East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. No. 3, pp. 97–108 (in Russian).
- Kuznetsov A.A. (2021). *Sunni-Shiite Contradictions in the Context of the Geopolitics of the Middle East Region (1979–2016)*. Moscow: Dmitry Pozharsky University Publishing House, 352 pp. (in Russian).
- Lacey R. (2009). *Inside the Kingdom*. New York: Viking, 466 pp.
- Matthiesen T. (2010). Hizbullah al-Hijaz: A History of the Most Radical Saudi Shi'a Opposition Group. *Middle East Journal*. No. 2, pp. 179–197.
- Middle East Report... (2005). *Middle East Report №45: The Shiite Question in Saudi Arabia*. Brussels: ICG, 20 pp.
- Mohammadi A. (2015). The Destruction of Jannat al-Baqi': A Case of Wahhabi Iconoclasm. *University of Toronto Undergraduate Journal of Middle East Studies*. No. 8, pp. 47–56.
- Nehme M.G. (1994). Saudi Arabia 1950-80: Between Nationalism and Religion. *Middle Eastern Studies*. No. 4, pp. 930–943.
- Ostanin-Golovnya V.D. (2022). Turn to the Middle East: The Factor of “Islamic Awakening”. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 15, no. 2, pp. 209–221 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.02.11.
- Subh M.A. (2012). On the Persecution of Opposition Representatives in some GCC Countries. *Middle East Institute* (in Russian). Available at: <http://www.iimes.ru/?p=15136>, accessed 15.05.2024.
- Sukkar A. (2010). Political reform and its impacts on political stability: a case study of the Kingdom of Saudi Arabia during the period from 1990 to 2010 (PhD thesis). *VU Research Repository*. Available at: https://vuir.vu.edu.au/17748/3/haslightboxThumbnailVersion/SUK-KAR%20Atif-theses_nosignature.pdf, accessed 15.05.2024.
- Vasiliev A.M. (1999). *History of Saudi Arabia (1745 – end of the twentieth century)*. Moscow: “Classics Plus”, 672 pp. (in Russian).

УДК 327(540:6)

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.10

Новые аспекты в африканской политике Индии

Вячеслав Александрович УСОВ

кандидат исторических наук, ведущий эксперт

Российский институт стратегических исследований (РИСИ)

Флотская ул., д. 156, г. Москва, Российская Федерация, 125413

E-mail: usovva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6698-3586

ЦИТИРОВАНИЕ: Усов В.А. Новые аспекты в африканской политике Индии //

Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024.

Т. 17. № 3. С. 186–200.

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.10

Статья поступила в редакцию 12.07.2024.

Исправленный текст представлен 06.09.2024.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена новым аспектам в политике Индии в отношении государств Африки, которые рассматриваются в контексте стремления Нью-Дели добиться повышения своей роли в мировых делах. Особое внимание уделяется проблемам безопасности и обороны в нынешних индийско-африканских отношениях на фоне обострения конкуренции Нью-Дели и Пекина. Делается вывод, что по мере усиления позиций Индии в мире и роста ее присутствия на континенте она всё активнее претендует на роль лидера Глобального Юга и видит себя в качестве «новой нормативной силы», способной предложить развивающимся, в первую очередь африканским, государствам собственную модель развития. Одним из основных средств достижения данной цели является продвижение в страны Африки индийской цифровой инфраструктуры, которая воспринимается в качестве необходимого элемента формирования нового имиджа Индии как высокотех-

нологичной мировой державы. Отмечается, что нынешние усилия Нью-Дели в этом направлении являются логичным продолжением прежних индийских проектов в Африке, в частности в сфере образования и здравоохранения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Индия, Африка, сотрудничество, Глобальный Юг, сдерживание Китая, оборона и безопасность, цифровые технологии.

Переход Индии в статус «главной надежды» мировой экономики и ее нескрываемые амбиции по превращению к 2047 г. в великую державу определяют интерес Индии к Африканскому континенту, характерному сегодня практически для всех мировых и крупных региональных игроков. Совокупность исторических и культурных контактов, их длительность, наличие крупной и хорошо укоренной диаспоры, сама плотность нынешнего индийско-африканского взаимодействия позволя-

ют рассматривать Индию не только в перспективе, но уже сегодня как одного из ключевых партнеров Африки. С индийской точки зрения природные и человеческие ресурсы Черного континента, а также его растущее влияние в мировых делах означают не только увеличение возможностей для Индии, но и укрепление потенциала всех стран Глобального Юга, лидером или «голом» которых стремится быть Нью-Дели. Знаковым стал прием Африканского союза в члены G20 в 2023 г. в период, когда именно Индия была председателем данной группы наиболее влиятельных стран мира. Во многом благодаря усилиям индийской дипломатии и лично премьер-министра страны Нарендры Моди это событие оказалось возможным.

Современная траектория развития индийско-африканских отношений оформилась примерно к концу 1990-х – началу 2000-х годов. К этому времени в Индии и странах Африки прошли экономические и политические преобразования, а их взаимоотношения фактически утратили былое идеологическое содержание, выражавшееся в таких инициативах, как Афро-азиатская солидарность, Движение неприсоединения и т. д. [Beri, 2023]. Можно сказать, что произошла своеобразная «экономизация» двусторонних связей.

Ускорение экономического роста в Индии привело к тому, что страна всё больше нуждалась в природных ресурсах и рынках сбыта, которые она надеялась найти в том числе в Африке, постепенно избавлявшейся от имиджа «безнадежного континента». Приоритетными сферами интереса индийских государственных корпораций и бизнеса, помимо добычи полезных ископаемых, стали торговля, здравоохранение, образование, информационные технологии и сельское хозяйство. Одновременно индийские власти продолжали

рассматривать африканские государства и Африканский союз как естественных союзников в деле реформирования СБ ООН, а также в борьбе за изменение в пользу развивающихся стран сложившейся системы международных отношений.

Кристаллизацией индийских попыток закрепиться в Африке стали три проведенных в 2008, 2011 и 2015 гг. форума-саммита Индия – Африка. С индийской точки зрения их значение вышло за рамки создания единой площадки для заключения договоров или дискуссий между индийскими и африканскими политиками и бизнесменами. Данный формат позволил Нью-Дели укрепить свой имидж в Африке, поставил индийско-африканские отношения на прочную основу.

Третий форум-саммит Индия – Африка, прошедший в октябре 2015 г., обозначил заинтересованность африканских стран не только в развитии торгово-экономических связей с Индией, но и в более активном сотрудничестве по вопросам безопасности и борьбы с угрозой терроризма. Индия – давний партнер стран континента в проведении миротворческих операций ООН, а индийские контингенты на протяжении нескольких десятилетий составляли основу международных миссий по поддержанию мира на его территории. Решение африканцев обратиться за поддержкой к Индии, знакомой с местными реалиями, но не стремящейся, как правило, к навязыванию условий для оказания помощи, выглядело вполне рациональным шагом. В свою очередь Индия, по мере расширения китайского (уже не только экономического, но и военного) присутствия в Африке и примыкающей к ней западной части Индийского океана, всё больше испытывала обеспокоенность за сохранение своих позиций на континенте [Biswas, 2021].

Достижения и вызовы

Энергичные усилия индийских властей и лично премьер-министра Н. Моди по приданию дополнительной динамики отношениям Индии с Африкой дали свой эффект, особенно заметный в первые годы после его прихода к власти. Прежде всего усилилась частота взаимных контактов¹. В 2018 г. Н. Моди объявил о значительном увеличении дипломатического представительства Индии в Африке, пообещав открыть 18 новых индийских посольств на континенте. Он также сформулировал 10 руководящих принципов взаимодействия Индии и стран Африки². Основной их посыл сводился к тому, что отныне африканские интересы будут находиться на первом месте среди приоритетов развития двусторонних связей. Со стороны индийских официальных лиц прозвучали заявления, что партнерство Индии и стран Африки соответствует долгосрочным задачам Африканского союза, выраженным в «Повестке 2063»³.

Восходящая траектория индийско-африканских отношений была подтверждена не только декларациями, но и показателями товарооборота и инвестиций, заметно выросшими в пост-пандемийный период. Так, согласно за-

явлению министра промышленности и торговли Индии Пиюша Гояла, товарооборот между Индией и африканскими странами за 2022/2023 ф. г. увеличился на 9,3% и достиг 98 млрд долл. с перспективой достичь 200 млрд долл. к 2030 г.⁴

Индийские источники также отметили, что Индия закрепилась в первой пятерке инвесторов на Африканском континенте, а совокупный объем ее инвестиций в Африку за период с 1996 по 2021 г. вырос до 73,9 млрд долл. с прогнозом 150 млрд долл. к 2030 г.⁵ Есть примеры успешного сотрудничества Индии со странами Африки даже в научно-технической сфере [Константинова, 2023]. Невзирая на привычный ей протекционизм, Индия практически открыла свой внутренний рынок (по 98,2% тарифных позиций) для товаров из 32 «наименее развитых» (по международной классификации) африканских стран⁶. Кроме того, по словам министра иностранных дел Индии С. Джайшанкара, Индия выдала африканским государствам льготных кредитов на сумму 12,37 млрд долл. и завершила 197 проектов на континенте, при том что 65 проектов всё еще реализуются, а 85 находятся на проектном уровне⁷.

1 Address by External Affairs Minister, Dr. S. Jaishankar at the 17th CII-EXIM Bank Conclave on India-Africa Growth Partnership // MEA. Government of India. – 2022. – July 19. – URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/35499/Address+by+External+Affairs+Minister+Dr+S+Jaishankar+at> (дата обращения: 08.07.2024).

2 Prime Minister's address at Parliament of Uganda during his State Visit to Uganda // Ministry of External Affairs, India. – 2018. – July 25. – URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/30152/Prime+Ministers+address+at+Parliament+of+Uganda+during+his+State+Visit+to+Uganda> (дата обращения: 06.07.2024).

3 План комплексного развития Африки к 100-летию образования Организации африканского единства (предшественника АС) в 1963 г.

4 India and Africa are natural partners with historical and cultural ties: Union Commerce and Industry Minister Shri Piyush Goyal // Ministry of Commerce and Industry. – 2023. – June 15. – URL: <https://commerce.gov.in/press-releases/india-and-africa-are-natural-partners-with-historical-and-cultural-ties> (дата обращения: 25.06.2024).

5 Myles D. India's ambitions for Africa trigger mounting FDI wave // FDI Intelligence. – 2023. – September 18. – URL: <https://www.fdiintelligence.com/content/news/indias-ambitions-for-africa-trigger-mounting-fdi-wave-82958> (дата обращения: 25.06.2024).

6 Address by External Affairs Minister, Dr. S. Jaishankar at the 17th CII-EXIM Bank Conclave on India-Africa Growth Partnership // MEA. Government of India. – 2022. – July 19. – URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/35499/Address+by+External+Affairs+Minister+Dr+S+Jaishankar+at> (дата обращения: 08.07.2024).

7 India-Africa trade up 9% yoy in FY 2022/2023 to 98 bn // Ecofin Agency. – 2023. – November 16. – URL: <https://www.ecofinagency.com/public-management/1611-45052-india-africa-trade-up-9-yoy-in-fy-2022/2023-to-98bn> (дата обращения: 25.06.2024).

Индийские представители и экспортное сообщество страны на протяжении многих лет не устают подчеркивать, что особенностями подхода Нью-Дели к развитию отношений с Африкой является упор Индии на «наращивании потенциала» (*capacity-building*) и «развитии навыков» (*skill-building*) африканцев, а также приоритет именно африканских интересов в двустороннем сотрудничестве⁸. Среди других преимуществ Индии отмечаются английский язык, глубоко укорененная и влиятельная диаспора, а также демократическая модель развития, которая, по мнению индийцев, должна больше привлекать граждан африканских стран, чем примеры авторитарных режимов [Pant, Mishra, 2021].

Все эти безусловно важные и приятные для индийского глаза и уха достижения и декларируемые преимущества подхода Индии к отношениям с Африкой способствовали тому, что в политикоформирующих кругах этой страны возобладал своеобразный «триумфализм» по поводу ее африканской политики. Сегодня основная часть индийских специалистов по Африке полагает, что уже скоро «Индия станет для Африки крупнейшим партнером» [Karingi, Naliaka, 2022, p. 112].

При этом еще несколькими годами ранее в этой среде достаточно подробно описывали существующие проблемы в развитии индийско-африканских связей, которые порой оказывались обратной стороной достигнутых успехов. В частности, отмечалось, что, несмотря на заметный рост товарооборота и выравнивание торгового баланса, в индийско-африканской торговле по-прежнему сохраняются диспропорции практически колониального типа

с преобладанием в индийском экспорте в Африку товаров более высокой степени переработки и почти исключительно сырьевом импорте из Африки в Индию [Брагина, 2018, с. 189–192].

С течением времени эти параметры поменялись мало. Африканцы продолжают ждать от Нью-Дели расширения своего экспорта в Индию и локализации индийского производства в своих странах, в первую очередь в сферах фармацевтики и машиностроения. Но это весьма сложно увязать с планами Нью-Дели по развитию собственной промышленной базы, заложенными в программах «Делай в Индии» (*Make in India*) и «Самодостаточная Индия» (*Atmanirbhar Bharat*) [Karingi, Naliaka, 2022, p. 112].

Не всё однозначно и с индийскими инвестициями в Африку. Значительная их часть приходится на Маврикий, до 70% населения которого составляют потомки переселенцев-индийцев. При этом географически страна считается африканской. Маврикий активно используется индийским бизнесом для реинвестирования обратно в Индию, выступая в качестве своего рода офшорной зоны. С 2017 по 2019 г. (то есть до начала пандемии COVID-19) на африканские страны приходилось около 15% всех индийских зарубежных инвестиций, из них 82% шли на Маврикий [Karingi, Naliaka, 2022, p. 112].

Свои подводные камни обнаружили и в вопросах предоставления Индией льготных кредитов странам Африки, и даже в таких, казалось бы, беспроблемных темах, как сотрудничество в области образования и здравоохранения [Усов, 2023; Volodin, 2023; Saint-Mezard, Nicolas, 2022]. Немаловажно и то, что индийские инициати-

8 В данном случае индийский подход зачастую противопоставляется китайскому, для которого якобы характерно стремление к односторонней выгоде, найму китайской рабочей силы в ущерб африканцам, создание «долговых ловушек» и строительство «тщеславных» объектов инфраструктуры и архитектуры.

вы, несмотря на свой общественно полезный характер, как правило, почти неизвестны широкой публике.

При этом характерно, что имеющиеся проблемы во взаимоотношениях со странами Африки индийские исследователи зачастую склонны рассматривать через призму конкуренции с другими внерегиональными силами, прежде всего Китаем [Karingi, Naliaka, 2022, p. 112].

Другая особенность нынешнего индийского подхода – это стремление Индии всё чаще примерять на себя роль уже не только экономического и политического, но также идейного и морального лидера стран Глобального Юга, неотъемлемой частью которого является Африка.

Китайский фактор и особенности сотрудничества Индии и стран Африки в сферах безопасности и обороны

Противодействие Китаю в Африке и примыкающей зоне Индийского океана в последние годы стало одной из первоочередных задач политики Индии на данном направлении, способствуя как активизации индийско-африканских связей в области обороны и безопасности [Karingi, Naliaka, 2022, p. 112], так и налаживанию контактов с западными государствами. Весьма показательно, что еще 10–15 лет назад в ответ на призывы из Лондона и Парижа к Нью-Дели объединить свои усилия по сдерживанию Пекина в Африке индийцы отвечали категорическим от-

казом, ссылаясь на нежелание ассоциироваться в глазах африканцев с бывшими колонизаторами.

Однако сегодня в Индии полагают, что КНР – это ревизионистское государство, нарушающее сложившийся в этом районе мира баланс сил [Mohan, 2022]. Доказательством данного тезиса считается регулярное появление в западной части Индийского океана кораблей и подводных лодок китайских ВМФ и создание КНР военной базы в Джибути в 2017 г.⁹, сооружение которой было воспринято в Индии как прямой вызов Пекина сложившемуся положению дел и индийским интересам в регионе¹⁰.

С индийской точки зрения вся китайская инициатива «Один пояс – один путь», а также попытки Пекина получить в аренду или построить инфраструктурные портовые объекты на Мальдивах, Мадагаскаре, Коморах и в странах Восточной Африки¹¹ оцениваются как свидетельство намерения КНР закрепиться в стратегически важных районах Индийского океана. В Нью-Дели видят в этих шагах Пекина желание «окружить» Индию цепью военных баз в рамках якобы разработанной китайцами стратегии «нить жемчуга», призванной сдержать развитие страны, ограничив ее способности стать соперником Китая за лидерство в Азии. При этом западная часть Индийского океана по умолчанию рассматривается как область «традиционного влияния» Индии и сфера ее «законных интересов» [Roy-Chaudhury, 2019, p. 25].

9 Labrado Calera E.M. Djibouti, a key player on the great world board // Ejercitos. – 2022. – March 17. – URL: <https://www.revistaejercitos.com/en/2022/03/17/djibouti-a-key-piece-in-the-great-world-chessboard>; Wilhelm J.P. Tiny but mighty: Djibouti's role in geopolitics // DW. – 2021. – April 8. – URL: <https://www.dw.com/en/tiny-but-mighty-djiboutis-role-in-geopolitics/a-57136069> (дата обращения: 06.07.2024).

10 Singh A. J. India's maritime engagement with Africa set to grow // The Financial Express. – 2021. – June 17. – URL: <https://www.financialexpress.com/defence/indias-maritime-engagement-with-africa-set-to-grow/2273105> (дата обращения: 06.07.2024).

11 Nair R. India adds flavour to Vanilla Islands in the Indian Ocean // The Financial Express. – 2022. – August 17. – URL: <https://www.financialexpress.com/defence/india-adds-flavour-to-vanilla-islands-in-the-indian-ocean/2632888> (дата обращения: 06.07.2024).

С начала 2000-х годов Индия стала заключать соглашения в военной сфере с африканскими островными государствами: Маврикием, Мадагаскаром и Сейшельскими Островами, – а также с прибрежными странами Восточной Африки: Кенией, Мозамбиком и Танзанией. Первая в регионе станция наблюдения за акваторией Индийского океана была открыта Индией в июле 2007 г. на Мадагаскаре [Усов, 2017]. Явная цель этих решений – укрепить позиции Нью-Дели в регионе путем формирования здесь «индоцентричной» системы безопасности на фоне растущей «китайской угрозы»¹².

Реагируя на китайский вызов, Индия стала автором нескольких инициатив в сферах обороны и безопасности, направленных преимущественно на восточноафриканские государства. Среди них можно отметить Индийско-африканский оборонный диалог (*India-Africa Defence Dialogue, IADD*), Индийско-африканский конклав министров обороны и главнокомандующих вооруженными силами (*India-Africa Defence Ministers and Chief's Conclave*) и Индийско-африканские полевые учения (*India-Africa Field Training Exercise*) [Kumar, p. 216].

Индийские аналитики особо выделяют IADD. По их сведениям, данный «оборонный диалог», сформированный только в 2020 г., связан с Индоокеанским морским симпозиумом (IONS) – более ранней инициативой Индии, направленной на усиление безопасности на море. Одна из главных целей

IADD – расширение индийского военного экспорта в страны Африки и ее островные государства [Gurjar, 2023, p. 80]. Отражением той же тенденции можно считать появившиеся в индийской экспертной среде предположения, что именно вопросы безопасности призваны сформировать ядро стратегического партнерства между Индией и Африканским союзом в дальнейшем [Singh, Mishra, 2021].

В то же время индийцы признают недостаток собственных возможностей по противодействию Пекину в регионе. Похоже, это и стало основной причиной их отхода от первоначальной позиции по нежелательности решения проблем безопасности в зоне Индийского океана с привлечением внешних сил. В рамках нового подхода Нью-Дели усилил координацию своих действий с Вашингтоном и его союзниками, в том числе пошел на заключение четырех основополагающих соглашений в военной сфере [Ali, 2020], поднявших Индию до статуса «важного военного партнера» США¹³. Помимо участия в Четырехстороннем диалоге по безопасности в составе США, Австралии, Индии и Японии (QUAD) и регулярного проведения совместных военных учений, Нью-Дели в 2022 г. подключился к деятельности руководимых Вашингтоном [Muddassir, 2022] и расположенных в Бахрейне так называемых Объединенных морских сил (*Combined Maritime Forces*)¹⁴. Под их эгидой с декабря 2023 г. силами возглавляемой США антихусит-

12 As China expands presence, India seeks to catch up in western Indian Ocean // Times of India. – 2019. – December 27. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/eye-on-china-india-appoints-defence-attache-in-madagascar/articleshow/print/72987279.cms> (дата обращения: 08.07.2024).

13 General Security of Military Information Agreement (GSOMIA), подписано в 2002 г., Logistic Exchange Memorandum of Agreement (LEMOA), подписано в 2016 г., Communication Compatibility and Security Agreement (COMCASA), подписано в 2018 г., BASIC EXCHANGE and Cooperation Agreement (BECA), подписано в 2020 г.

14 Raksha Mantri & US Secretary of Defence discuss wide range of defence & strategic issues during bilateral talks in New Delhi // Ministry of Defence. India. – 2023. – November 10. – URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PR1> (дата обращения: 08.07.2024).

ской коалиции проводится операция «Страж процветания» (*Operation Prosperity Guardian*) с целью «обеспечения безопасности движения на Красном море»¹⁵.

При этом индийцы осознают, что сотрудничество в военной сфере с внерегиональными силами в зоне Индийского океана и Африке несет в себе известные риски и может провоцировать осложнения в международных и двусторонних отношениях. В связи с этим более приемлемой для африканских государств, особенно островных, может оказаться тактика Нью-Дели по утверждению себя в качестве «гаранта безопасности» (как вариант «предпочтительного партнера в сфере безопасности» (*preferred security partner*) и «первого помощника» (*first responder*) в случае природных и рукотворных катастроф в зоне Индийского океана [Gurjar, 2024].

Как полагает индийская сторона, операции в сфере «гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий», или *HADR* (*Humanitarian Assistance and Disaster Relief*), должны стать «ключевым компонентом индийской дипломатии в сфере безопасности в обозримом будущем». Они не только благожелательно воспринимаются в странах региона, но и выгодно оттеняют политику Нью-Дели «в сравнении с ролью других игроков» [Gurjar, 2023]. Под «другими игроками» прежде всего понимается КНР.

Дополнительным полезным следствием такого «гуманитарного» использования индийского флота можно считать демонстрацию его возможностей по выполнению сложных задач на всём пространстве Индийского океана [Panda, 2019].

Индия как «новая нормативная сила»

В 2021–2022 гг. индийские политики постарались сформулировать особенности индийского подхода к развитию отношений с Африкой, выделив наиболее выгодные, с их точки зрения, отличия не только от китайского, но и от западного подходов.

В частности, было отмечено, что в отличие от китайских инициатив индийские проекты направлены «на усиление и развитие местных сообществ» и «больше опираются на местные таланты» [Pant, Mishra, 2021].

В противовес китайской и западной модели сотрудничества с Африкой взаимодействие Индии с африканскими странами не иерархично, соответствует принципам сотрудничества по линии Юг – Юг и основано на пожеланиях африканцев, а также предполагает трансфер навыков и технологий [Berger, Eickhoff, 2022, p. 31; Mishra, 2022].

Наконец, было отмечено, что внутреннее федеративное и демократическое устройство Индии больше подходит государствам Африки в качестве модели для развития, чем примеры таких стран, как КНР или даже Южная Корея и Сингапур [Mishra, 2022].

Стоит отметить, что претензии Индии на некую особую «миссию» в мировых делах были сформулированы еще в период национально-освободительной борьбы индийцев против британского колониализма. Прослеживается явная преемственность этих идей с первых лет независимости страны и до настоящего времени независимо от идеологической и политической принадлежности выдвигавших их индийских политиков и общественных деятелей. Так, нынеш-

¹⁵ Statement from Secretary of Defense Lloyd J Austin III on Ensuring Freedom of Navigation in the Red Sea // The U.S. Department of Defence. – 2023. – December 18. – URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3621110/-statement-from-secretary-of-defense-lloyd-j-austin-iii-on-ensuring-freedom> (дата обращения: 08.07.2024).

ние устремления Индии быть «мостом» между развитыми и развивающимися странами напоминают идеи первого премьер-министра независимой Индии Дж. Неру о «расширении пространства мира» в 1950-е годы [Володин, 2021, с. 134]. В свою очередь, свои представления об индийском «моральном» лидерстве и миссии страны в мировых делах высказывал как Неру, так и к его идейный противник – один из авторов идей индуистского религиозного национализма (хиндутвы) Голвалкар, утверждавший, что только Индия может «вести мир в духовном смысле» [Golwalkar, 1939, p. 95].

Современные индийские политики из правящей партии «Бхаратия джаната парти», представляющие идейных противников Неру, тоже весьма склонны к «моральной» политике. Однако их идейной платформой служит концепция *Vasudhaiva Kutumbakam* (Мир как одна семья). Она почерпнута из древнего санскритского текста Маха Упанишад, но в чём-то повторяет секулярные идеи Неру, соединяя концепцию «одного мира» с идеей «моральной власти» [Volodin, 2023, p. 272].

Упор на «моральное лидерство» Индии неплохо сочетается с другими продвигаемыми Нью-Дели на международном уровне идеями: демократизацией глобального управления, упором на развитие зеленой экономики и солнечной энергетики. Некоторой новацией здесь выглядит позиционирование себя в качестве новой «нормативной силы», то есть государства, устанавливающего стандарты и правила поведения в мировых делах. Индийский ми-

нистр иностранных дел С. Джайшанкар в 2023 г. выразил эту идею следующим образом: «Мир сегодня смотрит на Индию как на партнера в области развития, а Индия играет роль «создателя нарратива» (*narrative shaper*)»¹⁶.

Особое значение в данном вопросе Индия придает продвижению своих информационных технологий, призванных формировать ее новый имидж за рубежом. Касаясь данного вопроса, премьер-министр Н. Модии отметил, что «индийские инновации могут быть легко воспроизведены в странах Африки». К ним он в первую очередь отнес цифровые технологии, здравоохранение, возобновляемые источники энергии и сельское хозяйство¹⁷.

Данные планы стали возможны после завершения создания в Индии целой экосистемы цифровой архитектуры (или набора цифровых сервисов), включающей систему онлайн-платежей и денежных переводов. Она получила название *India Stack*, но в настоящее время позиционируется индийскими властями в качестве образца «общественной цифровой инфраструктуры» (*Digital Public Infrastructure, DPI*)¹⁸.

DPI доказала свою эффективность в период пандемии COVID-19. Благодаря ей в немалой степени был обеспечен успех программы вакцинации, а до уязвимых групп населения страны (около 160 млн человек) быстро доведена адресная финансовая помощь, что вызвало похвалу в адрес Индии со стороны основателя компании *Microsoft* и ныне филантропа Билла Гейтса¹⁹. На прошедшем в марте 2023 г. в Ин-

16 EAM S Jaishankar says world perceives India as credible and effective development partner, economic collaborator. – 2023. – June 8. – URL: <https://newsonair.gov.in/News?title=EAM-S-Jaishankar> (дата обращения: 09.07.2024).

17 Modi says Africa is top priority for India // Mail & Guardian. – 2023. – August 30. – URL: <https://mg.co.za/africa/2023-08-30-modi-says-africa-is-top-priority-for-india> (дата обращения: 09.07.2024).

18 Singal N. Here's how India's Digital Public Infrastructure is going global // Business Today. – 2023. – November 12. – URL: <https://www.businesstoday.in/magazine/deep-dive/story/heres-how-indias-digital-public-infrastructure-is-going-global-405177-2023-11-09> (дата обращения: 10.07.2024).

19 Ibid.

дии саммите G20 Нью-Дели представил индийскую DPI в качестве образца для подражания другим развивающимся странам, в частности государствам Африки. Выигрышные характеристики данной системы – использование программных решений с открытым кодом, невысокая стоимость и возможность быстрой адаптации к условиям стран со схожими проблемами развития: бедностью, низким качеством социальных услуг, территориальными и социальными диспропорциями [Щедров, 2023].

Эти индийские усилия были поддержаны мировыми финансовыми институтами, например Всемирным банком. В сентябре 2023 г. он в рамках серии своих мероприятий *South-South Knowledge Sharing Series* организовал специальную онлайн-конференцию, посвященную индийской DPI²⁰. На ней присутствовали индийский министр по развитию предпринимательства и информационным технологиям Р. Чандрашекхар и представители Африканского союза²¹. Целью мероприятия было продвижение в Африку индийских цифровых сервисов.

К настоящему времени уже 8 развивающихся стран на всех континентах подписали с Нью-Дели соглашения об использовании этой индийской системы на условиях бесплатного доступа. Среди них 2 африканских – Маврикий и Сьерра-Леоне²². Отдельные сервисы системы проходят апробацию в Гвинее, Того и Эфиопии²³. Переговоры насчет внедрения индийской систе-

мы мгновенных денежных переводов (*Unified Payment Interface*) ведутся с Кенией, Мозамбиком и Намибией²⁴.

Впрочем, первым успешным опытом взаимодействия в продвижении индийских телекоммуникационных и информационных технологий в Африку, вероятно, следует признать проект Панафриканской электронной сети (*Pan African e-Network Project*). С 2018 г. он преобразован в новую инициативу, получившую название *e-VBAB* (*e-Vidhyabharati & e-Aarogybharati*) [Harshe, 2022]. Успех этого проекта, как становится понятно сегодня, проложил путь в Африку другим индийским инициативам в цифровой сфере.

Наряду с проектами в сферах образования и здравоохранения именно внедрение индийских цифровых технологий может оказаться наиболее важным вкладом Индии в развитие человеческого потенциала и навыков африканцев. При этом данная тенденция в полной мере отвечает традиционным индийским подходам к развитию отношений со странами Африки и акцентирует внимание на сильных сторонах ее африканской политики.

Вместо заключения

На фоне всего вышеизложенного достаточно парадоксальным выглядит нежелание индийских властей организовывать 4-й форум-саммит Индия – Африка. 3-й форум-саммит прошел 9 лет назад, поставленные на нем цели

20 Mumtaz A. India's Public Infrastructure: A Model for African Nations. – 2023. – September 26. – URL: <https://bnnbreaking.com/world/india/indias-digital-public-infrastructure-a-model-for-african-nations> (дата обращения: 10.07.2024).

21 Minister Rajeev Chandrashekhar attends «South-South Knowledge Sharing Series» by World Bank // Ministry of Electronics & IT. – 2023. – September 26. – URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1960743> (дата обращения: 10.07.2024).

22 Singal N. Here's how India's Digital Public Infrastructure is going global // Business Today. – 2023. – November 12. – URL: <https://www.businesstoday.in/magazine/deep-dive/story/heres-how-indias-digital-public-infrastructure-is-going-global-405177-2023-11-09> (дата обращения: 10.07.2024).

23 Sinha S. Opinion: Digital Public Infrastructure: Brahmastra of India's Diplomacy // News18. – 2024. – January 31. – URL: <https://www.news18.com/opinion/opinion-digital-public-infrastructure-brahmastra-of-indias-diplomacy> (дата обращения: 10.07.2024).

24 Shashank M. India in talks for UPI expansion in Africa // Mint. – 2023. – August 27. – URL: <https://www.livemint.com/news/world/india-expanding-in-africa> (дата обращения: 10.07.2024).

достигнуты либо стали неактуальными. В ноябре 2023 г. министр иностранных дел Индии заявил, что его страна «постарается найти возможность» провести саммит в 2024 г.²⁵ В июне 2024 г. он это подтвердил, но никаких сроков уже не назвал, а также добавил, что Индия будет в этом «искать поддержку африканских государств»²⁶.

Можно предполагать, что пассивность индийских властей в данном вопросе связана как с их сомнениями в эффективности проведения крупномасштабных мероприятий в указанном формате, что было заметно уже на 3-м форуме-саммите в 2015 г., так и с попытками найти более актуальные формы взаимодействия. Фаворитом здесь выглядят организуемые Нью-Дели саммиты «Голос Глобального Юга». Два мероприятия под этим брендом в онлайн-формате прошли в 2023 г., один – в 2024 г. [Bhatia, 2024].

Судя по всему, Индия всё еще находится в поисках новой стратегии взаимоотношений со странами континента, максимально учитывающей ее сильные стороны. Однако, несмотря на усиление морального и идеологического компонентов в индийской политике в Африке в последние годы, ее основные цели остались, по сути, неизменны. В сфере экономики Индию прежде всего интересуют природные ресурсы (энергоносители, продукция сельского хозяйства, драгоценные металлы и т. д.) и обширный внутренний рынок Африки, застолбить место на котором крайне важно для набирающих силу индийских корпораций. В перспективе Индия также рассчитывает на участие в разработке морских ресурсов («голубая экономика») и видит себя естественным

партнером стран континента в использовании нетрадиционных видов энергии, в первую очередь солнечной.

На уровне мировой политики Африка для Нью-Дели – это не только «банк голосов» в ООН и других международных организациях, но и очень значительная часть стран Глобального Юга, опираясь на поддержку которых Индия намеревается войти в ряд великих мировых держав.

На региональном уровне Африка, прежде всего ее восточная и островная индоокеанская часть, – это зона индийского «расширенного партнерства». Со стороны местных государств Нью-Дели по меньшей мере ожидает учета индийских интересов и недопущения в регион недружественных Индии внешних сил.

Как представляется, существенным вызовом для достижения этих целей может стать всё более заметный антикитайский крен индийской политики в Африке. В определенном смысле это противоречит заявлениям самих же индийских лидеров о приоритетности африканских интересов. Если конкуренцию азиатских гигантов в экономической сфере африканцы могут только приветствовать, то возможное противостояние между Индией и КНР в сфере безопасности едва ли пойдет на пользу местным государствам. Это противостояние, не столь заметное в континентальной части Африки, уже проявилось в островных государствах западной части Индийского океана. Нью-Дели твердо намерен не допустить здесь усиления позиций Пекина, тем более строительства китайских военных баз.

С точки зрения российских государственных интересов возможная эволю-

25 Remarks by EAM, Dr. S. Jaishankar at event marking significance of African Union's membership of the G20, Yashobhoomi. – 2023. – November 10. – URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl> (дата обращения: 10.07.2024).

26 EAM Jaishankar: Work on to organize India Africa Summit // WION. – 2024. – June 26. – URL: <https://www.wionews.com/world/eam-jaishankar-work-on-to-organize-india-africasummit-735242> (дата обращения: 10.07.2024).

ция политики Индии в Африке по пути усиления конфронтации с Китаем и ее кооперация в этом вопросе с западными государствами также представляют собой достаточно негативный сценарий. Вместе с тем разнообразный индийский опыт налаживания связей со странами континента в сферах образования, медицины, логистики, внедрения технологических новаций может быть полезен для российских компаний, хотя его реальную востребованность в настоящее время оценить довольно трудно.

Список литературы

Брагина Е.А. Индия – Африка: торговля и инвестиции в XXI веке // *Контур*ы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 5. – С.182–199. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-182-199.

Володин А.Г. Современность истории: истоки внешней политики Индии // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65, № 1. – С. 132–138.

Константинова О.В. Индийско-африканское сотрудничество в научно-технической сфере // *Ученые записки Института Африки РАН*. – 2023. – № 4 (65). – С. 21–30. – DOI: 10.31132/2412-5717-2023-65-4-21-30.

Усов В.А. Африканская политика Нью-Дели: вызовы и перспективы // *Проблемы национальной стратегии*. – 2023. – № 3. – С. 114–143. – DOI: 10/52311/2079-3359_2023_3_114.

Усов В.А. Индийско-африканские отношения и проблемы совместного противостояния терроризму // *Ученые записки Института Африки РАН*. – 2017. – № 2. – С. 101–110.

Усов В.А. Индия и Африка на рубеже тысячелетий. Прошлое, настоящее, будущее. – Москва : Институт Африки РАН. – 2010. – 193 с.

Щедров И.Ю. Технологическая политика Индии // *РСМД*. – 2023. – № 82. – 58 с. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/India-TechPolicy-Working-Paper82.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).

Ali S. Indo-US Foundational Agreements: Contributing to India's Military Capabilities // *Centre for Strategic and Contemporary Research*. – 2020. – December 4. – 6 p. – URL: <https://cscrp.k/pdf/perspectives/Indo-US-Foundational-Agreements-Contributing-to-India's-Military-Capabilities> (дата обращения: 02.09.2024).

Berger T., Eickhoff K. Power, status and memory in Indo-East African relations // *South African Journal of International Affairs*. – 2022. – Vol. 29, Issue 1. – P. 23–44. – DOI: 10.1080/10220461.2022.2035251.

Beri R. India's Africa Policy in the Post-Cold War Era: An Assessment // *Strategic Analysis*. – 2003. – Vol. 27, N 2. – URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/sa/sa_apr03/sa_apr03ber01.html#txt29 (дата обращения: 02.09.2024).

Bhatia R. India's Efforts to engage Africa // *Gateway House*. – 2024. – May 9. – URL: <https://gatewayhouse.in/key-developments-india-africa> (дата обращения: 02.09.2024).

Biswas A. Engagement of China and India in the Western Indian Ocean littoral and island states of East Africa // *Journal of the Indian Ocean Region*. – 2021. – Vol. 17, N 1. – P. 24–41. – DOI: 10.1080/19480881.2021.1878581.

Golwalkar M.S. We or Our Nationhood Defined. – Nagpur : Bharat Publications, 1939. – 149 p.

Gurjar S. Expanding Arc of India's Defence Diplomacy // *Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses*. – 2023. – Vol. 17, N 3. – 24 p. – URL: https://idsa.in/system/files/jds-17-3_Sankalp-Gurjar_0.pdf (дата обращения: 02.09.2024).

Gurjar S. Why Djibouti and the Gulf of Aden matter for India and the Indo-Pacific

// Vivekananda International Foundation. – 2024. – January 11. – URL: <https://www.vivindia.org/2024/January/11/Why-Djibouti-and-the-Gulf-of-Aden-matter-for-India-and-the-Indo-Pacific> (дата обращения: 02.09.2024).

Harshe R. The 17th CII-EXIM Bank Conclave: The prospects of India-Africa Growth Partnership // Observer Research Foundation. – 2022. – July 25. – URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-17th-cii-exim-bank-conclave> (дата обращения: 02.09.2024).

Karingi S. N., Naliaka L.N. The future of India-Africa relations: Opportunities abound // Foresight Africa 2022. Africa Growth Initiative. Brookings. – 2022. – 126 pp. – URL: <https://www.brookings.edu/research/foresight-africa-2022> (дата обращения: 02.07.2024).

Kumar R. Navigating Non-Traditional Security Threats in the Western Indian Ocean Region // Journal of Defence Studies. – 2023. – Vol. 17, N 3. – 30 p. – URL: https://idsa.in/system/files/jds-17-3_Raghvendra-Kumar.pdf (дата обращения: 02.09.2024).

Mishra A. Elevating the India-Africa partnership to new horizons // Observer Research Foundation. – 2022. – July 22. – URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/elevating-the-india-africa-partnership-to-new-horizons> (дата обращения: 02.09.2024).

Mohan R.C. China's Two-Ocean Strategy puts India in a Pincer // Foreign Policy. – 2022. – January 4. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/01/04/india-china-ocean-geopolitics-sri-lanka-maldives-comoros> (дата обращения: 02.09.2024).

Muddassir Q. India and the Persian Gulf: Bilateralism, Regional Security and the China Factor // Institute for Security and Development Policy. – 2022. – May 10. –

11 p. – URL: www.isdp.eu/publication/india-and-the-persian-gulf-bilateralism-regional-security-and-the-china-factor (дата обращения: 02.09.2024).

Panda A. India Underscores Indian Ocean First Responder Role After Mozambique Tropical Cyclone // The Diplomat. – 2019. – March 26. – URL: <https://thediplomat.com/2019/03/india-underscores-indian-ocean-first-responder-role-after-mozambique-tropical-cyclone> (дата обращения: 02.09.2024).

Pant H.V., Mishra A. Is India the New China in Africa? // Foreign Policy. – 2021. – June 17. – URL: <https://foreignpolicy.com/2021/06/17/india-china-africa-development-aid-investment> (дата обращения: 02.09.2024).

Roy-Chaudhury R. How Indian views the Indo-Pacific // Infrastructure, Ideas, and Strategy in the Indo-Pacific. – 2019. – March. – 64 p. – URL: <https://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2019/04/HJS-Infrastructure-Ideas-and-Strategy-in-Indo-Pacific-web.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).

Saint-Mezard I., Nicolas F. India – East Africa: A Not So Healthy Relationship? // Études de l'Ifri. – 2022. – February. – 40 p. – URL: <http://www.Ifri.org> (дата обращения: 02.09.2024).

Singh P., Mishra A. The untapped potential of India-Africa security cooperation // Institute for Security Studies. Africa Report. – 2021. – N 36 (October). – 16 p. – URL: <https://issafrica.org/research/africa-report/the-untapped-potential-of-india-africa-security-cooperation> (дата обращения: 02.09.2024).

Volodin A.G. India-Africa: Development Cooperation in Healthcare // Africa and the Formation of the New System of International Relations. – 2023. – Vol. II. – P. 269–282. – DOI:10.1007/978-3-031-34041-3_17.

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.10

New Aspects in Indian African Politics

Vyacheslav A. USOV

PhD (History), Leading Expert

Russian Institute for Strategic Studies (RISS)

Flotskaya Street, 15b, Moscow, Russian Federation, 125413

E-mail: usovva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6698-3586

CITATION: Usov V.A. (2024). New Aspects in Indian African Politics. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 3, pp. 186–200 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.03.10

Received: 12.07.2024.

Revised: 06.09.2024.

ABSTRACT. *The article is devoted to India's modern policy towards African states in the context of New Delhi's intention to strengthen its role in world affairs. Special attention is paid to the issues of increasing the importance of security and defense issues in the current Indian-African relations against the background of growing competition between New Delhi and Beijing. It is concluded that as India's position in the world deepens and its authority on the continent increases, it increasingly claims to be the leader of the Global South and a "new regulatory force" capable of offering developing, including African, states their own development model. One of the most important means to achieve this goal is to promote Indian digital infrastructure to African countries. India sees this as a necessary element in shaping its new image as a high-tech world power. It is noted that India's current efforts in this direction are a logical continuation of its previous projects in Africa, in particular in the field of education and health.*

KEYWORDS: *India, Africa, cooperation, Global South, competition with China, defense and security, digital technologies.*

References

Ali S. (2020). Indo-US Foundational Agreements: Contributing to India's Military Capabilities. *Centre for Strategic and Contemporary Research*. December 4. 6 pp. Available at: <https://cscsr.pk/pdf/perspectives/Indo-US-Foundational-Agreements-Contributing-to-India's-Military-Capabilities>, accessed 02.09.2024.

Berger T., Eickhoff K. (2022). Power, status and memory in Indo-East African relations. *South African Journal of International Affairs*. Vol. 29, no. 1, pp. 23–44. DOI: 10.1080/10220461.2022.2035251.

Beri R. (2003). India's Africa Policy in the Post-Cold War Era: An Assessment. *Strategic Analysis*. Vol. 27, no. 2. Available at: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/sa/sa_apr03/sa_apr03ber01.html#txt29, accessed 02.09.2024.

Bhatia R. (2024). India's Efforts to engage Africa. *Gateway House*. May 9. Available at: <https://gatewayhouse.in/key-developments-india-africa>, accessed 02.09.2024.

Biswas A. (2021). Engagement of China and India in the Western Indian Ocean littoral and island states of East Africa. *Journal of the Indian Ocean*

Region. Vol. 17, no. 1, pp. 24–41. DOI: 10.1080/19480881.2021.1878581.

Bragina E.A. (2018). India-Africa: Trade and Investment in the XXI Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 11, no. 5, pp. 182–199 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-182-199.

Golwalkar M.S. (1939). *We or Our Nationhood Defined*. Nagpur: Bharat Publications, 149 pp.

Gurjar S. (2023). Expanding Arc of India's Defence Diplomacy. *Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses*. Vol. 17, no. 3, 24 pp. Available at: https://idsa.in/system/files/jds-17-3_Sankalp-Gurjar_0.pdf, accessed 02.09.2024.

Gurjar S. (2024). Why Djibouti and the Gulf of Aden matter for India and the Indo-Pacific. *Vivekananda International Foundation*. January 11. Available at: <https://www.vifindia.org/2024/January/11/Why-Djibouti-and-the-Gulf-of-Aden-matter-for-India-and-the-Indo-Pacific>, accessed 02.09.2024.

Harshe R. (2022). The 17th CII-EXIM Bank Conclave: The prospects of India-Africa Growth Partnership. *Observer Research Foundation*. July 25. Available at <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-17th-cii-exim-bank-conclave>, accessed 02.09.2024.

Karingi S.N., Naliaka L.N. (2022). The future of India-Africa relations: Opportunities abound *Foresight Africa 2022. Africa Growth Initiative. Brookings*. 126 pp. Available at: <https://www.brookings.edu/research/foresight-africa-2022>, accessed 02.09.2024.

Kumar R. (2023). Navigating Non-Traditional Security Threats in the Western Indian Ocean Region. *Journal of Defence Studies*. Vol. 17, no. 3, 30 pp. Available at: https://idsa.in/system/files/jds-17-3_Raghvendra-Kumar.pdf, accessed 02.09.2024.

Konstantinova O. (2023). Indian-African Cooperation in Science and Technolo-

gies. *Journal of Institute for African Studies*. No. 4 (65), pp. 21–30 (in Russian). DOI: 10.31132/2412-5717-2023-65-4-21-30.

Mishra A. (2022). Elevating the India-Africa partnership to new horizons. *Observer Research Foundation*. July 22. Available at: <https://www.orfonline.org/expert-speak/elevating-the-india-africa-partnership-to-new-horizons>, accessed 02.09.2024.

Mohan R.C. (2022). China's Two-Ocean Strategy puts India in a Pincer. *Foreign Policy*. January 4. Available at: <https://foreignpolicy.com/2022/01/04/india-china-ocean-geopolitics-sri-lanka-maldives-comoros>, accessed 02.09.2024.

Muddassir Q. (2022). India and the Persian Gulf: Bilateralism, Regional Security and the China Factor. *Institute for Security and Development Policy*. May 10, 11 pp. Available at: www.isdp.eu/publication/india-and-the-persian-gulf-bilateralism-regional-security-and-the-china-factor, accessed 02.09.2024.

Panda A. (2019). India Underscores Indian Ocean First Responder Role After Mozambique Tropical Cyclone. *The Diplomat*. March 26. Available at: <https://thediplomat.com/2019/03/india-underscores-indian-ocean-first-responder-role-after-mozambique-tropical-cyclone>, accessed 02.09.2024.

Pant H.V., Mishra A. (2021). Is India the New China in Africa? *Foreign Policy*. June 17. Available at: <https://foreignpolicy.com/2021/06/17/india-china-africa-development-aid-investment>, accessed 02.09.2024.

Roy-Chaudhury R. (2019). How Indian views the Indo-Pacific. *Infrastructure, Ideas, and Strategy in the Indo-Pacific*. March, 64 pp. Available at: <https://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2019/04/HJS-Infrastructure-Ideas-and-Strategy-in-Indo-Pacific-web.pdf>, accessed 02.09.2024.

Saint-Mezard I., Nicolas F. (2022). India – East Africa: A Not So Healthy Rela-

tionship? *Études de l'Ifri*. February, 40 pp. Available at: <http://www.Ifri.org>, accessed 02.09.2024.

Singh P., Mishra A. (2021). The untapped potential of India-Africa security cooperation. *Institute for Security Studies. Africa Report*. No. 36 (October), 16 pp. Available at: <https://issafrica.org/research/africa-report/the-untapped-potential-of-india-africa-security-cooperation>, accessed 02.09.2024.

Schedrov I. (2023). India's Technology Policy. *Russian International Affairs Council. Working Paper*. No. 82, 58 pp. (in Russian). Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/India-TechPolicy-WorkingPaper82.pdf>, accessed 02.09.2024.

Usov V.A. (2010). *India-Africa at the Turn of the Millennium. Past, Present, Future*. Moscow, Institute for African Studies, 192 pp. (in Russian).

Usov V.A. (2017). India-Africa Relations and the common fight against terrorism. *Journal of Institute for African Studies*. No. 2 (39), pp. 101–110 (in Russian). Available at: <https://africajournal.ru/wp-content/uploads/2019/01/content-2-2017.jpg>, accessed 02.09.2024.

Usov V.A. (2023). New Delhi's African Policy: Challenges and Prospects. *National Strategy Issues*. No. 3, pp. 114–143 (in Russian). DOI: 10.52311/2079-3359_2023_3_114.

Volodin A.G. (2021). *Modernity of History: Origins of India's Foreign Policy. World Economy and International Relations*. Vol. 65, no. 1, pp. 132–138 (in Russian).

Volodin A.G. (2023). India-Africa: Development Cooperation in Healthcare. *Africa and the Formation of the New System of International Relations*. Vol. II, pp. 269–282. DOI: 10.1007/978-3-031-34041-3.

УДК 339(6)

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.11

Развитие железнодорожных магистралей на Африканском континенте: фактор международного сотрудничества или соперничества?

Мария Андреевна ВОЛОДИНА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: volodinamarie@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4149-9907

ЦИТИРОВАНИЕ: Володина М.А. Развитие железнодорожных магистралей на Африканском континенте: фактор международного сотрудничества или соперничества? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 201–224.
DOI: 10.31249/kgt/2024.03.11

Статья поступила в редакцию 15.08.2024.

Исправленный текст представлен 10.09.2024.

АННОТАЦИЯ. Поступательное развитие африканских обществ напрямую зависит от формирования современных механизмов для поступательной модернизации всех сфер общественной жизни на Африканском континенте. Так, первостепенная роль на пути модернизации и развития Африки отводится именно инфраструктурным проектам, реализуемым совместными усилиями африканских государств и международных компаний. Создание транспортных коридоров, соединяющих несколько африканских стран, является приоритетным направлением для инфраструктурных проектов. Подобные коридоры являются своеобразным мультимодальным решением для нескольких стратегических задач: возможности быстрой доставки

грузов (прибывающих морским путем) вглубь африканских стран, создания разветвленной сети сборочных и сбытовых услуг, привлечения инвестиций, возможности приобщения африканских компаний к технологическому опыту иностранных фирм, ускорения интеграционных процессов в Африке. Создание новых инфраструктурных проектов позволит подготовить и трудоустроить молодых специалистов, что является первостепенной задачей руководителей всех африканских государств, поскольку именно безработица среди молодых когорт (крайне высокой во многих странах Африки, что продемонстрировали события «арабской весны») способствует стремительному росту оттока молодых африканцев на Запад в поисках работы, а также

активизации террористических группировок. Влияние Китая на Африканском континенте усиливается с каждым годом, что объясняется китайской стратегией Морского шёлкового пути из Азии в Европу. Китай также заинтересован в доступе к ресурсам африканских стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: железные дороги, мультимодальные транспортные сети, интеграция, модернизация, транспортные проекты.

Современную жизнь нельзя представить без скоростей – как в передаче информации, так и в передвижении. Ускорение темпов жизни требует новых решений и в транспортной сфере. В Европе и в Азии успешно функционируют высокоскоростные поезда, в кратчайшие сроки соединяя города и даже страны. На Африканском континенте появились подобные магистрали (например, Танжер – Рабат), однако общее состояние железных дорог находится в критическом состоянии в ряде стран, а в некоторых (например, в Ливии) развить железную дорогу еще предстоит создать.

Первые железные дороги появились в Африке в период колониализма и использовались преимущественно для доставки груза в порты, то есть железные дороги строились исключительно для обслуживания колониальных властей и их выгоды. После обретения независимости некоторым странам (Северная и Южная Африка) удалось модернизировать свои железные дороги при участии западных специалистов, однако для экономического развития всего континента, для поступательной интеграции африканских стран необходимо наличие единой транспортной артерии.

Осознавая безотлагательность решения вопроса модернизации желез-

ных дорог, правительства африканских стран вырабатывают стратегические планы для проведения совместных проектов с иностранными специалистами. В настоящий момент на Африканском континенте активно работают китайские, турецкие, французские железнодорожные компании.

Создание транспортных коридоров, соединяющих несколько африканских стран, является приоритетным направлением для инфраструктурных проектов. Для иностранных компаний создание новых технологичных железнодорожных сетей в Африке имеет геостратегическое значение – начиная от формирования позитивного образа инвесторов и строителей в африканских странах, включая задел для новых проектов для дальнейшего сотрудничества, и заканчивая решением вопросов в сфере занятости африканцев и логистики для вывоза сырья из Африки.

Развитие железнодорожного транспорта на Африканском континенте имеет первостепенное значение для развития и модернизации всех африканских стран. Можно выделить ключевые преимущества железнодорожного транспорта и определить основные возможности, которые открывает поступательная диверсификация транспортно-логистических сетей для всех стран континента:

- ускоряющийся рост урбанизации на континенте;
- забота об экологии: в зависимости от используемой энергии железнодорожные грузоперевозки выбрасывают в атмосферу в 2–9 раз меньше углекислого газа на километр по сравнению с автомобильными перевозками при той же массе перевозимых грузов;
- экономия на издержках: железные дороги – более выгодный транспорт по сравнению с другими видами; например, стоимость перевозки контей-

нера по железной дороге из Абиджана в Уагадугу на 15–20% ниже, чем стоимость перевозки автомобильным транспортом¹;

- усиление международной интеграции на континенте благодаря активному развитию железнодорожных сетей.

Однако для раскрытия потенциала железнодорожного транспорта необходимо предпринять серьезные меры, без которых успешно реализовать интеграционный процесс в Африке с укреплением железнодорожного сообщения между африканскими странами не получится по ряду причин:

- необходимо связать железную дорогу с другими логистическими инфраструктурами (как существующими, так и планируемыми), особенно с промышленными зонами и портами;

- требуется выстраивание жизнеспособной экономической модели, то есть оптимальное распределение обязанностей и финансирования во всех странах; при этом в большинстве стран Африки управление железными дорогами осуществляют разные собственники: где-то управление сосредоточено в руках государства, в других странах частично и полностью находится в частных руках;

- целесообразно также планирование городской мобильности и структурирование интермодальных сетей, то есть подключение железных дорог к системе городского транспорта (метро, автобусу), а в дальнейшем к межгосударственным трассам.

На сегодняшний день существует немало причин малоэффективной работы железнодорожного транспорта в Африке. Во-первых, отсутствует связанная разветвленная железнодорож-

ная сеть на континенте. Во-вторых, политические конфликты внутри стран мешают экономическому развитию африканских стран в целом и прогрессу в сфере инфраструктуры в частности. В-третьих, у некоторых стран отсутствует выход к морю, что делает их зависимыми от своего соседа и партнера. Наконец, в-четвертых, на Африканском континенте отсутствует даже стандартизированная колея – страны имеют разную ширину железнодорожной колеи (обычно в зависимости от метрополий, которые ими управляли).

Этапы развития африканских железнодорожных сетей

Формирование железнодорожной сети на Африканском континенте напрямую связано с колониальным правлением. Создание транспортного сообщения между портом и крупными сырьевыми месторождениями являлось важнейшей задачей для вывоза ценных ресурсов из Африки в Европу. В 1851 г. Великобритания начала строить железную дорогу в Египте – первую в Африке, которая стала отправной точкой строительства современного транспортного сообщения на континенте. Исторически железная дорога в основном простирается в большинстве африканских стран от прибрежного порта-ворот до богатых ресурсами внутренних районов, и крепкая связь «внутренняя часть–порт» имеет важное значение. Все железнодорожные линии изолированы друг от друга, демонстрируют линейную связь в пространстве и образуют сеть только в некоторых областях. В целом же африканские железные дороги до сих пор не сформировали единую сеть: фрагментация сети явля-

1 Sougoufara M., Navarro-Roch M. Réinventer les voies ferrées en Afrique // Jeune Afrique. – 2023. – 14 mars. – Франц. яз. – URL: <https://www.jeuneafrique.com/1426756/economie-entreprises/reinventer-les-voies-ferrées-en-afrique/> (дата обращения: 01.08.2024).

ется обычным явлением для всей Африки. Протяженность железной дороги от порта до внутренних районов ограничена, а в самом сердце материка мало железных дорог.

Развитие африканских железнодорожных сетей проходит три этапа: 1851–1960 гг., 1961–2010 гг. и с 2010 г. При этом 1960 г. выбран не случайно: он вошел в историю как Год Африки, когда независимость обрела сразу почти треть государств континента.

Во второй половине XIX – первой половине XX в. основными функциями железнодорожной сети были вывоз ресурсов и импорт промышленных товаров. Они были спроектированы в соответствии с пространственными конфигурациями, возникшими в результате раздела Африки между европейскими странами. Это является причиной их фрагментарного внешнего вида и общего отсутствия связанности сетей. Железная дорога была первым инструментом территориальной интеграции и дальнейшего развития. Как отмечают исследователи, за исключением Юга Африки, где была создана именно сеть железнодорожного транспорта, которая до сих пор связывает все страны региона, остальные страны Африки так и не создали сетевую структуру железнодорожного сообщения [Pourtier, 2007]. Железные дороги охватывали 36 стран, протяженность железных дорог – 76,6 тыс. км и плотность железнодорожной сети – 26,16 м/км². Самая большая протяженность железных дорог была в ЮАР – она достигала 18 800 км, что составляло почти четверть протяженности всех железных дорог Африки. Протяженность железных дорог в Заире (бывшем Бельгийском Конго, ныне ДРК) и Судане (тогда едином) достигла 5 467 и 4 631 км соответственно. Показатели по Алжиру, Египту, Мозамбику, Зимбабве, Нигерии и Анголе варьировались от 3 000 до 4 000 км, а

в Замбии, Намибии, Танзании и Марокко – от 2 000 до 3 000 км, в то время как другие страны имели меньшую протяженность железных дорог [Xie, Wang, 2021, p. 4].

Многочисленные прибрежные порты Африки, в основном используемые для работорговли, были хорошо известны европейским мореплавателям, железнодорожное сообщение между побережьем и внутренними районами было первейшей рекомендуемой стратегией развития колониальной деятельности. Именно исследователь Г.М. Стэнли (1841–1904) убедил короля Бельгии Леопольда II построить железную дорогу в качестве необходимого первого шага в управлении колонией Конго: так в 1902 г. была создана железнодорожная сеть региона Катанга.

В различных африканских колониях железные дороги были жизненно важным элементом для объединения собственности, облегчения управления и обеспечения быстрого передвижения вооруженных сил к стратегическим пунктам, ведения войны, содействия заселению и консолидации торговли. Но наибольший интерес представляли железнодорожные транспортировки сырья (золота, алмазов, кобальта, марганца, меди, хлопка, древесины и т. д.) из шахт и крупных промышленных центров в ближайшие порты.

В Африке железнодорожная инфраструктура и эксплуатация должны были удовлетворять потребности колониальных держав. Не планировалось способствовать устойчивому развитию африканских стран и регионов или добиваться экономической и логистической интеграции континента. При строительстве большинства объектов инфраструктуры основное внимание уделялось местным аспектам, при этом ни в малейшей степени строители не заботились об эффективных логистических цепочках.

Техническая гармонизация и стандартизация, а также такие темы, как эффективность трансграничных перевозок, не были включены в повестку дня. Кроме того, коммерческая совместимость, более широкий учет рынков и использование железных дорог в качестве инструментов регионального развития Африки не представляли интереса.

Эта инвестиционная стратегия привела к значительным различиям в стандартах/условиях эксплуатации железных дорог и – в определенной степени – способствовала скорее разделению, чем интеграции африканских стран. Несмотря на то, что великие империи, такие как Великобритания и Франция, вынашивали очень амбициозные планы, железнодорожная карта Африки наглядно показывает, что большинство африканских железнодорожных линий обращены к внешним портам. Ни Великобритания, ни Франция не реализовали свои проекты, которые были направлены на то, чтобы соединить Кейптаун с Каиром, а ключевые города Западной Африки с центрами Восточной Африки. Основным препятствием на пути этих проектов были конфликты интересов различных держав. Железнодорожные линии проходят по линиям раздела материковых территорий, что легко объясняет недостающие звенья между бывшими колониями.

Инфраструктура и дизайн, основанные на архаичных технологиях и потребностях бизнеса, являясь еще одной отличительной чертой железных дорог Африки. Во многих случаях они были больше предназначены для грузовых перевозок, при этом пассажиропоток был сведен к минимуму. Лишь немногие страны, в частности в Южной и Северной Африке, смогли модернизировать железную дорогу.

В 1961–2010 гг. создание национальных дорог велось нередко с привлече-

нием иностранной финансовой и технической помощи. Этот этап длился около 50 лет. Его типичными характеристиками были «дополнение маршрута» и «отказ от маршрута». Общим результатом стало сокращение железнодорожной сети. К началу XXI в. многие африканские страны построили железные дороги и сформировали транспортные сети. В настоящее время железные дороги, построенные в Африке в колониальный период, имеют такие проблемы, как несбалансированное распределение финансовых ресурсов, неупорядоченные технические стандарты и низкий уровень эксплуатации и обслуживания, которые ограничивают социальное и экономическое развитие железнодорожного транспорта.

Управление железными дорогами, их обслуживание и развитие были поставлены под угрозу из-за ряда факторов, таких как экономические проблемы в период войн, включая борьбу за независимость, исчезновение колониализма и политические беспорядки во многих африканских странах. В результате экономических реформ, рекомендованных донорами и международными финансовыми учреждениями с 1980 г., были проведены приватизация и начаты концессионные проекты, чтобы переломить тенденцию к сокращению железнодорожной сети.

Третий этап начался примерно в 2010 г. и, по нашему мнению, свои основные черты сохранит на ближайшие несколько десятилетий, примерно до 2050 г. К началу нынешнего столетия из-за длительного отсутствия строительства и качественного управления и технического обслуживания большинство исторических железных дорог в Африке обветшали, а стоимость грузовых перевозок остается высокой. В некоторых странах были подписаны концессионные соглашения между государством и железно-

дорожными компаниями (например, в Камеруне [Biwolé Fouda, 2013]). В последние годы, чтобы улучшить отсталое состояние железных дорог и дефицит транспортных услуг, африканские страны последовательно разработали планирование железнодорожной сети, включая ряд крупных железнодорожных проектов, таких как Африканская транснациональная железная дорога, железная дорога коридора Север – Юг, Западно-Африканская железная дорога и Центральная-Африканская железная дорога. Типичными характеристиками этого этапа будут «новое строительство» и «планирование». Транснациональные железные дороги в Южной Африке, Западной Африке и Восточной Африке последовательно сформировали комплексные планы, а некоторые железные дороги, такие как железная дорога Аддис-Абеба – Джибути и железная дорога Момбаса – Найроби, были завершены и введены в эксплуатацию. Среднесрочный и долгосрочный период планирования большинства африканских стран – 2050 г.

В целом количество стран, охваченных железными дорогами, к началу третьего этапа сократилось до 19, то есть более чем в 60% стран Африканского континента таких дорог нет. Общая протяженность железных дорог сократилась до 54,5 тыс. км, а плотность сети – 18,6 м/км². Что касается конкретных стран, то у ЮАР остается самая большая протяженность железных дорог, составившая уже 34,5% показателя всей Африки (то есть произошел рост доли на 10 проц. пунктов). В Алжире, Египте, Судане, Мозамбике и Зимбабве от 3 000 до 4 000 км, в Замбии, Намибии, ДРК и Марокко – от 2 000 до 3 000 км, причем в ДРК произошло самое большое сокращение показателя по сравнению с началом второго этапа. Самая высокая плотность распределе-

ния железных дорог была в Эсватини (Свазиленде), достигавшая 19,59 м/км². В ЮАР и Тунисе она составляла более 10 м/км², в Зимбабве и Малави – более 7 м/км² [Xie, Wang, 2021, p. 5].

Политика развития мультимодальных коридоров

Политика создания и функционирования коридоров, основанная на взаимодополняемости автомобильного и железнодорожного транспорта, является частью прагматичного подхода и опирается на опыт управления железнодорожными сетями Южной Африки. На юге Африки экономическое восстановление Мозамбика и его региональная интеграция основаны на трех коридорах. Северный коридор соединяет Малави с портом Накала по железной дороге. Коридор Бейра, включающий автомобильные, железные дороги и трубопроводы, является главным выходом Зимбабве к океану. Коридор Мапуту служит выходом как для Зимбабве (по железной дороге вдоль долины Лимпопо), так и для провинции Гаутенг в ЮАР (в ее составе – несколько крупнейших городов страны, в том числе Йоханнесбург и Претория).

В Восточной Африке железнодорожный транспорт составляет четверть грузовых перевозок; он нашел свою нишу в сфере перевозки тяжелых грузов и нескоропортящихся продуктов. Коридоры также являются инструментом региональной интеграции и открытости. Например, доступ в страны Великих озер осуществляется через два коридора. В северном коридоре, проходящем через Кению, автомобильные и железнодорожные пути следуют по одному и тому же маршруту – из Момбасы в столицу Уганды Кампалу. В южном коридоре, пересекающем Танзанию, менее близкие друг к другу железнодорожные и автомобильные маршруты соединяют Дар-эс-Салам

с озером Танганьика, обеспечивая доступ к Бурунди и к провинции ДРК Южному Киву [Pourtier, 2007].

Трансгабонская железная дорога является одной из редких железнодорожных инфраструктур последнего времени: построенная в 1987 г., она соединяет Либревиль с Франсвилем, пересекая по диагонали территорию Габона, где она представляет собой главную структурную ось. Это железная дорога «минерального» назначения, что объясняет стандартную ширину колеи 1,435 м. Первоначальный проект, предложенный в конце 1960-х годов, был связан с разработкой железных рудников Белинга на крайнем северо-востоке страны. Проект был спасен нефтью и неожиданными доходами, полученными после «нефтяного шока» 1973–1974 гг.: 4-кратное увеличение цен на сырую нефть привело к утроению государственных доходов, которые позволили Габону обойтись без помощи Всемирного банка. Этот новый маршрут Трансгабонского региона в гораздо большей степени отвечает геополитическим соображениям, чем экономическим. Он устанавливает прочную связь между столицей Либравилем и провинцией.

Железные дороги стран Магриба представляют собой интегрированную сеть между Марокко, Алжиром и Тунисом общей протяженностью 8 383 км, из которых 5 587 км имеют стандартную колею. В соседней Мавритании есть линия, соединяющая месторождение железных руд Зуэрат и порт Нуадибу, длиной более 652 км. Шесть составов из 220 вагонов (2 000 т на состав) ходят по ней каждый день с момента открытия линии в 1963 г. Это самый длинный в мире поезд, его длина составляет 2 км. Поезд пересекает почти необитаемую местность и перевозит только руду. Также изолированной от Магриба является и сеть Египта. Первая железнодорожная линия была

построена в Египте в 1851–1854 гг. между Александрией и Кафр аз-Зайт, в 1856 г. железнодорожная линия была продлена до Каира [Sabri, 2016]. В Ливии пока нет полноценной современной железнодорожной линии.

В долгосрочной перспективе электрификация железных дорог Марокко была основана на развитии значительного гидроэнергетического потенциала. Однако первое внедрение электроэнергии произошло в городских районах за счет использования ограниченных источников, чаще всего тепловых. Концессия была заключена в 1914 г. в пользу города Фес, во многом благодаря использованию 25-метрового водопада на Уэд-Фес. В 1915 и 1916 гг. две концессии на распределение электроэнергии были предоставлены городам Касабланка и Рабат. Использувавшиеся первоначально кустарные средства, состоявшие из котлов торпедных катеров, были дополнены дизельными агрегатами мощностью от 1 000 до 1 400 кВт [Voineau, 2002].

В Алжире до 1940 г. была электрифицирована только одна железнодорожная линия – горнодобывающая линия стандартной колеи Уэнза, которая связывала месторождения железа Уэнза и Бу-Хадра с портом Бон. Фактически оно было основано на испытании и полном коммерческом применении новой системы постоянного тока, технологические основы которой еще не считались вполне надежными.

Северная Африка, а также марокканский протекторат рассматривались французскими властями как пространство для технических экспериментов с наименьшими ограничениями, помимо реальных усилий по адаптации к местным условиям. Идея передачи технологий между метрополией и колониальной империей ясно показывает свою двойственность в этом железнодорожном процессе. Активная фаза развития электрической тяги в Северной

Таблица 1. Ширина железнодорожной колеи в разных регионах Африки

Table 1. Railway width in different regions of Africa

Регион Африки или конкретная страна	Ширина железнодорожной колеи
Северная Африка (Египет, Марокко, Алжир, Тунис, Мавритания, Западная Сахара)	1 435 мм
Южная Африка (ЮАР, Мозамбик, Ангола, Лесото, Эсватини, Малави, Намибия, Зимбабве, Ботсвана, Замбия)	1 067 мм
Восточная Африка (Уганда, Кения, Танзания, Эфиопия, Джибути) – все страны имеют одну или несколько различных железнодорожных магистралей, с разной шириной колеи	1 000 и 1 435 мм
Западная Африка (Нигерия, Габон, Мали, Кот-д’Ивуар, Буркина-Фасо, Сенегал, Гвинея, Камерун, Того)	1 000 и 1 435 мм
Эритрея	950 мм
Мадагаскар	1 000 мм
Судан	600 и 1 067 мм
Гана	1 067 мм
Сьерра-Леоне	1 067 мм
Габон	1 435 мм
Южный Судан	1 067 мм
Демократическая Республика Конго	1 000 и 1 067 мм

Африке пришлось на 1920-е – начало 1930-х годов, а ввод в эксплуатацию осуществлялся в период с 1927 по 1932 г. Великая депрессия разрушила возможности финансирования и фактически ознаменовала в среднесрочной перспективе отказ от электрической тяги в пользу дизельной еще в 1950-е годы, то есть до обретения независимости, которая открыла огромные возможности в развивающихся странах. Крупный проект электрификации всей железнодорожной магистрали Французской Северной Африки, то есть трансмагрибской артерии от Марракеша до Туниса, разработанный в конце 1930-х годов, так и не увидел свет, а его реализация осталась ограниченной марокканской частью. Приоритет сместился к реализации транссахарского проекта со строительством «имперской артерии» Средиземноморье – Нигер, где никогда

не рассматривалось внедрение электрической тяги.

В Северной Африке, как и в других колониальных и постколониальных пространствах, особенно после Второй мировой войны, дизель-электрический вагон, благодаря дополнительным преимуществам в эффективности и использовании, которые он обеспечивал по сравнению с обычным дизельным двигателем, был предпочтительнее электрификации, когда вставал вопрос о замене паровоза. Именно на Африканском континенте прогресс дизельной тяги в процентном отношении к линиям, работающим на разных сетях, был наиболее заметным в международном масштабе.

Как видно из таблицы 1, о едином железнодорожном сообщении, о создании единой транспортной магистрали можно говорить лишь в Северной Аф-

рике и Южной Африке. Все остальные регионы имеют сильно различающиеся колеи железнодорожного полотна, что усложняет международное сотрудничество в сфере строительства и модернизации железных дорог. Как известно, именно различие в ширине колеи в Великобритании в конце XIX в. привело к так называемым колейным войнам (*gauge wars*) в 1844–1846 гг. за стандартизацию колеи.

Самая распространенная ширина железнодорожной колеи – 1 435 мм (Северная Америка и частично Южная Америка, страны Европы, кроме Испании, Португалии (1 668 мм) и Ирландии (1 600 мм)). Хорошо известны также Русская колея – 1 520 мм (страны СНГ, Грузия, Финляндия) и так называемая Капская колея – 1 067 мм, распространенная в Южной и Центральной Африке, Японии, Индонезии, Новой Зеландии, на Филиппинах.

Модель организации африканской железнодорожной сети в настоящий момент эволюционирует от модели *Hinterland-Port* к модели *Continental Integration*, то есть идет поступательный процесс объединения всех сетей, создание новых железнодорожных линий, чтобы соединить все страны континента между собой. Железные дороги на Африканском континенте можно разделить на железные дороги общественного транспорта, железные дороги для горнодобывающей зоны, туристические железные дороги и железные дороги специального назначения. Эта модель интеграции железных дорог не только придает значение железнодорожному сообщению между портом и внутренними районами, но и уделяет внимание межрегиональным связям в пределах Африканского континента. Предполагается, что железнодорожные линии будут проводить через Африканский континент и соединять друг с другом. Укрепляя вертикальную

связь между портом и внутренними районами, развитие железнодорожного сообщения усилит горизонтальную связь между внутренними районами африканских стран, будет способствовать соединению изолированных линий друг с другом и формировать пространственную модель общей интеграции.

Для осуществления крупномасштабных железнодорожных проектов в Африке потребуются колоссальные финансовые ресурсы и скоординированность в технологических решениях между странами, выразившими желание участвовать в проектах по модернизации железных дорог в Африке.

Строительство железных дорог в африканских странах в основном осуществляется Китаем, Турцией (так называемые африканские кооперативные страны новой эры), Францией, Португалией и ЮАР. Основные стратегии, принятые африканскими странами в строительстве железных дорог, можно разделить на два типа: режим независимого строительства и режим совместного строительства.

КНР осуществил строительство железных дорог в 27 африканских странах и является крупнейшей среди всех стран-подрядчиков. Из указанного числа проекты в 22 странах были полностью выполнены Китаем в одиночку, а в пяти странах проекты в сфере железных дорог были осуществлены с привлечением технических специалистов из других стран. Контрактный рынок Китая охватывает 80% площади Африканского континента. Турция осуществила строительство железных дорог в Алжире, Эфиопии и Тунисе, причем в последнем бизнес других стран не представлен. Франция взяла на себя строительство железных дорог в пяти африканских странах, включая Кот-д'Ивуар, Буркина-Фасо, Бенин, Нигерию и Марокко, которые

Рисунок 1. Деление африканских железнодорожных проектов по странам – активным участникам модернизации континента

Figure 1. Division of African railway projects by countries – active participants in the modernization of the continent

Источник: [Xie, Wang, 2021, p. 8]. Примечательно, что китайские авторы не разделяют Судан и Южный Судан, хотя в последнем у китайцев есть пока лишь проект соединения с Кенией, тогда как находящаяся в плохом состоянии единственная железная дорога Южного Судана не связана с дорогами Судана и построена более полувека назад. Кроме того, они не считают присутствие Турции в Эфиопии сколько-нибудь значимым.

в основном являются бывшими французскими колониями. Естественная связь между сюзереном и колонией всё еще работает. Португалия участвовала в совместном строительстве железной дороги в Танзании. В ЮАР строительство железных дорог в основном опирается на национальный бизнес (см. рисунок 1). На африканском рынке строительства железных дорог есть 13 предприятий, из которых семь – ки-

тайские, а остальные шесть – французские, португальские, турецкие и южноафриканские. Очевидно, что в Африке сформировался рынок строительства железных дорог, на котором доминируют китайские предприятия. Среди них группа *China Civil Engineering Construction Corporation (CCECC)* и *China Railway Construction Corporation (CRCC)* являются двумя крупнейшими строительными предприятиями, занима-

ются строительством железных дорог в 10 и 13 странах соответственно. *China Railway Group Limited (CREC)* и *China Communications Construction Company (CCCC)* охватывают по четыре страны, *CRRC Corporation (CRRC)* и *China Road and Bridge Corporation (CRBC)* охватывают по две страны, а *AVIC International Holding Corporation (AVIC)* участвует в строительстве железной дороги одной страны как кооперативное предприятие. Французская *Bolloré Group (BOL)* является третьим по величине предприятием на рынке строительства железных дорог Африки, занимаясь строительством железных дорог в шести странах. *Yapi Merkezi (YM)* из Турции и *Transnet (TFR)* из ЮАР также участвовали в строительстве железных дорог – каждая в двух странах; *Alstom Group (ALS)* из Франции, *Ozgun Makine (OM)* из Турции и *Mota-Engil Group (M-E)* из Португалии – каждая в одной стране. Практика «начать в одной стране и расшириться на соседние страны» стала моделью развития большинства предприятий. Строительный рынок *CCECC* сосредоточен в Западной и Центральной Африке, *CRCC* – в Восточной и Северо-Восточной Африке, а *BOL* – в Западной Африке.

Строительство железных дорог в большинстве африканских стран осуществляется одним предприятием в одной стране (режим *One-one*). Этот режим позволяет легко унифицировать железнодорожные технические стандарты в стране, а выход на рынок предприятия-подрядчика является эксклюзивным. Данный режим приняли 24 страны, что составляет половину от общего числа.

Лишь 5 стран (Эфиопия, Ливия, Уганда, Кения и Египет) приняли другой режим, когда строительство железных дорог осуществляется несколькими предприятиями в одной стране (режим *Multiple-one*). В зависимости от конкрет-

ной ситуации режим можно далее разделить на режим сотрудничества и режим конкуренции: пригородная железная дорога в Египте строится консорциумом, состоящим из *CRCC* и *AVIC*; железная дорога Восточной Африки в Кении совместно строится *CCCC* и *CRBC*; они относятся к режиму сотрудничества. Береговая линия Ливии и западная линия построены компаниями *CRCC* и *CCECC* соответственно; железная дорога Аддис-Абеба – Джибути и железная дорога Велдия – Мэкэле в Эфиопии построены компаниями *CCCC* и *CCECC* соответственно; они относятся к конкурентному режиму.

Существует также режим множественного сотрудничества – строительство железных дорог в нескольких странах осуществляется несколькими предприятиями в нескольких странах. Пять стран приняли этот режим, включая Алжир, Чад, Танзанию, Камерун и ЮАР. Этот режим также можно подразделить на режим конкуренции и режим сотрудничества: 55-км железная дорога Алжира построена консорциумом, состоящим из *CCECC* и *OM*; железная дорога Дажи – Морогоро – Сентрал в Танзании совместно построена *YM* и *M-E*; они относятся к режиму сотрудничества. Китайская *CREC* и французская *BOL* осуществляют строительство железных дорог в Камеруне, а китайская *CRCC* и упомянутая *BOL* осуществляют строительство железных дорог в Чаде – они относятся к режиму конкуренции.

Турецкие проекты по модернизации железных дорог в Африке

В октябре 2024 г. стало известно о подписании соглашения между Угандой и Турцией о создании железнодорожной магистрали протяженностью 272 км. Ожидается, что железная до-

рога, предназначенная для повышения скорости и грузоподъемности, укрепит связи Уганды с региональными торговыми путями, включая кенийский порт Момбаса в Индийском океане.

Новая железная дорога, которая протянется от пограничного поста Малаба в Кении до столицы Уганды Кампалы, обеспечит более быструю и эффективную транспортировку товаров. Первоначально строительство железной дороги было поручено компании *China Harbour Engineering Company*, но после восьми лет задержек Уганда обратилась к *Yapi Merkezi*, чтобы та начала реализацию проекта. Инвестиции составят 2,95 млрд долл., для финансирования проекта Уганда будет использовать собственные средства, а также кредиты некоторых экспортно-кредитных агентств².

Турецкая строительная компания *Polat Yol Yapi* также активно работает в Уганде над проектом дороги Му-йембе – Накапирипирит, которая соединит Уганду с Кенией, Южным Суданом и Эфиопией. Турецкая строительная компания *Yapi Merkezi* в 2021 г. подписала соглашение о строительстве 368-км участка железной дороги стандартной колеи, который соединит крупнейший портовый город Танзании с внутренними районами. Соглашение, подписанное с корпорацией железных дорог Танзании на сумму, оцениваемую в 1,9 млрд долл., становится четвертым проектом, в котором компания до сих пор сотрудничала с правительством Танзании, в частности в рамках работы по завершению строительства железнодорожной линии протяженностью 1 219 км. Железная дорога откроет тор-

говый потенциал со странами, не имеющими выхода к морю: Руандой, Бурунди и Угандой³.

Уганда заключила контракт на строительство железной дороги с *China Harbour and Engineering Company (CHEC)* в 2015 г. при условии мобилизации необходимого финансирования со стороны правительства Китая. Но, столкнувшись с продолжительным процессом мобилизации средств, правительство Уганды отменило присуждение контракта китайской группе в январе 2023 г., прежде чем начать переговоры с *Yapi Merkezi*.

Политика Турции на Африканском континенте носит прагматичный и стратегический характер. Турецкой стороне нужны рынки сбыта (особенно после неудачных попыток вступить в ЕС), укрепление геополитического веса Турции в мусульманских странах Африки (упомянем гуманитарную помощь Сомали, а впоследствии создание турецкой военной базы в Могадишо, религиозно-просветительскую деятельность – финансирование строительства мечетей и мусульманских школ). Используя свои религиозные связи с 26 африканскими странами, входящими в Организацию исламского сотрудничества, Турция предлагает альтернативу китайской модели международного сотрудничества. Такой подход приносит свои плоды: турецкие компании набирают обороты в строительстве крупной инфраструктуры. Успехи групп *Simta* в Восточной Африке (успешное строительство спортивного комплекса в Руанде, возведение которого осуществлялось 1 700 строителями, 70% которых были

2 Ouganda: accord avec le turc Yapi Merkezi pour un projet ferroviaire de 3 milliards \$ // Agence Ecofin. – 2024. – Франц. яз. – URL: <https://www.agenceecofin.com/gestion-publique/1410-122428-ouganda-accord-avec-le-turc-yapi-merkezi-pour-un-projet-ferroviaire-de-3-milliards> (дата обращения: 06.09.2024).

3 Tanzanie: Une entreprise turque décroche un contrat de 1,9 milliard de dollars pour construire une ligne de chemin de fer // AA. – 2021. – 29 décembre. – Франц. яз. – URL: <https://www.aa.com.tr/fr/afrique/tanzanieune-entreprise-turque-d%C3%A9croche-un-contrat-de-1-9-milliard-de-dollars-pour-construire-une-ligne-de-chemin-de-fer/2459915> (дата обращения: 10.08.2024).

руандийцами, а остальные – турками⁴) и *Yapı Merkezi* в железнодорожных проектах в Танзании и Уганде иллюстрируют этот переворот. Африканские государства особенно ценят стремление Турции нанимать местных рабочих, в отличие от китайской практики. Турция, сильная своей мусульманской идентичностью, налаживает глубокие культурные связи, в то время как Китай делает ставку на свою экономическую мощь для сохранения своего влияния.

С января 2017 г. в Тунисе запущен проект *Motorway of the Sea (MoS)*, который соединит Турцию (Мерсин и Измир) с Магрибом через Тунис (Тунис и Радес), с заходами в итальянские порты Бари, Бриндизи и Таранто, предлагая высокочастотный сервис *Ro-Ro* от порта до порта, объединяющий каботажное судоходство с другими видами транспорта (автомобильным и железнодорожным). Другие страны Магриба также могут присоединиться к данному проекту. С общей стоимостью более 477 млн евро и ожидаемыми доходами в размере 602 млн евро в течение 20-летнего жизненного цикла проект будет стратегическим для развития Средиземноморского региона⁵. Проект не только соединит восточное, южное и северное побережье Средиземного моря, но и усилит, дополнит и создаст синергию с существующей средиземноморской транспортной системой, служа для соединения Трансевропейской транспортной сети с Транссредиземноморской транспортной сетью, тем самым способствуя обмену между двумя краями Средиземного моря. Более того, проект оптимизирует грузовые перевозки и интегрирует морской транспорт в глобальную логистиче-

скую цепочку, способствуя укреплению глобальной конкурентоспособности Средиземноморья.

Организатором проекта является Турецкая торговая палата в Италии при технической поддержке Итальянского колледжа инженеров железнодорожного транспорта (*CIFI*) и *Titi Shipping*, морской компании, базирующейся в Бриндизи, под патронажем Почетного генерального консульства Турции в Бриндизи.

Китайские проекты в Африке

Рост мирового кредитования инфраструктурных проектов ускорился после мирового финансового кризиса в то время, когда крупные западные кредиторы не смогли и/или не захотели поддерживать крупную инфраструктуру в Африке, несмотря на существовавшие проблемы в инфраструктуре Африки.

В Китае избыточные промышленные мощности внутри страны и избыток неосвоенных рынков за рубежом также подтолкнули инвесторов и фирмы к вложениям в иностранные проекты. В отношениях между Китаем и Африкой железная дорога Аддис – Джибути (*ADR*) символична как первый китайский железнодорожный проект в Африке после железной дороги Танзания – Замбия (*TAZARA*), построенной в 1970-х годах с помощью Китая. В Кении *China Road and Bridge Construction Company (CRBC)* при поддержке китайского *Eximbank* построила две фазы стандартной железной дороги от Момбасы до Найроби, которую изначально планировалось продлить до Найваши и до границы с Угандой. Однако, в от-

4 Turkish company constructs Rwanda's indoor stadium // AA. – 2019. – August 11. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/turkish-company-constructs-rwanda-s-indoor-stadium-/1553907#> (дата обращения: 10.08.2024).

5 Motorway of the Sea (MoS) Turkey-Italy-Tunisia Project // Union for the Mediterranean. – 2024. – URL: <https://ufmsecretariat.org/project/motorway-of-the-sea-mos-turkey-italy-tunisia-project/> (дата обращения: 10.08.2024).

личие от Кении, где китайские компании и капитал доминировали во всем строительстве железнодорожной сети, сеть Эфиопии более фрагментирована. В то время как Эфиопия обратилась к Китаю для реализации своих первых железнодорожных проектов, для последующих маршрутов – расширения путей от Аваша до северного Тыграя – она предпочла работать с турецким подрядчиком, с финансированием от турецкого *Eximbank* и консорциума европейских финансистов, что создало разнообразный рынок участников, фирм и финансистов.

Проект легкорельсового транспорта Аддис – Абеба (*LRT*) был первым проектом в железнодорожном секторе, который был заключен, построен и введен в эксплуатацию, а также заложил основу для проекта Аддис – Джибути (*ADR*). Проект *LRT* был присужден *China Railway Engineering Company* (*CREC*) в 2009 г., а представителем правительства Эфиопии был шведский транспортный консультант *SweRoad*. Финансирование осуществлялось в виде кредита в размере 475 млн долл. США от китайского *Eximbank*. Кредит был установлен по коммерческой ставке со сроком погашения 23 года и 3-летним льготным периодом. Строительство началось в начале 2012 г. и было завершено в 2015 г.

В отличие от кенийской *SGR*, *ADR* имеет особенность: она электрифицирована по всему маршруту. Финансирование как строительства, так и линий электропередачи было предоставлено китайским *Eximbank* и осуществлялось за счет коммерческого кредита в размере 2,49 млрд долл. Две страны создали совместную компанию *Ethio-Djibouti Railway* (*EDR*) для управления линиями, но долго вели переговоры о долях собственности, в конечном итоге придя к компромиссу с разделением 75:25 в пользу Эфиопии (на ста-

рой линии это соотношение составляло 50:50) [*Chen*, 2021].

Отсутствие электричества было основным препятствием для проекта. Электрификация была настоятельно продвинута правительством Эфиопии, которое добивалось, чтобы проект *ADR* работал на «чистой» энергии из обильных гидроэнергетических ресурсов Эфиопии. Однако строительство линий электропередачи и нехватка электроэнергии задержали ввод в эксплуатацию железной дороги более чем на год, даже когда строительство проекта было завершено. С момента начала коммерческой эксплуатации в 2018 г. проблемы с электроэнергией сохранялись из-за проблем с перенапряжением, что приводило к повторным перебоям в обслуживании.

Договор на строительство участка Аваш – Велдия, обычно называемого линией Аваш – Комболча – Хара-Гебея (*AKH*), был заключен с турецким строительным гигантом *Yapı Merkezi*, который также опередил китайских подрядчиков по проекту *SGR* в Танзании, в то время как договор на строительство второго участка – от Велдия до Мекеле – был заключен с китайской компанией по строительству коммуникаций *CCCC*. После победы в тендере на строительный контракт в 2013 г. *Yapı Merkezi* сыграла значительную роль в получении кредита в размере 300 млн долл. от турецкого *Eximbank*, а также последующего финансирования от европейских партнеров, включая *Credit Suisse*, который поддержал проект общим кредитом в размере 1,1 млрд долл. Экспортные кредитные агентства из Дании, Франции, Италии, Швеции и Швейцарии предоставили финансирование для соответствующих национальных поставщиков оборудования и компонентов. Хотя другие китайские фирмы конкурировали за контракт, они не могли гарантировать финанси-

рование китайского *Eximbank* в то время. *Yapı Merkezi* была первым выбором *ERC*, поскольку предлагала лучший по стоимости и наиболее технологически продвинутый пакет. Примечательно, что железная дорога *АКН* соответствует европейским техническим и социальным стандартам. Существенные различия между проектами включают предпочтение композитных мостов вместо бетона и использование длинносварных рельсов вместо старой техники стыковых накладок [Chen, 2021].

Ключевым технологическим расхождением между проектами являются системы сигнализации, используемые между двумя железными дорогами: Аваш – Комболча – Вельдия/Хара Гебея (*Awash-Kombolcha-Weldiya/Hara Gebeya*) использует европейскую технологию и более продвинутую систему, чем китайская *CTCS*. Они были переданы на субподряд канадско-итальянскому локомотивному подразделению *Bombardier Transportation*, а также используются в проекте железной дороги Танзании, заключенном по контракту с *Yapı Merkezi*.

Две системы сигнализации представляют собой логистическую проблему для интеграции *АКН* с основной магистральной линией *ADR*. Проблемы двоякие: во-первых, с точки зрения оборудования для интеграции участков рельсового пути и бортового оборудования для китайских локомотивов, а во-вторых, с точки зрения технической и управленческой подготовки персонала для работы между двумя линиями. Обеспечение перекрестной совместимости между двумя системами также требует дополнительного финансирования, что является постоянной проблемой нехватки средств у железнодорожной корпорации Эфиопии.

Как отмечают эксперты, основное расхождение между турецкими и китайскими проектами заключалось в

их подходе к наращиванию потенциала и передаче технологий. В то время как китайский проект предполагал более широкие образовательные обмены и долгосрочную программу наращивания потенциала самими подрядчиками, обучение на этапе строительства было сравнительно слабее по сравнению с турецким подрядчиком.

Ни один из проектов не обеспечил соблюдение требований местного содержания, а связи с местными фирмами были минимальными. Наконец, хотя были попытки локализовать сборку железнодорожных вагонов в Эфиопии в сотрудничестве с китайской фирмой, это не увенчалось успехом.

По сравнению с турецкими/европейскими партнерами обучение в китайских проектах подразумевает более широкое сотрудничество, включая формальные студенческие обмены и сотрудничество с китайскими специализированными железнодорожными университетами, например *China Central South University* (Чанша, Хунань), *Southwest Jiaotong University* (Чэнду) и *Tianjin Railway Vocational College*. Около 200 сотрудников *ERC* были отправлены в Тяньцзинь в 2015 г., и 126 из них получили сертификаты об обучении на машинистов. *CCECC* также предложил стипендии для их различных африканских железнодорожных проектов, включая стипендии для 10 эфиопских сотрудников и 30 нигерийских студентов в 2018 г., чтобы специализироваться на инженерии, транспорте или строительстве.

Имели место другие формы сотрудничества с Технологическим институтом Аддис-Абебского университета (*AAIT*), который планирует предложить пятилетнюю совместную степень совместно с *Central South University* в Китае. Благодаря финансированию Всемирного банка, *AAIT* также открыл внутреннее учебное заведение

для специалистов по железным дорогам, создав Африканский железнодорожный центр передового опыта, который планирует обучать инженеров и специалистов из Джибути и Кении. Первые профессора также изначально прошли обучение в Юго-Западном университете Цзяотун в Китае: 9 прошли месячный курс, а 15 получили степень магистра в Китае. Эти связи в сфере высшего образования с Китаем расширяют китайско-эфиопское сотрудничество за пределы одного проекта или сектора и служат для дальнейшей институционализации китайских железнодорожных практик в железнодорожном секторе Эфиопии.

Проекты обучения, практикуемые Турцией и Китаем, различаются характером языкового барьера. *Yapı Merkezi* имеет преимущество, поскольку использует в качестве рабочего английский язык; документы и технические чертежи для персонала *ERC* также переводятся на английский. Кроме того, по сравнению с относительной прозрачностью, которую эфиопы испытали с *Yapı Merkezi*, доступ к китайским техническим документам был более сложным: часто документы были неперевереденными или недоступными для *ERC* без разрешения из штаб-квартиры в Пекине. По замыслу, проект включает китайские стандарты и спецификации, подразумевающие оптовый экспорт других китайских фирм и продукции в строительство, эксплуатацию и обслуживание, а также цепочку поставок, – то, что можно условно назвать «китаизацией железной дороги».

По сравнению с китайскими *LRT* и *ADR*, управление социальными и экологическими воздействиями в турецком *AKH* проводилось по гораздо более строгим стандартам из-за участия

европейских кредиторов. Турецкий *Eximbank* изначально играл решающую роль в привлечении финансирования для *AKH*, европейские финансисты, особенно *Credit Suisse*, имели большее присутствие во время строительства. В отличие от китайского подхода не-вмешательства *Eximbank* в кредитруемые проекты, европейские кредиторы отправили 12 руководителей на проектную площадку *AKH* для контроля за реализацией планов экологического и социального управления. В сфере финансового обеспечения проекта европейские и турецкие кредиторы очень жестко следили за соблюдением всех финансовых, социальных обещаний. Китайские же проекты оставляли возможности для маневра, более лояльно относились к кредитным выплатам, ведь в стратегии развития «Один пояс – один путь» предусмотрены пролонгации кредитных выплат.

Официальные данные о точных количественных китайских инвестициях в железнодорожную отрасль Африки отсутствуют, однако стоит опираться на некоторые данные новостных каналов. Среди недавних новостей стоит выделить данные специализированного новостного издания *Construction Briefing* о том, что в феврале 2024 г. Китай предложил потратить 1 млрд долл. на реконструкцию железной дороги Танзания – Замбия (*TAZARA*) протяженностью 1 856 км, построенной несколько десятилетий назад. Еще в 2008 г. консорциум китайских компаний во главе с *China Railway Group* начал сотрудничество с правительством ДРК по ряду проектов по разработке месторождений и строительству инфраструктуры. По состоянию на август 2024 г. совокупные инвестиции в проекты превысили 5,3 млрд долл.⁶

6 Liu Yukun. China Railway Resources to hike investments in DRC // China Daily. – 2024. – September 10. – <https://www.chinadaily.com.cn/a/202409/10/WS66dfa24aa3103711928a7142.html> (дата обращения: 10.09.2024).

Французские проекты в сфере железнодорожной сферы в Африке

Недавнее соглашение (май 2024 г.) между Египтом и Францией прекрасно иллюстрирует динамику экономического партнерства, открывая путь к масштабному сотрудничеству с французским гигантом *Alstom*. Целью этого стратегического партнерства является строительство двух заводов в городе Александрия по производству подвижного состава и железнодорожных компонентов⁷. Эта инициатива не ограничивается удовлетворением потребностей местного рынка, но также направлена на обслуживание всего континента. Одно из подразделений завода будет заниматься производством различной железнодорожной техники, а другое будет производить электрокомпоненты и оборудование, необходимые для бесперебойного функционирования транспортной инфраструктуры.

Правительство Сенегала реализует программу комплексного развития страны, где особую роль играет модернизация транспортно-магистральных артерий. Создана новая высокоскоростная магистраль между Дакаром и новым городом Диамниадио, чтобы разгрузить перенаселенный Дакар. Французское государство напрямую участвует в проекте *Train Express Régional (TER)*, предоставляя правительству Сенегала выгодные инструменты финансирования посредством двух кредитов, предоставленных Французским агентством развития и Генеральным директором казна-

чейства, а также Африканским банком развития и Исламским банком развития. Французский частный сектор преуспел в мобилизации передового опыта французских железных дорог: *Engie et Thalès* отвечают за сигнализацию, 15 составов поездов производятся во Франции компанией *Alstom*, *Eiffage* отвечает за гражданское строительство в рамках консорциума, а *SNCF* и *RATP* будут управлять линией⁸.

В целом можно сказать, что страны Западной и Северной Африки обращаются за помощью в реализации новых проектов по строительству и модернизации железных дорог преимущественно к Франции. Не последнюю роль в подобном решении играет отличное знание французскими компаниями реалий данных регионов в силу колониального прошлого. Документооборот, общение ведутся на понятном всем языке, что ускоряет работу над амбициозными проектами. На данном этапе самая высокоскоростная магистраль в Африке находится в Марокко и соединяет Касабланку через Рабат и Кенитру с Танжером (скорость составляет примерно 320 км/ч, проект осуществлен французскими специалистами).

Проекты других стран в железнодорожной отрасли Африки

Танзания заключила контракт на строительство региональной железной дороги на сумму 1,1 млрд долл. с консорциумом, состоящим из турецкой строительной группы *Yapı Merkezi* и ее португальского коллеги *Mota-Engil*.

7 Amoussou C. Afrique du Nord: la France investit dans deux gros projets // La Nouvelle Tribune. – 2024. – 8 mai. – Франц. яз. – URL: <https://lanouvelletribune.info/2024/05/afrique-du-nord-la-france-investit-dans-deux-gros-projets/> (дата обращения: 12.08.2024).

8 Le Train Express Régional de Dakar // Direction générale du Trésor. – 2018. – 12 mai. – Франц. яз. – URL: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/Articles/2018/05/22/le-train-express-regional> (дата обращения: 12.08.2024).

Эта железная дорога длиной 400 км соединит Танзанию с Бурунди и Руандой. Данный проект представляет собой часть более обширного проекта под названием «Центральная железнодорожная линия», общая протяженность которой составит более 2 200 км. Этот проект, призванный позиционировать Танзанию как региональный портовый узел и открыть внутренние районы Восточной Африки, должен в конечном итоге соединить порт Дарэс-Салам с ДРК, Замбией, Руандой и Угандой. Его общая стоимость оценивается в 7,5 млрд долл.⁹

Для модернизации железнодорожной сети, предназначенной для перевозки фосфатов в Тунисе, через Саудовский фонд развития было подписано соглашение о финансировании на сумму 55 млн долл. США (приблизительно 173 млн динаров) с Саудовской Аравией. Проект общей стоимостью 518 млн динаров находится под управлением *SNCFT*, Тунисской национальной железнодорожной компании. Целью проекта является реконструкция 190 км железнодорожных линий для перевозки большего количества фосфатов за меньшее время и с меньшими затратами¹⁰.

Южно-африканские проекты в Африке

ЮАР является единственной страной Африки, которая осуществляет собственную политику модернизации железных дорог всей Южной Африки. Планы правительства ЮАР потратить 900 млрд рандов (480 млн долл.) к 2027 г. на железнодорожную инфра-

структуру обусловлены нормативными и организационными проблемами, а также хищениями кабельной, железнодорожной и станционной инфраструктуры. С 2017 г. экспорт сырьевых товаров постоянно падал из-за неэффективности железных дорог. Внутренняя неэффективность и регулируемые железнодорожные тарифы сделали конкуренцию с автомобильными грузоперевозками практически невозможной.

Государственная компания *Transnet Freight Rail (TFR)* и другие рассматривают логистические проекты (в основном железнодорожные, но также и портовые), связанные с сырьевыми отраслями. Можно упомянуть модернизацию рудной линии залива Сишен – Салданья, угольной линии залива Ричард и других новых сетей угольных линий в Северо-Западной провинции.

Банк развития Южной Африки (*DBSA*) совместно с Корпорацией финансирования международного развития США (*DFC*) утвердил финансирование в размере до 200 млн долл. США на проект железной дороги коридора Лобито в Анголе. Эта стратегическая инфраструктурная инициатива стоимостью примерно 786,4 млн долл. направлена на расширение региональных торговых и транспортных сетей путем обеспечения эффективного и надежного железнодорожного сообщения от порта Лобиту на атлантическом побережье Анголы до границы с ДРК. Функция Банка в транспортном секторе заключается в привлечении инвестиций в инфраструктуру для проектов, предназначенных для развития мостов, дорог, автобусных станций, железных дорог, терми-

9 Танзание: le turc Yapi Merkezi et le portugais Mota Engil vont construire un chemin de fer pour 1,1 milliard \$ // Agence Ecofin. – 2017. – 3 février. – Франц. яз. – URL: <https://www.agenceecofin.com/investissements-publics/0302-44510-tanzanie-le-turc-yapi-merkezi-et-le-portugais-mota-engil-vont-construire-un-chemin-de-fer-pour-1-1-milliard> (дата обращения: 12.08.2024).

10 Tunisie: 55 millions USD pour rénover le réseau ferroviaire de transport du phosphate. – URL: <https://africa24tv.com/tunisie-55-millions-usd-pour-renover-le-reseau-ferroviaire-de-transport-du-phosphate> (дата обращения: 12.08.2024).

налов, аэропортов, морских портов, пограничных портов¹¹.

В настоящий момент ведутся переговоры и предусмотрено финансирование высокоскоростной железнодорожной трассы Гаутенг – Лимпопо. Финансирование будет выделено как правительством ЮАР, так и Всемирным банком. К проведению Чемпионата мира по футболу 2010 г., проводимого в ЮАР, был осуществлен проект высокоскоростной магистрали (*Gautrain*), которая связала Преторию, Йоханнесбург и аэропорт. *Gautrain* реализуется как государственно-частное партнерство, правительство провинции Гаутенг является государственным партнером и основным бенефициаром проекта. Концессионером является *Bombela Concession Company*, которая владеет концессией на 19,5 лет на проектирование, строительство, финансирование, эксплуатацию и обслуживание *Gautrain*. Нужно отметить, что подвижные составы собираются в ЮАР в двух провинциях – Гаутенг и Квазулу-Натал¹².

Причин успеха именно ЮАР в развитии железных дорог на континенте было несколько. Правда, хотя изначально поезд был видом транспорта, обслуживающим колониальную элиту, впоследствии он стал объектом презрения для моторизованного белого населения, в то время как небелое население, особенно жители поселков, оставалось пленником общественного транспорта. В 1982 г. Гордон Х. Пири, южноафриканский географ, воспользовался словами Марка Джефферсона (1928), американского географа и картографа, чтобы заметить, что в Южной Африке

«цивилизационные рельсы», о которых говорил автор, стали «децивилизующими» из-за социальной и расовой изоляции, вызванной строительством железных дорог (цит. по [Baffi, 2014]).

В ЮАР первая линия городского транспорта была построена в Кейптауне в 1860 г. британцами с желанием не только контролировать новую колониальную территорию и адаптироваться к современности, но и, прежде всего, принести экономические выгоды. В основном это касается обращения товаров и продуктов питания между городами колонии, а также перевозки экспортной продукции в основные порты. В первые десятилетия железнодорожная сеть развивалась так же, как и в других колонизированных странах, особенно в Африке: были развернуты сквозные линии, соединяющие колониальные порты с районами сельскохозяйственного производства и различными ресурсами. Первые линии были построены вокруг мыса, который соединял основные пункты расселения, уже созданные во внутренних районах. Тогда город становится экономическим центром молодой колонии, товары либо экспортируются в метрополию из порта, либо перераспределяются в региональном масштабе. Это также политическое сердце колонии, откуда британские колонисты стремились установить военный и административный контроль над внутренними районами. Хотя колониальная эксплуатация в конце XIX в. касалась главным образом сельскохозяйственной продукции вблизи побережья, открытия горнодобывающих предприятий в Кимберли (1870 г.) и Йоханнесбурге (1886 г.) позволили положить начало новому этапу

11 Bulbulia T. DBSA approves \$200m for Lobito Corridor Railway project // Engineering News. – 2024. – September 3. – URL: <https://www.engineeringnews.co.za/article/dbsa-approves-200m-for-lobito-corridor-railway-project-2024-09-03> (дата обращения: 04.09.2024).

12 Investing in South Africa's Railway Industry // South Africa Factsheet. – 2020. – URL: https://www.investsa.gov.za/wp-content/uploads/2021/03/FACT-SHEET_RAIL2020.pdf (дата обращения: 04.09.2024).

строительства железнодорожной сети с созданием крупных внутренних осей.

Хотя голландская колонизация не привела к «территориализации» Южной Африки, британцы возглавили стратегию территориального контроля над субконтинентом, частично основанную на железной дороге. Тем не менее, несмотря на расширение первых линий вглубь страны, железнодорожная сеть в конце XIX в. оставалась направленной к портам.

До 1910 г. две бурские республики и две британские провинции делили юг Африки, каждая из которых имела собственную железнодорожную сеть. Это стало серьезной политической проблемой после открытия горнодобывающих месторождений Витватерсранда (хребта холмов в центре Трансвааля) для транспортировки рабочей силы, контроля экспорта и, следовательно, прибылей. Контроль над железнодорожной сетью стал одним из спусковых механизмов англо-бурской войны (1899–1902), в которой противостояли два крупнейших политических деятеля страны – Сесил Родс, губернатор Капской провинции, и Пауль Крюгер, президент Бурской республики Трансвааль. После войны железнодорожные сети различных политических образований постепенно перешли под британский контроль и были адаптированы к стандартам Кейптауна (в частности, к ширине путей).

Специфика южноафриканского примера развития железной дороги обусловлена, скорее, быстрыми механизмами освоения этого вида транспорта белым населением, воспроизводящим европейский образ жизни в умеренном климате ЮАР.

Вместе с тем с 1948 г., когда политика апартхеида стала официальной, новые поселки для африканского населения строились вблизи железнодорожных путей или на окраинах горо-

дов, которые тогда были подключены к железнодорожной сети. Так обстояло дело, например, в Кейптауне, где в 1960 г. был построен поселок Гугулету.

Если индустриализация сделала поезд транспортом, предназначенным для сегрегированного населения, то доступ к автомобилям ускорил бегство белого населения в более отдаленные пригороды по образцу американских городов. Уже в 1897 г. в Йоханнесбурге появились первые автомобили, что ознаменовало серьезные изменения в транспортной практике. Через несколько лет этот вид транспорта стал более популярным, а автомобиль стал ключевым элементом белой культуры, что привело к снижению использования поезда пассажирами первого класса.

Символ угнетения дискриминируемого населения, поезд кристаллизует напряженность, возникшую в результате сегрегационной, а затем расистской политики различных правительств, и становится местом и причиной различных беспорядков. Поезд также является одним из немногих мест сбора, взаимодействия и самовыражения для сегрегированного населения и, следовательно, становится местом политических дебатов между пассажирами, даже восстания.

В 2011 г. пользователи частного транспорта составляли 49,2% общего числа пассажиров. Остальные 8% пользуются автобусом, 16% – коллективными маршрутками, 14,8% – поездом, 0,7% – двухколесным транспортным средством (с мотором или без) и, наконец, 7,8% ходят пешком от работы до места жительства. В крупнейших городских округах железнодорожный транспорт составляет основу мобильности благодаря своей цене, которая ниже, чем у автобусов и микроавтобусов, и поэтому пользуется популярностью у беднейших домохозяйств [Baffi, 2014]. Сегодня трудности с улучшени-

ем обслуживания во многом связаны с разделением сети между агентством пассажирских перевозок *Prasa* и грузовым агентством *Transnet*. Междугородная и внутригородская сети фактически сегментированы между двумя операторами, которые из-за дифференцированного режима финансирования чаще находятся в ситуации конкуренции, чем взаимодополняемости.

Заключение

Модернизация железных дорог в Африке должна стать важной вехой в развитии континента и способствовать ускоренной интеграции всех африканских стран. С момента появления первой железной дороги на континенте прошло более 150 лет, значительное развитие железных дорог происходило в период колониального владычества. К настоящему моменту большинство железных дорог Африки технически и физически изношены, а сами трассы опустели ввиду роста автомобильных магистралей и непривлекательности железнодорожного транспорта в отдаленных уголках континента.

Многополярный мир подразумевает развитие с помощью совместных проектов и решений, когда реализуются коллективные идеи по трансформации экономической структуры стран мира. В Африке уже идет резкий рост инвестиций в разные сферы хозяйства: образование и науку, добычу сырья, инфраструктуру, сельское хозяйство. Поступательное развитие интеррегиональных железнодорожных линий будет укреплять экономический потенциал африканских стран, а также позволит создать реальную региональную интеграцию на континенте.

Модернизация железных дорог на Африканском континенте поднимает назревавшие вопросы о комплексных реформах в африканских странах: о борьбе

с безработицей, создании специальных программ подготовки новых кадров для современных сфер экономики, диверсификации производства и др. Создание соответствующих времени высокоскоростных магистралей в обозримом будущем потребует от государств подготовки новых специалистов для обслуживания данных проектов.

Из всех колониальных держав в Африке к настоящему моменту лишь Франция остается активным игроком в сфере передачи технологий, подготовки кадров и инвестирования в железнодорожный транспорт. Регионами преимущественно французского влияния и помощи являются страны – бывшие французские колонии Северной и Западной Африки.

Наиболее активным и амбициозным игроком по модернизации железных дорог в Африке выступает Китай, который не просто ищет удобные для себя возможности доступа к сырью африканских стран, но и умело реализует свою стратегию «Один пояс – один путь». Многие специалисты и сторонние наблюдатели отмечают негативные стороны стремительного роста китайского влияния в Африке. Среди них – китайская рабочая сила на производстве (что отнимает работу у местных рабочих), сложность в восприятии и понимании китайского метода ведения бизнеса (особенно китайский язык труден для понимания простым африканцам), зарегулированность бюрократического сопровождения реализуемого проекта (нередки случаи ожидания команды из Китая по самым незначительным вопросам), наличие сугубо меркантильного интереса Китая без учета специфики регионов и дальнейшего функционирования данных железнодорожных трасс и мощностей.

В этом контексте некоторого скептического, а иногда и крайне негативного отношения африканцев к китайскому

присутствию в Африке особую роль стала играть Турция. Имея особые отношения с некоторыми странами Африки по линии исламской солидарности и поддержки, Турция создает именно африканские образовательные центры для подготовки молодежи – школы и специальные программы по разным специальностям.

Конкуренция должна способствовать росту качественных проектов, появлению интересных решений в сфере железнодорожного сообщения. Однако в Африке подобная конкуренция и создание магистралей разными странами с различными системами эксплуатации и работы (ширина колеи, дизельная или электрическая тяга и др.) может привести к росту еще большей изолированности некоторых регионов. Стоит надеяться, что страны – участники модернизации африканских железных дорог смогут создать своеобразную платформу для унификации требований и задач, необходимых для самих африканских стран.

Список литературы

Baffi S. Railroads to civilization: The railroad in South Africa's territorial policies // *L'Espace géographique*. – 2014. – Vol. 43, N 4. – P. 338–355. – URL: <https://shs.cairn.info/journal-espace-geographique-2014-4-page-338?lang=en> (дата обращения: 30.07.2024).

Biwolé Fouda J. Réforme des industries de réseau en Afrique et développement durable: le cas du transport ferroviaire au Cameroun // *Mondes en développe-*

ment. – 2013. – N 2 (162). – P. 103–116. – Франц. яз. – DOI: 10.3917/med.162.0103.

Bouneau Ch. Electrification des chemins de fer et Empires coloniaux: de l'Afrique du Nord française jusqu'au Second Conflit // *Outre-Mers. Revue d'histoire*. – 2002. – T. 89, N 334–335. – P. 135–146. – Франц. яз. – URL: https://www.persee.fr/doc/outre_1631-0438_2002_num_89_334_3929 (дата обращения: 30.07.2024).

Chen Yu. Laying the Tracks: The Political Economy of Railway Development in Ethiopia's Railway Sector and Implications for Technology Transfer // Working Paper – China Africa Research Initiative (CARI), School of Advanced International Studies (SAIS), Johns Hopkins University. – 2021. – N 43. – 29 p. – URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/248171/1/sais-cari-wp43.pdf> (дата обращения: 30.07.2024).

Pourtier R. Les chemins de fer en Afrique subsaharienne, entre passé révolu et recompositions incertaines // *BELGEO. Revue Belge de Géographie*. – 2007. – N 2. – P. 189–202. – Франц. яз. – DOI: 10.4000/belgeo.11266.

Sabri K. Analyse comparative, via la méthode DEA et l'indice de Malmquist, des performances du transport ferroviaire dans la zone MENA: cas de l'Afrique du Nord // *Revue Organisation et Territoire*. – 2016. – N 2. – P. 1–24. – Франц. яз. – URL: <https://revues.imist.ma/index.php/Organisation-Territoires/article/view/6518/3983> (дата обращения: 30.07.2024).

Xie Y., Wang C. Evolution and Construction Differentiation Pattern of African Railway Network // *Sustainability*. – 2021. – Vol. 13. – DOI: 10.3390/su132413728.

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.11

The Development of Railways on the African Continent: A Factor of International Cooperation or Competition?

Maria A. VOLODINA

PhD in History, Leading Researcher

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: volodinamarie@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4149-9907

CITATION: Volodina M.A. (2024). The Development of Railways on the African Continent: A Factor of International Cooperation or Competition? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 3, pp. 201–224 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.03.11

Received: 15.08.2024.

Revised: 10.09.2024.

ABSTRACT. *The progressive development of African societies directly depends on the formation of modern mechanisms for the progressive modernization of all spheres of public life on the African continent. Thus, the primary role on the path to modernization and development of Africa is given to infrastructure projects implemented by joint efforts of African states and international companies. The creation of transport corridors connecting several African countries is a priority for infrastructure projects. Such corridors are a kind of multimodal solution for solving several strategic tasks: the possibility of rapid delivery of goods (delivered by sea) deep into African countries, the creation of an extensive network of assembly and sales services, attracting investment, the possibility of introducing African companies to the technological experience of foreign*

firms, accelerating integration processes in Africa. The creation of new infrastructure projects will help train and employ young specialists, which is a priority task for the leaders of all African states, since it is unemployment among young cohorts (extremely high in many African countries, as demonstrated by the events of the Arab Spring) that contributes to the rapid growth of the outflow of young Africans to the West in search of work, as well as the activation of terrorist groups. China's influence on the African continent is increasing every year, which is explained by the Chinese strategy of the Maritime Silk Road from Asia to Europe. China is also interested in access to the resources of African countries.

KEYWORDS: *railways, multimodal transport networks, integration, modernization, transport projects.*

References

Baffi S. (2014). Railroads to civilization: The railroad in South Africa's territorial policies. *L'Espace géographique*. Vol. 43, no. 4, pp. 338–355. Available at: <https://shs.cairn.info/journal-espace-geographique-2014-4-page-338?lang=en>, accessed 30.07.2024.

Biwolé Fouda J. (2013). Reform of network industries in Africa and sustainable development: the case of rail transport in Cameroon. *Mondes en développement*. No. 2 (162), pp. 103–116 (in French). DOI: 10.3917/med.162.0103.

Bouneau Ch. (2002). Electrification of railways and Colonial Empires: from French North Africa to the Second Conflict. *Outre-Mers. Revue d'histoire*. Vol. 89, no. 334–335, pp. 135–146 (in French). Available at: https://www.persee.fr/doc/outre_1631-0438_2002_num_89_334_3929, accessed 30.07.2024.

Chen Yu. (2021). Laying the Tracks: The Political Economy of Railway Development in Ethiopia's Railway Sec-

tor and Implications for Technology Transfer. *Working Paper – China Africa Research Initiative (CARI), School of Advanced International Studies (SAIS), Johns Hopkins University*. No. 43, 29 pp. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/248171/1/sais-cari-wp43.pdf>, accessed 30.07.2024.

Pourtier R. (2007). Railways in sub-Saharan Africa, between the past and uncertain recompositions. *BELGEO. Revue Belge de Géographie*. No. 2, pp. 189–202 (in French). DOI: 10.4000/belgeo.11266.

Sabri K. (2016). Comparative analysis, via the DEA method and the Malmquist index, of the performance of rail transport in the MENA zone: case of North Africa. *Revue Organisation et Territoire*. No. 2, pp. 1–24 (in French). Available at: <https://revues.imist.ma/index.php/Organisation-Territoires/article/view/6518/3983>, accessed 30.07.2024.

Xie Y., Wang C. (2021). Evolution and Construction Differentiation Pattern of African Railway Network. *Sustainability*. Vol. 13. DOI: 10.3390/su132413728.

Вокруг книг

УДК 339(6)

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.12

Африка в условиях глобальных трансформаций

Дмитрий Викторович МИХЕЛЬ

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: dmitrymikhel@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2250-1626

ЦИТИРОВАНИЕ: Михель Д.В. Африка в условиях глобальных трансформаций // Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 3. С. 225–238.
DOI: 10.31249/kgt/2024.03.12

Статья поступила в редакцию 24.01.2024.
Исправленный текст представлен 21.02.2024.

АННОТАЦИЯ. В XXI в. Африке суждено стать одним из самых заметных центров развития человечества. Предпосылками этому служат ее демографический потенциал, огромные природные ресурсы и продолжающийся уже два десятилетия бурный экономический рост африканских стран. Главными препятствиями на пути в африканское будущее остаются неизжитое наследие неокOLONиализма, сохраняющаяся уязвимость политических систем стран этого континента и амбиции влиятельных западных стран, продолжающих рассматривать Африку как свою вотчину. В условиях слома нынешнего однополярного мироустройства у Африки есть все шансы стать еще одним значимым полюсом грядущего мира. Важным союзником африканских стран должна стать Россия, с которой у них сохраняются традиционно дружеские отношения со времен СССР и в которой сами африканцы видят

лидера незападного мира в борьбе с затянувшейся западной гегемонией. Целостный, научно обоснованный взгляд на указанные процессы представлен в совместной книге Ирины Абрамовой и Леонида Фитуни «Вопросы современной африканистики и проблемы развития» (2022), которая стала предметом данного обзора. В книгу вошли 25 статей и докладов, сделанных авторами в 2012–2022 гг. В них анализируются три группы вопросов: теория мировой экономики и глобального развития в аспекте развивающихся стран, проблемы африканского континента, национальные интересы России в Африке и современные российско-африканские отношения. Читатель легко обнаружит, что представленные авторами научные аргументы изложены не с точки зрения отстраненного научного разума, а с позиции государственного подхода. Сквозь всю книгу красной нитью проходит мысль, что российская африканисти-

ка должна служить интересам России, поэтому каждый из представленных в книге текстов наряду с актуальной научной информацией содержит рекомендации, позволяющие представителям политических, предпринимательских и интеллектуальных кругов включиться в «африканскую повестку».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, африканистика, трансформация мирового порядка, экономика, национальные интересы России, российско-африканские отношения.

Нет нужды специально представлять авторов рецензируемого издания [Абрамова, Фитуни, 2022]. Это директор Института Африки РАН, д.э.н., член-корр. РАН И.О. Абрамова и зам. директора Института Африки РАН по научной работе, д.э.н., член-корр. РАН Л.Л. Фитуни. Отметим лишь следующее: книга была подписана к печати 22.12.2022 и попала на книжные полки библиотек к самому концу 2023 г. К этому времени один из авторов книги, Леонид Леонидович Фитуни (1953–2023), ушел из жизни. Собранные под одной обложкой авторские и совместные статьи обоих авторов оказываются своеобразным итогом научной работы Л.Л. Фитуни и вызывают к светлой памяти замечательного отечественного ученого-африканиста. Л.Л. Фитуни был автором целого ряда трудов по Африке [Абрамова, Фитуни, Сапунцов, 2007; Фитуни, 1981; Фитуни, 2009; Фитуни, 2012; Фитуни, Абрамова, 2018; *Fituni, Abramova*, 2010]. Значимый вклад в эту область знания внесен также Ириной Олеговной Абрамовой [Абрамова, 2005; Абрамова, 2009; Абрамова, 2010; Абрамова, Поликанов, 2001].

Взяв эту книгу в руки, будет тяжело отложить ее в сторону. Она захватывает с самого начала. Вводная статья,

подготовленная И.О. Абрамовой, носит программный характер. Она начинается цитатой из выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на совещании с членами Координационного совета при Правительстве по обеспечению потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации 25 октября 2022 г. Цитата из выступления президента позволяет с самого начала войти в курс дела: «С конца зимы 2022 г. перед российским обществом, экономикой и наукой встали задачи, связанные с работой в новых условиях, налагаемых специальной военной операцией (СВО), агрессивным давлением и деструктивными шагами объединенного Запада, общим ростом конфронтационности на мировой арене, кризисными явлениями мировой экономики и в сложившихся структурах мирохозяйственных связей» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 10].

Из общих задач, стоящих перед российским обществом, экономикой и наукой, вытекают и задачи, стоящие перед российской африканистикой: вывод российских исследований в области африканистики на качественно новый уровень, проведение научных исследований, прежде всего в интересах страны, «уход от искусственных наукометрических критериев ее эффективности в пользу однозначного получения <...> результата, нужного сегодня государству». Применительно к последней из упомянутых выше задач для российской африканистики И.О. Абрамова утверждает, что надо, например, отказаться от «специфических исследований по тематике ЛГБТ в Африке или де-факто противоречащих российским интересам разработкам в политических науках» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 13, 15].

Невозможно не согласиться с автором, когда она говорит, что такие исследования являются «обременени-

ем и путями» для нашей науки, и речь здесь идет не только об африканистике, но и практически о всей сфере современного российского социально-гуманитарного знания, оказавшейся заложником западных систем научного индексирования. В реальности, как отмечает директор Института Африки РАН, эти системы индексирования способны не только сдерживать развитие любой национальной науки в глобальном мире, но и уничтожать ее. «Роль принадежащих Западу систем индексации и ранжирования в обеспечении неокOLONиальной зависимости в мировой науке, таким образом, аналогична роли доллара в обеспечении господства США в мировой экономике и международных экономических отношениях» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 17].

В качестве альтернативы навязаным нам извне механизмам колониального контроля над российской наукой И.О. Абрамова предлагает перейти от наукометрических систем контроля эффективности, до сих пор поддерживаемых на министерском уровне, к другим критериям оценки научного труда. В первую очередь здесь дело касается решения тех или иных задач, поставленных российским государством как источником финансирования: для медико-биологических институтов это может быть, например, разработка новой вакцины, а для Института Африки РАН – разработка плана-стратегии для России на Африканском континенте. Кроме того, по мысли автора, «необходимо перейти от наукометрии к комплексным проверкам институтов <...> с участием РАН, Минобрнауки, а также профильных министерств, формирующих госзадание под решение конкретной научной задачи» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 20].

Что касается самой Африки, то в качестве объекта научного изучения со стороны российских африканистов

Чёрный континент может быть интересен, по крайней мере, в следующих отношениях: в экономическом плане – не только как поставщик ресурсов, но и как важнейший рынок для российской промышленной продукции, в дипломатическом плане – как «резерв дипломатической поддержки и контрсанкционных усилий», в геополитическом – как область приложения российской «мягкой силы», в плане историческом – как территория борьбы за историческую правду, в особенности в связи с исследованиями, посвященными вкладу нашей страны в деколонизацию африканских народов и оказание им помощи в создании собственной государственности и становлении национальных экономик.

Наряду с введением книга И.О. Абрамовой и Л.Л. Фитуни включает в себя еще 25 статей, пять из которых – за авторством И.О. Абрамовой, однанадцать – за авторством Л.Л. Фитуни, девять – совместных. Тексты, собранные под обложкой книги, представляют собой расширенные версии уже издававшихся прежде журнальных статей и научных докладов. Поскольку каждый из текстов выглядит вполне самостоятельным, то читать их можно, например, в хронологическом порядке – от вышедших еще в 2012 г. к вышедшим в 2022 г. Это позволит рассматривать предмет разговора в динамике, а заодно судить о том, как изменялся набор аналитических инструментов, используемых авторами. Сами авторы и составители книги предпочли тематический подход и нисходящую хронологию (от текстов 2022 г. к текстам 2012 г.). В связи с этим книга состоит из трех частей, рассматривающих вопросы теории мировой экономики и глобального развития, проблемы Африканского континента, национальные интересы России и российско-африканские отношения в XXI в. Нет необ-

ходимости останавливаться на каждом из собранных в книге текстов. Каждый из них в высшей степени содержателен и поучителен. Остановимся лишь на некоторых выводах, озвученных авторами.

Прежде всего, об изменяющемся мировом порядке и месте в нем Африки (1-й раздел книги). Авторы предлагают подойти к данному вопросу не только феноменологически, но и сущностно: не только представить текущую картину глобальных трансформаций, но и понять саму суть того, что принято называть «новым мировым порядком». Так, в термине «новый мировой порядок» закономерно выделяются три смысловых уровня: «порядок» – четкая организация какой-либо сферы действительности (прежде всего политической, экономической и социальной), «мировой» – в масштабах планеты, «новый» – отличный от прежнего миропорядка, закрепляющий систему связей и отношений, сложившуюся после очередного кризиса.

Как терминология, так и идеология «мировых порядков» восходят к англосаксонскому видению мира. То и другое авторы возводят к колонизатору, бизнесмену и премьер-министру Капской колонии Сесилу Родсу, который в 1890 г. конкретизировал идею «миропорядка» в формуле «Англия повсюду» (*England Everywhere*). Родс предложил образовывать Имперскую Федерацию с участием Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии и других британских колоний, которая смогла бы взять под свой контроль весь обитаемый мир и обеспечить прочный мир во всем мире. Сколь бы амбициозным не было предложение Родса, но, как показала дальнейшая историческая практика, на Западе от него отказываться не стали. Президент США Вудро Вильсон вернулся к идее «нового миропорядка» в Четырнадцати пунктах

своей программы, изложенной на Версальской конференции 1919 г. Ему также принадлежит тезис о допущении в лоно нового мироустройства только стран-демократий и закрытии дверей в оное для авторитарных стран.

Собственную концепцию миропорядка выдвигал и создатель нацистского германского государства, а реализация ее, как мы помним, привела к чудовищным человеческим жертвам по всему миру, особенно в нашей стране. В августе 1941 г. У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом была подписана Атлантическая хартия, определявшая характер мироустройства после победы союзников во Второй мировой войне. Версальское (1919) и недавнее однополярное мироустройство (1991) в самом деле были результатами исторически созревшего на англосаксонской почве видения мира. Но ни одно из них не было в полной мере воплощением англосаксонских надежд на гегемонию, поскольку им с необходимостью противостояли планы других народов. В наибольшей степени это показательно для Ялтинско-Потсдамской системы мироустройства (1945), изначально создаваемой как биполярная, с учетом советского подхода к организации отношений между странами.

Совершенно справедлив в этом смысле следующий вывод, сделанный Л.Л. Фитуни: «Новые мировые порядки рождаются, как правило, в результате необратимых перемен в глобальном балансе сил, подрыва планетарных позиций старых гегемонов и поступательного восхождения новых претендентов на эту роль. Это не линейный процесс» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 52]. При этом старые державы-гегемоны порой способны укреплять свои позиции на мировой арене, прибегая к захвату ресурсов, ранее им недоступных. Так, случилось в 1991 г., когда после распада СССР все его ресурсы,

а также ресурсы стран самораспустившегося «социалистического лагеря» перешли в распоряжение Запада, позволив ему продлить свое существование еще на 30 лет.

В июне 2021 г. президентом США Дж. Байденом и премьер-министром Великобритании Б. Джонсоном была подписана Новая атлантическая хартия, направленная на реализацию их совместного видения «более мирного и процветающего будущего». Не следует ли ее расценивать как декларацию «американо-британского видения мира после новой глобальной войны»? Во всяком случае ряд событий, хронологически связанный с ее подписанием, может говорить в пользу такого предположения. В их числе создание трехстороннего пакта о безопасности с участием США, Великобритании и Австралии (AUKUS), усиление санкционного давления на Россию и КНР, возрастание военной конфронтации на востоке Украины в конце 2021 г. и, как следствие, ответные меры со стороны Российской Федерации в форме СВО.

Для России реализация очередных англосаксонских планов по переустройству мира стала историческим вызовом, требующим изменения всей философии жизни нашей цивилизации – как на внешнем контуре, так и на внутреннем. В сущностном смысле ответом на этот вызов может стать и уже становится переориентация российской жизни и отказ от западно-центристских моделей. На внутреннем контуре, как следует из текста книги, это предполагает проведение целого ряда неотложных мероприятий по индустриализации, обеспечению связности хозяйствующих субъектов, восстановлению системообразующих передовых производств и целых отраслей, воссозданию системы профессионально-технической подготовки и повышению качества общего образо-

вания, воспитанию молодежи, а также переформатированию общественного сознания, которому предназначено утвердиться в мысли, что «от величины и качества вклада каждого гражданина в коллективные усилия всей страны» зависят будущее и успех страны [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 54]. На внешнем же контуре перед Россией стоит задача укрепления своих связей с другими частями незападного мира, в том числе с Африкой, которая, как показано в книге, является для нас источником перспективных возможностей.

Каково же место Африки в рамках изменяющегося мироустройства? Как отмечается в совместной статье авторов [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 27–42], за последние 20 лет среднегодовые темпы прироста ВВП Африки были выше, чем соответствующие показатели по миру в целом, но доля континента в мировом ВВП всё еще крайне мала – 2,5% [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 37]. Для Запада Африка интересна с трех точек зрения: перспектив глобального экономического развития, ее ресурсных возможностей и ее военно-политической значимости (возможность институциональной привязки к военно-политической машине стран Запада и как «африканский фланг» Большого Индо-Тихоокеанского Ареала). Для Китая Африка – жизненно значимый рынок сбыта и источник ресурсов, а также сухопутное продолжение китайского морского проекта «Один пояс – один путь». Что касается российских интересов, то, по замечанию авторов, в условиях СВО и изменяющегося миропорядка на первый план выходит «понимание и прагматичный учет Россией оценок и видения самими развивающимися странами собственных интересов в посткризисном мироустройстве»: непонимание и игнорирование этих интересов станут залогом провалов и бесцельной траты наших

ресурсов на африканском направлении [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 40–41].

Стратегическим союзником Африки становится БРИКС. В лице Африки БРИКС видит силу; разделяющие основные подходы стран – участниц группы в глобальном мире, – совпадение в видении необходимости трансформации существующего миропорядка в сторону взаимного уважения, справедливости и равенства, защиты суверенитета, поддержания мира и безопасности, содействия устойчивому развитию, приверженности многосторонности посредством соблюдения норм международного права. На период 2022 г. основным партнером стран группы БРИКС в Африке была ЮАР. На эту страну из всего товарооборота с БРИКС 94% приходилось на Китай и Индию, 4% – на Бразилию, 2% – на Россию [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 60]. После принятия в БРИКС еще двух африканских стран, Египта и Эфиопии, с которыми у России складываются всё более прочные хозяйственные отношения, данная пропорция начиная с 2024 г., по-видимому, несколько изменится.

Важным фактором новой российской политики на африканском направлении, равно как и условиях происходящей глобальной трансформации, должно стать изменение в характере мышления российских политиков, предпринимателей и ученых. В этом смысле важной задачей должна стать деколонизация нашей мысли и связанная с ней задача по разработке политической теории деколонизации. В связи с этим авторы анализируют меняющиеся представления о колониализме, неоколониализме и постколониализме и приходят к выводу о необходимости использования еще одного термина – «постнеоколониализм». Под последним понимается обновленный «неоколониализм», распространенный на

весь мир, за пределы постколониальной периферии. Если в секторе реальной экономики Китай, Индия и некоторые страны Юго-Восточной Азии сегодня уже оказываются способными противостоять постколониализму, то в сфере общественного сознания, культуры, ценностной ориентации давление со стороны Запада, воспевающего идеалы общества потребления, весьма значительно. Проводниками западного доминирования сегодня являются социальные сети, потоки регламентированной информации и устройства для ее передачи. Поэтому «логической ответной реакцией на постнеоколониальность становится задача новой деколонизации, предполагающая многовариантность и свободный выбор путей и моделей развития, сохранение своей идентичности, собственной системы ценностей, исторической памяти, культуры, науки и языка» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 83].

Как Африка пережила пандемию коронавирусной инфекции? Если говорить коротко, то без таких потрясений, как Европа и Северная Америка. И дело здесь не в особых экологических условиях или генетике африканцев. На протяжении целого ряда десятилетий народы африканских стран и так находятся под прессингом непрекращающихся эпидемий: ВИЧ/СПИДа, Эболы и др. Особенно разрушительными оказались последствия пандемии на политэкономическом уровне. По замечанию авторов, ковид вызвал настоящий кризис экономической и политической субъектности, который затронул и Африку. Ради получения эффективных лекарств и медицинского оборудования многие развивающиеся страны были готовы пойти на любые условия, в том числе отказаться от политики протекционизма. Вопрос о том, какие стратегии по преодолению экономических последствий пандемии целесообразны

для Африки, не имеет простых ответов. Авторы полагают, что для африканских, как и других незападных государств, необходимостью становится отказ от прежних парадигм развития и переход к стратегиям, совместимым с логикой четвертой промышленной революции. «Единственное разумное решение – целенаправленное встраивание в формирующуюся мировую экономику на оптимальных для страны в каждый конкретный момент условиях и началах» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 99].

Несколько значимых наблюдений о проблемах африканского континента (2-й раздел книги). Через всю книгу И.О. Абрамовой и Л.Л. Фитуни проходит мысль о том, что пора отказаться от негативных трактовок процесса бурного демографического развития на Африканском континенте. Рост численности населения в африканских странах – это больше не бремя, а «демографический дивиденд», который способствует превращению Чёрного континента в быстрорастущий рынок для сбыта разнообразных товаров и привлекательный источник рабочей силы, которой становится всё меньше на других континентах, особенно в Европе. В соответствующем тексте о народонаселении Африки в условиях трансформации миропорядка [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 183–199] представлен интересный анализ растущего «демографического дивиденда».

К 2050 г. пять из восьми стран мира, где будут сохраняться самые высокие темпы демографического роста, будут находиться в Африке, и Африка будет на Земле континентом с самыми высокими темпами прироста населения. Строго говоря, напоминает И.О. Абрамова, уже сегодня «демографический взрыв» в Африке закончился, но его последствия будут переживаться еще долго – дольше, чем в остальных

регионах Глобального Юга. Как и все части света, Африку также ожидает снижение рождаемости и старение населения – что сегодня уже наблюдается в Северной и Южной Африке. Принимая в расчет сказанное, России следует выстраивать с Африкой новую систему внешнеэкономических отношений. Важнейшими направлениями сотрудничества должны стать гуманитарная сфера и взаимодействие в области трансфера технологий. Как утверждается в книге, это позволит и России, и Африке занять достойное место в новой системе экономического развития [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 198].

Еще одно наблюдение, которое можно почерпнуть из книги, – Африка далеко не такой отсталый континент, как многим представляется еще и сегодня. В тексте, посвященном научному и технологическому развитию африканских стран [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 200–215], развеиваются стереотипы «о дикой и экзотической Африке». Сегодня Африка идет по пути инноваций, но инновационное развитие продолжает носить очаговый характер: в одних странах оно происходит быстрее, в других медленнее. Лидерами являются три страны: Египет, Нигерия и ЮАР, – на которые приходится 65,7% всей суммы финансирования науки в Африке [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 202]. В первых двух источниках финансирования являются государственные субсидии, а в последней до 30% вливаний в науку идет из частных источников. В странах с развитым сельским хозяйством (Бурунди, Мали, Мозамбик, Ангола, Уганда, Эфиопия и др.) существенная доля вложений идет в сельскохозяйственные науки, а в странах, где развит промышленный сектор (Алжир, Кот-д'Ивуар, Чад, ЮАР), преобладают вложения в технические науки. На гуманитарные науки в среднем по континенту приходится

около четверти всего финансирования науки, а лидерами выступают Мавритания, Ангола, Того и Эсватини.

Наукой в Африке заняты порядка 240 тыс. чел., или около 1% мирового числа ученых. Африка продолжает оставаться провинцией мировой науки, а ее ученые во многом остаются на вторых ролях в международных научных коллаборациях. Дивиденды от сотрудничества с участием африканских и западных специалистов уходят на Запад. Как и в России, препятствием для ученых из Африки является «тирания импакт-фактора» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 206]. Нередко прогрессу в сфере научных исследований препятствуют внешние факторы: политическая нестабильность, военные перевороты, прекращение финансирования. Из-за политики санкций многие западные ученые всё чаще отказываются от научного сотрудничества со своими африканскими коллегами. Как и во всех случаях, упомянутых прежде, в этих условиях перед Россией открываются новые возможности сотрудничества с африканским миром в сфере науки и технологий.

Иностранный капитал в Африке – наказание или спасение? В тексте, посвященном этой проблеме [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 216–237], справедливо упоминается о том, что в рамках марксистской теории иностранный капитал принято рассматривать как средство эксплуатации тех стран и народов, куда он приходит, однако после распада СССР марксистский взгляд на капитал был искусственно вытеснен либеральным, более «технократическим» представлением о «прямых иностранных инвестициях», которые стали трактоваться как благо. Как отмечает Л.Л. Фитуни, такой методологический поворот в 1990-е годы произошел и в российской науке, и в африканской. Строго говоря, вопрос

о происхождении капитала носит политический характер.

Историческая ретроспектива проблематики иностранных капиталовложений хорошо известна. До 1960 г. в Африке преобладали британские и французские капиталы, после 1980 г. возросла доля американских вложений, а в 1990-е годы на Чёрный континент впервые пришли капиталы из Китая. Кто управляет капиталами, тот управляет и национальной экономикой. Попытки независимых африканских правительств осуществить национализацию своих экономик после 1960 г. постоянно сталкивались с противодействием со стороны западных стран. Лишившись советской помощи, африканские страны перешли к либерализации своих экономик, стали «засыпать» иностранный капитал на свою территорию. За 2014–2018 гг. КНР вложили в африканскую экономику более 72 млрд долл., создав более 137 тыс. рабочих мест, в то время как США, Франция и Великобритания соответственно – 30 млрд долл. и 62 тыс. мест, 34 млрд и 57 тыс., 17 млрд и 40 тыс. Казалось бы, преимущество за Китаем, но не всё так просто. Свои вложения в Африку Китай реализует в рамках 250 проектов, тогда как каждая из трех западных стран таких проектов ведет значительно больше – 463, 329 и 286 соответственно. Большее число реализуемых проектов позволяет им лучше контролировать местные экономические системы.

Кроме того, на стороне Запада – большая глубина истории капиталовложений. Растущему притоку китайского, а сегодня и российского капитала оказывается яростное противодействие со стороны США. Иначе говоря, экономика Африки всё еще очень сильно зависит от западных стран. Но всё же ситуация медленно изменяется. Наряду с главными «империалистическими

хищниками», как их называют в книге, инвестиции в Африку идут сегодня и со стороны незападных стран (Индии, ОАЭ), а также от некоторых африканских государств (лидеры здесь – Египет, Алжир и Нигерия). Общее наблюдение, сделанное по итогам анализа, следующее: «Перспективы улучшения ситуации <...> для африканских стран сегодня более зависят от возможностей улучшения глобальной ситуации, чем от усилий национальных правительств по созданию правовых и экономических условий на внутренних рынках приложения капитала» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 234]. Имея в виду возрастающую роль БРИКС в судьбе африканского континента, с этим предложением сложно не согласиться.

Что можно почерпнуть нового об африканских элитах? В соответствующей статье книги [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 238–251] справедливо упоминается о том, что «черная элита» Африканского континента сформировалась в миссионерских школах и западных университетах, после чего встала на путь деколонизации. Африканские лидеры первой волны в основном ввели однопартийные системы, а многие из них долго продержались у власти. В табличке, иллюстрирующей сведения на этот счет, читатели книги найдут массу поучительной информации. Почти все лидеры первой волны были насильственно отстранены от власти, за исключением президента Сомали Адена Даара, который в 1967 г. передал власть преемнику после поражения на выборах. В западной политической теории сложилась устойчивая традиция изображать этих лидеров кровавыми тиранами, хотя, как показывают факты, в их правление в каждой из стран были достигнуты большие результаты в экономике, образовании, здравоохранении, управленческой сфере.

Для осуществления своих интересов на Африканском континенте США, Франция и Великобритания инициировали процессы подготовки альтернативных политических лидеров на своей территории. Из этих школ в африканский политикум впоследствии была внедрена целая армия оппозиционеров и коллаборантов, склонных к сотрудничеству со своими западными покровителями в ущерб национальным интересам своих стран. С 1949 по 2019 г. 589 выпускников американских программ лидерства стали главами государств и правительств в разных странах мира, более 1 800 чел. занимали или занимают посты министров. Так называемые неформальные лидеры, также являющиеся выпускниками западных школ подготовки лидеров, на территории своих стран занимают в основном подрывом политической стабильности. В Африке с 2000 по 2020 г., ссылаясь на неправильно проведенный подсчет итогов голосования, этими прозападными политическими деятелями были неоднократно опротестованы президентские и парламентские выборы в Камеруне, Уганде, Руанде и Эфиопии (трижды), Алжире, Кении, Экваториальной Гвинее, Зимбабве и Малави (дважды) и, по крайней мере, по одному разу в таких странах, как Габон, Замбия, Джибути, Судан, Маврикий, Кот-д'Ивуар и др.

Пытаясь встроиться в общую тенденцию по формированию политических лидеров для своих стран, Африканский союз и другие panaфриканские организации в последнее время уделяют большое внимание этому вопросу и разрабатывают комплексные программные документы, такие как «Повестка 2063». Но, по замечанию Л.Л. Фитуни, «не списывая со счетов важность личного примера и способности воодушевить и увлечь за собой массы, напомним, что и то и дру-

гое – лишь субъективные факторы, способные несколько ускорить или задержать социальные, экономические и политические трансформации, своевременность которых и успешность которых определяется объективными причинами и условиями» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 250].

Наконец, о национальных интересах России в Африке и российско-африканских отношениях в XXI в. (3-й раздел книги). События «арабской весны», развернувшиеся в начале 2010-х годов на севере Африканского континента и в близлежащих арабских странах, докатились до южных рубежей России и привели к серьезным изменениям в «геостратегическом балансе в регионах, входящих в зону жизненных интересов РФ» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 438]. К моменту принятия исторического решения Президентом Российской Федерации о начале оказания военной помощи Сирии российскими спецслужбами были зафиксированы «различные по интенсивности связи между террористическим подпольем в Северной Африке и отдельных регионах РФ, а также в крупных агломерациях Центральной России» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 440]. Африка стремительно ворвалась в российскую жизнь, в то время как российское общество было во многом не готово к этому. В совместной статье авторов книги о национальных интересах России в Африке (за 2015 г.) в этом отношении сделан примечательный вывод: «Роль африканского поля как в мировом диалоге цивилизаций, так и в междоцивилизационной конкуренции возрастает. Причем она будет расти и впредь, вне зависимости от того, будут ли в итоге преобладать позитивные или деструктивные последствия роста этой роли. Африка постепенно превращается из объекта эксплуатации внеш-

ними игроками в субъект мировой политики и международных экономических отношений» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 444].

В связи со сказанным можно отметить изменение военно-стратегического значения Африки в постмонопольном мире [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 417–432]. С недавнего времени Африка для Запада – это южный фланг НАТО в восточном полушарии. После распада мировой системы колониализма старые колониальные державы – члены НАТО смогли сохранить на Чёрном континенте свои военно-стратегические позиции. Больше всего военных баз и стационарных военных объектов здесь у Франции, за которой идут Великобритания и США. Последние к 2017 г. создали здесь целую сеть из более чем 60 форпостов и пунктов размещения, которые при необходимости легко могут превратиться в полноценные военные базы. В 2008 г. для укрепления своего присутствия в Африке США было создано Африканское командование Вооруженных сил США (АФРИКОМ) со штаб-квартирой в Штутгарте. В интересах США не только усилить свое присутствие, но и институционально привязать войска африканских стран к своей военной структуре. Этому служат программы подготовки африканских солдат и офицеров в США и на американских военных базах, проведение совместных военных учений, поставки оружия. АФРИКОМ реализует на Африканском континенте не менее 12 специальных программ, точное содержание которых не вполне известно.

Но западные военные базы не единственные на Чёрном континенте. В начале XXI в. появились пункты военного присутствия Японии, Индии и Китая. С 2005 г. поставки китайского оружия пошли в 10 новых африкан-

ских стран, а китайские миротворцы стали присутствовать в Либерии, ДРК, Кот-д’Ивуаре, Бурунди, Мозамбике. С 2014 г. стала распространяться информация о создании китайских военных баз в Джибути и Зимбабве. Военное проникновение иностранных держав в Африку имеет свои причины. Это прежде всего минеральные ресурсы, без которых невозможно развитие экономик стран Запада и его глобальных конкурентов. Африканские недра богаты марганцем, мышьяком, бокситами, скандием, титаном, платиной и другими минералами.

Для России, как отмечается в книге, военно-техническое сотрудничество с африканским миром также сулит огромные перспективы. К 2017 г. Россия осуществляла поставки оружия в 25 из 39 стран Субсахарской Африки. Кроме того, в целях противодействия морскому пиратству у берегов Сомали военный флот осуществлял морское патрулирование в акватории Аденского залива [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 431–432]. К наблюдениям в данной статье можно добавить, что за последующие шесть лет масштаб военного присутствия России в Африке несколько вырос. Военные успехи в борьбе с терроризмом в Сирии повлекли за собой приглашение военных специалистов в ЦАР, где по просьбе правительства ими были предоставлены качественные услуги в области обеспечения национальной безопасности и внесен важный вклад в прекращение гражданской войны. Очевидно, присутствие российских военных специалистов в ЦАР сможет стать плацдармом для расширения военного присутствия в центральной и даже западной части Африканского континента – особенно в тех странах, которые с начала 2011 г. переживают период серьезных политических потрясений.

Потенциал Африканского континента для российской экономики огромен [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 397–416]. Африканское направление дает большие возможности для восстановления и диверсификации российской промышленности. Его использовал в 1980-е и 1990-е годы Китай, когда наращивал свою мощь. Кроме того, Африканский континент богат ценными минеральными ресурсами; по целому ряду из них в обозримой перспективе Россия может начать испытывать дефицит, но разработка африканских недр могла бы компенсировать эти потребности. На исходе 2010-х годовворотами для России в Африку призвана была стать ЮАР, ставшая партнером нашей страны в рамках БРИКС. Другими партнерами России в те годы были главным образом страны Северной Африки. Но общий товарооборот Российской Федерации со странами Африканского континента к 2015 г. продолжал оставаться обидно малым – не более 8,8 млрд долл. (2,5% совокупного экспорта России). Очевидно, что в условиях СВО и наметившегося разворота на Восток и Юг африканское направление в российской внешнеэкономической политике будет расти, хотя, как показали события, связанные с так называемой Черноморской сделкой 2022–2023 гг. препятствия, чинимые западными державами для российской морской торговли, оказались весьма значительны, в особенности на африканских маршрутах.

Сегодня перед российскими политиками, предпринимательскими кругами и научным сообществом стоит задача повысить эффективность российской стратегии на африканском направлении. Однако, как показывает И.О. Абрамова [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 315–336], на этом пути продолжают сохраняться препятствия. Так, в российском общественном сознании

«африканская повестка» продолжает оставаться периферийной, а большинство российских СМИ применительно к Африке продолжают транслировать образы отсталости, бедности и политической нестабильности. После ухода СССР из Африки в начале 1990-х годов количество представительств российских информационных агентств на континенте сократилось до минимума. Эту ситуацию необходимо менять. Поворачиваясь на Восток и Юг, Россия сегодня сталкивается с доминированием Китая на азиатском направлении и растущей политической нестабильностью на Ближнем Востоке. Именно Африка является наиболее благоприятным с точки зрения российских перспектив направлением.

Авторы книги формулируют следующие цели для российско-африканского сотрудничества: перенос акцента взаимодействия России с Африкой с торговой на технологическую сферу; использование механизма частно-государственного партнерства (государство через специальные инструменты поддерживает предпринимательскую деятельность государственных и частных российских компаний); создание инвестиционного фонда Россия – Африка; развитие сотрудничества в гуманитарной и научной сферах как элемент продвижения российской «мягкой силы»; повышение роли двустороннего сотрудничества, отказ от финансирования международных проектов под руководством Запада, где роль России обезличивается [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 376]. Очевидно, что для наращивания экономического сотрудничества с Африкой в ближайшее время России предстоит решить целый ряд сложных логистических задач, расширить географию транспортных сообщений с континентом, отработать систему взаимных расчетов в национальной валюте, создать банковские механизмы

для кредитования российских проектов в Африке.

Целесообразно усилить и политическое взаимодействие как с африканскими странами, так и их объединениями. Со времен СССР подавляющее большинство из них дружелюбно настроены по отношению к нашей стране, и даже в условиях западного санкционного давления на Россию готовы поддерживать ее на международной арене. На заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН 55 африканских стран, входящих в Африканский союз, способны передать свои голоса в поддержку нашей страны. Ту политику, которую Запад традиционно проводил в отношении африканского мира (экономические санкции, репрессии против отдельных граждан, колонизация элит и т. д.), в последнее время он проводит и против России. Российской общественности, подчеркивают авторы книги, важно осознать это. Что же касается африканцев, то они это хорошо понимают. Поэтому в их глазах «Россия – факел борьбы незападных стран против западного тоталитаризма и ограбления народов, которые позволяют сегодня и Европе, и Соединённым Штатам Америки поддерживать тот уровень благосостояния, к которому они привыкли и для сохранения которого, уверены они, все средства хороши... Они прекрасно знают, что такое западный колониализм» [Абрамова, Фитуни, 2022, с. 359].

В целом познакомиться с этой книгой будет полезно не только специалистам в области африканистики и востоковедения, но и более широкой аудитории. Гуманитарии и обществоведы, представляющие различные направления нашей науки, найдут в ней не только массу полезных идей и поучительных наблюдений, но и получают настоящий урок гражданственности и патриотизма, который столь важен сегодня для нашего научного сообщества.

Список литературы

Абрамова И.О. Арабский город на рубеже тысячелетий (на примере Египта). – Москва : Восточная литература, РАН, 2005. – 256 с.

Абрамова И.О. Африканская миграция: опыт системного анализа. – Москва : Институт Африки РАН, 2009. – 354 с.

Абрамова И.О. Население Африки в новой глобальной экономике. – Москва : Институт Африки РАН, 2010. – 496 с.

Абрамова И.О., Поликанов Д.В. Интернет и Африка: параллельные реальности. – Москва : Институт Африки РАН, 2001. – 171 с.

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Вопросы современной африканистики и проблемы развития. Избранные статьи и научные доклады (2012–2022 гг.). – Москва : Институт Африки РАН, 2022. – 480 с.

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л., Сапунцов А.Л. «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике. – Москва : Институт Африки РАН, 2007. – 196 с.

Фитуни Л.Л. Африка: Ресурсные войны XXI века. – Москва : Институт Африки РАН, 2012. – 246 с.

Фитуни Л.Л. Развитие экономики независимой Анголы. – Москва : Наука, 1981. – 173 с.

Фитуни Л.Л. Экономика международного терроризма. – Москва : Институт Африки РАН, 2009. – 470 с.

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Ислам, глобальное управление и новый миропорядок. – Москва : Институт Африки РАН, 2018. – 376 с.

Fituni L., Abramova I. Resource Potential of Africa and Russia's National Interests in the XXI Century. – Moscow, 2010. – 212 p.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2024.03.12

Africa in the Face of Global Transformation

Dmitry V. MIKHEL

Dr. Sc. (Philosophy), Leading Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2250-1626

CITATION: Mikhel D.V. (2024). Africa in the Face of Global Transformation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 3, pp. 225–238 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.03.12

Received: 24.01.2024.

Revised: 21.02.2024.

ABSTRACT. *In the twenty-first century Africa is destined to become one of the most prominent centers of human development. This is preconditioned by its demographic potential, vast natural resources and two*

decades of rapid economic growth. The main obstacles to Africa's future remain the enduring legacy of neo-colonialism, the continued vulnerability of its political systems and the ambitions of powerful Western countries

that continue to view Africa as their fiefdom. As the current unipolar world order breaks down, Africa has every chance of becoming another significant pole of the world to come. Russia should be an important ally of African countries, with which they have traditionally friendly relations since the Soviet period and in which the Africans themselves see the leader of the non-Western world in the struggle against the protracted Western hegemony. A holistic, scientifically grounded view of these processes is presented in the book by Irina Abramova and Leonid Fituni "Contemporary Issues in African Studies and Socio-Economic Development" (2022), which is the subject of this review. The book includes 25 articles and reports made by the authors between 2012 and 2022. They analyze three groups of issues: the theory of the world economy and global development from the perspective of developing countries, the problems of the African continent, Russia's national interests in Africa, and contemporary Russian-African relations. The reader will easily find that the scientific arguments made by the authors are presented not from the point of view of a detached scientific mind, but from the position of the state approach. The idea that Russian African studies should serve the interests of Russia runs through the entire book, that is why each of the texts presented in the book, along with relevant scientific information, contains recommendations that allow representatives of political, business and intellectual circles to engage in the African agenda.

KEYWORDS: Africa, African studies, transformation of the world order, economy, national interests of Russia, Russian-African relations.

References

- Abramova I. (2005). *The Arab City at the Turn of the Millennium (On the Example of Egypt)*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 252 pp. (in Russian).
- Abramova I. (2009). *African Migration: Experience of Systemic Analysis*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 354 pp. (in Russian).
- Abramova I. (2010). *Africa's Population in the New Global Economy*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 496 pp. (in Russian).
- Abramova I., Fituni L. (2022). *Contemporary Issues in African Studies and Socio-Economic Development: Selected and Academic Papers (2012–2022)*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 480 pp. (in Russian).
- Abramova I., Fituni L., Sapuntsov A. (2007). "Emerging" and "Failed States" in the Global Economy and Politics. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 196 pp. (in Russian).
- Abramova I., Polikanov D. (2001). *Internet and Africa: Parallel Realities*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 171 pp. (in Russian).
- Fituni L. (1981). *Economic Development of Independent Angola*. Moscow: Nauka, 173 pp. (in Russian).
- Fituni L. (2009). *The Economics of International Terrorism*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 470 pp. (in Russian).
- Fituni L. (2012). *Africa: Resource Wars of the 21st Century*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 246 pp. (in Russian).
- Fituni L., Abramova I. (2010). *Resource Potential of Africa and Russia's National Interests in the XXI Century*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 212 pp.
- Fituni L., Abramova I. (2018). *Islam, Global Governance and the New World Order*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 376 pp. (in Russian).

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 17 № 3 – 2024**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021 г.

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 09.09.2024
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 19,3 Уч.-изд. л. 19,6
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ____

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6